След в Истории

ГЕНРИХ ГИММЛЕР

Р. Мэнвэлл Г. Франкель

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Генрих Гиммлер — одна из главных политических и военных фигур нацистской Германии, рейхсфюрер СС. С его именем связаны самые значительные и таинственные страницы Третьего рейха. Под руководством Гиммлера создавались войска СС, секретная служба СД, первый концентрационный лагерь в Дахау.

Он был верховным руководителем всех служб германской полиции, лицом, особо приближенным к фюреру.

Каким был этот человек на самом деле, благодаря каким качествам он вознесся так высоко, насколько неизбежными и закономерными были его поражение, смерть — об этом и рассказывает умная, захватывающая книга.

- Роджер Мэнвэлл, Генрих Франкель
  - Предисловие
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - Приложение А
  - Приложение Б
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92

- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136

- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167

Роджер Мэнвэлл, Генрих Франкель

ГЕНРИХ ГИММЛЕР

Р. Мэнвэлл, Г. Франкель

Генрих Гиммлер

РОСТОВ-НА-ДОНУ
Феникс
2000

Предисловие

Очерк жизни Генриха Гиммлера завершает биографическую трилогию, написанную нами о главных помощниках Гитлера в создании и управлении Третьим рейхом. Общее желание понять природу этого режима и личностей, его создавших, стало более острым в последние пять лет, теперь, когда и Германия, и весь мир в значительной степени оправились от потрясения, которое причинили нашим гуманистическим чувствам нацисты, парализовавшие или подавлявшие способность ясно мыслить во время и после войны. В то время, как немецкий народ стал обществом, позволившим Гитлеру стать во главе государства и установить современную форму тирании, которая в конце концов распространилась практически по всей Европе, другим европейским силам и Соединенным Штатам также пришлось обратиться к своей совести, чтобы понять, в какой степени они потворствовали укреплению гитлеровского правления.

Нашей целью при написании этих биографий, так же как и книги «Июльский заговор», исследующей движение сопротивления в Германии, его сильные и слабые стороны, было как можно больше раскрыть настоящую сущность людей, помогавших создавать нацизм, и исследовать все известные факты о них. Мы противопоставляем наш труд сенсационной интерпретации, определяющей Гитлера, Геринга, Геббельса и Гиммлера просто как «монстров», термин, широко используемый популярной прессой, чтобы отгородить себя от этих ненавистных людей и тем самым успокоить читателей. Но факт остается фактом: эти «монстры» и их коллеги довольно долго жили и действовали в немецком и европейском обществах. Их любили или относились с неприязнью, презирали или боялись, принимали в обществе или избегали так же, как и других политиков, дипломатов и солдат. Нацистские лидеры не могут быть просто выброшены из человеческого общества, потому что приятнее или удобнее рассматривать их за пределами человечества. Тысячи мужчин и женщин, работавших с ними, в большинстве своем восхищались ими или с готовностью сотрудничали, в то время как влиятельные европейцы и американцы, которые активно поддерживали их или терпели как довольно мрачную неизбежность в европейской политике, которой не могла противостоять никакая другая сила, недалеко ушли от тех, кто радостно приветствовал их на улицах.

Нацистская партия, как указывает Алан Баллок в своей замечательной биографии Гитлера, не имела политической

философии; она относилась к власти, как к чему-то, что нужно завоевать любыми средствами, в которых можно импровизировать, независимо от того, какие нравственные категории поставлены на карту. Именно полная беспринципность Гитлера в обращении с политическими лидерами других стран позволяла ему использовать их слабости и презрительно обманывать их, зная об их приверженности системе дипломатических ценностей. Такое отсутствие совести, несомненно, необычно для многих видов человеческой деятельности. Действительно, выдающаяся неразборчивость в средствах была главной отличительной чертой характера Гитлера, который возбуждал всеобщее восхищение и симпатию с 1933 по 1938 г. и в Германии, и за ее пределами.

Природа режима и общественной реакции на него проистекает прямо из характеров людей, которые его создали. Хотя это до известной степени верно по отношению к любому режиму, ни один из них не был создан так быстро и необдуманно, как Третий рейх Гитлера. И полиция, и администрация были состряпаны по большей части в результате личных прихотей различных лидеров или интуитивных решений, принятых наудачу, под влиянием сиюминутного настроения или срочной потребности перехитрить противника. Страдания немцев и других народов были в большой степени результатом личной психологии Гитлера и трех человек, чью жизнь мы попытались воссоздать и истолковать.

В каждом случае мы старались подойти к задаче написания этих биографий настолько непредвзято, насколько это было возможно. Мы описали эволюцию Геббельса, Геринга и Гиммлера, начиная с детства и юности; мы показали, как они пришли в нацистскую партию и обсудили определенный вклад, который они внесли в нее в период ее становления. Вряд ли могли найтись трое других таких разных по своему темпераменту и социальному происхождению людей, непохожи были и роли, которые они играли в поддержке Гитлера в годы его силы. Это был серьезный, а временами мучительный опыт — отступить от проторенной тропинки немецкой истории с 1923 по 1945 г. и интерпретировать ее так, как представляли, а в значительной степени сами создавали ее эти люди, каждый из которых на разных ступенях создал в воображении свою личную империю внутри еще большей империи, воздвигнутой Гитлером.

Мы утверждаем, что 12 лет нацистского правления в Европе так же ясно предупреждают нас о будущем, как взрывы атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки. Нацисты сами вынудили нас применить к ним насилие, когда провокации с их стороны стали

слишком возмутительными, чтобы их терпеть. Но слишком многие люди помнят, что им пришлось вынести тогда, и страстно желают после этих воспоминаний убедиться в том, что предупреждение не поверхностно воспринято миром. Лишь по одной этой причине нам кажется необходимым рассказать историю жизни этих людей без предубеждения и ложных акцентов, чтобы как можно более точно показать, что заставило этих лидеров великой страны вести себя так, а главным образом, что у них общего с нами, с теми, кто с такой готовностью заявляет о своем отвращении к ним.

Показателен опыт Генриха Франкеля, пытавшегося обсудить в Германии характер и действия — или чаще бездействие — Гиммлера с мужчинами и женщинами, которым пришлось работать с ним. Готовя эту биографию, как и биографии Геббельса и Геринга, мы обращались куда только могли в поисках свидетельств из первых рук. Нам также очень помогла дочь Гиммлера Гудрун и ее брат Гебхард, которые сохранили об отце нежные воспоминания. Им все еще очень трудно согласовать образ человека, которого они знали так близко, со всеобщим представлением о Гиммлере, вызывающем страх и повсеместную ненависть. Нашей задачей было достичь этого совмещения образов, постараться понять, почему этот простой, скромный человек стал массовым убийцей, убежденным в абсолютной правоте своих действий.

Вклад Гиммлера в теорию и практику нацизма был вкладом добросовестного педанта, который всю жизнь жаждал стать солдатом, а стал в конце концов полицейским. Его короткая карьера полевого командира в конце войны закончилась полной катастрофой, хотя сам он так не считал, и поэтому пришлось заставлять его уйти. Но, строго говоря, карьера Гиммлера в качестве шефа полиции Гитлера увенчалась триумфальным успехом, и можно доказать, что нацизм нашел самое полное и практическое выражение в репрессивной деятельности секретных сил Гиммлера. Во время войны работа СС и гестапо стала самым надежным оружием в арсенале тирании Гитлера. Эта работа распространилась на область массового уничтожения, чтобы исполнить обманчивую мечту о расовой чистоте, которой были одержимы и Гиммлер, и его господин, она постепенно сделала систему неуправляемой. Система была разрушена в тот момент, когда занималась уничтожением других под руководством Гиммлера. Смерть просто захлебнулась от собственной ненасытности.

В нелепой группировке соперничающих амбиций, которые постепенно окружили и изолировали Гитлера в последний

маниакальный период его правления, власть Гиммлера была самой тайной, власть Геринга — самой пышной, власть Геббельса — наиболее самовлюбленной. Громогласный вклад Геббельса во власть был вкладом неизменного управляющего, который хотел быть признанным диктатором гражданской жизни Германии, пока Гитлер контролировал военные действия. Его сильная, эгоистичная натура требовала постоянных появлений на публике и постоянной лести; он обожал быть в центре водоворота событий. И прежде всего он хотел, чтобы и Гитлер, и немецкий народ признали его вторым человеком Третьего рейха, незаменимым управляющим государством.

Для Геринга поражение Люфтваффе означало уход его личной славы самой популярной и колоритной фигуры нацистского режима — веселого пилота-аса. Находясь попеременно то в приподнятом настроении, то в подавленном из-за пристрастия к наркотикам, он также нуждался в удовлетворении от коллекционирования бесконечного количества государственных должностей, которые давал ему господин; перед ним он испытывал такой благоговейный трепет, который под конец стал граничить с паникой. Подавленный поражением Люфтваффе, Геринг нашел утешение в своей коллекции предметов искусства, подаренных, купленных, но в большинстве своем награбленных, и к концу войны ее стоимость достигла 30 миллионов фунтов стерлингов. Несмотря на потерю расположения Гитлера, Геринг до конца войны оставался номинальным приемником фюрера; его власть пришла в упадок после 1943 года в глазах всех, кроме него самого, так как он все больше и больше потакал своим желаниям и все меньше принимал участия в проведении войны или управлении экономикой.

Гиммлеру, идеалисту без идеалов, сначала самому робкому и самому педантичному человеку во всем нацистском руководстве, постоянно неуверенному в себе и, тем не менее, вечно воинственно настроенному и властолюбивому, оставалось лишь тайно сосредоточивать в своих руках окончательный контроль над Германией. С его точки зрения, это была его личная трагедия: так обожая власть, он оказался совершенно неспособен пользоваться ею, когда наконец приобрел ее. Это стало тяжким грузом на его душе и источником постоянного беспокойства. В то время как одно его имя вызывало ужас в сердцах миллионов людей, сам он страдал от робости и совершенно терял дар речи, когда Гитлер делал ему замечание или выговор. Он собрал вокруг себя собственную автократию и потерял всякие способности к инициативе перед лицом более сильных или настойчивых

личностей, чем он сам, особенно тех, от которых он стал потом зависеть, таких, как Гейдрих, Шелленберг или Феликс Керстен, его массажист — единственный, кто мог облегчить его страдания от хронических колик в животе, которые усиливали беспокойство и отчаяние. И тем не менее это был Гиммлер, в руках которого оказались сосредоточены главные козырные карты нацистской Германии, и многие рассматривали его в качестве преемника Гитлера в случае смерти последнего.

Чем больше узнаешь о характерах и поведении этих людей, тем более необычным кажется то, что всего десятилетия назад они под командованием Гитлера могли бы стать хозяевами Европы, и на откуп им дана была бы великая часть света. Однако мы все знаем, что произошло на самом деле. Нам кажется, что сейчас лучше рассматривать эти черные дни истории в качестве предупреждения. В нашем новом мире много государств недавно получивших независимость и стран с более давней историей, которые не имеют достаточно самодисциплины, чтобы сопротивляться таким людям, как нацистские лидеры, появись они вновь или приди к власти. Таких людей не всегда легко узнать, пока не станет слишком поздно. Так, безусловно, было в случае с Гиммлером. Гитлер вначале казался нелепым фанатиком, Геббельс — оратором-позером, Геринг — веселым ослом, Гиммлер — ничтожеством. Но ни один из них не был тем, чем казался, иначе они никогда не завоевали бы верховной власти над великой нацией.

Следовательно, нашей целью при написании этих биографий было исследовать, какими особенными качествами обладали они и люди, которых они выбрали к себе в помощники. Причины их конечного поражения так же важны и захватывающи, как и объяснение их первоначального успеха. Всего за 8 лет они поднялись из безвестности и относительной бедности и стали абсолютными хозяевами Германии. Через 12 лет они были мертвы и полностью дискредитированы. Подобный случай уникален в современной истории, и произошел он не в какой-то беззаконный период древности, а в середине нашего века.

Генрих Франкель много раз посещал Германию по делам исследования для своей книги. Он разговаривал со многими людьми, некоторые из них были известными эсэсовцами или бывшими сотрудниками Гиммлера, они пожелали остаться неизвестными. Благодаря методичности Гиммлера, после него осталось множество личных бумаг, официальной корреспонденции и секретных директив, они хранятся в различных официальных архивах, которые мы указали. За последние два года стали известны многие новые факты из

документов, недавно переданных американским правительством Немецкому федеральному архиву в Кобленце.

Эти и другие документы были изучены и то, что они показали, помогло дополнить портрет Гиммлера.

Хотя это первый подробный биографический очерк о Гиммлере, мы считаем, что во многом обязаны опубликованным работам Джеральда Рейтлингера, чьи исследования о деятельности СС и уничтожении евреев в Европе, вышедшие в двух книгах — «Окончательное решение» и «СС», оказались незаменимыми для нас, так как во многом проливали свет и на жизнь самого Гиммлера. Очерк Вилли Фришхауэра о Гиммлере также был очень полезен в плане подробностей, хотя книга больше посвящена СС и ее деятельности, чем Гиммлеру как человеку.

Нам оказали ценную помощь фройлен Гудрун Гиммлер, дочь Гиммлера, и Гебхард Гиммлер, старший брат Гиммлера; также бывший генерал СС Карл Вольф, в настоящее время отбывающий заключение, к которому был приговорен после суда в Мюнхене; Генрих Франкель несколько раз навещал его в тюрьме. Нам также предоставили важные сведения граф Шверин фон Крозиг, министр финансов Гитлера, доктор Отто Штрассер, у которого Гиммлер служил помощником в начальный период своей работы в партии, доктор Вернер Бест, ставший в эпоху Третьего рейха губернатором Дании, фрау Лина Гейдрих, вдова бывшего эсэсовского лидера, Йозеф Кирмайер, телохранитель Гиммлера, фройлен Дорис Менер, одна из секретарей Гиммлера, доктор Рисс, председатель суда в г. Эрдинге, и полковник Сарадет, учившиеся вместе с Гиммлером в Мюнхенском университете, доктор Отто Йон, фрау Ирмгард Керстен, вдова Феликса Керстена, массажиста Гиммлера, полковник Л. М. Мерфи и капитан Том Сельвестр — британские офицеры, охранявшие Гиммлера после его ареста. Мы также должны отметить великодушную помощь, оказанную нам сотрудниками Вейнерской библиотеки в Лондоне, а особенно госпожой Ильзе Вольф, а также помощь сотрудников Немецкого федерального архива в Кобленце (особенно доктора Бобераха), Института истории в Мюнхене (особенно доктора Хоша), Берлинского документального центра, Института документов в Амстердаме (особенно доктора де Йонга), Международного центра Красного Креста по поиску пропавших во время войны в Арользене (особенно доктора Беркхарда). И мы хотели бы еще раз поблагодарить госпожу М. Г. Петерс, которая выполнила трудную задачу, напечатав эту рукопись.

Роджер Мэнвелл

I
Непорочная юность [1]

В начале века профессору Гебхарду Гиммлеру было уже 35 лет, он имел хорошее место и был уважаемым учителем в Мюнхене. Он был старательным, педантичным человеком и очень заботился о своем социальном престиже, приобретенном благодаря покровительству баварской королевской семьи Виттельсбах. Ибо по окончании Мюнхенского университета он был назначен наставником к принцу Генриху Баварскому. Лишь по истечении срока службы он стал учителем в Мюнхене.

В своем ограниченном и очень буржуазном мире он всегда ясно чувствовал эту связь с королевским домом. Обстановка в его доме, тяжелая мебель, портреты предков, коллекция старинных монет и немецкого антиквариата — все отражало его серьезное и благообразное мышление и его потребность выделиться из среднего класса общества. Его отец был наемным солдатом, весьма ограниченным в средствах, но его жена, уроженка Регенсбурга, отец которой занимался торговлей, принесла ему скромную сумму денег. 7 октября 1900 года в уютной квартирке на втором этаже в доме по Гильдегардштрассе в Мюнхене Анна Гиммлер родила второго сына. Первого сына, родившегося 2 года назад, назвали Гебхардом в честь отца, но второму сыну выпала особая привилегия быть названным в честь никак не меньше, чем самого принца Генриха, который милостиво согласился выступить в роли крестного отца для сына своего бывшего учителя[2].

Сохранился черновик письма, датированный 13 октября 1900 года, написанный безукоризненно ровным почерком профессора; в нем он выражает надежду, что принц почтит семью своим присутствием и выпьет месте с ними бокал шампанского. «Наш юный отпрыск, — писал профессор, — на второй день своего пребывания на этой земле весил семь фунтов и двести граммов»[3].

Воспитание братьев Гиммлеров (третий сын, Эрнест, родился в декабре 1905 года) было обычным для того времени. В семье директора школы царил привычный для Германии патриархальный уклад, ставший еще более очевидным, когда мальчики пошли в школу отца в Ландсхуте, маленьком городке, куда семья переехала в 1913 году из-за назначения отца.

Ландсхут — прелестное местечко в пятидесяти милях к северо-востоку от Мюнхена, через которое протекает речка Изар.

Городок имел свой замок, а также свою историю, достаточную для того, чтобы вдохновить интерес Генриха к национальным традициям, портретам предков и другим реликвиям, которые собирал его отец, чтобы показать связь семьи с прошлым Германии. Профессор Гиммлер, со своей стороны, делал все возможное для поощрения серьезных интересов сына и его самодисциплины; в лице Генриха он приобрел старательного и прилежного ученика, который всегда оставался по-своему предан родителям. Он поддерживал отношения с ними на протяжении всей их жизни.

Первая из сохранившихся личных заметок Генриха — это фрагмент дневника, который он вел в 1910 году в Мюнхене[4]. 22 июля он сделал следующую типичную для него запись: «Принял ванну. Тринадцатая годовщина свадьбы моих дорогих родителей». В этом дневнике он просто подытоживает незначительные события своей жизни от купаний до прогулок, но всегда выказывает свое уважение и почтение ко взрослым. Создается впечатление, что прилежание и некоторая чопорность присущи ему от природы.

Сохранившиеся заметки из раннего дневника Гиммлера становятся длиннее и содержательнее в последующие годы его юности и раскрывают его характер и образ мышления. Основной период, который они представляют, включает первый год войны, когда он был школьником 14 лет в Ландсхуте, и юность в Мюнхене с 19 до 22 лет, а затем в возрасте 24 лет. Таким образом, дневник охватывает 10 важных лет его жизни, во время которых происходило становление его характера, но сами записи отрывочны и сохранились в записных книжках, которые подробно охватывают лишь некоторые периоды в несколько месяцев. Тем не менее они представляют большой интерес, поскольку открывают очень многое в характере их автора.

Хотя поначалу кажется, что война очень мало повлияла на жизнь в Ландсхуте — дневники Гиммлера полны записей о мирных прогулках и посещениях церкви, о работе над коллекцией марок и выполнении домашних заданий, — очевидно, что военные новости настолько волновали его, что он переписывал в дневник сообщения из газет о различных событиях. Иногда в его речь прорывались словечки из школьного жаргона. 23 сентября он делает запись о том, что принц Генрих написал его отцу и что принц был ранен. Но первые победы Германии наполняют его восторгом перед войной, и 28 сентября он говорит о том, как он и его школьный друг «были бы так счастливы, если б могли пойти и расправиться» с англичанами и французами. Но в основном он ведет жизнь обычного школьника: ходит к обедне, вместе с

братьями навещает друзей («пили чай у госпожи президентши, которая была очень любезна»), играет в игры и занимается игрой на фортепиано, к чему у него, по-видимому, было мало способностей. Он с презрением отзывается о ворчливых и робких жителях Ландсхута, которые не любят войну — «все эти глупые старухи и мелкие буржуа в Ландсхуте… распространяют идиотские слухи и боятся казаков, которые, по их мнению, разорвут их на части». 29 сентября он пишет о том, что его родители пошли на железнодорожную станцию помочь раздавать еду раненым солдатам. «Вся станция была заполнена любопытными жителями Ландсхута, которые очень возмущались и даже полезли в драку, когда хлеб и воду дали тяжело раненным французам, которым, в конце концов, еще хуже, чем нашим парням, поскольку они пленные. Мы пошли погулять по городу, и нам было страшно скучно». 2 октября он воодушевлен тем, что число русских военнопленных увеличивается. «Они множатся, как вши, — пишет он. — Что касается ландсхутцев, то они так же глупы и трусливы, как всегда». «Как только речь заходит об отступлении наших войск, они делают в штаны», — пишет Гиммлер, стараясь быть вульгарным, и продолжает записи в следующее воскресенье после посещения церкви: «Я теперь занимаюсь с гантелями каждый день, чтобы *стать сильнее*». 11 октября, через несколько дней после своего четырнадцатилетия, он записывается в отряд военной подготовки по месту жительства, а как бы ему «хотелось вступить в ряды действующей армии».

Дневники раннего периода уже показывают, что несмотря на частые прогулки, плавание и другие физические упражнения Генрих постоянно жалуется на сильные простуды и расстройства желудка. В школе он, по-видимому, является прилежным, хоть и не выдающимся учеником; в дневниках часто упоминает в числе прочих предметов историю, математику, латинский и греческий, рассказывает о своих домашних заданиях. Он усердно упражняется в игре на фортепиано, но в отличие от своего старшего брата не имеет таланта пианиста; однако пройдут годы, прежде чем он попросит у родителей разрешения отказаться от этой невыполнимой задачи. Он также изучает стенографию и в 1915 году начинает пользоваться ею для записей в дневнике. Но после сентября 1915 года он фактически перестает вести дневник, и лишь через год после войны, в августе 1919 года, внезапно возобновляет свои записи.

Судя по энтузиазму Гиммлера в период обучения в школе, его единственной мечтой было поскорее вырасти и пойти в армию. Его старшему брату исполнилось семнадцать 29 июля 1915 года,

и Генрих пишет о том, что в тот же день «он записывается в ландштурм» (резервные войска армии). «О, как бы я желал, чтобы мне тоже было 17, — пишет Генрих, — и я бы так же смог пойти на фронт».

Ему пришлось ждать 1917 года, чтобы добровольцем пойти в армию. Сохранился черновик письма, написанного его отцом 7 июля, демонстрирующий, как тот использовал свое влияние при баварском королевском дворе, чтобы попросить о том, что, хотя его сын и считается будущим офицером-кадетом, ему в то же время следует позволить остаться в школе на время, достаточное для поступления в высшее учебное заведение до того, как его мобилизуют. Сохранилось также заявление Гиммлера-отца, датированное 26 июня; он написал его, чтобы спасти сына от возможного принятия его в офицерскую школу.

Фактически Гиммлер был зачислен в высшее учебное заведение лишь 18 октября 1919 года, и через 2 дня он приступил к изучению сельского хозяйства в техническом колледже Мюнхенского университета. Между тем в 1917 году он был призван в армию, служил в 11-м Баварском пехотном полку, учения которого проходили в районе Регенсбурга, родного города матери Гиммлера. Гораздо позже появились утверждения, что он командовал солдатами в боевых действиях в первую мировую войну, но это не соответствует сохранившемуся его собственному заявлению от 18 июня 1919 года на выдачу военных документов, которое доказывает, что Гиммлер был демобилизован 18 декабря 1918 года, не получив документов, которые ему должны были выдать, об окончании курсов офицеров-кадетов во Фрейзинге летом 1918 года, а также курсов пулеметчиков, которые он окончил в Байройте в сентябре. Ему нужны эти бумаги, он требует их получения, так как собирается присоединиться к силам обороны, а пока служит в войсках ополчения в Ландсхуте.

Таким образом, Гиммлер не считался офицером во время службы на Западном фронте, но продолжал свою военную деятельность после прекращения военных действий в 1918 году. Ясно, что, несмотря на слабое здоровье, его очень привлекала военная служба, но во время трудных послевоенных лет — в 1919 году в Баварии было коммунистическое правительство, и вскоре стал ощущаться эффект инфляции — ему пришлось освоить мирную профессию. Именно тогда он решил изучать сельское хозяйство. К тому времени, как он возобновил свои записи в дневнике в августе 1919, он уже работал на ферме вблизи Ингольштадта, маленького городка на Дунае, куда семья переехала из Ландсхута в сентябре и где профессор Гиммлер получил должность директора школы.

Фермерская деятельность Гиммлера продолжалась недолго; 4 сентября он внезапно заболел. В больнице Ингольштадта выяснилось, что у него паратифозная лихорадка. После выздоровления ему сказали, что он должен оставить ферму по крайней мере на год, и 18 октября он был принят на факультет сельского хозяйства в Мюнхенский университет. Из дневника явствует, что ему пришлось на время оставить мечты о службе резервистом в армии или в ополчении. Тем не менее ему удалось вступить в студенческое общество фехтовальщиков.

Гиммлер оставался студентом в Мюнхене до августа 1922 года и в возрасте 21 года получил диплом. Немногие сохранившиеся записи его дневника за этот трехлетний период показывают, что он стремился вести традиционную студенческую жизнь, постоянно отыскивая партнеров по фехтованию, пока не получил традиционный удар в лицо в последний семестр обучения, и с восторгом заводя дружбу с интересными людьми, что давало ему возможность участвовать в серьезных интеллектуальных дискуссиях. Он даже учился танцевать, исполненный юношеской решимости иметь успех в обществе. Он находил уроки танцев мучительными: «Я буду рад, когда это кончится, — пишет он 25 ноября. — Эти занятия оставляют меня абсолютно равнодушным и лишь отнимают время».

Гиммлер жил в комнатах, где не предоставлялось питание, и столовался у некоей фрау Лориц, у которой было двое дочерей, Майя и Кэт. Вскоре он полюбил Майю. «Я так счастлив, что могу назвать эту чудесную девушку своим другом, — пишет он в октябре, а затем в ноябре: «У нас был долгий разговор о религии. Она многое рассказала мне о своей жизни. Думаю, что обрел в ее лице сестру». Некоторые из его записей загадочны: «Мы разговаривали и немного пели. Это дает возможность много думать о дальнейшем». Но, очевидно, этот небольшой роман вскоре перешел в дружбу, хотя в ноябре он «говорил с Майей об отношениях между мужчиной и женщиной», а после спора о гипнотизме он говорил себе, что имеет на нее определенное влияние.

Очевидно, это было нелегкое для Гиммлера время. Он был беспокоен и грезил о том, чтобы со временем покинуть Германию и работать за границей. Хотя ему часто приходилось работать по вечерам, он начал изучать русский язык на случай будущих поездок на Восток. Гиммлер часто ездил домой на выходные и оставался в близких отношениях с братом Гебхардом. Самым близким его другом, помимо брата, был молодой человек по имени Людвиг Залер, товарищ по службе в армии, с которым Генрих вел бесконечные разговоры. Однако характер Людвига

доставлял ему беспокойство. «Людвиг кажется мне все более и более непостижимым», — пишет он, а затем спустя два дня: «Теперь у меня нет сомнений насчет его характера. Мне жаль его».

У него есть сомнения и насчет самого себя. «Я был очень серьезен и расстроен, — пишет он в ноябре после вечера, проведенного с Майей. — Думаю, приближаются серьезные времена. С нетерпением жду, когда снова надену военную форму». Меньше чем через неделю он признается себе: «Я не вполне уверен, для чего я работаю, во всяком случае, в данный момент. Я работаю, потому что это мой долг. Работаю, потому что нахожу душевное успокоение в работе… и преодолеваю свою нерешительность».

Когда Гиммлер в часы досуга писал эти строки, ему было лишь 19 лет, но он уже демонстрирует внутренние качества, которые остались неизменными в течение всей его жизни. Он ведет довольно уединенную жизнь, вращаясь лишь в узком кругу друзей, и инстинктивно избегает взаимоотношений с людьми, которые бы слишком связывали его. Движущей силой для него является чувство долга, именно оно заставляет его упорно учиться и подвергать себя, несмотря на болезненность, физическим нагрузкам, таким как плавание, катанье на коньках и фехтование. Условность стала его своеобразной страстью; он общителен, но в нем нет настоящей теплоты, он стремится к дружбе с девушками, основанной на взаимопонимании, но в его отношениях с ними нет пылкости. Он все еще ходит к обедне, а в свободное время практикуется в стрельбе вместе с Гебхардом и Людвигом, чтобы подготовиться к будущему, когда он, возможно, снова «наденет форму». В политике он пылкий националист, и его серьезно беспокоят события на Востоке.

Дневниковые записи снова прерываются с февраля 1920 до ноября 1921 года, а затем снова с июля 1922 по февраль 1924 года. В последний период обучения студенческая жизнь Гиммлера протекала по заведенному порядку, изредка прерываясь незначительными военными учениями в войсках запаса и канцелярской работой в одной из студенческих организаций. Его желание заниматься фермерством на Востоке, однако, изменилось; теперь он считал более подходящим для себя местом Турцию, он ездил в Гмюнд, где позже построил дом на берегу озера, чтобы встретиться с человеком, который знал что-то о перспективах работы в Турции. Однако, он все еще не уверен в силе собственного характера. В ноябре 1921 г., когда ему шел двадцать второй год, он написал: «Мне все еще несколько недостает той естественной самоуверенности, которой я бы так

хотел обладать».

Отношения Генриха с девушками все еще носят платонический характер. Он упоминает встречу с девушкой в поезде, следующем из Гамбурга, замечая, что она была «мила и, очевидно, невинна и очень интересовалась Баварией и королем Людвигом II». Его друг Людвиг, работавший в банке, сказал ему, что, по мнению Кэт, он презирает женщин, а Гиммлер ответил, что она права. Затем он добавил:

> «Любовь настоящего мужчины к женщине может быть трех видов: первый — любить ее как ребенка, которому нужно советовать, иногда даже наказывать, когда она поступает глупо, хотя ее также нужно защищать и оберегать, потому что она такая слабая; второй — любить ее как свою жену и верного товарища, который помогает мужчине в жизненной борьбе, всегда рядом с ним, но не ослабляет его духа. И третий способ — любить ее как жену, у которой он готов целовать ноги и которая даст ему силу не дрогнуть даже в самой жестокой борьбе, силу, которую она дает ему благодаря своей детской чистоте».

Хотя Генрих в своем дневнике упоминает многих девушек, делает он это со все увеличивающейся чопорностью. Он все еще посещает церковь и морализирует после обеда в ресторане о том, как красота официантки неизбежно приведет ее к нравственному падению, и, если бы у него были средства, он бы с радостью дал ей денег, чтобы не дать ей сбиться с пути истинного. Он пишет об охлаждении, даже о разрыве отношений с фрау Лориц и Кэт, считая их «женскую суету» пустой тратой своего драгоценного времени. В мае 1922 года он записывает в дневнике, как потрясен он был, увидев маленькую девочку трех лет, родители которой разрешили ей «скакать голиком» перед ним. «В этом возрасте, — пишет он, — она должна знать чувство стыда».

Воспоминания товарищей-студентов завершают портрет Гиммлера, который можно составить из его юношеских дневников. Он запомнился друзьям дотошным в учебе и трудным в общении. Он не снимал пенсне даже во время фехтовальных поединков, довольно плохо цитировал баварскую народную поэзию, избегал общения с девушками, кроме тех, с кем нужно было обращаться вежливо, с соблюдением всех необходимых формальностей, и никогда не занимался любовью, как это делали другие студенты при всяком удобном случае. Он говорил брату Гебхарду, что решил остаться девственником до женитьбы, как бы ни был велик соблазн. Тем не менее он был честолюбив и

выдвигал себя в качестве кандидата на различные должности в нескольких студенческих организациях, получая, однако, лишь незначительное количество голосов в свою поддержку. Студенческим обществом, в котором он больше всего стремился выделиться, был клуб «Аполлон», членство в котором основывалось на общности культурных ценностей, а не спортивных увлечений или совместном поглощении пива. Членами клуба «Аполлон» были в основном бывшие военные, студенты старших курсов и выпускники, а президентом общества был в то время еврей, доктор Авраам Офнер. Хотя Гиммлер, один из младших членов общества, был нарочито любезен с доктором Офнером и другими евреями — членами клуба, в душе он уже был ярым антисемитом и принимал участие в жарких спорах о том, следует ли исключить евреев из общества. Что касается политических взглядов, то его запомнили как непреклонного приверженца правых взглядов и активного, хоть и не очень умелого участника ополчения, сформированного, чтобы противостоять внедрению коммунистов в послевоенную систему управления Баварии[5]. Итак, перед нами портрет маленького человека, прозаичного и банального, прячущего свою застенчивость под маской высокомерия. Он скрывал свой страх показаться неспособным жить яркой студенческой жизнью, проявляя чрезмерное усердие в работе и явно демонстрируя свою решимость принять участие в различных правых милитаристских движениях того неспокойного времени. Точность его привычек, казалось, переросла в манию, так как он не перестает записывать, когда он бреется, стрижется, даже когда принимает ванну. Все эти события занимают должное место в его жизни наряду с дуэлями, военными учениями и серьезными дискуссиями о религии, сексе и политике. Он отмечает сравнительную красоту своих партнерш по танцам с таким же спокойствием и тщательностью, какие демонстрирует в записках о стрижке волос или бритье:

> «Танцы. Было довольно мило. Моей партнершей была фройлен ван Бук, славная девушка очень разумных взглядов, очень патриотичная, не синий чулок и, вероятно, довольно мудрая… Девицы, в общем, были довольно милы, некоторые даже почти красивы… Мы с Мариэль Р. немного поговорили… Провожал фройлен ван Бук домой. Она не оперлась на мою руку, что я, в известном смысле, оценил… Несколько упражнений — и спать».

Гиммлер использовал свои дневники для жестокой самокритики в тех случаях, когда он не дотягивал до

собственного скромного идеала. Он жалуется на то, что слишком много говорит, что он слишком добр и ему недостает сдержанности и «приличествующей благородному человеку уверенности». Ему нравится помогать людям, навещать больных и иногда помогать старикам и утешать их, приезжать домой, чтобы навестить родных. «Они думают, я веселый, забавный парень», — написал он в январе 1922 года. Очевидно, он, как многие другие люди, жаждал получить признание и занять место в обществе и семейном кругу, вникая, насколько это было возможно, в дела других людей. И в то же время ему была присуща подлинная доброта. Но он всегда добивался популярности и признания в студенческой среде, хотя чопорность в поведении и слабое здоровье, из-за которого он не мог выпить пива, не получив расстройства желудка, приводили к тому, что товарищи смотрели на него сверху вниз и высмеивали его чрезмерное прилежание.

Он сохраняет свою привычку регулярно посещать церковь вплоть до 1924 года, хотя признаки сомнения в религиозных убеждениях начинают появляться в его дневниках гораздо раньше. «Думаю, у меня назрел конфликт с религией, — пишет он в декабре 1919 года, — но что бы ни случилось, я всегда буду любить Бога и молиться ему, я останусь преданным католической церкви и буду защищать ее, даже если буду от нее отлучен». В феврале 1924 года он все еще ходит в церковь, но упоминает о своих спорах, касающихся «веры в Бога, религии, сомнений (в непорочном зачатии и т. д.), конфессий, взглядов на дуэли, крови, сексуальных связей, мужчины и женщины». Вопрос секса по своей притягательности превосходит даже религию, несомненно, из-за его убеждения в необходимости ограничения половых связей до брака. По-видимому, он оставался девственником до 26 лет, и, несомненно, испытывал мучения из-за неудовлетворенных сексуальных желаний. После одного из споров о сексе, которые часто происходили у Генриха с его другом Людвигом, клерком, он записал в феврале 1922 года:

> «Мы обсуждали опасность подобных вещей. Я испытал, что это такое — лежать рядом, вдвоем, с прижатыми друг к другу разгоряченными телами… ты весь горишь и должен собрать все свое мужество, чтобы прислушаться к рассудку. Девушки в этот момент заходят так далеко, что уже не понимают, что делают. Это жгучая, бессознательная, пронизывающая все существо жажда удовлетворения действительно могущественного, страстного природного желания. Поэтому все это так опасно для мужчины и накладывает

на него огромную ответственность. Мужчина может сделать все с безвольными в данной ситуации девушками, но в то же время он должен достаточно потрудиться, чтобы побороть собственную природу».

Другой бедой Генриха был недостаток денег. Он ненавидел свою возрастающую зависимость от семьи, хотя и научился возмещать отцу расходы на содержание, которое тот регулярно посылал ему, и очень тщательно выверял свои скромные расходы на еду и одежду. Сохранившиеся письма Генриха к родителям показывают нам, как тщательно перечисляет он все мельчайшие подробности штопки и починки, равно как и мелочи, требующие дополнительных затрат. Его письма всегда полны уважения и нежности: «ваше милое поздравление с днем рождения… галстук надо заштопать с левой стороны… дорогие родители, к сожалению, я должен попросить у Вас денег; осталось только 25 марок от последней сотни… я никогда не надеваю белые рубашки для работы, поэтому мои вещи действительно хорошо сохраняются… галстук в горошек, который мне подарили на Рождество, порвался в нескольких местах… искренние приветствия и поцелуи».

Характер молодого человека проявлялся во всем, что он писал, равно как и в том, что эти письма, а также многие другие документы того периода — чеки, списки, черновики, корешки билетов и т. п. — сохранились, благодаря его усилиям, после страшной войны.

Точность была во всем. 5 ноября 1921 года он во взятом на прокат траурном костюме присутствовал на похоронах Людвига III Баварского; через две недели он, как предписывал этикет, звонит вдовствующей королеве, которая являлась матерью его крестного; 18 января 1922 года он принимает участие в националистской студенческой церемонии в честь годовщины основания Германской империи. Через наделю, 26 января он посещает митинг клуба стрелков вместе с Эрнстом Ремом, который, как пишет Гиммлер в дневнике, «настроен очень дружелюбно». «Рем пессимистически смотрит на большевизм», — лаконично добавляет Генрих.

Рем был активной фигурой в армии. Он был на 30 лет старше Гиммлера, и влияние, которое он стал оказывать на юношу, привело Генриха к более серьезным занятиям политикой. Вместе с братом Гебхардом Гиммлер вступил в местный националистский корпус, возглавляемый Ремом, — военизированное формирование, которое позже, в ноябре 1923 года, присоединилось к войскам Гитлера во время Мюнхенского

путча.

Между тем, 5 августа 1922 года Гиммлер закончил университет. В техническом колледже он изучал химию и удобрения, а также новые разнообразные растения и сельскохозяйственные культуры нового поколения. По окончании учебы его сразу назначили на должность ассистента лаборатории фирмы, расположенной в Шлейсхейме и специализирующейся на разработке удобрений. Шлейсхейм находился всего в 50 милях к северу от Мюнхена, а это означало, что Гиммлер не потерял связи с центром, где Гитлер взращивал свою, особую форму национализма, которая уже привела к созданию Национальной социалистической партии. Хотя Гиммлер не мог не знать о Гитлере и его политической деятельности в Мюнхене, первое упоминание о нем появляется в уцелевших дневниках Генриха не раньше февраля 1924 года, через пять месяцев после путча. Из множества соперничающих или параллельных националистских организаций того периода Гиммлер, как и Геббельс, сначала присоединился к группе, которая не сразу попала под увеличивающееся влияние Гитлера.

Тем не менее Гиммлер укреплялся в своих антисемитских взглядах, довольно обычных для правых националистов-католиков юга Германии. С 1922 года усиление антиеврейских настроений отразили и дневники Гиммлера, хотя однажды его чувства смягчились по отношению к молодой еврейской танцовщице. Он и его друг по имени Альфонс, которому удалось уговорить Генриха принять участие в такой необычной экспедиции, встретили девушку в ночном клубе. Гиммлер отметил, что «в ней не было ничего еврейского, по крайней мере, так казалось. Сначала я отпустил несколько замечаний насчет евреев, я абсолютно не подозревал, что она одна из них». В сентиментальных выражениях Генрих извинился перед девушкой, несомненно потому, что она была очень хорошенькой и приятно шокировала его признанием в том, что она уже не «невинна». С гораздо меньшей терпимостью Гиммлер относился к своему сокурснику и бывшему однокласснику — еврею Вольфгангу Халлгартену, которого называл «жиденком» и «жидовской вошью», потому что тот стал левым пацифистом[6]. Таким образом, в дневниках время от времени появлялись ссылки на так называемый «еврейский вопрос».

Это случилось в июле 1922 года, незадолго до того, как Гиммлер окончил колледж и стал сам зарабатывать на жизнь. Официальные записи показывают, что формально он не заявлял о своем намерении быть принятым в нацистскую партию до августа 1923 года, за 4 месяца до неудачного путча, в котором ему было

суждено сыграть незначительную роль знаменщика в отряде Рема. Люди Рема не принимали участия в печально известном марше по улицам Мюнхена, возглавляемом Гитлером и Людендорфом, — отряду был поручен захват Военного министерства в центре Мюнхена. Сохранилась фотография, на которой Гиммлер стоит рядом с Ремом, держа в руках традиционный имперский штандарт, и всматривается в шаткие баррикады из дерева и колючей проволоки. Он специально приехал из Шлейсхейма, чтобы принять участие в этом захватывающем событии, и неудача акции стоила ему потери работы, хоть Гиммлеру и удалось сохранить свободу.

Продолжавшийся 2 дня Мюнхенский путч впервые свел в общей акции будущих нацистских лидеров: Гитлера, Геринга, Рема и Гиммлера. Но в то время как Гиммлер стоял на заднем плане, держа флаг, Геринг, бывший летчик-ас, был рядом с Гитлером и Людендорфом 9 ноября (день предпринятой Гитлером попытки государственного переворота) на митинге ведущих баварских министров в Бюргербраукеллер — самой большой пивной Мюнхена. Рем, к этому времени уже ярый союзник нацистского движения, согласился повести свой отряд на штаб-квартиру Военного министерства на Шонфельдштрассе, где сотрудники министерства забаррикадировались, и открыть пулеметный огонь по укреплениям. Это была единственная акция переворота, которая удалась. Рем и его люди заняли здание и оставались там в ночь с 8 на 9 ноября, а Гитлер со своими штурмовиками проводил ночные часы в Бюргербраукеллер, пока не было принято решение на следующий день проследовать к центру города и соединиться там с силами Рема, который единственный из лидеров путча не вел себя как мелодраматический актер. Марш, начавшийся около 11 часов утра, возглавлял Гитлер, размахивавший револьвером, и Людендорф, напустивший на себя мрачный и важный вид. В акции участвовало около трех тысяч штурмовиков; они перешли Изар и прошли около мили по направлению к городской ратуше на Мариенплац. Затем следовало пройти еще милю по узким улочкам до Военного министерства. В конце концов марш остановила вооруженная полиция, последовала драка, в которой Гитлер отделался небольшими ушибами и ссадинами, а Геринг был тяжело ранен в пах. Лишь Людендорф продолжал шагать, не обращая внимания на пули, уверенный в своем железном авторитете. Но он был арестован, а через два часа Рем и его люди тоже были вынуждены сдаться: здание Военного министерства, где находился отряд, с утра осаждали пехотные части регулярной армии.

Времена были слишком нестабильны для яростных взаимных обвинений. Нацистскую партию запретили; Гиммлер потерял работу и вынужден был униженно вернуться домой. Дом теперь находился в Мюнхене, куда семья снова переехала в 1922 году. Рем, к которому Гиммлер продолжал относиться с уважением и любовью, как к старшему товарищу-офицеру, подобно другим участникам неудавшегося путча, находился в тюрьме. 15 февраля 1924 года Гиммлер попросил у Баварского министерства юстиции разрешения посетить Штадельхеймскую тюрьму, где содержался Рем. Он приехал в тюрьму на мотоцикле, взяв с собой несколько апельсинов и выпуск газеты «Гроссдойче цайтунг». «Двадцать минут говорил с капитаном Ремом, — записал он по возвращении. — Мы прекрасно побеседовали и были абсолютно откровенны». Они обсуждали разных людей, Рем благодарил за апельсины. «Он сохранил свое чувство юмора, он все тот же добрый капитан Рем», — отметил Гиммлер.

На суде над заговорщиками, который начался 26 февраля и продлился 3 недели, Гитлер выступал так, будто был обвинителем, и процесс превратился в глупую формальность. Гитлера признали виновным и вынесли условный приговор, а Рема освободили, хотя и объявили виновным в государственной измене. Гитлер был заключен в замок Ландсберг, Рем же проводил в жизнь собственные планы основания революционного военного движения, пока Гитлер, диктовавший книгу «Моя борьба», намеренно позволил своей ушедшей в подполье партии дезинтегрироваться в его отсутствие. К тому времени, когда Гитлера освободили (во многом благодаря расположению к нему баварского министра юстиции Франца Гюртнера), Рем уже не был желанным членом партии Гитлера. В апреле 1925 года он был вынужден послать Гитлеру свое заявление об отставке с должности командира штурмовиков.

Гиммлер в это время тоже был активен. К огромному неудовольствию семьи он отказывался искать работу: он говорил, что хочет быть свободен для занятий политикой. Националисты и антисемитские крайне правые группы, называемые народниками, больше всего соответствовали распущенной нацистской партии. Самыми выдающимися их сторонниками были Людендорф, Грегор Штрассер и Альфред Розенберг. Вместе группы народников имели сильное влияние в баварском правительстве, и в 1924 году во время выборов в рейхстаг им удалось получить достаточную поддержку для того, чтобы обеспечить себе 32 места. Штрассер, Рем и Людендорф были среди тех, кто стали депутатами рейхстага.

Такой успех конечно же привлекал Гиммлера. Имея много

свободного времени, он принял участие в политической кампании народников в Нижней Баварии. Он начал приобретать опыт участника выступлений на политических митингах; он объездил все городки и деревни в окрестностях Мюнхена и говорил о «порабощении рабочих биржевыми капиталистами» и о «еврейском вопросе». «Труден и мучительно тяжел для людей этот долг», — пишет он после сложной встречи в деревне, на которой присутствовали крестьяне и коммунисты. Так же, как и другие выступающие, он смешивался с толпой слушателей и поощрял отдельные высказывания. Таким образом, основа его первых политических опытов закладывалась в той же суровой школе, что и у молодого Йозефа Геббельса, который был втянут в ту же область политики и выступал на подобных собраниях в промышленной области Рур.

Имя Гитлера едва упоминается в уцелевших дневниках Гиммлера. 19 февраля 1924 года Гиммлер замечает, что читал друзьям брошюру «Жизнь Гитлера», но с уходом Рема ему нужно найти нового руководителя, которому он мог бы предложить свои услуги и у которого, возможно, смог бы получить оплачиваемую работу.

Он вновь присоединился к нацистской партии 2 августа 1925 года; в этот же период он поступил на работу к Грегору и Отто Штрассерам — братьям-баварцам, которые были одними из главных руководителей восстановления нацистского движения. У Штрассеров было фармацевтическое предприятие в Ландсхуте. Они были неудобными партнерами для Гитлера, который, освободившись из Ландсберга 20 декабря 1924 года, в возрасте 35 лет снова начал сосредотачивать власть в своих руках. Если Штрассеры были за компромисс с другими националистскими группами, то Гитлер был полон решимости основать новую сильную политическую партию, над которой он имел бы полный единоличный контроль. В месяц освобождения Гитлера из тюрьмы союз нацистов и народников после вторых выборов потерял большинство мест в рейхстаге[7], сохранив лишь 14 из 32, но Гитлера, к огромному раздражению Штрассеров и Рема, это, похоже, мало волновало. Добившись отмены запрета на нацистскую партию, он был готов к потере поддержки антикатолических Народнических групп. Все это было для него стимулом начать сначала, реформировать нацистскую партию, стать ее бесспорным руководителем. Обо всем этом он заявил в конце февраля 1925 года, и его политическая платформа включала жестокую кампанию против марксистов и евреев.

Гиммлер номинально занимал пост секретаря, но в действительности работал главным помощником Штрассеров,

готовым выполнить любое задание, порученное ему. По свидетельству Отто Штрассера, его брат радушно принимал Гиммлера, потому что «находил этого парня вдвойне полезным — у него был мотоцикл[8] и полно нереализованных амбиций стать солдатом». Одной из обязанностей Гиммлера было инспектировать секретные склады с оружием, спрятанные в деревнях, подальше от глаз Межсоюзнической контрольной комиссии. Двадцатичетырехлетний Гиммлер был в восторге от такой подпольной деятельности, по словам Отто Штрассера, она наполняла его националистской гордостью, и он предпочитал ее работе в конторе, которую должен был выполнять для Грегора Штрассера, который не только был депутатом рейхстага, но и ответственным за работу партии в Нижней Баварии — должность, которую он занимал с 1920 года. Грегор Штрассер был энергичным оратором и неутомимым организатором. С этого поста Гитлер на мог его сместить, и несмотря на усиливающиеся противоречия, по обоюдному согласию было решено, что Штрассеры перенесут основную сферу своей деятельности на север. Отто Штрассер, который имел особую склонность к журналистике, переехал в Берлин и основал там северный печатный орган партии — «Берлинер арбайтерцайтунг».

В 1925 году Геббельс и Гиммлер встретились в Ландсхуте по вопросам работы у Штрассеров. Скоро стало очевидным, что если Геббельс был блистательным оратором и талантливым журналистом, то у Гиммлера был талант к кабинетной работе и другим, более прозаичным видам деятельности. На основании небрежных высказываний Отто Штрассера считалось, что Гиммлера в компании Штрассеров заменил тщеславный и ветреный молодой человек из Рура. Это было далеко от истины[9]. Геббельс во время частых поездок на юг все больше увлекался Гитлером, который вскоре признал его таланты и в 1926 году назначил на ответственную должность организатора партии в Берлине. Однако до этого Геббельс проводил большую часть времени в Руре, если не выполнял какую-то особую работу для Штрассеров или Гитлера в других частях страны. С другой стороны, за 1925 год Гиммлер укрепил свое положение в Нижней Баварии до такой степени, что в конце года смог написать Курту Людекке, одному из сторонников Гитлера, который собирался отбыть в Америку:

> «Дорогой господин Людекке,
>
> Извините за беспокойство и за то, что посмел обратиться к Вам с вопросом. Возможно, Вам известно, что я сейчас работаю в руководстве Партии в Нижней

Баварии. Я также помогаю издавать местный «народный» журнал.

В течение некоторого времени я обдумывал проект публикации имен всех евреев, а также христиан — друзей евреев, проживающих в Нижней Баварии. Однако, прежде чем предпринять такой шаг, я хотел бы узнать Ваше мнение и выяснить, сочтете ли Вы такой проект перспективным и полезным. Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы как можно скорее сообщили мне свое мнение, которое является для меня авторитетным благодаря Вашему опыту в Еврейском вопросе и знанию антисемитской борьбы во всем мире».

По свидетельству Людекке, Грегор Штрассер рассмеялся, когда ему рассказали о письме, и сказал, что Гиммлер становится фанатиком по отношению к евреям. «Он предан мне и я использую его как секретаря, — добавил он. — Он очень амбициозен, но я не пошлю его на север — он, знаете ли, не вербовщик»[10].

Амбициозное усердие Гиммлера, тем не менее, обеспечило ему пост заместителя Штрассера, занимавшего должность районного организатора в Нижней Баварии и работавшего, конечно, под руководством Гитлера, который находился в Мюнхене. Он также был заместителем командира небольшого (около 200 человек) подразделения стрелков — СС. Группа СС была впервые сформирована в 1922 году перед Мюнхенском путчем и называлась Ударными войсками Адольфа Гитлера. Это был особый отряд охраны, который находился рядом с Гитлером на публичных выступлениях и охранял его от нападения. Согласно официальным записям, Гиммлер вступил в СС в 1925 году, получив номер 168. Реформированное подразделение СС маршировало позади Гитлера на второе собрание партии в Веймаре в 1926 году и получило специальное «кровавое знамя» за услуги, оказанные Гитлеру во время ноябрьского путча. Услуги заключались в разрушении печатных станков газеты социал-демократов в Мюнхене.

Главной задачей Гиммлера в офисах партии в Ландсхуте, где Гитлер с портрета наблюдал из-под насупленных бровей за его деятельностью, было увеличение числа сторонников партии. Сначала его зарплата составляла 120 марок в месяц, и местных солдат СС посылали собирать пожертвования и бумагу для партийной газеты «Народный наблюдатель». В 1926 году Гиммлера назначили помощником шефа пропаганды рейха, и это постепенное повышение привело к скромной прибавке его

жалованья, хотя на этом поприще он, по-видимому, не слишком отличился, а лишь показал себя старательным и исполнительным администратором. Вот несколько беглых впечатлений о Гиммлере из восторженного дневника Геббельса, который он вел во время расширения партии до своего отъезда в Берлин — к примеру, 13 апреля 1926 года он пишет: «С Гиммлером в Ландсхуте; Гиммлер — хороший парень и очень умный; он мне нравится». 6 июля: «ездил на мотоцикле с Гиммлером», а 30 октября: «Цвиккау. Гиммлер, болтали, заснули». Двадцативосьмилетний Геббельс, снедаемый тщеславием, рассматривал Гиммлера как местного менеджера своих успешных агитационных поездок.

Гиммлер ездил и в Берлин, и во время одной из таких поездок в столицу в 1927 году он познакомился с женщиной, которая позднее стала его женой. Она была медсестрой, на семь лет старше его, польского происхождения, звали ее Маргарита Концерзово. Марта — так ее называли — была владелицей небольшой частной лечебницы в Берлине и обладала нетрадиционными взглядами на медицину, которые привлекали Гиммлера и вызывали в его памяти бурные дискуссии студенческих лет. Она интересовалась лекарственными растениями, гомеопатией, и их беседы и споры пробуждали в Гиммлере желание снова работать на природе. В этой области отношений они, казалось, были созданы друг для друга, несмотря на разницу в возрасте. Они оба культивировали работоспособность, бережливость и безукоризненную аккуратность. Оба чувствовали потребность в удобствах брака и домашнего уюта, оба верили, что их общий интерес к медицине и растениям равны любви. Марга продала лечебницу и решила использовать деньги для приобретения собственности в сельской местности.

Они поженились в начале июля 1928 года[11]. Одно из скромных и взволнованных писем, написанное за 8 дней до свадьбы, сохранилось в документах Гиммлера; в нем говорится о домике и участке, который они приобрели за ее деньги в Вальдтрудеринге, на расстоянии около 10 миль от Мюнхена. Радуясь мыслям о свадьбе, Марга наскоро подсчитывает расходы, прикидывает, удастся ли избежать заклада дома, и напоминает Гиммлеру, что он, ее «милый озорник», скоро будет принадлежать ей.

Небольшая усадьба в Вальдтрудеринге стала скромным частным предприятием и в основном держалась на плечах Марги Гиммлер. Они держали с полсотни кур, продавали на рынке продукты и сельскохозяйственные орудия — это приносило некоторый доход в добавление к жалованию Гиммлера, которое

составляло теперь около 200 марок в месяц. Через год Марга родила своего единственного ребенка — дочь Гудрун.

1929 год стал поворотным в жизни Гиммлера. 6 января Гитлер подписал приказ о назначении Гиммлера рейхсфюрером СС вместо командира Эрхарда Хейдена, чьим заместителем был раньше Генрих. Это было дальновидное решение. Должно быть, Гитлер разглядел в этом похожем на клерка человечке с его военными амбициями и самодисциплиной то стремление добиваться совершенства во всем, которое было необходимо для создания надежной альтернативы недисциплинированной толпе штурмовиков, шатавшихся по улицам под именем нацистов[12] [13].

II
Рейхсфюрер СС[14]

Если назначение Гиммлера командующим войсками СС для Гитлера было вызвано соображениями целесообразности, то для самого Генриха это был момент исполнения желаний. Теперь он был Рейхсфюрером СС. В этом новом, звучном титуле был вызов его упорству и источник вдохновения для зарождавшегося в его сознании особого видения, его собственного толкования того, что Гитлер с его помощью может сделать для народа Германии в далеком будущем.

Теперь Гиммлер был двадцативосьмилетним молодым человеком с беременной женой старше него и скромным хозяйством. Быть рейхсфюрером СС в Мюнхене означало иметь в подчинении чуть меньше 300 человек, и даже для этой небольшой руководящей должности существовали ограничения. В Берлине — центре радикальных действий, взволнованном яростной пропагандой Геббельса, Гитлер назначил Курта Далюге главой местного СС, уполномочив его действовать независимо от Гиммлера, который считался подчиненным не только Гитлеру, но и главной организации СА — патрульным батальонам партии. Фактически войска СС были «государством в государстве», и формально их задача заключалась в защите Гитлера и других лидеров нацистской партии на митингах, съездах, парадах. Но, по свидетельству Гюнтера д'Алькуэна, который позже стал редактором «Черного корпуса» — специального журнала СС, Гитлер инструктировал своего рейхсфюрера СС, чтобы сделать корпус абсолютно надежной организацией тщательно отобранных людей.

Гиммлер, таким образом, мог дать волю мечтам. Несмотря на свои покатые плечи, коротко остриженные волосы, аккуратные усы и пенсне, делающее его похожим на респектабельного служащего, он видел свое подразделение «Черной гвардии» элитным отрядом воинов, уникальный характер которого высоко поднимет их над уличными головорезами СА. Они должны были стать вооруженными рыцарями Гитлера.

Такое возвышение своих людей стало для Гиммлера навязчивой идеей. На данном этапе его не беспокоило, что он играет сравнительно небольшую роль в ежедневной борьбе и интригах, с помощью которых Гитлер, Геринг и Г еббельс пробивались к власти с 1926 по 1933 год. У него была своя особенная, яркая путеводная звезда. Его самые насущные

амбиции были на время удовлетворены назначением на пост командующего СС и местом в рейхстаге, которое он занял после выборов 1930 года. Дома его желания также исполнились, когда в 1929 году жена родила ему дочь Г'удрун. Маргу Гиммлер посещал доктор Брэк, чей сын, доктор Виктор Брэк, через 12 лет возглавил программу Гиммлера по евтаназии (умерщвлению неизлечимо больных), предварительно поработав у Гиммлера шофером.

СС не сразу вошла в силу под руководством Гиммлера. Годы с 1929 по 1930 были периодом подготовки, расцвет начался позже, в 1931, когда к войскам присоединились тысячи новых людей. Первоначальные обязанности того периода, когда СС созывали на переклички и распределяли по группам для сопровождения различных ораторов партии на митингах, были изменены, к 1931 году у СС появилась иная работа — более секретная и более захватывающая.

Первый существенный этап в становлении постоянного элитного корпуса начался в январе 1932 года с издания Гиммлером печально известного кодекса о браке для членов СС. Кодекс основывался на принципах, намеченных Вальтером Дарре в книге «Кровь и почва», которая была опубликована под покровительством партии в Мюнхене в 1929 году.

Дарре был экспертом Гитлера по сельскому хозяйству, в результате своих научных изысканий он пришел к идее селективного размножения. Он родился в Аргентине в 1895 году, образование получил в Англии в Королевском колледже в Уимблдоне. Некоторое время служил в Прусском министерстве сельского хозяйства, но в 1929 году был уволен из-за разногласий с коллегами. В том же году опубликовал книгу о крестьянстве как источнике жизни для нордической расы. Его страстным желанием было стать министром сельского хозяйства рейха, и в 1933 году он занял этот пост.

Дарре важен тем, что оказал укрепляющее влияние на определенные предрассудки Гиммлера, развившиеся позже в ужасную одержимость. Дарре был на пять лет старше Гиммлера, и в движении, находившем выгоду в поощрении антинаучных теорий, если результаты были полезны для пропаганды, Дарре стал признанным «мыслителем» — выразителем интересов нацистов. Он был тесно связан с Альфредом Розенбергом, одним из основных пропагандистов мифа партии о том, что настоящие немцы обладают уникальным расовым превосходством.

Розенберг происходил из немецкой семьи, но родился он в прибалтийском городе Ревеле и изучал архитектуру в Москве, а затем бежал в Германию после революции. В 1923 году он стал редактором гитлеровского журнала «Народный наблюдатель». В

своей книге «Миф двадцатого столетия», опубликованной в 1930 году, он объявляет идеалы христианской Европы бесполезными убеждениями. Что нужно Европе, — писал он, — так это освободиться от мягких, абстрактных христианских идеалов, происходящих из Малой Азии и с Востока, и открыть новую философию, уходящую корнями в недра земли, осознать расовое превосходство и чистоту нордического человека. «Культура всегда приходит в упадок, — писал Розенберг, — когда гуманистические идеалы… препятствуют праву господствующей расы управлять теми, кого она поработила». В германском народе он видел расу, от природы наделенную верным, мистическим пониманием, «религией крови». Христианство же проповедовало упадочную доктрину о равенстве души у всех рас, но вскоре немецкая раса покажет, что это — не что иное, как злобная и хитрая иллюзия.

Вместо кротости и всепрощения Розенберг создал идеал «властной, земной личности», «сильного крестьянина», и на этом этапе Дарре, последователь Розенберга и учитель Гиммлера, подхватил духовное учение своего наставника.

«Кровь и почва» Дарре объясняла, почему немецкая раса столь привилегированна. Высокомерие Дарре основывалось на неотъемлемом благородстве нордических крестьян, чья кровь была так же изобильна и плодородна, как почва, которую они возделывали. Их достоинства были так велики, что будущая мощь Европы зависела от выживания их расы; им необходимо было плодиться и размножаться, пока их белокурая выдающаяся молодежь не превзойдет числом и не смутит дерзким взглядом затаившихся вырождающихся славян и евреев, чья кровь — отрава для человеческой расы и чьи убежища — самые нездоровые улицы городов[15].

Усилия Гиммлера в этот период были, как мы уже сказали, посвящены теории и практике в войсках СС. В 1931 году Дарре поступил к нему на службу, чтобы организовать отдел, известный как Служба расы и поселения. Эта служба была учреждена, чтобы определить расовые стандарты хорошего немецкого рода, руководить исследованиями в уцелевших в Европе этнических группах, которые могли претендовать на немецкое происхождение, и решать все дела, связанные с предками отдельных людей в стране и за рубежом, если существовали хоть малейшие расовые сомнения. Дарре оставался главой службы, набиравшей силу, до 1938 года, хотя с 1933 он был также министром пищевой промышленности и сельского хозяйства. С его помощью были разработаны испытательные тесты для невест служащих СС и введены как обязательные в печально известный Закон СС о браке от 31 декабря 1931 года (закон вступил в силу

на следующий день).

Во вступительном параграфе гиммлеровского Закона о браке подчеркивалась важность поддержания высокого стандарта крови в СС. Основные пункты наполняли тревогой многих холостых служащих СС.

«Каждый служащий СС, который намерен жениться, должен получить для этой цели брачный сертификат рейхсфюрера СС.

Те члены СС, которые женятся, не получив сертификата, будут исключены из СС; им будет предоставлена возможность аннулирования брака.

Детальная обработка прошения о браке — задача Расовой службы СС.

Расовая служба заведует Книгой кланов СС, в которую будут внесены семьи членов СС после выдачи брачного сертификата.

Рейхсфюрер СС, управляющий Расовой службы и специалисты службы дают честное слово в том, что сохранят секретность».

Гиммлер завершал свой кодекс вызывающим цветистым выражением:

> «Службе СС ясно, что этот приказ — шаг величайшей важности. Шутки, насмешки и непонимание не поколеблют нас; нам принадлежит будущее!
>
> *(Подпись) Генрих Гиммлер»*

Гиммлеровский кодекс о браке для членов СС требовал, чтобы каждый, кто хочет жениться, получил сертификат одобрения для своей невесты, дабы чистота нордической расы, представителем которой он является, оставалась нетронутой в крови его потомков[16].

Служба вела записи о каждом служащем СС, которому была выдана генеалогическая или клановая[17] книжка, где было записано его право и обязанность сочетаться браком с избранной им женщиной и производить с ней потомство. Невеста и ее родители должны были доказать, что здоровы физически и психически, девушку тщательно обследовали и оценивали врачи СС, которые должны были убедиться в том, что она может быть достаточно плодовита. Арийская кровь предков, не испорченная славянами, евреями и другими низшими расовыми элементами, должна была быть установлена вплоть до 1750 года для каждой женщины, выходящей замуж за члена СС.

Позже Гиммлер учредил ряд школ для невест СС, в которых помимо политического образования будущих жен членов СС обучали ведению домашнего хозяйства, гигиене деторождения и принципам воспитания будущих детей в правильной нацистской

традиции.

Указ, негуманный и оскорбительный, лег затем в основу расистской политики Гиммлера, и то, что вначале казалось просто нелепым даже некоторым коллегам Гиммлера, позже стало ядовитым корнем, от которого взяла начало практика принудительной евтаназии и геноцид всех, кому приписывалась расовая нечистота.

Следует правильно понять значение Кодекса о браке СС. Можно утверждать, что, насаждая евгенику и искусственный отбор среди ограниченной группы людей, находящейся в его подчинении, Гиммлер предвосхитил принципы, которые цивилизованное общество одобрит в будущем. Он бы наверняка доказывал, что это так. Но если эти принципы в конце концов будут признаны, несомненно, должны существовать медицинские, психологические и социальные доказательства, гарантирующие, что мужчины и женщины, участвующие в отборе, так или иначе являются носителями широчайших возможностей и качеств, скрытых в человеческой расе. Гиммлера дискредитирует не стремление к улучшению человеческой расы, пагубным стало то, что он вместе с кучкой коллег, не имеющих достаточного образования и не очень разборчивых в средствах, счел себя вправе решать, каким должен быть идеальный человек. Он впитал несколько необоснованных теорий и с безрассудством невежества поспешил немедленно реализовать их на практике, абсолютно не принимая в расчет цену человеческих страданий. Так, люди, по разным мотивам, достойным или нет, вступившие в СС, оказались пойманными в нелепую ловушку и должны были или принимать деспотические решения Гиммлера, или находить способы уклониться, что скоро и вошло в практику не только в СС, но и во всем нацистском обществе, так как угнетение распространилось.

Идеальный человек Гиммлера был белокурым, голубоглазым атлетом, чьи духовные ценности происходили из средневековой концепции отношений с землей, человек, презиравший большинство достижений современной культуры, так как не мог судить о таких вещах, хотя, как Гейдрих, он мог играть избранную музыку на скрипке или читать избранные книги. Это был человек, оставлявший все политические и социальные суждения своим вождям, беспрекословно подчинявшийся начальникам. Хотя в быту он мог быть добрым мужем и снисходительным отцом, по существу он был разрушителем, готовым действовать по самым подлым или самым глупым приказам, которые отдавались лишь для того, чтобы продемонстрировать предрассудки или жестокость командиров. Такой образ идеального человека, примитивного в развитии и жестокого в поведении, был

результатом расовой нетерпимости Розенберга, Дарре и Гиммлера, чье совместное видение ослепляла одна и та же ложная идея прошедшей славы, которая не имела никакого отношения ни к исторической правде, ни к потребностям современного общества, ни к любому будущему порядку в обществе, которое можно назвать цивилизованным.

В июне того же года, когда Дарре и Гиммлер состряпали свой брачный кодекс, к ним подключился человек с внешностью молодого Мессии. К Гиммлеру подошел один из сотрудников, господин фон Эберштейн, и попросил провести собеседование с молодым человеком, который недавно вступил в СС в Гамбурге. Его звали Рейнхард Гейдрих, он был из хорошей семьи и до недавнего времени служил лейтенантом на флоте. Мать Эберштейна была крестной Гейдриха. Гиммлер согласился, затем заболел и отменил встречу. Гейдрих не придал значения отмене и ночью уехал на юг, в Мюнхен, полагаясь на то, что Эберштейн устроит ему встречу с Гиммлером, который вернулся на свою птицеферму до полного выздоровления. Гиммлер договорился по телефону о том, что когда Гейдрих приедет в Мюнхен, он должен навестить его в Вальдтрудеринге.

Первая встреча этих двух людей, чьи странные взаимоотношения стали затем причиной самой страшной угрозы благополучию Европы — гитлеровского завоевания, произошла 4 июня 1931 года. Гиммлер понял, что Гейдрих был офицером морской разведки и в голове у него созрела исключительно важная задача, которая, как он чувствовал, была по плечу человеку с такими знаниями и подготовкой. Гиммлер захотел создать собственную службу разведки или безопасности внутри СС, чтобы руководить секретным наблюдением за теми членами партии, а особенно за лидерами СА, чьи амбиции были ему враждебны и чье присутствие, по его представлениям, унижало идеалы партии.

Внешность юноши, прибывшего в Вальдтрудеринг, впечатляла. Он был высоким, белокурым, голубоглазым, его физические данные в точности соответствовали концепции Гиммлера о том, каким должен быть служащий СС. Глаза молодого человека были наполнены особым светом, взгляд пронизывал и притягивал. Хотя в его документах была неточность (он был офицером связи, а не разведки), его привлекательная внешность и уверенность поведения сразу произвели впечатление на Гиммлера, чья природная застенчивость всегда заставляла его нервничать, когда ему приходилось иметь дело с людьми, чьи способности или данные сильно превышали его собственные. Чтобы самоутвердиться, Гиммлер задал Гейдриху письменный

тест, как школьный учитель, составляющий мнение о слишком способном ученике. Сначала Гиммлер описал ему, какую разведку он имеет в виду, а затем попросил Гейдриха изложить на бумаге, как бы он действовал, организуя такую службу. Он дал молодому человеку 20 минут на завершение проекта, и Гейдрих ухватился за этот шанс произвести еще большее впечатление на человека, чью слабину в характере он уже почувствовал. Гиммлер прочел написанное и предложил Гейдриху пост главы совершенно нового отдела СС — службы разведки, СД.

В течение последующих десяти лет Гейдрих создавал систему власти, которая в конечном счете угрожала не только его начальнику, но и всем членам нацистского руководства, включая самого Гитлера. Этот холодный, жестокий и прекрасный юноша, на три с половиной года моложе Гиммлера, был сыном известного учителя музыки, который раньше пел в опере и происходил, как и мать Гиммлера, из музыкальной семьи. Второе имя Гейдриха было Тристан, учиться музыке он начал очень рано. Он стал выдающимся скрипачом, но музыкальный талант не спас его от строгих тренировок в школе для мальчиков в Галле, где жила семья. Он превосходно учился и, казалось, мог сделать успешную карьеру ученого или музыканта. Он был также замечательным атлетом и искусным фехтовальщиком. Его мать, ревностная католичка, вырастила сына в своей вере, однако в его холодной, жестокой натуре довольно рано развился скептицизм, и традиционная вера его семьи в немецкий национализм привела к тому, что в возрасте 16 лет он вступил в войска ополчения, распространенные в Германии после первой мировой войны. Он решил оставить музыкальную карьеру и стать морским офицером.

Характер Гейдриха уже сформировался. Он был беспокойным, наполненным нервной энергией юношей, трудолюбивым, волевым и нетерпимым. Его худое лицо имело жесткое и безжалостное выражение, рост составлял более шести футов. Став кадетом на флоте, он вскоре овладел техникой навигации и своей игрой на скрипке совершенно очаровал жену капитана Канариса, командира учебного крейсера. Фрау Канарис пригласила его для создания квартета, который бы исполнял камерную музыку. Между тем его энергичный ум обратился к изучению иностранных языков, он быстро приобрел значительные познания в английском, французском и русском. В нем также стала развиваться склонность к флирту. В 1926 году ему присвоили звание лейтенанта, а в 1928, по его собственной просьбе, он был назначен офицером связи в Киль. В этом городе на балу в ночь перед Рождеством 1930 года он встретил красивую девушку 19 лет, Линду Матильду фон Остен, такую же белокурую, как и он

сам. Через три дня они были помолвлены несмотря на скандал, возникший потому, что другая блондинка, дочь известного фабриканта, утверждала, что он был влюблен в нее и она отвечала взаимностью. Фабрикант, который, к несчастью для Гейдриха, был дружен с адмиралом Райдером, употребил свое влияние, чтобы Гейдриха уволили со службы после того, как юноша отказался разорвать официальную помолвку и жениться на другой[18]. В апреле 1931 года его заставили подать в отставку, но невеста настояла на сохранении помолвки несмотря на сопротивление родителей после такого позора.

Гейдрих очень тяжело переживал свою отставку. Один раз он даже плакал в присутствии Линды. Он не представлял себе будущего вне военной службы. Но у Линды фон Остен были другие мысли. Она была ярой нацисткой, обратившейся в эту «веру» в возрасте 16 лет, когда она впервые услышала речь Гитлера на митинге в Киле. Она знала все об СС и считала, что в этом движении должно быть место для такого красивого и талантливого офицера, как ее оставшийся без работы любимый. Гейдрих откликнулся на ее энтузиазм и вступил в партию, и именно ее решимость в конце концов убедила юношу связаться с Эберштейном, что привело к посещению Гейдрихом Гиммлера в июне[19].

Гиммлер, человек слабый во многих отношениях, был, тем не менее, хитер и расчетлив. На протяжении своей карьеры главы СС он окружал себя людьми, так или иначе компенсировавшими его недостатки, убедившись, однако, в том, что они останутся его подчиненными. Для достижения своих целей он использовал их силу, жестокость или знания на том этапе его грандиозного плана, когда они были ему нужны. Он и в дальнейшем, в отличие от Геринга и Геббельса, предпочитал находиться в тени, подальше от любопытных глаз, за исключением официальных случаев, когда ему было необходимо появиться наряду с другими лидерами; он был не прочь разрешить подчиненным действовать в качестве его агентов, пока он оставался невидимым, этакий паук, в тишине работающий в центре своей паутины. Но в Гейдрихе Гиммлер встретил равного себе. Гейдрих быстро понял намерения рейхсфюрера СС и стал эксплуатировать их в личных целях, принимая перед ним и другими людьми вид почтительного подчиненного. Однако между этими двумя людьми существовало какое-то подозрительное взаимное уважение, со стороны Гиммлера перешедшее в привязанность; у них были общие отрицательные идеалы, хотя по характеру и темпераменту трудно было найти более разных людей. В течение последующих десяти лет они были связаны, и каждый был злым гением для другого,

пока внезапное убийство Гейдриха в 1942 году не разделило их. Это случилось именно в тот момент, когда, по оценкам многих, хорошо знавших Гейдриха, он готовился занять место Гиммлера и даже превзойти властью Гитлера, так как руководящая роль фюрера была подорвана его собственными навязчивыми идеями и интригами его подчиненных.

В июне 1931 года в возрасте 27 лет Гейдрих радостно принял незначительный пост в СС, куда поступало все больше людей, имеющих офицерское звание и даже аристократическое происхождение. Он официально принял свои новые обязанности 10 августа, а к Рождеству ему было присвоено звание майора СС. В это же время, 26 декабря, он женился на своей решительной невесте, Линде фон Остен, которой было всего 20 лет. Жалование майора Гейдриха составляло 180 марок в месяц[20], и первым делом он начал тщательно собирать секретную информацию о частной жизни мужчин и женщин, и состоящих в партии, и не являющихся ее членами. К концу года он собрал небольшой штат помощников, а в 1932 году (в период с апреля по июль организации СС и СА были, по крайней мере официально, распущены правительством Германии), Гиммлер использовал умения и опыт Гейдриха, чтобы заново создать целое движение. Летом Гейдриху было присвоено звание полковника и чин шефа Службы безопасности, но к тому времени его влияние распространилось на всю службу СС и он основал для Гиммлера юнкерскую школу — элитную школу руководства в Бад-Тельце, в Верхней Баварии[21].

Теперь СС представляла собой мощную силу. Организация в 280 человек, которую возглавил Гиммлер в январе 1929 года, увеличилась до 400 действительных членов, плюс 1500 новобранцев, работающих неполный день, а к тому времени, как правительство распустило СС и СА в апреле 1932, в СС насчитывалось 30 000 служащих. Организация, тем не менее, все еще формально оставалась частью СА.

Учитывая быстрый рост СС, нужно было придумать более объемлющую форму военизированной организации. Гиммлер посоветовался по этому поводу с Гейдрихом, который не только занимался обустройством СД, но и стал фактически шефом отдела кадров по развитию целостной организации СС, подразделения которой распространились по всей Германии. Офицеры в центральных городах, таких как Берлин, где СС контролировал Далюге, действовали абсолютно независимо, практически не обращая внимания на Мюнхен. Теперь СС подразделялась на специальные отделы управления, обучения и дисциплины, среди которых было и подразделение Гейдриха,

которое считалось отделом информации, а фактически представляло собой высокоорганизованную шпионскую сеть с быстро растущей сетью тщательно отобранных агентов и информаторов. Система архивов была организована так, чтобы каждая важная деталь общественной и личной жизни любого человека, работающего на партию или против нее, являющегося или не являющегося ее членом, записывалась и в любой момент в будущем могла быть использована против него. Основная сила Гиммлера и Гейдриха очень зависела от страха, который вызывало существование этих досье, когда стало известно, что они являются тщательно охраняемой собственностью СД. Гейдрих создал свой отдел по образу британской разведки, которую он считал самой эффективной в мире.

1932 год был периодом трудностей и разногласий в партии. Инстинктивная осторожность и чувство самозащиты Гитлера заставили его найти противовес возрастающей силе его подчиненных, создав для них частично дублирующие функции, чтобы они тратили лишнюю энергию, упражняясь во взаимном недоверии, и были в значительной степени нейтрализованы посредством собственных интриг. Гитлер поощрял развитие службы СС не только потому, что она обеспечивала движение лучшей, классово-сознательной силой, привлекала в ряды СС бывших офицеров и представителей высшего общества, но и из-за быстрого увеличения числа членов службы, что помогало уравновешивать непокорную негосударственную армию СА. Армия к 1930 году насчитывала около 100 000 человек, в большинстве своем безработных, и доставляла Гитлеру значительное беспокойство именно тогда, когда он нуждался в поддержке правых политиков и промышленников.

«Правое» и «левое» крыло партии находились в состоянии открытого конфликта, и в сентябре 1930 года, месяце выборов, на которых партия надеялась получить больше мест в рейхстаге, СА зашла настолько далеко, что штурмовала офис партии в Берлине. Этим СА хотела открыто продемонстрировать свое возмущение, когда Отто Штрассер, который считался защитником армии, был исключен из партии. Штрассер и Стеннес затрудняли попытки Гитлера получить поддержку правых. Лишь решительные действия Гитлера предотвратили катастрофу: чтобы успокоить непокорных людей, он назначил себя командующим СА. Эксплуатируя кризис и безработицу, нацисты одержали важную победу на выборах, получив 107 мест в рейхстаге. Именно тогда, в январе 1931 года, Гитлер пригласил своего старого соратника Рема, работавшего военным инструктором в Боливии, на должность начальника штаба СА. Это назначение внедряло

новую, назойливую фигуру в закрытый мир Гиммлера и Гейдриха[22]. Рем, профессиональный солдат, умелый и амбициозный, учредил новый порядок в СА, частью которой оставалась СС, и в то же время вошел в круг политических интриг, где главной действующей силой был Геринг, а Геббельс отвечал за пропаганду. Тот факт, что Рем был гомосексуалистом, остался недооцененным в досье Гейдриха, а тем временем стало ясно, что положение Гиммлера в партии и его отношения с Гитлером и другими лидерами должны быть тщательно исследованы.

Гиммлер никогда не был членом близкого круга Гитлера и, конечно, никогда не брал на себя роли Геббельса и Геринга, соревновавшихся, кто из них лучше развлечет вождя, будет принимать с ним пищу или сопровождать его в поездках как личный советник. Гитлер никогда не останавливался в доме Гиммлера в Гмюнде, хотя иногда наносил короткие визиты. Гиммлер, скрывавший амбиции за подобострастной преданностью службе, принимал такое низкое положение в тот критический период страшной атаки Гитлера на преемственность в слабом, рушащемся правительстве рейхстага. Гиммлер действительно стал депутатом партии в рейхстаге в 1930 году, но, в отличие от Геринга и Геббельса, он не принимал особого участия в язвительных и яростных перебранках, которые устраивал Геринг, чтобы дискредитировать рейхстаг как правительственный механизм. Его позиция в рейхстаге была, по определению сторонников этой политики, скорее наблюдательной, и его проницательный взгляд был запечатлен на фотографии в день, когда Геринг как президент рейхстага искусными маневрами получил преимущество над правительством фон Папена и добился роспуска палаты. Именно Гиммлер, в своей сверкающей черной форме и пенсне, поспешил к Гитлеру во время перерыва в заседаниях, чтобы вызвать его на конференцию в президентский дворец Геринга. Он сиял, щелкал каблуками, салютовал Гитлеру и убеждал фюрера поторопиться и посмотреть на поражение Папена[23].

Тонкая, но не менее важная связь между Гиммлером и фюрером в то время была заключена в финансисте Вильгельме Кепплере, которого Папен на Нюрнбергском процессе описал как «человека, который всегда был в свите Гитлера». В 1932 году Кепплер стал одним из ближайших экономических советников Гитлера, он был представлен фюреру Гиммлером, и его благодарность позже выразилась в финансовом патронаже расистских исследований Гиммлера. Кепплер стал одним из главных людей, ответственных за поддержание отношений между

партией и ширящимся кругом промышленников. Именно благодаря Кепплеру состоялась печально известная встреча Гитлера и Папена в доме банкира Курта фон Шредера в Кельне 4 января 1933 года, на которой обсуждались планы свержения правительства Шлейхера, в результате чего Гитлер стал канцлером в конце месяца[24]. Гиммлер тайно поддерживал эту встречу, а позже помогал в организации второго этапа переговоров через новичка на политической сцене Иоахима фон Риббентропа, на чьей вилле в Далеме продолжились нелегкие совещания Гитлера и Папена в присутствии Кепплера и самого Гиммлера. Рем между тем начинал проявлять деспотизм по отношению к подразделению СС в Берлине под командованием Далюге, которому все еще удавалось оставаться независимым от Гиммлера в Мюнхене. Рем назначил собственного директора подготовки кадров для СС в своем районе. Однако на публике Рем и Гиммлер появлялись вместе, и, казалось, отношения между ними были гармоничными. Гиммлер был не в том положении, чтобы открыто требовать власти; он был вынужден играть роль подчиненного и в то же время изучал сведения, которые так тщательно собирал для него Гейдрих со своими агентами. Гиммлер был очень доволен быстрым ростом СС, тщательно спланированной организацией службы и достигнутым качеством обучения.

Перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге фон Эберштейн, представивший когда-то Гейдриха Гиммлеру, дал описание формирования СС в период с 1933 по 1934 год. Эберштейн, аристократ, бывший офицер, вступил в СС в 1928 году. «До 1933 года, — говорил он в Нюрнберге, — к СС присоединилось множество аристократов и членов германских королевских домов». Он упоминал, в частности, принца фон Вальдека, принца фон Мекленбурга, а после 1932 года также принца Липпе-Бистерфельда, генерала графа фон Шуленберга, архиепископа Гребера Оренбургского, архиепископа Брунсвикского и принца Гогенцоллерн-Зигмарингенского. Когда Гиммлер вступил в должность в 1929 году, в СС, по словам Эберштейна, было всего около 50 человек, но, захватив власть, он имел в подчинении уже около 15 000 человек на территории Саксонии и Тюрингии. Элегантная форма СС привлекала новобранцев и повышала их престиж в обществе. Как сказал в Нюрнберге Эберштейн, «увеличение числа служащих можно объяснить, во-первых, фактом прихода к власти национал-социалистского правительства, и тем, что многие люди захотели показать свою преданность новому государству. Во-вторых, после того, как партия запретила прием новых членов, многие захотели

вступить в полувоенную организацию, такую, как СС или СА, и позже стать, таким образом членами партии. Но были и те, кто меньше интересовался политикой и находил удовольствие в занятиях спортом и товариществе молодых людей. С февраля или марта 1934 года Гиммлер отдал приказ о тщательном расследовании по каждому человеку, вступившему в партию после 1933 года. Расследование продлилось до 1935 года, и за это время 50 или 60 тысяч членов со всего рейха были уволены из СС… Правила отбора требовали наличия сертификата полиции о примерном поведении. Также требовалось, чтобы люди могли доказать, что ведут добропорядочную жизнь и выполняют профессиональные обязанности. Не принимали ни одного безработного или того, кто не желал работать».

Для Гейдриха теперь, когда партия пришла к власти, СС представляла собой ядро секретной полиции. И в Берлине, и в Мюнхене уже существовала официальная политическая полиция, и, когда после 30 января началась масштабная чистка всех служб, многие сотрудники секретной полиции продолжали служить нацистам. Среди них, например, был Генрих Мюллер, позже возглавивший гестапо фактически до того, как стал членом партии. Письменные показания, зачитанные на Нюрнбергском процессе, показывают, что СД в Мюнхене, с ее тщательной проверкой благонадежности служащих, была хорошо подготовленной политической полицией, известной как отдел № 6 полицейской организации. Большинство работников СД немедленно перешло в службу Гиммлера, когда Гитлер назначил его начальником полиции Мюнхена — очень незначительная должность в сравнении с тем, что дали Герингу: он был не только членом правительства и президентом рейхстага, но и стал министром внутренних дел Пруссии. Это назначение делало Геринга главой полиции, являвшейся гораздо большей и влиятельной государственной властью в Германии. Геринг сразу же использовал свое положение для назначения Курта Далюге, руководителя СС в Берлине, главой прусской полиции[25], а Рудольфа Дильса, полицейского чиновника, женатого на его кузине Ильзе Геринг, назначил начальником нового отдела политической полиции Берлинского полицейского бюро 1А, позже переименованного в гестапо. Далюге на своем новом посту был полностью под влиянием Геринга и отказался даже принять Гейдриха, приехавшего в Берлин 15 марта, чтобы повидаться с Далюге от имени Гиммлера. Далюге, молодой оппортунист, не имевший ни особого ума, ни совести, достиг звания генерала СС в возрасте 29 лет. До вступления в СС он руководил службой городских очистных сооружений. Теперь ему пришлось

изворачиваться, чтобы лавировать между начальниками, борющимися за власть.

В первые месяцы после назначения Гитлера канцлером именно Геринг, а не Гиммлер, активизировал полицейский контроль. Он направил свою громадную энергию на сокрушение остатков демократии в Германии и разгром коммунистов — главных врагов партии в рейхстаге и на улицах. Для разгрома сопротивления большое значение имели скорость и использование насилия и террора до того, как противник успеет понять, что происходит, и, сплотившись, дать отпор внезапной жестокой атаке перевесом голосов на готовящихся выборах 5 марта. За неделю был распущен прусский парламент, за месяц были уволены ненадежные полицейские начальники и гражданские служащие, на их места были назначены другие, вся полиция, новая и старая, была вооружена; «пуля, выпущенная из полицейского пистолета, — моя пуля», — кричал Геринг. Для прекращения беспорядков и реальных, и воображаемых, Геринг набрал 25 000 человек из СА и 10 000 из СС и вооружил их, чтобы поддержать действия полиции. Коммунистические лидеры были арестованы и их партия была фактически отстранена от дел до выборов. В феврале, в ночь пожара рейхстага и Гитлер и Геринг заявляли, что готовился коммунистический путч, а пожар послужил знаком небес, уничтожившим следы предателей-коммунистов. 28 февраля было прекращено действие статей конституции, гарантирующих социальные свободы, и теперь каждого могли взять под стражу без суда и следствия. На выборах нацисты получили лишь незначительное большинство наряду со своими союзниками националистами, но в рейхстаге, избавленном от депутатов-коммунистов, Гитлер смог провести 23 марта закон, дававший ему возможность править страной с помощью средств чрезвычайного положения.

Действия такого рода едва ли отвечали склонностям Гиммлера. Когда было решено сместить консервативное католическое правительство в Мюнхене, его увольнением 8 марта занялась СА под командованием Риттера фон Эппа, друга Рема. Гиммлера, начальника баварской полиции, не приняли во внимание. В том же месяце Геринг организовал первые концентрационные лагеря в Пруссии под руководством Дильса, а в апреле разместил свою политическую полицию в ее собственном штабе на Принц Альбертштрассе в Берлине. В январе она стала официально известна как государственная секретная полиция, или сокращенно гестапо. Это было первое значительное движение по направлению к централизации полицейского контроля в государстве, а также предупреждение Гиммлеру, чья

власть все еще ограничивалась Баварией.

В период с апреля 1933 по апрель 1934 года Гиммлер шел к власти окольными путями. Гейдрих стал начальником баварской секретной полиции и службы безопасности СС. Гиммлер создал собственную модель концентрационного лагеря в Дахау, параллельно тем, что повсеместно строил Геринг, а также (полуофициально или неофициально) другие лидеры СС и СА, спешившие занять место в различных регионах, на которые нацистская администрация поделила Германию. В Нюрнберге Геринг утверждал, что закрывал несанкционированные лагеря, попадавшие в поле его зрения, где практиковалось зверское обращение с узниками. Лагерь, построенный СС возле Оснабрюка, привел к активным разногласиям между Гиммлером и Герингом; следователи последнего во главе с Дильсом утверждали, что солдаты СС открыли по ним огонь, когда они попытались выяснить, что происходит в лагере. Гиммлера заставили закрыть лагерь по прямому приказу Гитлера. Вмешательство Геринга было в значительной степени продиктовано его желанием в то время стать координатором деятельности полиции во всей Германии. Он потерпел неудачу из-за амбиций Гиммлера улучшить личное положение и желания Рема соединить крупные силы СА в регулярную армию, а самому стать главнокомандующим — положение, которое не потерпели бы ни Геринг, ни Гитлер.

Чтобы контролировать свой лагерь в Дахау, Гиммлер учредил добровольное формирование из сотрудников СС, желающих исполнять долговременную службу лагерных охранников. Это центральное формирование получило название «Мертвая голова», членам отряда были выданы особые знаки различия в виде черепа и перекрещенных костей. Командование этим и другими отрядами «Мертвая голова» было поручено Теодору Эйке, бывшему армейскому офицеру и ветерану первой мировой войны, одному из самых преданных сторонников Гиммлера в расовых вопросах. Одним из охранников Эйке в Дахау был австриец Адольф Эйхман, другой был Рудольф Хесс, позже возглавивший уничтожение евреев в Аушвице (Освенцим).

Хесс, который, подобно Геббельсу и Гейдриху, одно время намеревался стать католическим священником, служил солдатом во время войны 1914–1918 гг., а позже присоединился к добровольному корпусу. Он был вовлечен в жестокое политическое убийство и заключен в тюрьму на 6 лет, после освобождения стал нацистом и поступил на службу в СС. Этот необычный человек, такой послушный долгу и почтительный, находясь в заключении после гитлеровской войны, писал мемуары и в мельчайших подробностях объяснял свои отношения

с Гитлером. Он принадлежал к идеалистической сельскохозяйственной молодежной организации, которая посвятила свои труды обработке земли и избежанию городской жизни. Как он утверждал, с этим увлечением было покончено, когда он впервые встретился с Гиммлером, который в июне 1934 года на смотре СС в Штеттине пригласил его присоединиться к штату в Дахау, где Хесс в декабре стал капралом в отряде «Мертвая голова»[26].

Дахау, экспериментальный концентрационный лагерь, был организован по приказу Гиммлера, подписанному им как начальником полиции Мюнхена 21 марта, и разрешен католическим сторонником нацистов Генрихом Хельдом, премьер-министром Баварии, за несколько дней до его изгнания силами СА. Приказ, появившийся в мюнхенских газетах в день его подписания, гласил:

> «В среду 22 марта близ Дахау будет открыт первый концентрационный лагерь. В нем будет размещено 5000 узников. Планируя лагерь такого масштаба, мы не поддадимся влиянию каких-либо мелких возражений, поскольку убеждены, что это успокоит всех, кто уважает нацию, и послужит к их пользе.
>
> *Генрих Гиммлер*
>
> *Действующий начальник полиции города Мюнхена».*

Дахау, расположенный в 12 милях к северо-западу от Мюнхена, стал постоянным центром репрессий нацистов против народа Германии и всех тех, кого позже поработил Гитлер. В первый разнузданный период власти захваты мужчин и женщин для допросов с применением физической силы, даже пыток, проводимые СС и СА, стали выходить из-под контроля. И к Рождеству 1933 года Гитлер счел необходимым объявить амнистию 27 000 заключенных. Никто теперь точно не знает, сколько человек на самом деле было выпущено на свободу, а Гиммлер позже хвастался, что смог убедить Гитлера не включить в амнистию ни одного заключенного Дахау.

Приказ о «защитном попечении» был так же краток, как приказ о создании Дахау; он гласил: «На основании статьи 1 Декрета президента Рейха о защите людей и государства от 28 февраля 1933 года, вас берут под защитное попечение в интересах общественной безопасности и порядка. Основание: подозрение в деятельности, враждебной Государству».

Геринг был совершенно откровенен, говоря о причинах создания лагерей: «Нам приходилось жестоко обходиться с врагами Государства… Поэтому были созданы концентрационные лагеря, куда мы должны были посылать первые тысячи чиновников коммунистической и социал-демократической партий». Фрик позже определил «защитное попечение» как «принудительную меру государственной секретной полиции… для того, чтобы противостоять всем стремлениям врагов государства и народа». Грубая энергия Геринга была одним аспектом жестокости нацистов, другим было внимание Гиммлера к деталям зверств. Почти 20 лет отделяют нас от того, что происходило в концентрационных лагерях, и ни один документ не может быть более полным, чем свидетельства тысяч мужчин и женщин, которые подверглись гонениям и сумели выжить, а также подробные показания таких людей, как Хесс и Эйхман, служивших агентами Гиммлера в самой страшной летописи пыток, уничтожения и отчаяния, которую когда-либо вело человечество в таких ужасающих подробностях. Если Геринг как человек был не более жесток, чем многие другие угнетатели в эволюционной борьбе современной Европы, хладнокровные карательные действия Гиммлера, его садизм не поддаются пониманию. Тем не менее его необходимо понять в значительной степени потому, что всегда будет существовать человек, который, имея подобную власть над другими и сознание собственного превосходства, поддастся искушению действовать так, как действовал Гиммлер.

Гиммлер научился жить и работать по инструкции, и 1 ноября 1933 года Эйке под его бдительным руководством внес дополнения в правила жизни и смерти в Дахау. Красивая формулировка — результат работы в удобных кабинетах — наводила бюрократический глянец на акты террора, которые подразумевались новыми правилами. Например:

«Срок заключения в концентрационном лагере будет открыто объявлен как «до особого распоряжения»… В особых случаях Рейхсфюрер СС и начальник немецкой полиции отдает приказ о телесном наказании в дополнение к содержанию в концентрационном лагере… В этом случае также ничто не препятствует распространению слухов об этом возросшем наказании… для усиления устрашающего эффекта. Естественно, для распространения подобных новостей будут отбираться подходящие и надежные люди.

Будут повешены следующие преступники, считающиеся агитаторами: все, кто… произносит провокационные речи и проводит митинги, организует клики, бездельничает; все, кто с

целью поддержания пропаганды оппозиции рассказывает истории о зверствах, собирает верную и ложную информацию о концентрационном лагере…».

Тайная погоня Гиммлера за властью началась за пределами Пруссии, где его противником был Геринг. Рем, всегда бдительно следивший за ситуацией, понял, что Гиммлер и Гейдрих составляют сильную команду и не удовлетворятся тем незначительным положением, которое досталось им в нацистском государстве. Рем счел мудрым не настраивать против себя лидеров СС. К лету первоначальная энергия Геринга истощилась, а тяга к удовольствиям в сочетании с желанием занять новые важные должности при Гитлере привели к ослаблению контроля над подчиненными, которые были вовлечены в борьбу за верховную власть между СА, СС и гестапо. Далюге, шеф полиции Геринга, к тому времени решил сохранять контакт с Мюнхеном.

Артур Небе был одним из многих офицеров СС, работавших в гестапо. Дильс утверждал, что Небе шпионил за ним для Гейдриха, а Карл Эрнст, занимавший у Рема должность начальника отдела кадров берлинского подразделения СА, даже угрожал его жизни, пока Рем не приказал ему прекратить угрозы, а затем предложил Дильсу перейти в СС, чтобы таким образом обезопасить себя. Возможность сделать это представилась Дильсу после налета СС на его квартиру, что привело к открытому конфликту между Герингом и Гиммлером, который они, руководствуясь здравым смыслом, урегулировали при встрече в Берлине. Дильса успокоили, с почестями переведя в СС. Но это не спасло его от угрозы ареста службой СС, и в октябре он был вынужден бежать. Приказ об аресте, по его утверждениям, был подписан самим Герингом. Это произошло после того, как Герингу представили подготовленные Гейдрихом доказательства антинацистской деятельности Дильса.

Говорил ли Дильс правду или нет, его история важна потому, что показывает постепенный рост фигур Гейдриха и Гиммлера в глазах берлинцев. Германия состояла из большого количества полуавтономных государств, больших и малых, среди которых Бавария, где брала свое начало группировка гитлеровских нацистов, была второй по степени важности после Пруссии. Гиммлер, как и Геринг, хорошо знал, что Гитлер хочет объединить Германию под своей властью, и в качестве награды за свои умелые действия в Баварии попросил фюрера распространить его полномочия на оставшиеся области Германии. В погоне за тем, чтобы построить обособленные государства под властью полиции, Геринг сделал первый мощный рывок, но ему не хватило выдержки, чтобы победить. С октября

Гиммлер начал собирать для себя должности шефа политической полиции в оставшихся государствах внутри Германии. Он завершил этот процесс в марте следующего года.

Такое приобретение особой власти в государствах Германии через вступление в должность командующего политической полицией было незаконным, так как никто не посоветовался с Фриком, нацистским министром внутренних дел, несмотря на то, что правительства провинций несли ответственность перед Министерством внутренних дел за управление своей полицией. Чтобы прикрыть свою деятельность, Гиммлер всегда провозглашал себя слугой провинциальных правительств, и после парада местных подразделений СС, задуманного для устрашения чиновников, он якобы от их имени принял свое новое назначение. Фрик, воплощавший гитлеровскую политику постепенной централизации власти, был вовсе не беспомощен, защищая свои права министра против такого очевидного вторжения Гиммлера в область его обязанностей. По словам антинациста Гизевиуса, он «встряхнулся» и запретил государствам создавать дополнительные должности без его личного согласия, но Гиммлер обошел его и здесь, заставив финансовые министерства провинциальных правительств субсидировать его подразделения СС и концентрационные лагеря, находящиеся на их территорий. Так, различными способами, Гиммлер плел свою паутину власти, пока она не покрыла всю Германию, исключая лишь Пруссию, где властвовал Геринг[27].

В это же самое время, осенью 1933 года, Гейдрих, пренебрегая недовольством Геринга, организовал отдел СД в Берлине в здании на Эйхеналлее, а в ноябре Грегор Штрассер, у которого когда-то работал Гиммлер, в записке к Гансу Франку заметил, что Гитлер полностью находится в руках Гиммлера. Однако официальное повышение в виде перевода в Кабинет министров Гитлера в декабре 1933 года получил Рем. Такой шаг встревожил Геринга и заставил его тщательно пересмотреть свои дальнейшие отношения с Гиммлером.

Гизевиус, все еще служивший тогда в гестапо, описывал, как оказался втянутым в интриги между Далюге, Дильсом и Гейдрихом. В 1934 году его вместе с Небе пригласили, выражаясь красиво, посетить конференцию в казармах СС в Лихтерфельде. Они пошли, думая, что пробил их последний час, и, к их удивлению, были радушно приняты Дитрихом, комендантом части, им также передали льстивые послания от Гиммлера и Гейдриха. В письмах особенно расхваливалась их позиция против коррупции в гестапо. Офицеров пригласили сесть и написать рапорт, где указать все их «жалобы», как выразился Дитрих. Они

так и сделали, описав многочисленные примеры «вымогательства, пыток и убийств». По словам Гизевиуса, «излюбленной тактикой СС всегда было появляться под видом почтенных граждан и энергично критиковать любую крайность, ложь или нарушение закона. Гиммлер, когда говорил с небольшой группой людей, был похож на самого отважного крестоносца в борьбе за благопристойность, чистоту и справедливость». Гиммлер, несомненно, верил в свою миссию, как строгий школьный учитель, а Гейдрих в это время продолжал пополнять свои досье, готовясь к финальному штурму прусской цитадели.

Чтобы подчеркнуть потребность в подчинении политической полиции одному лицу, Гейдрих воспользовался докладом одного из своих агентов о подготовке коммунистического заговора с целью убийства Геринга. Гестапо во главе с Герингом ничего не было известно о заговоре. Аресты подозреваемых были произведены до того, как о происшествии узнали Геринг или Гитлер, и Гиммлер использовал этот заговор, чтобы надавить на фюрера с целью объединения всех сил немецкой полиции под контролем СС. После некоторого колебания Гитлер дал положительный ответ, и с согласия Геринга прусское Министерство внутренних дел было объединено с Министерством внутренних дел рейха, а политическая полиция, включая гестапо, перешла в распоряжение Гиммлера в качестве нового руководителя сил национальной секретной полиции. Чтобы смягчить передачу власти, Герингу была оставлена номинальная должность премьер-министра Пруссии, но 10 апреля на собрании гестапо он в присутствии Гиммлера и Гейдриха обратился к аудитории и объяснил, что в дальнейшем их работой будет руководить Гиммлер как его представитель. Он приказал поддерживать Гиммлера в борьбе с врагами государства, а Гиммлер в свою очередь с раболепным восторгом торжественно заявил о своей преданности и признательности. «Я навсегда останусь преданным вам. Вам никогда не придется опасаться меня», — заявил он. 20 апреля 1934 года гестапо формально перешло во владение Гиммлера и его заместителя Гейдриха. Звенья в служебной цепочке сомкнулись.

III
Элита

В период постепенного увеличения сферы власти и влияния Гиммлер понял, что ему больше не выгодно, да и не пристало оставаться фермером. Маленькое хозяйство в Вальдтрудеринге было продано, и он перевез свою семью, включавшую теперь помимо жены и пятилетней дочери Гудрун приемного мальчика по имени Герхард в поместье Линденфихт в Гмюнде, расположенное на прекрасном озере Тегернзе, в 25 милях от Мюнхена. Когда Гиммлер возглавил гестапо в апреле 1934 года, он перенес свою официальную резиденцию в Берлин и поселился на вилле в Далеме, фешенебельном предместье, где жил также Риббентроп. Его штаб-квартира в Берлине находилась на Принц Альбертштрассе, где Геринг основал гестапо; штаб Гейдриха находился неподалеку на Вильгельмштрассе.

Семейная жизнь Гиммлера не была особенно счастливой. Он не испытывал сильных чувств к женщине, на которой женился; он был страстно предан своей работе в Берлине, что привело к постепенному отчуждению и раздельному жительству супругов, хотя формально они не разводились. Марга жила в Гмюнде, который до конца жизни Гиммлера оставался его надежным буржуазным домом. Частые письма Марги, вовсе не сентиментальные, как это было вначале, полны болтовни о домашних делах: о погоде, одежде мужа, о потерях и урожае в саду и огороде, а также жалоб на редкие визиты мужа: «Мы с нетерпением ждем твоего приезда… Не привози с собой так много документов для работы. Мы тоже хотим немного твоего внимания». В моменты его отсутствия Марга в письмах часто напоминала Гиммлеру о деньгах на хозяйство. Марга несомненно была хорошей и бережливой женой, экономившей каждую монету из тех денег, что давал ей муж, но его долгое отсутствие ожесточало ее. Ее социальный статус не вырос вместе с его возвышением, так как она не могла поехать в город и разделить положение Гиммлера. В октябре 1931 года она наивно пишет о хороших новостях для нацистов, добавляя: «Как бы мне хотелось присутствовать при всех этих великих событиях». Но Гиммлер упорно держит ее в тени. Тем не менее Марга очень гордилась тем, что она жена господина рейхсфюрера, и заключала с местными торговцами выгодные сделки. Они же больше предпочитали иметь дело с Гиммлером, который во время своих редких приездов казался им гораздо более гуманным и менее

претенциозным. Он любил свою дочь Гудрун и приезжал в Гмюнд скорее для того, чтобы увидеться с ней, чем с женой[28].

У Марги были две сестры, Лидия и Берта; 19 апреля 1936 года Берта получила от зятя официальное письмо, начинавшееся словами: «Мне сообщили, что вы снова были в нашем офисе и делали бестактные и очень глупые замечания. Настоящим сообщается, что я прощаю вас: а) за то, что вы явились в мою контору; б) за то, что позвонили всем в моей конторе, исключая лишь меня и бригадефюрера СС Вольфа… Впредь вам следует воздерживаться от замечаний относительно дел и служащих СС. Все начальники отделов ознакомлены с этим письмом. Хайль Гитлер!»

Гиммлер обвинял Берту в том, что она враждебно отзывалась о Гейдрихе и говорила, что когда Гиммлера нет в Берлине, ей приходится управлять его делами в конторе.

Отношения Гиммлера с родителями в последние годы их жизни были теплыми и уважительными. Он поручил отцу провести исследование о предках семьи; письмо, посланное стариком из Мюнхена в феврале 1935 года, начинается так: «Мой дорогой Генрих, на этот раз твой отец не обращается к тебе с просьбой, а сам приготовил для тебя кое-что». Мать Гиммлера написала постскриптум, говоря о том, как она гордится, так часто видя имя и портреты сына в газетах. Но он не должен так много работать, добавляет она, должен беречь себя и поскорее приехать к ним в Мюнхен.

Гиммлер старался увидеться с родителями при любом удобном случае и посылал за ними служебный автомобиль, не забывая указать, чтобы расходы на бензин вычли из его жалованья.

Переводу Гиммлера в Берлин предшествовала внезапная и жестокая атака Гитлером Рема и его помощников, стоящих во главе СА. Известно, что решение предпринять подобную чистку далось Гитлеру нелегко, так как Рем, несмотря на его угрожающие амбиции и моральное разложение, был человеком, к которому Гитлер относился лояльно и даже дружелюбно. Возможно, он боялся Рема. На этом раннем этапе в его карьере диктатора Гитлер не любил предпринимать широких публичных насильственных акций, которые могли привести к непредвиденным последствиям и которые он не смог бы контролировать, чего очень боялся. Но Гиммлер и Геринг были полны решимости избавиться от Рема и прекратить влияние СА. Они объединились ради общей цели, чтобы убедить Гитлера в том, что командующий СА и его недовольные войска планируют государственный переворот.

Рем нажил себе проблемы, использовав место, полученное им в гитлеровском кабинете министров, чтобы настоять на объединении СА (насчитывавшей тогда 3 млн человек) и регулярной армии под начальством одного человека, и этим человеком рассчитывал стать он сам. Гитлер, который положил глаз на президентскую должность, в то время как настоящий президент Гинденбург находился при смерти, заключил тайное соглашение с верховным командованием армии и флота о том, что если они согласятся на то, чтобы он был президентом, он расформирует СА. Фактически служба СА уже была для него бесполезной, а присутствие в государстве неуправляемой силы стало источником постоянных затруднений теперь, когда уличные бои были выиграны, а залог власти был в приобретении вооруженными силами тотального контроля. В любом случае Гитлер пообещал сэру Джону Саймону и Энтони Идену 21 февраля, во время их визита в Германию в качестве министров, что он демобилизует две трети служащих СА и позволит остальным пройти приемную комиссию для службы в союзнических войсках[29].

Служащие архивов Гейдриха жадно собирали свидетельские показания, способные очернить Рема и командующих СА в глазах Гитлера и доказывающие, что они плетут заговор вместе с другими признанными диссидентами, такими, как хитроумный Шлейхер, которого Гитлер сменил на посту канцлера, и Грегор Штрассер, который в 1932 году предпринял неудачную попытку вывести радикальную группировку нацистской партии из-под власти Гитлера и теперь вел уединенную жизнь. Согласно показаниям Фрика, гитлеровского министра внутренних дел, на Нюрнбергском процессе, скорее Гиммлер, а не Геринг определил линию поведения Гитлера.

Гиммлер провел первые недели нового периода своей власти, объезжая центральные пункты, где были размещены отряды СС, и призывая их к верности фюреру. В Берлине Гейдрих готовил для Геринга списки членов СА, которых следовало арестовать. 6 июня Гитлер провозгласил СД Гейдриха официальным Управлением партийной разведки, которому следует предоставлять любую информацию без малейшей утайки. Лидеров СА в Берлине и на юге держали под постоянным наблюдением.

Развитие событий, приведших к кровавой развязке 30 июня, начало ускоряться. Гитлер приказал Рему отправить всех штурмовиков в месячный отпуск с 1 июля, а сам Рем, с согласия Гитлера, номинально ушел в отпуск по болезни и уехал в Баварию 7 июня. Он поддерживал формальные отношения с Гитлером, который даже обещал навестить его 30 июня для обсуждения

дальнейшего положения. 20 июня, после конференции с Гитлером в Берлине, Гиммлер утверждал, что в его машину стреляли, когда он ехал на погребение тела Карин, первой жены Геринга, в мавзолее, построенном им в его огромном поместье Каринхалле, названном так в честь жены[30].

На Нюрнбергском процессе Эберштейн описывал, как «примерно за 8 дней до 30 июня» его вызвали и сказали, что Рем планирует государственный переворот. Гиммлер приказал ему держать его эсэсовцев «в состоянии полной готовности» в их казармах. Эберштейн также дал отчет о том, как, согласно приказу Гейдриха, были организованы казни на местах:

«В тот день, 30 июня, ко мне пришел некий полковник СС Бойтель с особым приказом, который он получил от Гейдриха. Он был совсем молодой человек, этот Бойтель, и не знал, что делать, он пришел ко мне, старшему товарищу, за советом. У него был приказ, в котором содержалось примерно 28 имен и постскриптум, гласивший, что одни из этих людей должны быть арестованы, а другие казнены. Документ не был подписан, и потому я посоветовал этому полковнику СС обратиться за разъяснениями о том, что должно произойти, и настоятельно предостерег его от каких-либо поспешных действий.

Затем, насколько мне известно, в Берлин послали курьера, который привез 8 приказов о казни, исходивших от Гейдриха. Распоряжения были примерно такие: «По приказу фюрера и канцлера Рейха такой-то…» (затем следовало имя) «приговаривается к смерти через расстрел за государственную измену»[31].

Приказы были подписаны Гейдрихом… На основании этих документов 8 членов СА, являвшихся также членами партии, были расстреляны германской политической полицией в Дрездене… Вот что я знаю об этом, по крайней мере в моей сфере деятельности».

Гиммлер в период, предшествовавший политической чистке, контактировал с военным управлением, а особенно с Вальтером фон Райхенау, генералом в армейском командовании, который был готов работать с нацистами.

С 21 по 29 июня Гитлер непрерывно предпринимал поездки, связанные с многочисленными должностными обязанностями, Гиммлер 24 июня провел в Берлине конференцию верховного командования СС, а 25 июня армия была приведена в состояние полной боевой готовности. В тот же день Гейдрих с помощью нескольких избранных офицеров СД начал готовить окончательный вариант списков подлежащих наказанию служащих СА, и не только их. В разгар свадебного пира

эссенского гауляйтера Тербовена, свидетелями на свадьбе которого были Геринг и Гитлер, из Берлина прибыл Гиммлер со срочными новостями о том, что нужно действовать без промедления. Несомненно, частью плана Геринга и Гиммлера было держать фюрера в состоянии тревоги. После спешно проведенной конференции они покинули Гитлера и вернулись в Берлин, чтобы закончить последние приготовления к политической чистке.

Гитлера наконец вынудили к действию, и 30 июня он еще до рассвета вылетел в Мюнхен, а затем на автомобиле добрался до санатория у озера Тегернзе, где поднял Рема с постели, обвинил его в предательстве и приказал своим людям арестовать его. На юг для оказания необходимой помощи был послан особый отряд Гиммлера под командованием Зеппа Дитриха, в обязанности которого входила защита Гитлера, но сам Гитлер не смог или не захотел видеть казни, которые вскоре должны были состояться, и удалился в Коричневый дом — штаб-квартиру партии в Мюнхене. Не обошлось без некоторых беспорядков, поскольку Ганс Франк, баварский министр юстиции, не пожелал казнить стольких людей без суда и следствия лишь потому, что их имена были в списке, составленном Герингом и Гиммлером, а Гитлер подчеркнул их карандашом. Самого Рема расстреляли лишь 2 июля.

В Берлине у Геринга и Гиммлера не было ни времени, ни желания соблюдать юридические формальности. У них были списки, заключенные и исполнители приговора — отделение личной полиции Геринга, ожидавшее, когда сможет расстрелять обреченных. Действие происходило в частной резиденции Геринга на Лейпцигерплац, где они с Гиммлером устанавливали личности арестованных, когда их доставляли к ним, предъявляли обвинение в государственной измене и быстро приказывали расстрелять, если их имена в списках были помечены галочкой. Эти события описаны человеком, который видел их собственными глазами — Папеном, вице-канцлером Гитлера, которого Геринг счел нужным взять под свою защиту. Он послал своего адъютанта Боденшаца, чтобы привести Папена на Лейпцигерплац, где его взяли под стражу. Как только прибыл Папен, Гиммлер по телефону отдал распоряжение о налете на вице-канцлерство. Пресс-секретарь Папена Боз был убит, а остальной персонал арестован. Когда Папену наконец вернули свободу, он обнаружил, что его офис оккупирован солдатами СС, а в отношениях между его полицией и личной полицией Геринга царит неразбериха. В конце концов эсэсовцы посадили Папена под домашний арест, и командиру отряда было сказано, что он отвечает за безопасность вице-канцлера. Гиммлер и Гейдрих, для которых такая

абсолютная власть была внове, без колебаний расстреляли бы Папена. Геринг был более дипломатичным[32].

Массовые убийства, прокатившиеся по всей Германии, получили старт в штаб-квартире Геринга. Узнав, что Гитлер в сопровождении Геббельса прилетает из Мюнхена в Берлин, Геринг и Гиммлер собрали свои печатные листы и вместе с Фриком поспешили в аэропорт Темпельхоф, чтобы отчитаться о своем управлении делами. Когда самолет приземлялся, небо было кроваво-красным; Гитлер, не спавший 48 часов, молча пожал руки людям, которые щелкали каблуками, когда он приветствовал их, а затем осмотрел почетный караул, выстроенный на гудронированном шоссе. Сцена, которую красочно описал присутствовавший там Гизевиус, носила мелодраматический характер в духе Вагнера. Гиммлер подобострастно и назойливо приблизил свой список имен к налитым кровью глазам Гитлера. Все остальные стояли вокруг на почтительном расстоянии, пока палец фюрера скользил по именам мертвых или тех, кто с минуты на минуту должен был умереть, а Геринг и Гиммлер что-то нашептывали Гитлеру. Затем палачи во главе с Гитлером молча, как похоронная процессия, в порядке старшинства двинулись к ожидавшим их автомобилям.

Геббельс поспешил пресечь сообщения о казнях в немецкой прессе, которую он теперь полностью контролировал. Лишь для представителей зарубежной прессы, спешно созванных Герингом, в общих чертах был обрисован мнимый заговор Рема, обрисован человеком, который его изобрел. Убийства не прекратились и на следующий день, в воскресенье, когда Фрик, отводя душу в откровенном разговоре с Гизевиусом, высказал свой ужас от поведения Гиммлера и Геринга. После этого он пошел предупредить отдыхавшего после полета Гитлера о том, что СС, возможно, представляет еще более зловещую угрозу общественной безопасности, чем СА. Но фюрер хотел одного: расслабиться на чайном вечере, который он давал в саду канцлерской резиденции.

Бойня 30 июня ввела Гиммлера и Гейдриха — провинциалов с юга — в кулуары гитлеровского двора. Гейдриха произвели в генерал-лейтенанты СС, звание вступило в силу с того дня, когда люди, внесенные в список, были поставлены перед отрядом, наряженным для расстрела. Геринг получил личные поздравления Гинденбурга, посланные им со смертного одра. 26 июля Гитлер официально объявил СС независимой службой. 2 августа, когда умер Гинденбург, Гитлер соединил должности президента и канцлера и провозгласил себя «фюрером» (вождем), главой государства, а также главнокомандующим вооруженных

сил рейха. Армию немедленно призвали принести присягу на верность лично Гитлеру.

За день до провозглашения Гитлером независимости СС сотрудники службы в Вене убили австрийского федерального канцлера доктора Дольфуса. Это была часть бесплодной попытки австрийских нацистов захватить власть в Вене. Гитлер немедленно стал отрицать свою причастность к провалившемуся заговору, но не потому, что не одобрял предпринятой попытки, просто все это было не ко времени и не увенчалось успехом. Как и следовало ожидать, прямых доказательств того, что Гиммлер и Гейдрих отдавали указания австрийским СС, не существует. Это должно было заставить Гитлера по крайней мере усомниться в благоразумии командующих СС. Хотя они остались совершенно безмолвными в то время, когда Гитлер счел за лучшее отмежеваться от убийства, позже, в более благоприятный период после аншлюса, они услышали, что Рудольф Гесс провозгласил мучениками австрийских эсэсовцев, погибших во время путча. В июле 1934 года, когда Гитлер был все еще вовлечен в последствия политической чистки, кровавая акция его приверженцев в Австрии подвергла риску ту героическую репутацию нацистов, которую он стремился создать за пределами Германии. Неизвестно, объявил ли он выговор тем, кого так недавно ввел в ряды избранных нацистских лидеров, но Гиммлер, должно быть, понес какую-то ответственность за неосторожное убийство канцлера, поскольку австрийские части СС получали оружие от немецких подразделений. Среди арестованных в Австрии был Эрнст Кальтенбруннер, адвокат, которого Гейдрих нанял к себе в агенты. После убийства Гейдриха в 1942 году Кальтенбруннер принял на себя его обязанности в Берлине.

Теперь, когда СС стала абсолютно независимой силой, подчиняющейся лишь Гиммлеру и самому Гитлеру, внимание Гиммлера поглотили укрепление ведомства и забота о расовой чистоте служащих и их преданности его идее, превратившейся в навязчивую, сделать их особой социальной группой в государстве и в партии. Он был больше озабочен качеством СС, нежели количеством членов. Как мы уже знаем, он еще до 30 июня начал удалять тех людей, которые после захвата власти Гитлером были приняты в СС слишком поспешно, и тех, кто не сумел пройти его строгие тесты. Согласно показаниям Эберштейна на Нюрнбергском процессе, в период с 1934 по 1935 год из СС было уволено около 60 000 человек. Тем не менее СС с 200 000 членов представляла собой грозную силу, которая доставляла армии, уже разделившейся в своем отношении к Гитлеру, все возрастающее беспокойство. Природная осторожность Гиммлера всегда

защищала его от неприятностей. Он предпочитал работать втайне, хотя всегда был готов сделать публичное заявление о тех высоких стандартах, которые он установил для СС, и о своей нетленной преданности Гитлеру.

С 1934 года СС было запрещено принимать участие в любых военных маневрах армии, хотя некоторые члены СС были военными резервистами, и все открыто получали специальную военную подготовку. Эсэсовцев вооружили малокалиберными винтовками и учили стрелять. Теперь их тщательно отбирали по нордическим качествам. По словам Гиммлера, СС должна была быть «национал-социалистской группой нордических солдат».

Как сказал Гизевиус, давая показания на Нюрнбергском процессе, «члены СС должны были быть так называемых нордических типов… если не ошибаюсь, отличительные особенности мужчин и женщин касались даже потоотделения под руками»[33]. Обман, имевший место при наборе в СС, по утверждению Гизевиуса, был часто аморален; люди вступали в ряды СС из честных побуждений помогать силе, посвященной, как казалось, поддержанию порядка и благопристойности, в отличие от вырождавшегося хулиганства СА, а затем обнаруживали, что втянуты в преступную деятельность, навязанную им Гейдрихом и Гиммлером. В СС было много служащих, лишь частично занятых в работе организации, которые занимались своей обычной деятельностью, а исполнению обязанностей в СС отдавали свободное время, за исключением особых случаев и чрезвычайных ситуаций в стране. Клятва, которую давал каждый человек, вступая в ряды СС, была такой: «Я присягаю тебе, Адольфу Гитлеру, фюреру и канцлеру рейха, в верности и мужестве. Я клянусь тебе и тем, кого ты назначил моими командирами, в повиновении до самой смерти, и да поможет мне Бог»[34].

В 1932 году Гейдрих основал школу руководства в Бад-Тельце, в Баварии; этот учебный центр просуществовал, правда, претерпев значительные изменения в учебном плане, до начала войны. Гейдрих был так же озабочен интеллектом лидеров СС, как и их физической подготовкой. Основой его образования были спорт, гимнастика и другие виды занятий, приучавшие студентов к дисциплине, а также нацистская версия истории, география, военное дело и расовое самосознание.

Гиммлер был полон решимости создать центр руководства СС, достойный расового очищения, которым занималась служба. Хотя сознание Гиммлера далеко ушло от католицизма, в духе которого он был воспитан, на его планы относительно центра повлияла самоотверженность монахов католических орденов. Гитлер даже сравнивал его с Игнатием Лойолой. Вальтер

Шелленберг, изучавший медицину и право в Боннском университете и являвшийся одним из самых ярких молодых интеллектуалов, поступивших к Гейдриху в СД, позже стал одним из тех немногих, кто изучил Гиммлера и научился держать его под контролем. В своих «Мемуарах» он пишет: «Организация СС была построена Гиммлером по принципам Ордена иезуитов. Служебный устав и духовные упражнения, представленные Игнатием Лойолой, представляли собой образец, который Гиммлер усердно старался скопировать». Иезуитские идеалы сливались в сознании Гиммлера с его средневековым видением тевтонских рыцарей, чье сочетание религиозности и звероподобного рыцарства вдохновляло его на поиски подобного ордена рыцарей СС в их собственном германском замке.

Орден тевтонских рыцарей был основан в конце XII века одновременно с целью завоеваний и обращения в истинную веру. Центр ордена находился в замке Мариенбург, служившем резиденцией великого магистра ордена. Тевтонские рыцари одинаково гордились своей доблестью и искусством управлять государством, своей способностью к самоотречению и своим мастерством администраторов, и в XIV веке, находясь на вершине могущества, они завоевали всю Польшу вдоль Балтийского моря. Образ великого магистра стал частью навязчивой идеи Гиммлера, но его разум, не способный на широту взглядов или воображения, не смог справиться с упрощенными концепциями из истории, которые он хотел использовать для создания догм в настоящем. Он начал видеть себя великим магистром современного тевтонского ордена, созданного для избавления нордического германского общества от разлагающего проникновения еврейской крови. Как и средневековые тевтонские рыцари, второй большой угрозой чистоте немецкой крови он считал Восток, низшие славянские расы с их пагубными коммунистическими доктринами. Как сказал он сам в 1936 году, «мы позаботимся, чтобы в Германии, сердце Европы, никогда больше не вспыхнула еврейско-большевистская революция, организованная здесь или привнесенная шпионами из-за рубежа».

Для вдохновения он основал новый тевтонский замок Вевельсбург в лесах возле Падерборна, древнего городка в Вестфалии. Вевельсбург был построен на месте средневекового города, его спроектировал архитектор Бартельс, а строительство заняло год и стоило около 11 миллионов марок.

По словам Шелленберга, замком управляли как монастырем, и на тех членов СС, кому выпадала честь посетить Вевельсбург, налагался иерархический порядок по образцу, принятому в католической церкви, а Гиммлер был, согласно иезуитской

терминологии, генералом ордена. У каждого члена Собрания был свой стул и своя именная серебряная тарелка, и «каждый должен был посвятить себя ритуалу духовных упражнений, заключавшихся в основном в концентрации», эквиваленту молитвы, перед обсуждением высшей политики СС[35].

Вевельсбург был единственной данью Гиммлера роскоши, которой были окружены большинство нацистских лидеров. Замок был оборудован в величественной средневековой манере, подобно Каринхалле, обширной резиденции Геринга к северу от Берлина, которую он расширял и реконструировал в то самое время, когда Гиммлер строил Вевельсбург. Убранство и расположение комнат должны были вызывать в воображении дух немецкого величия, каждая комната была названа в честь исторической личности, например Фридриха Великого, а в музее замка были собраны реликвии прошлого. Комната самого Гиммлера была названа в честь Генриха I, Генриха Птицелова, короля, тысячу лет назад основавшего Германское государство.

Лидеры СС, независимо от их интеллектуальных способностей, вынуждены были терпеть эти исторические шарады, чтобы доставить удовольствие Гиммлеру, который с увеличением собственной власти отдавал все больше и больше времени тщательному изучению этой бесполезной истории. В Гиммлере были задатки отшельника, безжалостного анахорета, поглощенного своей наукой и полного решимости переделать человечество по определенному образу, вызванному к жизни его эксцентрическими научными изысканиями. Великая трагедия нашего времени в том, что в течение нескольких лет он обладал властью и мог экспериментировать над Европой ценой миллионов жизней.

Теперь он стал яростным антикатоликом и антихристианином, заменив веру, в которой был воспитан, суевериями, такими, как астрология, которая соответствовала его немецким предрассудкам. В иллюстрированном еженедельном журнале СС «Черная гвардия», который начал выходить в апреле 1935 года, католическая церковь подвергалась нападкам. Редактором журнала был хроникер СС Гюнтер д'Алькуэн, действовавший под руководством Гейдриха[36].

В это же время Гиммлер основал институт, известный как «Наследие предков», для исследования германских расовых источников. Себя Гиммлер сделал президентом этого общества, а директором назначил профессора доктора Вальтера Вуста, которого произвели в почетные капитаны СС. Особой задачей института было соединить прошлое и настоящее, исследуя притязания нордических людей на принадлежность к индо-

германской расе, и восстановить духовное и культурное наследие этой самой благородной расы в мире[11]. «Наследие предков», к примеру, вело обширные археологические раскопки немецких останков под Науэном и Альткристенбергом и даже посылало экспедицию в Тибет. Чтобы оплатить эти исследования, Гиммлер еще раз обратился к своему другу Кепплеру, экономическому советнику Гитлера, который основал общество промышленников под названием «Друзья рейхсфюрера СС», собиравшее большие суммы в поддержку работы Гиммлера[37].

После убийства Рема надзор за концентрационными лагерями перешел к Гиммлеру и СС. За эту работу отвечал Гейдрих, сделавший Эйке, теперь бригадного генерала СС, инспектором лагерей. Подразделение «Мертвая голова», которое Эйке обучал для Гиммлера, властвовало над лагерями, организованными на долговременной основе, такими, как Дахау, как так называемый образцовый лагерь Бухенвальд, основанный вблизи Веймара в 1937 году, и северный лагерь Заксенхаузен. Основные лагеря и их ответвления множились с развитием в стране тирании, пока их число не достигло почти сотни перед войной, а затем с распространением гитлеровских завоеваний они протянулись по всей оккупированной Европе.

Летопись этих лагерей, в которых до конца войны погибло от 5 до 6 миллионов евреев, стала главным обвинительным актом нацистской системе. То, что они продолжали существовать в течение 12 лет, делает наш самый цивилизованный век одним из самых худших в истории человечества. Патологический страх лагерей и того, что там происходило с беспомощными людьми, распространился по Германии и захватил Европу; само сознание их существования парализовало умы большинства немцев. Большинство людей в Германии и за ее пределами до сих пор избегают касаться фактов, которые впервые стали известны в ходе Международного военного трибунала в Нюрнберге после войны.

Главным автором длительного акта человеческой деградации был Гиммлер, веривший, что его задача — священный долг, при исполнении которого нет места чувствам. При создании такого масштабного средства массового устрашения неизбежны были страдания, и он верил, что охранники в лагерях — еще большие жертвы необходимости, чем те, кого они угнетали. Было бы неверно думать, что у Гиммлера не было ни совести, ни жалости; но его жалость простиралась на мужчин и женщин из отрядов «Мертвая голова», на плечах которых лежало это страшное бремя. Гиммлера постоянно мучило беспокойство, в конце концов подорвавшее его здоровье. Наконец он дал волю чувствам, которые испытывал по отношению к этому худшему из всех своих

заданий, в беседе с Керстеном — человеком, который облегчил его боль и в итоге стал наперсником самых тайных мыслей Гиммлера.

Тем не менее вначале Гиммлер даже гордился своими концлагерями. В октябре 1935 года, получив поздравления с днем рождения от Гитлера, он сопроводил Гесса и других именитых гостей на экскурсию в Дахау, где в удобных казармах, построенных узниками, скоро должен был разместиться новый отряд СС, созданный в дополнение к подразделению «Мертвая голова». Он вместе с охраной лагеря нес гарнизонную службу, но основной его задачей была военная подготовка. При базовых лагерях существовали квартиры для семей охранников, и даже в самые страшные периоды истории лагерей во время войны жены и дети эсэсовцев должны были мириться с жизнью возле средоточия мучений и смерти[38].

После политической чистки полувоенный характер СС стал меняться. Гитлеру нужно было наблюдать не только за теми, кто критиковал его режим за границей, возможно, готовился к военным действиям против него, но также контролировать верховное командование немецкой армии, все еще имевшее остатки власти для того, чтобы, приложив определенные усилия, свергнуть его. Начался период его открытого неповиновения победителям и пренебрежения условиями, навязанными Германии в ходе версальских переговоров, и образец обучения СС изменился соответственно обстоятельствам. В январе 1935 года Германия получила обратно землю Саар, в марте Гитлер объявил о призыве на военную службу и основании военно-воздушных сил — Люфтваффе Геринга; в июне Риббентропу, послу в Британии, удалось отменить Морской пакт, ограничивавший развитие морского флота Германии; а в декабре состоялись грязные сделки, развязавшие Муссолини руки в дальнейшем завоевании Эфиопии.

Гитлер решил, что СС должны обеспечить ему целую дивизию подготовленных к войне солдат, и заставил армию принять нелепое положение, сделав это частью своего плана мобилизации. В ноябре 1934 года генерал-лейтенант Пауль Хаузер был назначен ответственным за военную подготовку СС. Хаузер принял на себя руководство школой Гейдриха для командного состава СС в Бад-Тельце и превратил ее в первое из многих, созданных позже, офицерских училищ со строжайшей дисциплиной. По свидетельству Рейтлингера, после войны Хаузер восстановил училище в Бад-Тельце в качестве идеальной модели для обучения офицеров НАТО. Его учебное заведение было началом гиммлеровского Ваффен, военного соединения СС, которое позже

стало интернациональным корпусом, когда СС стали пополнять свои ряды людьми «подходящих» рас на завоеванных территориях.

Отношения Гиммлера с Гитлером, Герингом, Фриком и Шахтом (банкиром, ставшим министром экономики у Гитлера в 1934 году), с верховным командованием армии и, кроме того, со своим основным помощником Гейдрихом строились по принципу оппортунизма, руководившим действиями всех нацистов, какое бы положение в руководстве партии они ни занимали. Оппортунизм — особый порок политиков, а нацистская ментальность, с ее полным отрицанием любой политической этики, ускоряла развитие интриг, с помощью которых партийные лидеры старались обойти друг друга. Гитлер был абсолютно готов к тому, чтобы тратить весьма ограниченные таланты своих начальников, министров и советников, позволяя им подрывать силы друг друга, оставляя ему при этом власть верховного арбитра, принимавшего окончательные решения.

Власть Гиммлера в этой странной и уродливой системе управления была все еще ограничена с одной стороны Фриком, упрямым бюрократом, занимавшим пост министра внутренних дел, а с другой стороны верховным командованием армии, которое не могло смириться с существованием не подчинявшегося ему соединения СС численностью в четверть миллиона человек, как когда-то не могло смириться с существованием более многочисленных, но гораздо менее дисциплинированных сил Рема. Что касается бюрократов, то внимание Геринга теперь было отвлечено от политической полиции, и Гиммлер с Гейдрихом некоторое время сотрудничали с Фриком и Гюртнером, министром юстиции; в 1934–1935 годах оба они старались сдержать начальников СС и СД и их агентов, хватавших любого человека по своему усмотрению и державших пленников на «защитном попечении». Фрик даже пытался составить законопроект, первоначально действовавший только в Пруссии, который давал узникам лагерей право обращаться в суд. Когда закон рассматривался в Прусском правительственном совете, на заседание пригласили Гиммлера, хотя он и не являлся членом Совета, а он уж позаботился о том, чтобы закон не был принят. Окончательную победу над Фриком он одержал, когда 2 мая 1935 года прусский административный суд принял решение о том, что деятельность гестапо выходит за пределы его юрисдикции[39].

Тем не менее, лишь 19 февраля 1936 года Гитлер наконец издал декрет о том, что гестапо является особой политической организацией, чья власть простирается на всю Германию. В июне

Гиммлер был назначен начальником немецкой полиции в Министерстве внутренних дел, официально подтвердив ту власть, которую давно уже имел. Фрик, хотя формально и являлся начальником Гиммлера в делах полиции, оставил бесполезные попытки вмешаться в его работу[40].

Другой человек, открыто критиковавший Гиммлера, был Шахт, банкир, безжалостный и амбициозный автократ. Получив от Гитлера должность министра экономики, он был решительно настроен управлять делами на свой лад, хотя в конце концов на этом посту его сменил Геринг. Гизевиус утверждает, что он вместе с одним инженером ездил в резиденцию Шахта и по его просьбе произвел обыск, стараясь найти микрофоны, так как министр подозревал, что агенты Гейдриха шпионят за ним и записывают его резкие замечания. Они нашли микрофон, вмонтированный в телефонную трубку. Шахт в своих мемуарах «Первые 76 лет моей жизни» утверждает, что Гиммлер угрожал ему, когда он принимал должность, и даже предлагал ему уйти в отставку. В ответ Шахт послал ему краткую записку, где говорилось, что он уволится, когда ему прикажет фюрер, а СС лучше убраться с его дороги.

Стратегия, которую избрали Гиммлер и Гейдрих в своих действиях против верховного командования немецкого вермахта, была еще более коварной и привела к печально известным делам против Бломберга и Фрича в 1938 году. Вернер фон Бломберг, гитлеровский министр обороны, уволенный в 1938 году за то, что женился на проститутке, не зная о характеристике, данной ей полицией, с показным энтузиазмом поддерживал Гитлера. Бломберг был высоким, белокурым, привлекательным мужчиной, но его ума или коварства было явно недостаточно, чтобы справиться с теми, кто решил от него избавиться. Его активного противодействия возрастающей милитаризации СС после объявленной Гитлером в 1935 году мобилизации было достаточно, чтобы Гиммлер сделался его врагом.

Вернер фон Фрич был назначен верховным главнокомандующим сухопутных войск в 1934 году без санкции Бломберга на это назначение. У Фрича и Бека, его начальника штаба, который позже участвовал в заговоре армии против Гитлера, по слухам, были разногласия и возражения против призыва на военную службу, хотя Гитлер продолжал доверять им. Слухи эти распространялись Гиммлером и Герингом, который в 1935 году сам хотел командовать армией, и теперь готов был использовать любую возможность, чтобы очернить и Бломберга и Фрича. Атмосфера Берлина была полна слухов о путче и контрпутче.

19 января 1935 года Бломберг, пытаясь возобновить дружеские отношения, пригласил Геринга и Гиммлера выступить перед верховным командованием в академии Кайзера Вильгельма, а они использовали эту возможность, чтобы объяснить армии, что военный переворот будет незаконным. Тем не менее, Бломберг пошел еще дальше в своих стараниях успокоить Гиммлера; он пригласил его в следующем месяце выступить перед собранием армейских офицеров в отеле «Четырех времен года» в Гамбурге. Хотя призыв на военную службу еще не был объявлен, он был уже решенным делом, и Гиммлер отыгрался на Бломберге, заявив, что ряды СС во время войны будут пополнены для борьбы с врагами внутри Германии, в то время как Армия будет сражаться за рубежом; в таких условиях СС могут противостоять любому предательскому удару в спину, как это произошло в 1918 году. Когда он говорил об идеальных людях, которых принимают в СС, казалось, он бросает вызов расовой чистоте офицеров в аудитории.

В январе 1935 года Бломберг назначил Канариса шефом военной разведки — должность, которую Гейдрих, внимательно информировавший предшественника Канариса, предпочел бы перевести в ведомство СД, но в то время это вряд ли было возможно. Так было положено начало непростым отношениям Гейдриха и его старого морского инструктора, заведовавших двумя разными разведывательными службами. Первое рабочее соглашение, известное как «Десять заповедей», ограничивало операции Канариса в военном, но не в политическом шпионаже. Была воссоздана поверхностно дружественная атмосфера, Гейдрих смог разрядить напряжение, сыграв, как прежде, на скрипке в кругу семьи Канариса. Но вскоре адмирал стал бояться Гейдриха и его огромного влияния на Гитлера и приготовился получать секретную информацию о деятельности Гиммлера и Гейдриха от таких людей, как Гель-дорф, начальник берлинской полиции.

Интересы Гиммлера к тому моменту не ограничивались более пределами Германии. Он думал о немцах, живших за рубежом, и в 1936 году пришел к соглашению с Эрнстом Болом, главой иностранной организации нацистской партии, относительно распространения нацизма среди немцев за пределами рейха и шпионажа агентов Гейдриха за границей. Результатом этого вторжения в сферу, которая если и относилась к какому-то отделу, то, скорее, к военной разведке Канариса или к Министерству иностранных дел, явился курьезный инцидент, связанный с заговором Тухачевского против сталинского режима и поддельными документами, которые Гейдрих поставлял

советскому правительству.

Маршал Михаил Тухачевский был в то время первым заместителем наркома обороны Советского Союза, а в 1926 году он подписывал рекомендации для немецких военных экспертов в России. История, воссозданная позже по отчетам и признаниям многих людей, вовлеченных в нее, представляется такой: Гейдрих в конце 1926 года услышал, что Тухачевский и другие чины верховного командования в России планируют военный переворот против Сталина. Существовало два пути, которыми можно было извлечь пользу из этой информации: первый был — поддержать путч, а второй — позаботиться о том, чтобы информация достигла Сталина в такой форме, чтобы как можно больше русских военачальников было арестовано и осуждено за государственную измену. Кана-рис, который тоже знал о заговоре, предпочел первый путь и выжидал наиболее благоприятного времени для второго; Гиммлер и Гейдрих хотели использовать второй путь в своих интересах немедленно. Позже Гейдрих утверждал, что Гитлер поручил подделку документов служащему СД Беренсу и русскому политическому агенту, находящемуся на службе у немецкой разведки. На «документах», впоследствии использованных в качестве доказательства на секретном процессе о государственной измене, проходившем в Москве в 1937 году, стояли поддельные подписи не только русских военачальников, но и немецких офицеров, с которыми они якобы контактировали. Эти бумаги были проданы Гейдрихом Сталину через русских агентов. Говорят, что Сталин заплатил 3 миллиона рублей золотом за доказательство измены военных; но он пометил деньги, так как справедливо предполагал, что они будут использованы для оплаты агентам в России, что позволит милиции обнаружить большое количество шпионов СД. Позже выяснилось также, что Сталин, возможно, сам спланировал всю операцию и использовал СД, снабдившую его требуемыми доказательствами, чтобы признать виновным Тухачевского и его помощников.

Финальный этап модификации власти Гиммлера наступил летом 1936 года. Ему предшествовало законное признание гестапо в Прусском законодательном акте от 10 февраля, где говорилось о том, что против решения, принятого гестапо, не может быть применена никакая судебная апелляция; власть гестапо была абсолютной. Как мы видим, с 17 июля Гитлер подписал несколько декретов, в частности, назначил Гиммлера начальником полиции Германии — однако пост не был связан с его должностью рейхсфюрера СС.

2 июля Гиммлер отметил свое назначение эксцентричной

церемонией, ознаменовавшей тысячелетнюю годовщину смерти Генриха I, поборника немецкой экспансии на восток. Церемония состоялась в Кведлинбурге, городе, который основал Генрих.

В своей речи об одном из «величайших немцев всех времен», как назвал его Гюнтер д'Алькуэн, красочно описывая событие, Гиммлер воздал хвалу «умному, осторожному, цепкому политику» в выражениях, которые, по его мнению, подходили ему самому. Он воспользовался возможностью для нападок на влияние церкви в истории Германии; Генрих, по его словам, не позволял церкви вмешиваться в дела государство. Согласно Гиммлеру, саксонский герцог Генрих Птицелов, основавший немецкое государство, «никогда не забывал, что сила немцев заключается в чистоте их крови»[41].

В статье, опубликованной в том же году, Гиммлер снова поражает читателей, к которым обращается как к крестьянским парням, с заявлением о том, что драгоценное наследие — кровь немецкой расы — должно быть сохранено силой:

> «Я как рейхсфюрер СС, сам крестьянин по происхождению, крови и бытию, хотел бы заявить вам, немецким крестьянам, о втором факте: идея крови, которую СС отстаивали с самого начала, бесполезна, если она не связана неразрывно с величием и святостью земли».

Сама служба СС, по его словам, стоит бок о бок с немецким крестьянским родом и будет неустанно защищать благородную немецкую кровь:

> «Я знаю, что некоторым людям в Германии становится дурно, когда они видят черную форму СС; мы понимаем причину этого и не ожидаем, что нас будут любить все; у тех, кто нас боится, так или иначе, должно быть, не чиста совесть перед Фюрером и нацией. Для таких людей мы основали организацию под названием Служба безопасности… Беспощадно будем орудовать мы мечом правосудия…
>
> Каждый из нас знает, что не выстоит в одиночку, но это громадное воинство из 200 000 человек, связанных друг с другом клятвой, дает нам неизмеримую силу… Мы собираемся и шествуем, согласно неизменным законам, как национал-социалистский военный орден нордических людей и как связанное присягой сообщество по пути к далекому будущему, предки новых поколений, мы — немецкий народ, которому суждена

вечная жизнь».

Погружение Гиммлера в прошлое не уменьшило его интереса к будущему. Он все время убеждал своих служащих производить потомство, дабы увеличить число чистокровных представителей немецкой расы в Европе. Этот совет достиг своей кульминации в знаменитом указе Гиммлера, опубликованном в октябре 1939 года, где он призывает солдат СС зачать детей прежде, чем идти в бой. Он очень тщательно следил за рождаемостью в семьях эсэсовцев, но статистические данные 1936 года показывают, что среднее число детей в семьях служащих СС составляет 1–2 человека. Гиммлер в то же время намеревался позаботиться о матерях незаконнорожденных детей, приняв меры для того, чтобы и матери, и их младенцы отвечали требуемым расовым стандартам.

В 1936 году СС стали спонсором «Источника жизни» («Лебенс берн») — родильных домов, которыми Гиммлер очень гордился и которые, по свидетельствам многочисленных сохранившихся документов, лично подробно инспектировал[42]. Взяв на себя ответственность за благосостояние молодых немцев, верхушка СС уверяла, что им с самого начала их образования следует внушать подходящие мысли, и что каждый человек должен внести вклад на поддержание этих домов из своих доходов, а основные расходы должны понести холостяки.

Гиммлер был верен собственному учению. Сознавая, без сомнения, что многие люди считали его внешность в высшей степени «неарийской», он приказал, чтобы его родословную тщательно исследовали. Уже существовали документы, касающиеся этого предмета, во время войны работа над генеалогией Гиммлера продолжилась. Центром исследования стал Вевельсбург, откуда по окончании каждого этапа исследования прибывали отчеты, подкрепленные тщательно разработанными образцами родословной. Подобные исследования были предприняты и относительно предков Марги Гиммлер. Как только стало известно об этом интересе Гиммлера, ему стали писать многочисленные тезки, умоляя рейхсфюрера СС признать их родственниками.

Гиммлер, приверженец мельчайших подробностей, проводил время в своем офисе, сосредоточенно изучая письма и отчеты, озабоченный поиском доказательств чистоты своей крови и крови своей семьи, членов своего штаба и других подчиненных. Сохранилась документация этих исследований, отразившая годы кропотливой работы многочисленных специалистов по генеалогии и клерков, а во многих случаях и глубокого

самоанализа тех, кто не мог доказать чистоту происхождения — тысячи документов в архивах СС. Уже когда началась война, Гиммлер лично сделал выговор служащему СС, принявшего еду из рук еврея, которого он конвоировал в пути из концлагеря, а в апреле 1940 он послал одобрительное письмо на фронт другому солдату СС, который написал ему о своем потрясении, когда узнал, что в нем присутствует еврейская кровь. Он писал о чистоте происхождения с позиции будущего века:

> «Я хорошо могу представить себе ваше состояние и ваши чувства. Что касается нашей крови, то я поставил условие: конец Тридцатилетней войны (1648) должен быть днем, до которого каждый из нас должен удостовериться в своем происхождении. Если после этой даты в кровь влилась еврейская примесь, человек должен покинуть СС… Говоря об этом, я надеюсь, вы понимаете, какой жертвы я от вас требую… В вашем сердце из сердец вы все еще с нами, вы можете продолжать чувствовать себя эсэсовцем».

Гиммлер смягчает удар, нанесенный им с таким сочувствием, добавляя, что если мужчина погибнет на фронте, СС позаботится о его жене и детях.

Во время войны Гиммлер вступил в долговременную связь с девушкой по имени Хедвиг, которая была его личным секретарем и которая в 1942 и 1944 годах родила ему двух детей: сына Хельга и дочь Нанетт Доротею. Хедвиг была дочерью солдата немецкой армии, который ко времени ее рождения (1912) получил звание старшего сержанта. В 1936 году она была награждена спортивным сертификатом и значком за достижения в плавании, беге и прыжках. Были начаты исследования и ее родословной, продолжавшиеся во время войны[43].

Несмотря на то, что в 1937 году Гиммлер торжественно прошел установленные испытания для получения собственного спортивного значка СС и истязал свое тщедушное тело бегом и прыжками, пока его адъютанты не убедили его, что он достиг нужных стандартов, его здоровье оставляло желать лучшего[44]. На протяжении нескольких лет он страдал головными болями, а также желудочными коликами, которые усиливались пропорционально нервному напряжению, проистекавшему из его постоянного беспокойства о своих обязанностях. Он боялся, что у него рак, болезнь, от которой умер его отец. В 1934 году Вольф, знавший, как подозрительно он относится к традиционным методам лечения, убедил его принимать массаж, а снимать боль пригласили народного целителя Франца Зетскорна. К концу 1939

года был найден человек, который мог приносить более длительное облегчение натянутым нервам Гиммлера, заставлявшим его желудок сжиматься в судорогах, а голову гореть как в огне. Это был Феликс Керстен, финский массажист, чьим вторым домом до войны была Голландия. Репутация Керстена как человека, облегчающего боли, возникшие на нервной почве, обеспечила его прибыльной практикой в Берлине, вблизи которого он в 1934 году купил поместье Гарцвальде. В это время и состоялась их встреча с Гиммлером[45].

В середине января 1937 года Гиммлера снова пригласили выступить перед офицерами Вермахта в ходе курса политического инструктажа, организованного для подготовки их к войне, которая, по мнению Гитлера, была неизбежна. Гиммлер не обошелся без детального объяснения своих взглядов. Сначала он проследил историю СС с первого формирования в 1923 году отрядов для охраны Гитлера и их реорганизации в 1925 году по эскадронам, расположенным в разных городах для охраны митингов. Но благодаря этим маленьким начинаниям, говорил Гиммлер, возникла благородная идея создания элитного корпуса. «Я являюсь ярым приверженцем учения о том, что в конце концов лишь хорошая кровь может достичь великих, самых прочных вещей на свете», — сказал Гиммлер. При приеме новобранцев в СС «может рассматриваться лишь хорошая кровь, нордическая кровь. Я говорил себе, что когда мне удастся отобрать среди немецкого народа столько людей, сколько возможно, обладающих ценной кровью, и обучить их военной дисциплине и в то же время пониманию ценности крови и целой идеологии, вытекающей из этого, тогда станет возможным создание такой элитной организации, которая сможет выстоять в любой чрезвычайной ситуации».

Для этой цели, продолжал Гиммлер, были установлены очень жесткие стандарты для новобранцев СС, включавшие рост не менее 1,7 метра и тщательное изучение фотографии кандидата самим Гиммлером, который был полон решимости обнаружить «признаки чужой крови, чрезмерно выдающиеся скулы». На тех, кто был отобран, возлагалось бремя особых обязанностей — «ценных работников никогда не обучают посредством легкой службы» — и, несмотря на финансовые трудности в стране, эсэсовцев обеспечивали униформой. Теперь, в 1937 году, в рядах СС было 210 000 человек; лишь один из десяти желающих был принят. Если, скажем, восемнадцатилетний юноша хочет стать эсэсовцем, «мы спрашиваем о политической репутации его родителей, братьев и сестер, документы о его предках вплоть до 1750 года… Мы спрашиваем документы, подтверждающие его

наследственное здоровье» и «сертификат расовой комиссии». Этот сертификат выдавался руководителями СС, антропологами и врачами, которые производили полный осмотр кандидата. Если ему было всего 18 — минимальный возраст для вступления в СС, он 3 месяца был кандидатом, затем, дав присягу фюреру, он становился признанным кандидатом в СС. Еще год он тратил на получение спортивного диплома и два года служил в регулярной армии. Затем он возвращался в СС и проходил «особо тщательный инструктаж в идеологии», узнавая, помимо прочего, закон СС о браке. Тогда и только тогда, по словам Гиммлера, молодого человека принимали в СС.

Гиммлер не мог удержаться от того, чтобы не привести себя в пример. «Рейхсфюрер СС, — говорил он, — такой же служащий организации, как и любой солдат на фронте. 9 декабря его наградили кинжалом, и это было для него поводом пообещать придерживаться закона о браке и дисциплинарных законов СС».

Затем Гиммлер сделал акцент на том, как важно иметь хорошее здоровье. Городская жизнь с ее суетой заставляет людей «бледнеть и толстеть… что плохо для Государства. Если мы желаем оставаться молодыми, мы должны быть спортсменами». Он продолжал говорить, что, по его мнению, солдатам следует практиковаться в одинаковом использовании обеих рук, стреляя из пистолета и винтовки или вставляя заряд в орудие. Все в возрасте от 18 до 50 должны тренироваться для поддержания формы.

Бок о бок со спортивной подготовкой шла подготовка идеологическая. «Проводятся еженедельные занятия-инструктаж, во время которых читаются страницы из «Моей борьбы» Гитлера. Чем старше человек, тем более тверд он должен быть в своей идеологии».

Затем он описал различные подразделения, на которые была поделена служба СС, включая СД, «важнейшую идеологическую разведывательную службу Партии и государства», и отряды «Мертвая голова», которые «были созданы на базе охраны концентрационных лагерей». Узников лагерей он описал так: «Отбросы, преступники и уродцы, в большинстве своем со славянскими душонками». Попытки обучить чему-нибудь этих людей были бесполезной тратой времени, их лишь следовало научить содержать себя в чистоте. «Людей учат мыться дважды в день и пользоваться зубной щеткой, которая большинству из них была незнакома. Вряд ли какая-то другая нация будет так гуманна, как мы».

Рассказав о задачах Службы безопасности, Гиммлер обратился к законам СС о браке. «Ни один служащий СС не может

жениться, не получив одобрения рейхсфюрера СС. Требуется физическое обследование невесты, а также гарантии ее идеологии и хорошего характера. Вдобавок требуется генеалогическое древо вплоть до 1750 года — результат огромной работы. Такова наша забота о служащих, вступающих в брак».

Гиммлер продолжил речь описанием объединения полицейской системы, которым он как раз занимался в это время: «Теперь, впервые в истории Германии у нас есть полиция Рейха». Значение полиции в военное время было огромным, поскольку она сражалась на «четвертом фронте — внутри Германии» против коварных сил «еврейско-марксистско-большевистского влияния… Долг СС и полиции — положительно решить проблему внутренней безопасности».

Он закончил речь новыми ссылками на высшую расовую борьбу, в которую была вовлечена Германия:

> «Мы более ценны, чем те, кто превосходит и всегда будет превосходить нас числом. Мы более ценны, потому что наша кровь дает нам возможность изобретать больше, чем другие, управлять людьми лучше, чем другие. Давайте ясно осознаем, что следующие десятилетия означают борьбу, ведущую к истреблению во всем мире низших противников, сражающихся против Германии, против главных людей нордической расы, носителей культуры человечества»[46].

Речь, как ее должны были понять присутствующие в зале генералы, была прямым вызовом армии и должна была напомнить о нападках Рема на существующую власть, хотя опасность, грозившая власти теперь, была гораздо более могущественной, тайной и зловещей, чем те силы, которые представлял Рем. Речь была поддержана Гитлером и в сокращенном варианте распространялась как официальный документ, в то время как полный текст был стенографирован, контрабандой переправлен за границу и позже опубликован в антинацистском журнале. К тому времени Гитлер оказал Гиммлеру еще большую благосклонность, объявив 15 мая, что решения, принятые в его офисе, будут иметь ту же силу, что и декреты министерства.

К лету Берлин был охвачен слухами о том, что СС планируют путч против верховного командования. Фрич, начальник штаба, находился под наблюдением агентов Гейдриха, пока Бломберг практически собственноручно готовил свое падение. Когда Гитлер проводил свою печально известную штабную конференцию 5

ноября, ни фельдмаршал, ни генерал не отвечали восторгом на его странные порывы и заявления о необходимости войны с Западными силами и присоединения Австрии и Чехословакии. Когда Бломберг, проконсультировавшись у Геринга, подошел к Гитлеру с просьбой о разрешении жениться на 16-летней машинистке, в которую он без памяти влюбился, Гитлер милостиво согласился, как и Геринг, который был свидетелем на свадьбе, состоявшейся 12 января 1938 года.

Позорные последствия этого брака хорошо известны, хотя отчеты об участии Геринга, Гиммлера и Гейдриха в падении Бломберга различны. Досье, доказывающее, что мать невесты содержала бордель, и открывшийся факт, запись в деле самой фрау Бломберг о проституции, появились в кабинете графа Гельдорфа, президента берлинской полиции, сразу после свадьбы. Когда Гельдорф увидел документы, он решил не показывать их Гейдриху; он тактично отнес бумаги сначала генералу Кейтелю, советнику Бломберга в министерстве, чей сын недавно женился на дочери Бломберга. Кейтель решительно отказался брать дело в руки, и было решено отослать бумаги обратно Герингу. По свидетельству Гизевиуса, Герингу с самого начала было известно об этом деле, хотя существуют другие показания, опровергающие это. Йозеф Мейсингер, офицер гестапо, казненный в Польше в 1947 году, утверждал, что подделывал доказательства против молодой жены Бломберга, используя для этой цели записи в деле ее матери, и что только Гейдрих знал, что подделка находится в архиве и будет использована, как только состоится свадьба. Если это так, кажется неправдоподобным, что Гиммлер не знал об этом плане. Но какая бы махинация ни была использована, результат был один: Бломберг был опозорен и вынужден уволиться.

Это изолировало Фрича, на которого у Гейдриха также был сокрушительный компромат, доказывающий, что генерал — гомосексуалист. За эту работу также отвечал Мейсингер. В 1935 году о Фриче допрашивали профессионального шантажиста по имени Шмит, который признался, что вымогал у генерала деньги, используя его гомосексуальность. Гейдрих, Гиммлер и Геринг вновь вызвали Шмита, чтобы опозорить свою новую жертву. 26 января Гиммлер в присутствии Гитлера открыто обвинил Фрича в гомосексуализме; вызвали Шмита для опознания Фрича. Гитлер не хотел действовать так поспешно; он отложил дело Фрича на неопределенный срок для расследования, в то время как Гиммлер старался еще больше очернить генерала в глазах фюрера, выдвигая предположение, что 31 декабря, когда Гитлер обратится с речью к рейху, из-за Фрича состоится военная демонстрация против правящего режима.

Тем временем, в ходе дальнейших допросов Шмита, их главного свидетеля, гестаповские чиновники сделали ужасное открытие. Оказалось, что в 1935 году Шмит допустил ошибку в показаниях под присягой; военный, у которого он вымогал деньги, был кавалерийский офицер в отставке — капитан фон Фриш. 15 января, не медля ни минуты, гестаповцы направились в дом к этому офицеру и, допросив его, нашли доказательства даже слишком убедительными. Основное дело гестапо против Фрича было разрушено.

На заседании Генерального штаба Гитлер наконец договорился с Беком и Рундштедтом, что официальное расследование по делу Фрича будет проводиться совместно армией и Министерством юстиции. Однако фюрер настоял на том, чтобы проведение расследования осуществлялось в сотрудничестве с гестапо. Такой поворот событий поставил Гиммлера и Гейдриха в очень сложное положение. Теперь у экспертов-юристов было законное право допрашивать Шмита, находившегося в руках гестапо. Гиммлер, естественно, возражал и против того, чтобы армия предпринимала дальнейшие расследования. Небе, который в борьбе против Фрича поддерживал отношения с обеими сторонами, уже намекнул Гизевиусу о проблеме гестапо. Поэтому юристы решительно настаивали, чтобы гестапо передало им свидетеля. В конце концов, после подробного допроса Шмит невольно выдал адрес дома, куда, по его утверждению, удалялся Фрич, чтобы достать требуемые шантажистом деньги. Сотрудники Министерства юстиции посетили указанное место и поблизости нашли дом капитана фон Фриша, который так смутил гестапо. Капитан был прикован к постели серьезной болезнью. Его экономка призналась, что сотрудники гестапо посетили их в прошлом месяце, она даже вспомнила дату — 15 января. Как только в гестапо узнали о визите, они подняли капитана с постели и арестовали.

В это время Гитлер объявил о важных изменениях в верховном командовании и правительстве. Он упразднил Военное министерство и взял на себя управление созданной вместо него организацией ОКВ, или Верховным командованием вооруженными силами. Фюрер обнародовал эти изменения по радио 3 февраля, а на следующий день, в ходе встречи с высшими офицерскими чинами нового командования, он тщательно разобрался в делах Бломберга и Фрича. В конечном итоге он наметил на 11 марта созыв особого Суда чести под председательством Геринга как самого старшего офицера вооруженных сил.

Все были уверены, что случай Фрича был не просто делом о репутации офицера, которого несправедливо обвинили. По словам Гизевиуса, многие влиятельные люди были полны решимости превратить дело в разоблачение гестапо, среди них были адмирал Райдер, и Браухич, которого Гитлер сделал новым главкомом сухопутных сил, и Гюртнер, министр юстиции, и Шахт, который в ноябре прошлого года в конце концов подал в отставку из министерства, не в силах больше терпеть вмешательство Геринга в экономические дела. Если, как заметил Йодль в своем дневнике 26 февраля, и Редер, и Гюртнер считали Фрича виновным, их единственным интересом в данном деле было разоблачить гестапо. Бломберг в одной из своих последних бесед с Гитлером сказал даже, что Фрич — не «мужчина для женщин».

Фрич, прусский дворянин и офицер, веривший в соблюдение строгих военных правил и этикета, во время допросов Суда чести вел себя неблагоразумно. Он, таким образом, даже играл на руку своим врагам. Если, как утверждает Гизевиус, он был «абсолютно честным человеком», ему бы следовало формально отрицать обвинения, а споры полностью предоставить своим адвокатам, а потом защитнику в суде, поскольку он знал, что армия на его стороне и что после Суда чести состоится судебное разбирательство. Однако, после ошибочного открытого обвинения, выдвинутого Гиммлером, он считал, что даже не будет уволен; он настаивал на отставке, что не только заставляло думать, будто он виновен, но и создало юридические проблемы, когда армия предложила создать Суд чести, на котором подробности свидетельств против него могли быть официально изучены. Фрич подверг свое положение еще большей опасности, когда признался, что однажды приютил у себя в доме «нуждающегося юношу», а затем, в качестве неблагоразумной демонстрации своей невиновности, выдвинул собственную инициативу расследования в штабе гестапо. В феврале он решил вызвать Гиммлера, которого считал своим основным врагом, на дуэль на пистолетах. Рундштедт, которому он доверил миссию передачи официального письменного вызова Гиммлера на дуэль, считал ситуацию абсурдной и не стал выполнять поручение. Позже он отдал его Госсбаху, адъютанту Гитлера, который сохранил письмо как редкость. Интересно знать, какова была бы реакция Гиммлера, получи он этот вызов[47].

Столкнувшийся с признаниями Шмита в суде, Гейдрих решил, что гестапо лучше выбраться из этих трудностей. Он нес прямую ответственность за обвинение, предъявленное Фричу в присутствии Гитлера 26 января, через 10 дней после того, как была обнаружена ошибка Шмита, связанная со сходством

фамилий. Гейдрих категорически отрицал, что кто-то из чиновников гестапо был в доме Фриша 15 января, а затем, запугав Шмита, вынудил его к новому признанию того, что он брал деньги у обоих мужчин, и что, таким образом, виновны и Фрич, и Фриш. Несчастный Фриш, находящийся во власти гестапо, был передан в распоряжение Министерства юстиции. Он признал свою вину и то, что подвергался шантажу со стороны Шмита. Это суровое испытание оказалось слишком тяжким для него; он умер от удара.

Теперь Гиммлер и Гейдрих зависели от Шмита и свидетелей гестапо, придерживавшихся той лжи, которую им приказали говорить в Суде чести 11 марта. Судьями были Браухич, Редер и два президента верховного суда в Лейпциге; Геринг, как президент Суда чести, по законам подобных трибуналов, руководил допросами.

Действие обещало быть интересным. Все судьи, за исключением Геринга, были противниками гестапо, но у Геринга была власть вести процедуру по собственному усмотрению. Многое зависело от Фрича; он упрямо считал, что его доброе имя будет восстановлено. Использует ли он случай, чтобы продолжить нападки на гестапо, не получив сатисфакции у Гиммлера? Смогут ли свидетели гестапо подтвердить свою последнюю версию событий? Сломается ли Шмит, или Геринг сумеет его защитить? Будут ли Гейдрих и Гиммлер вызваны в качестве свидетелей? Небе говорил Гизевиусу, что Гейдрих уверен в том, что Суд чести станет концом его карьеры. Положение было таким напряженным, что это дело об определении, является ли генерал гомосексуалистом, стало одним из тех редких моментов в истории нацистского режима, когда сопротивление Гитлеру могло вылиться во всплеск возмущения, достаточный для того, чтобы поколебать устои тирании.

Однако того, что произошло в действительности, не ожидал никто. 10 марта, за день до Суда чести, через месяц после начала политического кризиса в Вене, Гитлер отдал приказ армии подготовиться к вторжению в Австрию через 2 дня. В то самое время, когда начиналось заседание суда, Гитлер использовал Зейс-Инкварта и других нацистских лидеров в Австрии, чтобы сделать положение Шушнига, канцлера Австрии, невыносимым и оправдать вторжение германской армии. Шушниг отказался подчиниться, и еще до полудня Гитлер приказал Герингу, Браухичу и Редеру прекратить процедуру разбирательства и немедленно явиться в рейхсканцелярию. Гиммлер, Гейдрих и гестапо получили небольшую передышку. В тот же день Геринг начал свое знаменитое завоевание Австрии по телефону, и к

следующему дню Австрия была уже в руках нацистов, а Гиммлер — в Линце, проверяя готовность служб безопасности к приезду Гитлера. Фрич был забыт в этот час национального триумфа.

Когда суд был снова созван через неделю, 17 марта, политическая атмосфера полностью изменилась. Гитлер снова был героем, великим вождем, а в военной оппозиции больше не было ядра, способного противостоять ему. Но в любом случае не похоже, чтобы у Фрича хватило сил или нахальства довести свою атаку до конца и добиться дискредитации свидетелей гестапо; все, чего он хотел, было официальное признание его невиновности. Геринг же решил переменить тактику защиты гестапо. Он решил пожертвовать Шми-том, о защите которого никто не беспокоился, и угрозами принудить его к новым признаниям, которые могли бы дать делу должный ход, если бы были использованы при обвинении гестапо в бесчестном обращении со свидетелями. Достигнув желаемого результата — на второй день допросов Шмит признался, что лгал о Фриче, — Геринг поспешно позвонил генералу, чтобы сделать окончательное заявление в его защиту и сообщить, что он оправдан.

Гиммлер с Гейдрихом были слишком заняты организацией правления террора в Австрии при помощи своих союзников, австрийских нацистов, чтобы посетить суд 17 и 18 марта. Они предоставили своим агентам гестапо выбираться самим. Оба лидера были очень заняты в январе и феврале; жена Гейдриха заявляла о напряжении, в котором он находился все это время, а Шелленберг рассказывал историю о том, как Гейдрих, чьи нервы были на пределе, пригласил его на обед к себе в офис и явился на обед вооруженным, потому что ожидал, что армия «выступит из Потсдама». Реакции Гиммлера были еще необычнее. Шелленберг так описывал Гиммлера в начале расследования:

> «Я впервые был свидетелем некоторых довольно странных упражнений, к которым прибегал Гиммлер, испытывавший склонность к мистицизму. Он собирал 12 из своих доверенных лидеров СС в комнате напротив той, где допрашивали фон Фрича, и приказывал им концентрировать свою волю с целью повлиять на генерала и заставить его говорить правду. Я случайно вошел в комнату и увидел 12 руководителей СС, сидящих кружком, молчаливых и погруженных в себя — зрелище было довольно примечательное»[48].

Гиммлер был достаточно подготовлен к австрийскому путчу — у его эсэсовцев была новая полевая форма серого цвета, в

которой они собирались вторгнуться в Австрию. В сопровождении своего штаба и вооруженных до зубов эсэсовских телохранителей он вылетел на юг, приземлившись на аэродроме Асперн близ Вены. С Гиммлером был его адъютант Вольф, Вальтер Шелленберг, ответственный за координацию отчетов разведки в Австрии, и австрийский чиновник СД Адольф Эйхман, теперь специалист по делам евреев, который уже приготовил огромные списки австрийских евреев, которых Гиммлер, во избежание затруднений, решил не щадить.

Погода была плохая, и полет в Вену на перегруженном самолете был неприятным. Шелленберг пишет, что Гиммлер обсуждал с ним систему управления новым государством Остмарк, как теперь должна была называться Австрия. Они находились в хвосте самолета, когда Шелленберг заметил, что Гиммлер опирается на дверь, не закрытую на предохранитель. Шелленберг схватил Гиммлера за ворот пальто и оттолкнул от двери. Когда Гиммлер оправился от шока, он поблагодарил Шелленберга и сказал, что был бы счастлив сделать то же самое и когда-нибудь спасти ему жизнь.

Гиммлер и его свита прибыли на аэродром Асперн перед рассветом. Они не были уверены в том, что их хорошо примут в Вене, но ко времени их прибытия борьба за Австрию уже закончилась. Ночью гитлеровские войска пересекли границу, а Зейс-Инкварт от имени временного правительства отдал австрийской армии приказ не оказывать сопротивления захватчикам. Гиммлера, являвшегося главным представителем Гитлера в Австрии, встречал шеф австрийской полиции Михель Скубль, наверняка испытывавший ужасные чувства от своей обязанности, поскольку Дольфус назначил его на должность в день своей смерти от рук нацистов. Гиммлер поспешил на автомобиле в правительственную канцелярию на совещание с Кальтенбруннером, главой австрийских СС. Строго следуя плану, который он разработал для себя в Германии, Гиммлер уволил Скубля, и передал полицию в ведение Кальтенбруннера. Оставив власть в Вене в руках этого человека, Гиммлер на самолете отправился в Линц, чтобы проконтролировать прием, готовившийся в тот же день для Гитлера в городе, где он жил ребенком. Вместе с ним вылетел Зейс-Инкварт, получивший должность имперского наместника в Восточной Марке (Австрии). В тот же день к Кальтенбруннеру в Вене присоединился Гейдрих, и в Австрии начался период жестокого правления нацистов.

Истерия приема Гитлера в Австрии — он прибыл в субботу, а в воскресенье со слезами на глазах стал президентом Австрии, которая путем поспешного соединения двух законодательных

актов стала «провинцией Германской империи» — не помешала Гиммлеру предостеречь фюрера от въезда в Вену, пока не будут приняты все необходимые предосторожности. Он сам вернулся туда из Линца и организовал свой штаб в отеле «Империал», в то время как Гейдрих реквизировал «Метрополь» для штабов СС и СД. И эта жуткая команда заработала: Гиммлер и Гейдрих в Германии, Кальтенбруннер и его коллега Одило Глобкочник в Австрии.

Кальтенбруннер, которого в 1943 году Гиммлер назначил преемником Гейдриха и который после войны угодил на процесс в Нюрнберге, был адвокатом, обратившимся к политическим интригам. Он был человеком громадного роста, грубым, с маленькими буравящими глазками на невыразительном, словно деревянном лице. Он легко вспыхивал и хлопал по столу грубыми, тяжелыми руками, обесцвеченными никотином и напоминавшими Шелленбергу руки гориллы. Он вступил в ряды СС в 1932 году и за свою деятельность был посажен в тюрьму правительством Дольфуса. Его помощник Глобочник был родом из Триеста; когда-то он участвовал в разбойном нападении, и продолжал смешивать преступную деятельность с политической даже после того, как Гитлер назначил его гауляйтером в Вене.

Кампания политического террора, начатая в Вене этими двумя людьми и австрийскими СС от имени Гейдриха и Гиммлера, была страшнее всего, что раньше происходило в Германии; сам Зейс-Инкварт после войны признал, что в течение нескольких недель в Вене имели место 76000 арестов. Евреев выселяли из их домов, всячески унижали и заставляли чистить улицы. Многих людей, непохожих на арийцев, независимо от того, были они евреями или нет, отправляли в Дахау и другие концлагеря Германии; товарные поезда, перевозящие заключенных, регулярно отправлялись из Австрии.

Шушнига и барона Луи де Ротшильда, двух самых знаменитых людей, содержащихся под охраной, Кальтенбруннер приказал разместить в комнатах для прислуги на пятом этаже отеля «Метрополь», где их допросил Гиммлер. Барон Ротшильд, решивший, что Гиммлер планирует потребовать за него выкуп, отвечал сдержанно и иронично, когда Гиммлер поинтересовался его состоянием. Гиммлер же показал свою власть в выгодном свете, взяв с собой Шушнига на осмотр туалетов, находившихся в мансарде, и в его присутствии отдал приказ заменить для своих узников старую сантехнику более современной и гигиеничной. Однако он не разрешил близорукому, как и он сам, Шушнигу получить обратно конфискованные у него очки.

Неизбежным результатом присоединения Австрии Гитлером

стало угнетение народа. Фюрер наконец прилетел из Линца в Вену в понедельник, 14 марта, остановившись на одну ночь в отеле «Империал», где размещался Гиммлер. Австрийцы, которых приготовили к экстазу, были именно в таком состоянии: «… еще никогда не видел я такой громадной, восторженной и радостной толпы», — писал Шелленберг. Однако ему пришлось опередить гитлеровскую автомобильную процессию, движущуюся по городу, чтобы наблюдать за демонтажом взрывного устройства, прикрепленного к мосту, через который проходил маршрут движения Гитлера. Гиммлер был прав в своей осторожности.

Еврейское население в Австрии составляло около 200 000 человек, и их преследование и удаление стало основной задачей нацистов. Гиммлер персонально выехал на поиски участка для местного концлагеря и нашел подходящее место близ Маутхаузена на реке Дунай, где над каменоломнями заключенными, доставленными из Дахау, был построен лагерь. Гиммлер украсил караульные помещения, построенные на каменной стене, крышами с завитками, имитируя караульные башни на Великой Китайской стене.

Влияние в еврейском вопросе Адольфа Эйхмана ведет начало от времени аншлюса — присоединения Австрии. Об Эйхмане, пребывавшем в безвестности, узнали, когда его насильно привезли из Аргентины в 1960 году и привлекли к суду в Израиле. После войны он бежал из американского лагеря для интернированных. Это был недалекий, хотя способный и энергичный администратор, имевший привычку аккуратно исполнять приказы. Именно ему было поручено организовать уничтожение евреев; основным смыслом его деятельности было исполнять все, что от него требовали. Эйхман начал свою карьеру в СС в отряде «Мертвая голова» в Дахау, он не испытывал угрызений совести при виде человеческих страданий в лагерях. Предполагали также, что он охотно сопровождает Гейдриха во время его частых визитов в городские публичные дома. Он объездил всю Европу, надоедая, угрожая и увещевая агентов СС, которые не умели или не желали уничтожать евреев в своих областях. Его основной заботой была перевозка жертв и статистика смертности, которую он с энтузиазмом готов был преувеличивать в своих докладах руководству. Лишь под давлением на суде он признался, как ненавидел порученную ему работу.

По предложению Эйхмана Гиммлер организовал Службу еврейской эмиграции в Вене и сделал его начальником[49]. В результате работы Эйхмана 100 000 евреев покинули Австрию с середины 1938 года до начала войны. Практически все были

депортированы нищими, их имущество было захвачено нацистами. Барону Луи де Ротшильду было разрешено уехать лишь после года содержания под стражей; ценой его свободы были сталепрокатные станы, пожертвованные им Герингу, в то время как Ротшильд-палас в Вене стал штаб-квартирой Эйхмана. Эмиграция евреев поощрялась, но иеной за выезд была потеря не только денег и имущества, но и исполнение приказа покинуть страну навсегда, стать бездомными и отверженными.

В этот период Гиммлеру впервые пришла мысль превращения концлагерей в источник дохода. Именно аншлюс с его наплывом заключенных показал ему, что столько праздных рук — это позорная растрата потенциальной рабочей силы Рейха. Ко времени аншлюса число заключенных в лагерях Гиммлера, по подсчетам Рейтлингера, составляло в среднем 20 000 человек, и основной задачей узников было строительство и расширение лагерей, а также казарм и других удобств для СС. К апрелю 1939 года число заключенных в лагерях выросло до 280 000.

Пока Эйхман изымал богатства евреев, Гиммлер организовывал новые компании, действующие в интересах СС, в целях эксплуатации новых трудовых резервов лагерей при добыче камня и изготовлении кирпичей и цемента для обширных строительных проектов, на которые вдохновлял фюрера Альберт Шпеер, молодой советник по архитектуре, ставший затем министром военного производства. Руководителем этих коммерческих предприятий был Освальд Поль, человек рабочего происхождения, чьи убеждения походили на взгляды Муссолини и чья садистская жадность, проявлявшаяся в желании распоряжаться всей продуктивной энергией человеческой плоти, до последнего содрогания, делала его существование одним из самых страшных бедствий нацизма[50].

В управлении лагерями Гиммлер продолжал политику Гитлера по принципу «разделяй и властвуй». В 1936 году он предусмотрительно не дал Гейдриху полной власти; и контролирующая служба Эйке, и коммерческое управление Поля были, с точки зрения Гейдриха, чуждыми элементами, вторгавшимися в его единоличное управление заключенными. Поскольку его целью было уничтожение «низших» расовых элементов, любое событие, даже имеющее самые низменные цели, продлявшее жизнь узников, дававшее им дополнительную пищу, вступало в противоречие с миссией Гейдриха. Попытка извлечь коммерческую выгоду из лагерей, наполовину оканчивавшаяся неудачей, с самого начала была саботирована в результате соперничества, развивавшегося между теми, кто управлял лагерями. Контроль за работой жертв поручили закоренелым

преступникам, которых эсэсовцы поместили в лагеря, что явилось источником новых мучений и эксплуатации заключенных.

На печально известной конференции после погрома в ноябре 1938 года Геринга, который был председателем, интересовало лишь то, как избежать дальнейших потерь для империи, отбирая собственность, которая, хоть и была захвачена евреями, на самом деле не всегда принадлежала им, и в любом случае была застрахована от повреждений и воровства. Единственным интересом Гейдриха была статистика разрушения и избежание какой-либо компенсации. Он говорил о том, что в течение нескольких месяцев Австрию покинуло 50 000 евреев, в то время как Германию покинуло лишь 19 000. Он хотел, чтобы евреи были отделены и изгнаны из немецкого сообщества как можно скорее. Фактически, Гейдрих заранее сделал все, что мог, чтобы погром имел эффект; проконсультировавшись с Гиммлером в Мюнхене, он дал шефу государственной полиции подробные инструкции о том, как контролировать антиеврейские демонстрации, чтобы предотвратить повреждения имущества немцев. После погрома он провел серию арестов евреев, чье присутствие в Германии оскорбляло его представления о приличии и порядке.

Хесс, которого в 1938 году назначили адъютантом к начальнику Заксенхаузена, вспоминает проверку лагеря Гиммлером летом 1938 года. Он взял с собой Фрика, министра внутренних дел, для которого это был первый визит в концентрационный лагерь. Гиммлер был «в самом веселом настроении и был явно доволен тем, что наконец может показать министру внутренних дел и его чиновникам один из секретных и печально известных концентрационных лагерей». Гиммлер отвечал на вопросы «спокойно и любезно, хотя часто саркастически». После осмотра лагеря коллег пригласили обедать.

Удачное вторжение в Австрию пробудило у Гиммлера вкус к внешней политике. Гитлер стал использовать его, как и Геринга, хотя и с меньшими полномочиями, для полуофициальных дипломатических поручений наряду с формальными переговорами, которые вело Министерство иностранных дел во главе с Риббентропом, получившим должность в начале 1938 года. Гиммлер стал одним из близких и самых доверенных подчиненных Гитлера. Хотя их отношения оставались официальными, Гиммлер стал в определенной степени признанным компаньоном, который, в отличие от генералов, делавших все возможное, чтобы отговорить Гитлера от грандиозных планов войны, всегда беспрекословно поддерживал Гитлера и, если его просили, советовал, как лучше вести эту

политику. Гиммлер возглавлял делегацию, принимавшую фюрера в Линце, а через несколько недель, в мае, он среди других избранных сопровождал Гитлера во время визита в Италию, где вместе с фюрером остановился в Квринале, королевском дворце. Кто-то слышал, как он заметил: «Здесь дышится как в катакомбах», и эти слова донесли королю.

Тем не менее, Гитлер чувствовал, что Гиммлера стоит выдвигать как дипломата; до этого его посылали в Италию в 1936 и 1937 годах с визитами доброй воли, и каждый раз он брал с собой Гейдриха. Были установлены дружеские отношения с Боччини, министром полиции правительства Муссолини, и с самим Муссолини, который лично встретился с Гейдрихом, когда Гиммлер заболел во время второго визита.

С 1938 года Гиммлер использовал против Министерства иностранных дел и верховного командования ту же стратегию, с помощью которой подорвал власть Геринга над полицией. Он поддерживал дружеские отношения с Риббентропом, одновременно вторгаясь в обязанности Министерства иностранных дел, или передавал копии документов за рубеж через шпионов СД. После разговоров с Гитлером, в которых упоминалось о том, что западные силы могут использовать Северную Африку для контрнаступления на Европу, самый умный агент разведки из штата Гейдриха — Шелленберг — осенью 1938 года был послан в Западную Африку с рискованной миссией шпионить за портами. В январе следующего года Гиммлер сделал доклад перед своим штабом о собственных беседах с японским послом относительно договора, который укрепил бы Тройственный пакт, и предпринимаемых Японией попыток подослать агентов в Россию для убийства Сталина. В мае 1939 Чиано сообщал о том, что Гиммлер советовал Италии установить в Хорватии протекторат — политику, противоположную политике Риббентропа, желавшего оставить Югославию нетронутой. В следующем месяце Гитлер поручил Гиммлеру сложную задачу вести переговоры с итальянским послом Бернардо Аттолико о переселении тирольских немцев в Германию. Это было первое из массовых передвижений населения на расовой почве, которое было так созвучно этническим чувствам Гиммлера.

Амбиции Гиммлера, касающиеся Чехословакии, привели к тому, что в 1938 году они с Гейдрихом создали диверсионно-десантный отряд СД, который должен был следовать за германской армией, чтобы «обеспечить безопасность политической жизни и национальной экономики». Гиммлер также надеялся получить контроль над корпусом ополчения, который, как справедливо полагал Браухич, имел отношение к армии. За 4

дня до Мюнхенского договора, когда вторжение в Чехословакию казалось уже решенным делом, Гиммлер сообщил Генлейну, предводителю корпуса ополчения, что он поступает под его личное командование, а также подтянул к границе шесть батальонов охраны из отрядов «Мертвая голова» без санкции верховного командования, которое отменило его приказы Генлейну и дало инструкции о том, что солдат СС должны контролировать военные. Приказ заканчивался так: «Все дальнейшие меры должны согласовываться между верховным главнокомандующим армии и рейхсфюрером СС».

Мюнхенский договор, заключенный 30 сентября 1938 года, разрешил эту ситуацию, казавшуюся безвыходной. Гитлер, как обычно, не очень огорчился, узнав, что Гиммлер пытается расстроить планы армии; это отвечало его инстинкту самосохранения. Фактически, не далее, как 17 августа, он издал декрет о том, что особые вооруженные силы Гиммлера, будущие Ваффен СС, являются исключительно войсками партии под командованием Гиммлера и не подлежат контролю со стороны армии или полиции. 26 августа Гиммлер был среди лиц, сопровождавших Гитлера при осмотре западных укреплений. Возможно, эти знаки внимания и привели к тому, что Гиммлер превысил свои полномочия. Ожидалось, что если кампания против Чехословакии перерастет во вторжение, его роль будет заключаться в провоцировании инцидентов на границе и установлении полицейского контроля над территорией сразу после ввода в страну армии. Его планам, однако, не суждено было осуществиться. По свидетельству Чиано, тонкий наблюдатель, Гиммлер был «в отчаянии оттого, что было достигнуто соглашение, и война, казалось, предотвращена». Но Гитлер решил четко разделить командование СС и армии. К сентябрю 1939 года Гиммлер получил 18 000 человек, имеющих военную подготовку (в 1940 году эти силы были названы Ваффен СС) в дополнение к отрядам «Мертвая голова» и различным ответвлениям СС и гестапо.

Гиммлер заразился военной лихорадкой от Гитлера и объединился с Риббентропом с целью убедить фюрера любой ценой завоевать Европу. Геринг и верховное командование вели двойную игру, потакая Гитлеру спешными приготовлениями к войне, и в то же время делая все, что было в их силах, чтобы отложить начало военных действий. Что касается Геринга, то он параллельно вел переговоры и о войне, и о мире, прекрасно зная, что Германия плохо подготовлена к военным кампаниям, которые могут развернуться на Восточном и Западном фронтах. Для Гиммлера, чье военное чутье было так же незначительно, как и

его знание стратегии, война была просто средством утверждения расового превосходства, и у него не было сомнений в ее исходе. Сэр Невиль Гендерсон, британский посол в Берлине, писал, что в сентябре 1938 года, так же как и в августе 1939, Риббентроп и Гиммлер были главными помощниками Гитлера в развязывании войны. По свидетельству Гендерсона, действия Гитлера часто были вызваны сфабрикованными ими ситуациями, которые, по их расчетам, могли подтолкнуть фюрера к развязыванию войны[51]. Лорд Галифакс подтвердил это мнение в отчете, написанном в январе 1939 года для представления Рузвельту и французскому правительству. Гердлер, один из самых выдающихся деятелей немецкого Сопротивления, в своих письмах в Мюнхен также связывает имена Риббентропа и Гиммлера, называя их главными агентами, вынуждающими Гитлера к войне. Не удивительно, что Гиммлер сопровождал Гитлера и Риббентропа в Прагу 15 марта после страшных событий, происходивших ночью в берлинской рейхсканцелярии, когда Гитлер, Риббентроп и Геринг заставили престарелого чешского президента, у которого случился сердечный приступ, подписать капитуляцию и смириться со страшным вторжением Германии. Гиммлер сделал Карла Германа Франка, предводителя корпуса ополчения и госсекретаря при новом немецком протекторе, фон Нойрате, шефом полиции и СС. Франк, номинально являвшийся подчиненным Нойрата, на практике подчинялся только Гиммлеру. Таким образом, администрацией Чехословакии управляли из Берлина, и в стране снова начались аресты.

В июне Гиммлер участвовал в важном собрании Совета обороны рейха, на котором присутствовали высшие чины военной и гражданской администрации. Председателем был Геринг, а темой собрания была подготовка к надвигающейся войне. Гиммлер ручался, что узники его лагерей принесут пользу на военных работах.

Операцию, представлявшую собой первоначальный вклад Гиммлера в гитлеровский план нападения на Польшу, назвали в его честь. По иронии судьбы операция «Гиммлер» должна была стать актом жестокого и отвратительного обмана. Основной план провоцирования инцидентов на границе для того, чтобы иметь подходящий повод для вторжения, созрел в голове Гиммлера, когда он собирался принять участие в наступлении на Чехословакию, но на этот раз его хитрости не понадобились. В случае с Польшей нужно было нечто большее, и ответственным за операцию назначили Генриха Мюллера, возглавлявшего гестапо. Частью плана было то, что отряду заключенных концлагерей, одетых в польскую форму, выдадут смертельное лекарство, а они

впрыснут его себе в нужный момент и какое-то время будут находиться на грани жизни и смерти. Жертвы выступали в плане под кодовым названием «консервы». Их тела будут сфотографированы для публикации и показаны представителям прессы, сопровождающим немецкую армию.

История сфабрикованного нападения и сопутствующие ей зверства стали известны в Нюрнберге после войны из письменных показаний служащего СД, который 31 августа возглавлял налет на немецкую радиостанцию в Глейвице, недалеко от границы с Польшей. После заявления об этом случае в Нюрнберге эсэсовец бежал, о нем ничего не было известно, а в 1964 году он появился под собственным именем и продал историю журналу «Штерн». В Нюрнберге он рассказывал о том, как совершил налет на радиостанцию вместе с другим немцем, говорившим по-польски, который произнес в эфире провокационную речь против рейха, а в последнюю минуту сыграл умирающего солдата, в которого якобы стреляли поляки. Такова была операция «Гиммлер», первая преступная акция, с которой 1 сентября 1939 года вторжением в Польшу началась вторая мировая война[52].

IV
Тайные соперники

Нелегко определить хрупкое соотношение власти между нацистскими лидерами в начале войны. После успеха в Австрии и Чехословакии Гитлер отгородился от других, стал более властным и деспотичным в своих действиях и менее восприимчивым к советам и давлению, имевшим целью изменить его политику. Если в 1938–1939 гг. Риббентроп и Гиммлер, по свидетельствам современников, были более активными сторонниками войны, чем Геринг и Геббельс, то лишь потому, что они с большей готовностью откликались на энтузиазм Гитлера. Они слепо поддерживали его движение к войне, не имея ни малейших сомнений в полной готовности Германии к военным действиям, в чем сомневался Геринг. Геббельс с лета 1938 года временно был в немилости у фюрера, так как попросил освободить его от обязанностей, чтобы он смог развестись и жениться на чешской актрисе Лиде Бааровой. После случаев с Ремом и Бломбергом, а позже и с Браухичем, верховным главнокомандующим армией, который пережил мучительный развод и женился на молоденькой девушке, Гитлеру уже надоело видеть любовные похождения подчиненных, мешающие им сосредоточиться на его грандиозных стратегических планах. Осторожная связь Гиммлера с его секретаршей Хедвиг была гораздо менее разрушительной. По свидетельству Линды Гейдрих, Гиммлер в результате своего спокойного романа стал совершенно другим человеком. Под влиянием Хедвиг он даже перестал носить цепочку, поддерживающую пенсне, и стал стричься не так коротко.

Отношения Гиммлера с Гейдрихом в первые годы войны были сложными и запутанными. Когда Гиммлер принял Гейдриха в СС, они оба были молоды, Гиммлеру был 31 год, а Гейдриху — 27. В начале войны Гиммлеру еще не было сорока, а Гейдриху было 35 лет. Те, кто мог близко наблюдать этих двух очень разных людей, к примеру, Гизевиус, Керстен и Готтль, очень похоже оценивают Гейдриха. По словам Готтля, который занимался у Гейдриха, а затем у Шелленберга подделкой паспортов и банкнот, Гиммлер был посредственностью в сравнении с Гейдрихом, который не интересовался навязчивыми идеями своего шефа, расистскими или другими, а быстро научился пользоваться данной ему властью. В конце концов, по свидетельству Готтля, он так подорвал положение Гиммлера, что, останься он в живых, в 1944

году фюрер назначил бы его министром внутренних дел, чтобы разрушить или создать противовес власти, которую сосредоточил у себя Гиммлер. Однако позиция Гейдриха в отношениях с Гиммлером ослабела, когда в сентябре 1941 года Гитлер, не посоветовавшись с Гиммлером, назначил Гейдриха заместителем протектора рейха в Чехословакии. Гейдриху было поручено подчинить несчастную страну, которая считалась мятежной под властью относительно слабого правления протектора рейха Нойрата, бывшего у Гитлера министром иностранных дел до назначения на этот пост Риббентропа. Нойрата заставили полностью передать дела в руки Гейдриха.

Постепенное движение Гейдриха к сравнительно независимому положению продолжалось первые два года войны. Гиммлер, который никогда не действовал моментально, поручал ему все больше чудовищных заданий, которые давал Гитлер, и даже терпел то, что Гейдрих мог являться с докладом прямо к фюреру или Герингу. Следует помнить, что с 1939 года и до конца жизни Гиммлер был болен и находил облегчение физического и психологического напряжения при помощи искусного массажа Керстена.

Было бы большой ошибкой недооценивать Гиммлера, той самой ошибкой, которая, фактически, и позволяет таким в общем-то незначительным людям, как он, получать огромную власть в политике и промышленности. За пенсне, безупречно подстриженными усами, срезанным упрямым подбородком и узкими покатыми плечами стоял человек страстных убеждений, который видел во власти не возможность купаться в роскоши, как Геринг, или реализовать амбиции оратора и политического демагога, как Геббельс, а возможность исполнить принятую на себя роль Мессии для немецкой расы.

Но с его темпераментом и слабым здоровьем он так никогда и не стал человеком действия. Он, несомненно, старался утвердиться на этом пути; он видел себя в форме полицейского или солдата, даже полевого командира, но ему не хватало ни умственных, ни физических сил для этого, и в итоге он выглядел нелепо. Но когда это происходило, Гейдриха уже не было в живых. До 1939 года, пока развивалась служба СС, и в первые два года войны именно Гейдрих снабжал Гиммлера идеями и способами их осуществления, став его вторым «я» до того момента, когда наконец смог вырваться на свободу и претендовать на собственную власть, подчиняясь непосредственно Гитлеру.

По свидетельствам его долготерпеливой жены Лины Гейдрих, которая, как и Марга Гиммлер, была страстной нацисткой и

любила посещать модные вечеринки, устраиваемые для нацистских жен, Гейдрих приходил домой, проклиная глупость и пустую трату времени, которой оборачивались навязчивые идеи Гиммлера для руководства СС. Перехватив власть у Гиммлера, он не упустил случая показать свое презрение к этой безумной мифологии. Для Гейдриха имела значение не теория, а практика; на его взгляд, для обоснования очевидной необходимости преследования всех тех, чье присутствие препятствовало «арийскому» господству, не нужны были сложные теории. Но, как бы ни была велика разница между Гейдрихом и Гиммлером, Гейдрих всегда старательно поддерживал официальность их отношений.

По свидетельству Гизевиуса, некоторое время работавшего под его руководством, Гейдрих был «дьявольски умен», всегда держался в тени и использовал окольные пути для достижения своих целей. Его методы террора сохранялись в строгой тайне. У него была «особая склонность к жестокости» и он обучал своих людей «законам прикладного террора», одним из которых было, по словам Гизевиуса, «свалить ответственность». Он всегда подавлял людей во имя дисциплины, справедливости или долга любого честного немца, предоставив Гиммлеру возможность проповедовать более возвышенные учения, в конечном итоге сводящиеся к тем же притеснениям тех же людей. По мнению Гизевиуса, из всего нацистского руководства на вершину поднялись эксперты по насилию. «Их главной отличительной чертой была зверская жестокость. Геринг, Геббельс, Гиммлер, Гейдрих… думали на языке насилия и понимали лишь его»[53]. Шелленберг, который служил Гейдриху и Гиммлеру 12 лет, оставил лучшее описание Гейдриха:

> «Когда я вошел в его офис, Гейдрих сидел за столом. Он был высокой, внушительной фигурой с широким, необычно высоким лбом, маленькими беспокойными глазками, хитрыми, как глаза животного, и обладавшими какой-то сверхъестественной силой, с длинным хищным носом и широким ртом с полными губами. У него были тонкие и слишком длинные руки — они вызывали ассоциации с паучьими лапами. Его превосходную фигуру портили широкие бедра, производившие эффект женственности, что делало его еще более зловещим. Голос его был слишком высок для такого большого человека, а речь была нервной и отрывистой, и, хотя он вряд ли когда-нибудь заканчивал предложения, ему всегда удавалось совершенно ясно передать смысл».

По словам Шелленберга, Гейдрих стал «скрытой осью, вокруг которой вращался нацистский режим», а его проницательный ум и сильный характер направляли развитие целой нации.

> «Он намного превосходил своих коллег-политиков и управлял ими, как управлял своей огромной разведывательной машиной СД… Гейдрих необычайно остро ощущал нравственные, профессиональные и политические слабости других людей, а… его необычайный ум сочетался с осторожными инстинктами хищного зверя… Он действовал по принципу «разделяй и властвуй» и применял его даже к своим отношениям с Гитлером и Гиммлером. Решающим было то, что он всегда знал больше других… и использовал эти знания и человеческие слабости, чтобы заставить людей полностью зависеть от него… Фактически, Гейдрих был кукловодом Третьего рейха».

Единственным недостатком Гейдриха, по свидетельству Шелленберга, который и восхищался своим шефом, и боялся его, был его неуправляемый сексуальный аппетит, которому он так неосторожно давал волю.

В 1940 году он основал свой собственный первоклассный публичный дом, известный как «Салон Китти», расположив его в особняке, который арендовался СД на Гизберштрассе в западной части Берлина. В Салоне Китти было девять спален, в каждой из которых был установлен замаскированный микрофон, соединенный с комнатой контроля в подвале. Это был приятный способ шпионажа в основном за дипломатическими гостями Германии. Шелленберг обращает внимание читателей на то, что его обязанности ограничивались надзором за записью, в то время как Артур Небе, шеф уголовной полиции, контролировал женщин, так как в прошлом был связан с полицией нравов. Гейдрих и те, кто знал о секретном использовании заведения, склоняли важных дипломатов, таких как Чиано, к посещению «Салона Китти», где их разговоры во время занятий любовью или когда они были пьяны, записывались на пленку. В феврале 1941 года Гейдрих пригласил Керстена посетить дом, заметив, что он был открыт с согласия Риббентропа, чтобы обезопасить их зарубежных гостей от худшей разновидности проституток. Конечно, дом приходится субсидировать, но он надеется, что вскоре заведение станет самоокупаемым. Он также сказал, что намеревается открыть подобное заведение для гомосексуалистов. По свидетельству Шелленберга, «Салон Китти» был открыт без ведома Риббентропа, и министр иностранных дел посетил его до

того, как узнал, кто контролирует заведение[54].

У Керстена была возможность сначала увидеть Гейдриха глазами Гиммлера; хотя он несколько раз имел дело с Гейдрихом, он избегал шефа СД, так как знал, что тот находится под подозрением из-за его возрастающей близости с Гитлером. Тем не менее Керстен, как и Шелленберг, хвалит замечательную внешность Гейдриха, блеск и совершенство его речи «в четкой военной манере» и его удивительную способность так излагать свои аргументы Гиммлеру, чтобы заставить его принять решение, которого хочет он, Гейдрих. Керстен также видит определенную слабость его характера, которую упустил или предпочел не заметить Шелленберг. Если Гиммлер вел себя по отношению к Гейдриху с «явным дружелюбием», то Гейдрих обращался к своему шефу с «совершенно необъяснимым подобострастием». Если Гиммлер высказывал возражения, ответом Гейдриха было: «Да, рейхсфюрер, конечно, рейхсфюрер, да, да, действительно». Хотя Гейдрих был «гораздо подвижнее» и всегда превосходил Гиммлера в умении преподнести свои аргументы, «Гиммлер, казалось, обладал какой-то властью над Гейдрихом, которой тот безоговорочно подчинялся». Адъютанты Гиммлера Вольф и Брандт, оба имевшие на него влияние, были, как казалось Керстену, плохого мнения о Гейдрихе, в котором они видели человека, действовавшего исключительно в вакууме собственного эгоизма, без друга или сторонника, мужчины или женщины. Ему никто не доверял, все старались избегать его. Среди его слабостей было то, что он ненавидел быть побежденным или неудачливым в спорте. Чтобы доказать свое мастерство на деле, он вступил в Люфтваффе и заработал Железный крест, совершив шесть боевых вылетов.

Керстен заметил, что у Гиммлера были свои методы сопротивления сильной личности Гейдриха. Он пишет, что видел Гиммлера «совершенно подавленным» мощными аргументами Гейдриха, но, тем не менее, он видел также, как позже Гиммлер звонит в офис Гейдриха и оставляет его подчиненным инструкции о том, что меры, на которые он был вынужден согласиться в присутствии Гейдриха, должны быть приостановлены. В качестве предлога для отсрочки Гиммлер использовал необходимость посоветоваться с Гитлером. Таким образом Гиммлер сохранял свою позицию превосходства и откладывал принятие решений — привычка, которая еще в годы войны развилась до такой степени, что помогла погубить его.

Лишь после смерти Гейдриха Гиммлер в разговоре с Керстеном признался, что имел над Гейдрихом власть, потому что знал о присутствии еврейской крови в его семье; Гитлер же

решил, что знания и способности, которыми обладал Гейдрих, нужны партии, тогда как потребность искупить в их глазах позорную примесь в крови сделает этого нордического офицера более храбрым истребителем евреев, чем так называемые чистокровные арийцы. И Гитлеру, и Гиммлеру было приятно сделать Гейдриха главным деятелем в борьбе против расы, к которой он, в их представлении, в некоторой степени принадлежал. В заключение беседы о Гейдрихе Гиммлер посоветовал Керстену почитать Макиавелли. А через несколько дней добавил, что Гейдрих всегда страдал комплексом неполноценности и был «несчастным человеком, ненавидевшим себя, как это всегда бывает с людьми смешанной расы»[55].

«Он хотел доказать, что в его крови преобладают элементы германской расы, — сказал Гиммлер. — Он так и не нашел покоя».

Гиммлер закурил сигару и стал смотреть на расходящиеся по комнате клубы дыма.

«В одном он был незаменим, — добавил он. — У него было безошибочное чутье на людей. Поскольку сам он раздваивался, он чувствовал такое раздвоение и в других. Они были правы, испытывая страх по отношению к нему. Что до остального, то он был очень хорошим скрипачом. Однажды он исполнил серенаду в мою честь. Это было превосходно».

Но Гейдрих был мертв, и Гиммлер легко мог быть по отношению к нему и циничным, и сентиментальным. Без сомнений, в отношениях между ними было напряжение, а возможно, даже чувство зависти; они вместе возвысились благодаря собственным усилиям, используя свой разум для достижения успеха, и каждый зависел от другого. Окружающие, приученные подмечать слабости, были готовы преувеличивать то, что наблюдали в поведении своих начальников. Шелленбергу, как и многим другим, Гиммлер казался похожим на требовательного учителя, настаивавшего на аккуратности, усердии и преданности с «мелочной точностью», но боявшегося, тем не менее, выразить собственное мнение и оказаться неправым. Он предпочитал, чтобы другие брали на себя его ответственность и принимали вину. «Такая система создавала Гиммлеру ауру отчужденности, казалось, он выше обычных конфликтов. Это делало его решающим арбитром». Но это также свидетельствовало о серьезной слабости в характере человека, склонного сосредотачивать в своих руках власть.

Эта слабость проявлялась в его раболепии по отношению к Гитлеру. Во время одного из бесконечных разговоров Гитлера с Гиммлером, слушавшего фюрера с сосредоточенным вниманием,

Шелленберг услышал, как один из адъютантов прошептал: «Посмотрите на Гейни — он сейчас заползет старику в ухо». Когда Керстен спросил его, убьет ли он себя, если Гитлер ему прикажет, Гиммлер ответил: «Да, конечно! Сразу же! Потому что если фюрер приказывает такое, у него есть свои причины. И не мне, послушному солдату, спрашивать об этих причинах. Я признаю лишь беспрекословное подчинение». Одной из характерных особенностей натуры Гиммлера было то, что, приобретя власть, он крайне неохотно использовал ее, за исключением случаев, когда он был уверен, что риска нет. Смерть Гейдриха лишь усилила его изоляцию и слабость его характера перед лицом Гитлера.

Дела складывались совсем иначе три года назад, когда гитлеровские войска вторглись в Польшу после сокрушительных налетов Люфтваффе Геринга. Боевые формирования СС, около 18 000 человек, также принимали участие в этой войне, которая к 18 сентября фактически закончилась. 13 сентября Гиммлер, взяв с собой Риббентропа, выехал в Данциг на своем специальном бронированном поезде под названием «Генрих», вслед за поездом Гитлера и другими, в которых путешествовало верховное командование. Гиммлер долго возмущался тем, что не мог контролировать использование формирований СС, которые, по-видимому, понесли тяжелые потери. Все, что мог сделать рейхсфюрер, это сопровождать Гитлера в его официальном объезде мест боевых действий, а 26 сентября Гиммлер вслед за фюрером вернулся в Берлин.

Гейдрих не участвовал вместе с Гиммлером в этой тщетной погоне за командованием военными действиями; СД в поезде представлял Шелленберг, которого сначала и Гиммлер, и Вольф, его начальник штаба, приняли довольно холодно. Шелленберг ухватился за возможность приобрести расположение Гиммлера и в то же время изучить атмосферу и характеры людей, находящихся у высшей власти. Во время полета над горящей Варшавой попытки Шелленберга произвести на Гиммлера впечатление наконец увенчались успехом; его пригласили на ужин к рейхсфюреру СС и сообщили конфиденциальную информацию о тайном договоре между Германией и Россией о разделе Польши. Они также решили провести расследование по делу личного врача Гитлера, доктора Морреля, который был в панике, сопровождая фюрера в его поездке на фронт, что произвело на рейхсфюрера неблагоприятное впечатление.

Вальтер Шелленберг был, как мы убедились, одним из интеллектуалов СС. Он получил образование в иезуитской школе, в 22 года он закончил свою учебу в Боннском университете по

праву и медицине. Его живой ум и наблюдательность пригодились ему для выполнения различных шпионских заданий, которые он с таким жаром и самодовольством описывает в своих мемуарах. Завоевав доверие Гейдриха и Гиммлера, он продвинулся по службе. Он представляет для нас ценность не только из-за подробных отчетов об увлекательных заданиях, которые он выполнял для СД, но и благодаря оставленному им письменному анализу своих коллег, особенно Гейдриха и Гиммлера. Гейдрих разделил СД на различные отделы, и Шелленберг работал в AMT, или отделе № 4, специализировавшемся на контрразведке в Германии и оккупированных странах. Позже, в июне 1941 года, он принял руководство отделом № 6, координировавшим действия внешней разведки, а когда в 1944 г. была расформирована служба внешней разведки Канариса для верховного командования, в обязанности Шелленберга стала входить и эта работа. На вершине своей карьеры после смерти Гейдриха он стал одним из ближайших советников Гиммлера и независимо от Гитлера предпринимал активные усилия для окончания войны и облегчения условий содержания в концлагерях[56].

Манера Шелленберга была вкрадчивой, даже заискивающей; он хотел нравиться начальству. Он утверждает, что некоторое время он увлекался отвергнутой женой Гейдриха Линой. Для него интрига была профессией, и его гордость за это пережила войну и чувствуется в каждой главе его увлекательной автобиографии. Он был так же повинен в интригах, как и любой из его товарищей, но он остается гораздо более обаятельным мошенником, чем они.

Между тем Гейдрих реализовывал свои амбиции, совершая вылеты с Люфтваффе; позже, в сентябре, он навестил Гиммлера в его поезде. Гейдрих отвечал за меры безопасности на праздновании победы в Варшаве. 27 сентября его наградили, сделав шефом Службы безопасности рейха (РСХА). Это давало ему гораздо большую независимость от Гиммлера и открывало возможность прямого доступа к Гитлеру. РСХА давала Гейдриху контроль над гестапо Мюллера, уголовной полицией Небе и службой СД, которая теперь стала официальной государственной организацией, не являющейся частью партии. Именно РСХА, номинально все еще находящаяся под командованием Гиммлера, действовала в Польше, используя особые отряды СС и полиции, известные как айнзацкоманды (айнзацгруппы).

6 октября, на следующий день после победного парада среди руин Варшавы, Гитлер произнес в рейхстаге небезызвестную речь, в которой нападал на Польшу и бросал вызов ее союзникам. «Польше Версальского договора больше не подняться!» — заявил

он. Прогнозировалось массовое движение населения с целью соединить всех немцев и отделить от оскверняющих их евреев, которых очень много проживало в Польше. 7 октября, вдень сорокалетия Гиммлера, Гитлер назначил его главой новой организации, Комиссариата рейха по консолидации немецкой государственности (РКФДВ), важнейшей задачей которой было создать колонии немцев на территориях, с которых изгнаны евреи и другие чуждые Германии народы. Друзья Гиммлера отметили день его рождения, надписав красивый том, изданный в его честь — «Памятный адрес рейхсфюреру СС по случаю его сорокалетия», в котором он был назван главным инициатором построения в Европе нового порядка, отвечающего потребностям расширения Германии.

Гиммлер сам описывал то, что произошло, меньше чем через год после падения Польши. Сохранились заметки, которые Гиммлер делал для лекции перед верховным командованием армии 13 марта 1940 года. В своей речи он абсолютно ясно излагает свою политику насчет Польши: немцы будут управлять славянами, которым будет отведено такое место проживания, чтобы они не могли напасть на Германию в момент ослабления ее бдительности и чтобы не произошло смешения рас. «Казнь всех потенциальных лидеров сопротивления, — набросал своей худой, костлявой рукой Гиммлер. — Очень трудно, но необходимо. Позаботился об этом лично… Никаких тайных жестокостей… Суровые наказания, если необходимо… Грязное белье надо стирать дома… Мы должны быть тверды, наша ответственность перед Богом… Миллион рабов и как ими управлять».

Страшной зимой 1939/1940 гг. людей целыми поселениями изгоняли из их родных мест для исполнения плана принудительной эмиграции, для которого не было создано никаких условий. Службами Гиммлера и Гейдриха был отдан целый ряд бессердечных приказов местным айнзацкомандам, которые учили исполнять приказы, не задумываясь об их последствиях для выселенных людей. Согласно договору, свыше 250 000 человек германского происхождения, живших в Польше, оккупированной Россией, и в государствах Балтии, переместились в занятую немцами часть Польши. В то же время в результате приказа, отданного Гиммлером 9 октября, вдвое большее число евреев и признанных «негодными» славян переселились на восток. Позже, к 1943 г., число переехавших из восточных и юго-восточных областей людей немецкой расы выросло до 566 000, а число изгнанных поляков и евреев составило 1 500 000 человек. В ноябре Гиммлер поручил Дарре, министру сельского хозяйства рейха, по его собственной просьбе, задачу расселения немецких

эмигрантов на конфискованных польских фермах. Дарре хотел сыграть свою роль в великих расовых миграциях, явившихся результатом теорий, которым он сам учил Гиммлера 10 лет назад. Неудача, которую он потерпел в выполнении этого задания, была предрешена, принимая во внимание масштабные, сложные и противоречивые указания, навязанные растерзанной Польше жестоким правлением Ганса Франка и противодействующими друг другу силами армии и полиции Гиммлера и Гейдриха. Командирами СС были Фридрих Крюгер, бывший специалист по уличным боям и незаконному ввозу оружия, и алкоголик и садист, вступивший в СС в Австрии, Одило Глобочник, которого Гиммлеру в конце концов пришлось уволить из-за постоянного воровства.

Историки стараются узнать, когда в умах нацистского руководства созрела концепция геноцида. Незапланированное уничтожение евреев эсэсовцами и айнзацкомандами началось вместе с войной, но к январю массовая эвакуация евреев из западных провинций достигла таких размеров, которые привели к высокой смертности, неизбежной в хаосе переполненных и неотапливаемых вагонов, стоявших на запасных путях до тех пор, пока замерзшие тела детей и взрослых не начинали падать на землю, когда наконец открывались двери. В декабре Гейдрих приказал Эйхману постараться внести некоторый порядок в управление депортацией. Практически началась миграция евреев из самой Германии, когда вмешался Геринг как президент Совета обороны рейха, чтобы остановить переселение из-за ходивших в дипломатическом корпусе в Берлине слухов о смерти и страданиях людей. Тем временем Гитлер принял план, представленный Гиммлером, о порабощении поляков, которых нельзя эвакуировать, о лишении их имущества, а их детей — образования, пока они не станут расово пригодными для перемещения и интеграции с Германией через организацию «Лебенсборн», которая сначала проверяла детей, а потом устраивала к приемным родителям.

Формально геноцид как политика был принят нацистами не раньше 1941 года, и в сознании Гиммлера он был тесно связан с готовящемся вторжением в Россию. Но к этому времени его расовые предрассудки нашли выход, подготовивший его самого и его агентов к высшему испытанию, предстоявшему им в 1941 году. В октябре 1939 года Гитлер потребовал содействия Гиммлера национальной программе евтаназии душевнобольных, которая к 1941 году привела к умерщвлению 60 000 пациентов в психиатрических клиниках Германии. Хотя идея принадлежала Гитлеру и впервые встречается в его записке к Филиппу Булеру,

начальнику канцелярии фюрера, за выполнение этого задания отвечала служба СС. Ответственным за управление был назначен Виктор Брэк, друг семьи Гиммлера и офицер связи, работавший у Булера. Родственники людей, отобранных для умерщвления, ничего не знали о происходящем, свидетельства о смерти были фальсифицированы. Центры уничтожения строго охранялись, и доктора и медперсонал СС проводили свои первые опыты отбора, перевозки, отравления газом и кремации множества беспомощных людей.

Первая программа умерщвления под медицинским руководством Карла Брандта являлась актом деспотизма Гитлера против самих немцев и была остановлена лишь телефонным звонком Гитлера Булеру после протестов общественности и особенно церкви. На этот раз фюрер вынужден был отменить решение под давлением общественности, да и самого Гиммлера все больше беспокоила реакция против евтаназии, и в декабре 1940 года он поделился своими мыслями с Брэком. Но программа евтаназии была прекращена только в августе 1941 года, когда для медицинских бригад Гиммлера была запланирована новая работа. К тому времени началась гораздо более масштабная программа уничтожения в России. Центры евтаназии не были закрыты, а использовались для уничтожения душевнобольных из концлагерей или из большого числа иностранных рабочих, пригнанных в Германию. Брэк был прекрасно готов к тому, чтобы распространить практику евтаназии на заключенных, значившихся в списках как умственно отсталые.

Брандт, которого на «Процессе врачей» после войны спросили о его роли в умерщвлении душевнобольных, сказал:

> «Возможно, это покажется негуманным… Основным мотивом было желание помочь личностям, которые не могли помочь себе сами… Такое соображение не может рассматриваться как негуманное. Я также никогда не чувствовал, что оно хоть в малейшей степени неэтично или аморально… Я убежден, что если бы Гиппократ был жив сейчас, он изменил бы формулировку своей Клятвы… в которой доктору запрещено дать яд больному, даже по его требованию. Он не был сторонником сохранения жизни при любых обстоятельствах… Я не чувствую себя виновным. Что касается роли, которую я играл в этом деле, то моя совесть чиста».

Новая форма опыта началась для докторов Гиммлера в 1939 году, когда были проведены первые зарегистрированные опыты с

привлечением людей из концентрационных лагерей. На кожу отобранных заключенных наносили жидкие газы иприт и фосген, наблюдали и фотографировали их реакции вплоть до момента смерти. Доктора посылали отчеты о своих наблюдениях Гиммлеру, который приказал проводить дальнейшие испытания в большем масштабе. Позже, в 1942 году, даже возник спор о том, следует ли платить за узников, используемых в этих экспериментах. Один из докторов, оскорбленный подобной идеей, написал рапорт: «Думая о нашей военной исследовательской работе, проведенной в концентрационном лагере Дахау, я должен похвалить и обратить особое внимание на то, с какой щедростью и пониманием содействовали там нашей задаче. Оплата за узников никогда не обсуждалась. Складывается впечатление, будто в лагере Нацвайлер пытаются извлечь из этого дела максимальное количество денег». Согласно показаниям одного свидетеля, объекты опытов переживали такую ужасную боль, что «находиться рядом с ними было невыносимо». Тем не менее, чтобы выразить свою добрую волю рейхсфюреру СС, от имени заключенных Бухенвальда послали ему ценный рождественский подарок — письменный стол зеленого мрамора, изготовленный в скульптурной мастерской, где мастера-заключенные создавали свои произведения.

Сохранять жизнь и посылать на смерть — эти два действия были неделимо связаны в сознании Гиммлера. В тот самый месяц, когда началось выселение евреев из Польши, а доктора СС стали убивать душевнобольных в Германии, 28 октября 1939 года Гиммлер издал свой декрет о «Лебенсборне», в котором говорилось:

> «После ограничений, накладываемых буржуазными законами, и обычаев, которые сами по себе необходимы, теперь величайшей задачей немецких женщин и девушек хорошей крови, даже не связанных брачными узами, будет, не по легкомыслию, а по глубокому нравственному убеждению, стать матерями детям солдат, погибших на войне… На мужчин и женщин, по приказу государства остающихся дома, эти времена также накладывают большую, чем всегда, священную обязанность снова стать отцами и матерями».

Гиммлер обещал, что он и СС позаботятся о детях чистой крови, законнорожденных или нет, чьи отцы погибли, сражаясь за Германию. Однажды он приказал повесить польского работника с фермы за сексуальную связь с немкой, тогда как женщины, позволявшие польским заключенным или рабочим сексуальные

вольности, подвергались длительному тюремному заключению. Это было борьбой с осквернением расы.

Во время войны Гиммлер охранял свою организацию СС, как заботливый отец. СС все еще рассматривались как рыцарский орден, и от их офицеров ожидали рыцарского поведения. В апреле 1942 года Гиммлер подписал приказ, призывающий его людей не соблазнять девушек по легкомыслию, лишая таким образом нацию плодовитых матерей. Обо всех соблазненных женщинах следовало сообщать ему лично. Позже, в 1943 году он с ужасом узнал, что в его отряде «Лейб-штандарт» отмечено 244 случая заболевания гонореей. Зепп Дитрих поспешил доложить ему и о других фактах, и в июле Гиммлер «с удовольствием» смог написать о «большом количестве незаконнорожденных детей» в Лейбштандарте. «Мне нужны имена всех этих детей, а также их матерей», — добавил он. Были также составлены строгие правила, контролирующие жизнь женщин, служащих в отрядах СС; их свободное время, по мнению Гиммлера, должно было быть занято здоровым спортом и культурными занятиями. Что касается гомосексуализма среди служащих СС, то Гиммлер приравнивал его к саботажу.

В награду за верную и достойную службу Гиммлер учредил схему поощрения для своих людей, уделяя такое же пристальное личное внимание подробностям каждого случая в этой области, как и в любой другой. Вдовам служащих СС с детьми назначались пенсии: Гиммлер не жалел своих сил на написание многочисленных утешительных писем и даже отправку небольших подарков этим женщинам и их детям. Подобные усилия предпринимались и для заботы о солдатах, уволенных из СС по состоянию здоровья: подробности об их здоровье, питании, об их нуждах потоком лились из пишущих машинок СС; сохранилась масса писем и записок, на которых часто встречаются собственноручные пометки и инициалы рейхсфюрера СС. Подобно хорошему директору школы, Гиммлер, насколько это было возможно, уделял каждому учителю и каждому мальчику в своей школе личное внимание, неважно, сколько времени или усилий это от него требовало. К примеру, он долго вел переписку с министром сельского хозяйства по вопросу: можно ли уменьшить ежемесячные взносы последнего в «Лебенсборн» до одной марки или нет.

Даже во время войны Гиммлер начал строить планы на будущее. Какие квартиры следует предоставлять в мирное время эсэсовцам, каждый из которых будет отцом не менее чем шестерых детей? Когда его люди умрут, следует ли отмечать их могилы тевтонским крестом в противоположность вялому и

бесполому символу христианства? Лидеры СС должны иметь свои гербы, как приличествует «тевтонским братьям». Дисциплина должна быть самоуправляемой; немыслимо, чтобы эсэсовец терпел обычную военную или гражданскую формы правосудия. По мнению Гиммлера, служащий СС никогда не должен был испытывать трудностей, покупая вещи в рассрочку. «Эсэсовец не покупает того, чего не может себе позволить, — хвастался Гиммлер. — Эсэсовец — самый честный человек на свете». Он гордился тем, что на шкафах в казармах СС не было замков.

К женам эсэсовцев, рожавшим семь и более детей, приставлялись нянечки. Рейхсфюрер СС проявлял неподдельный интерес ко всем вопросам материнства, подвергая тщательному исследованию родословные девушек, с которыми были связаны его служащие. Что если возродить старую тевтонскую легенду о том, что совокупление, проведенное на могильных плитах одного из предков, наделяет ребенка, зачатого таким образом, храбрым тевтонским духом его предков? Женатым эсэсовцам предоставлялся специальный отпуск, чтобы поддержать произведение потомства, хоть и не обязательно на могильных плитах. Если служащих нельзя было отпустить к их женщинам, женщин привозили к мужчинам. Символично, что сохранилась довольно объемная папка, в которой самым тщательным образом рассматривается случай адюльтера эсэсовца и жены солдата; в конце концов Гиммлер вынес вердикт в пользу молодой пары и послал женщину, сообщившую о прелюбодеянии, получать свой урок в трудовом лагере.

При управлении движением «Лебенсборн» расистские навязчивые идеи Гиммлера соединились с его фантазиями в области генетики и отразили странную гуманность, которая всегда таилась в характере Гиммлера и которую он удовлетворял через свое отношение к детям, начиная с собственных, и простирая чувства на свою общенациональную семью крестников. Родителей немецких детей чистой расы, день рождения которых совпадал с его днем рождения, поощряли в их желании пригласить Гиммлера в крестные отцы. Выпускались специальные формы для проведения тщательной проверки, предшествовавшей присуждению этой высокой чести. Желание Гиммлера быть крестным отцом будущих поколений чистокровных немцев проявлялось также через движение «Лебенсборн». В глазах Гиммлера детей здорового расового происхождения следовало спасти от родителей, неугодных государству по политическим или другим причинам, и помещать для реабилитации в детский дом «Лебенсборн».

Персонал таких домов формировался из женщин, крайне

тщательно отобранных за их дисциплинированность и преданность; они соединяли в себе умения медсестер, социальных работников и политических педагогов для детей и матерей, находящихся на их попечении. Матерям в домах Лебенсборн не позволялось принимать мужчин, хотя, согласно приказу Гиммлера от 11 января 1941 года, по особым случаям они могли принимать гостей мужского пола, которым «можно было предложить чашку кофе, но нельзя было дать возможность для интимной близости». Обо всех случаях крайней недисциплинированности следовало сообщать лично Гиммлеру. В 1941 году матерей также обязали есть на завтрак овсянку и фрукты, и Гиммлер приказал собирать данные об их кровяном давлении. Потребление овсянки, говорил Гиммлер, в Британии является символом общественного положения. Когда женщины жаловались, что из-за овсянки они поправятся, Гиммлер написал 12 декабря 1941 года:

> «Я хочу, чтобы им сказали, что англичане, а в особенности английские лорды и леди, фактически выросли на этой пище… Потребление ее считается наиболее правильным. Именно эти люди, и мужчины, и женщины знамениты своими стройными фигурами. Поэтому матери в наших домах должны привыкнуть есть овсянку и приучиться кормить ею своих детей. Хайль Гитлер!»

Гиммлер приводил стройные фигуры лорда Галифакса и сэра Невиля Гендерсона в качестве доказательства того, что овсянка не полнит. Он также требовал, чтобы в его офис регулярно доставляли статистические данные о здоровье матерей и детей. «Каждая мать хорошей расы священна для нас», — писал Гиммлер.

Движение «Лебенсборн», создававшее также центры для сирот и незамужних женщин с детьми, существовало на протяжении всей войны. Гиммлер учредил специальные дома и заведения СС для детей с хорошими расовыми характеристиками, увезенных с оккупированных территорий[57]. В 1941 году в письме к одному из офицеров Гиммлер так описал свой план:

> «Я считаю правильным забирать расово подходящих детей из польских семей с целью обучения их в специальных (и не очень больших) детских садах или детских домах. Присвоение этих детей может проходить на основании их здоровья. Дети, оказавшиеся не очень здоровыми, будут возвращены родителям.

> Я предлагаю начать с малого, возможно, с двух или трех домов, чтобы сначала собрать немного практического опыта. Что касается детей, здоровье которых будет в удовлетворительном состоянии, то через шесть месяцев, или около того, нам следует тщательно собрать сведения об их предках. После года успешного обучения мы сможем рассмотреть вопрос об определении их в дома расово хороших немецких семей, не имеющих своих детей.
>
> Лишь избранные мужчины и женщины, особенно сведущие в расовых вопросах, могут быть назначены руководителями подобных заведений, как я их себе представляю».

Гиммлера очень беспокоили бездетные семьи. В письме, написанном в апреле 1942 года, он поддерживал бесплодного партнера в бездетном браке, позволяя потенциально плодовитому иметь связь на стороне с единственной целью произвести потомство. С 1942 года бездетные семьи имели особую важность как центры усыновления огромного количества детей с немецкими характеристиками, украденных эсэсовцами с оккупированных территорий.

В публичном выступлении 14 октября 1943 года Гиммлер пошел еще дальше. Он сказал о славянских нациях: «Очевидно, что в такой смеси людей всегда будут расово хорошие типы. Поэтому наш долг — забрать таких детей, отделить их от их среды, украв их, если это необходимо… Так мы получим всю хорошую кровь, которой сможем воспользоваться для себя и дать ей место в нашем народе или… мы уничтожим эту кровь». Политическая цель подобного объединения немецкой нации была совершенно ясна.

> «Для нас конец этой войны будет означать открытую дорогу на восток, так или иначе создание Германского Рейха… огромного дома 30 миллионов людей нашей крови, чтобы еще при нашей жизни мы стали народом в 120 миллионов немецких душ. Это значит, что мы будем единственной решающей силой в Европе. Мы расширим границы нашей немецкой расы на 500 километров на восток».

Мы никогда не узнаем, сколько детей в возрасте до 12 лет было украдено таким образом. Хотя большинство привезли из Польши, были случаи усыновления детей из Югославии, Чехословакии и России. Массовое усыновление детей было

ограничено размерами организации, созданной во время войны, чтобы заниматься этим вопросом, но доктор Ганс Гилмар Штаудте, адвокат, связанный с движением «Лебенсборн», в своих письменных показаниях утверждал, что в административном округе Вартгау в Польше для последующей германизации было усыновлено от 2 до 3 тысяч детей. После проверки они были определены к приемным родителям, чьи фамилии они получили. Их имена были изменены на немецкий манер. Детей, конечно, научили говорить по-немецки, и в результате они стали немцами. Проблема поиска следов пропавших во время войны детей все еще существует в наши дни, ею занимается международный центр в Арольсене.

В начале 1943 года внимание Гиммлера привлекли два белокурых голубоглазых мальчика из Минска. Гиммлер и его помощники даже временно усыновили этих детей: когда их отмыли и немного обучили немецкому, они присоединились к поезду Гиммлера и путешествовали с ним некоторое время. В письмах эсэсовцев упоминается факт потери в Мюнхене одной из шинелей, предназначенных для мальчиков. Позже их определили в школу для надлежащего обучения на благо рейха.

Общественная реакция на «Лебенсборн» часто была критической. Так как дома были полны незамужних матерей, многие думали, что это бордели для СС. Церковь была особенно против домов. В выступлении перед узким кругом высших чиновников в мае 1944 года Гиммлер неофициально говорил о движении «Лебенсборн» и нападках на него:

> «…Сначала эти дома «Лебенсборн», как всякая новая идея, стали объектом сплетников. Они называли дома площадкой молодняка, конными заводами и так далее. В действительности же мы в этих домах просто заботимся о матерях и детях, некоторые из них законнорожденные, некоторые нет. Я бы сказал, соотношение где-то 50 на 50, скорее даже 60 на 40 в пользу детей, рожденных в браке.
>
> В этих домах к каждой женщине обращаются «фрау Марта» или «фрау Элизабет» и т. д. Никому нет дела, законный ребенок или нет. Мы заботимся о матери и ребенке, защищаем их, помогаем в трудностях, которые у них возникают. В этих домах не прощают лишь одного — если мать не заботится о своем ребенке так, как должна.
>
> К концу 1939 года, после польской кампании, как только мы узнали, что война на западе продолжится — британцы и французы отвергли предложенный фюрером

мир, — я издал приказ, ставший в то время причиной многочисленных споров и давший сплетникам повод для дальнейших оскорблений, в основном направленных против меня лично. Мой приказ был прост: каждый служащий СС перед тем, как идти на фронт, должен произвести потомство[6].

Этот приказ казался мне простым и приличным, и теперь, после многих лет, в течение которых немецкий народ понес ужасные потери, те, кто в свое время неверно поняли мой приказ, начинают понимать, что он имеет смысл. В конце концов, я очень тщательно обдумал этот вопрос. Мои соображения были просты: закон природы таков, что самая ценная кровь будет потеряна для нации, если не произведет потомства. Очевидно, что наиболее расово ценный человек будет самым храбрым солдатом, и его, вероятнее всего, убьют в бою. Народ, который в течение 25 лет потерял миллионы своих лучших сыновей, просто не может позволить себе такой траты своей крови; следовательно, ради выживания нации и чтобы жертва, принесенная лучшей кровью, оказалась не напрасной, нужно что-то делать»[58].

Когда Гиммлер в СС произносил эту речь о порождении потомства, Хедвиг, его официальная любовница, была на последних сроках беременности вторым ребенком. Она родила девочку, которую назвали Нанетт Доротея. Ее сын Хельг родился 15 февраля 1942 года[59].

Содержание второй семьи отрицательно отразилось на умышленно ограниченном доходе Гиммлера. Шелленберг проливает некоторый свет на ситуацию. Гиммлер, в период перемирия с Борманом, с которым у него позже сложился своего рода тактический союз, попросил заем в 80 000 марок из партийных фондов под предлогом строительства дома. Борман предоставил ему заем, но с очень высокими процентами, которые Гиммлер вряд ли мог выплачивать из своего официального жалования. Шелленберга удивило это необычное соглашение, которое он нашел «непостижимым»; он провел собственные наблюдения за домашними проблемами Гиммлера:

«Первый брак Гиммлера не был счастливым, но ради дочери он не пытался развестись. Теперь он жил с женщиной, не являвшейся его женой, и у них было двое детей, которым он был совершенно предан. Он делал для этих детей все, что мог, ограниченный рамками своих доходов. Хотя после Гитлера

Гиммлер обладал самой большой реальной властью в Третьем рейхе, а, контролируя множество экономических организаций, мог бы иметь миллионы, ему было сложно содержать семью»[60].

Когда Шелленберг высказал предположение о том, что заклад был бы дешевле займа, Гиммлер «смиренно» отверг его предложение. Он сказал, что это «совершенно частное дело, и он хочет действовать абсолютно честно; ни при каких обстоятельствах он не стал бы обсуждать это с фюрером». К тому же он поддерживал семью в Гмюнде, и, хотя жена знала о его связи с Хедвиг, ради дочери Гудрун они официально поддерживали хорошие отношения.

> В ноябре 1939 Гиммлер поручил Шелленбергу особую миссию. Шелленберг похитил из Венло, городка на границе с Нидерландами, двух офицеров британской разведки, с которыми он контактировал под видом немецкого офицера-антинациста. Британских агентов капитана Пэйн Беста и майора Р. Г. Стивенса обвинили в причастности к покушению на жизнь Гитлера в Мюнхене 8 ноября. Сейчас многие предполагают, что эта попытка убийства была организована с ведома Гитлера. При взрыве, прозвучавшем когда фюрер и другие лидеры уехали, погибли семь человек. Гитлеру нужен был предлог для пропаганды, чтобы настроить немецкий народ против союзников и показать, с какими отчаянными врагами приходится сталкиваться агентам Гиммлера. 21 ноября Гиммлер заявил, что за заговором стоит британская разведка, и его участники уже арестованы.
>
> Инцидент в Венло стал одной из самых занимательных шпионских историй времен войны; и Шелленберг, и капитан Пэйн Бест дали подробный отчет о том, что произошло. Британские офицеры оба провели следующие пять лет в концлагерях, а Шелленберг получил звание генерал-майора СС за свои усилия по их поимке. Специализация Шелленберга на иностранном шпионаже привела к тому, что служащих СС и гестапо стали назначать атташе в различные немецкие дипломатические миссии и посольства за рубежом, что позволило Гиммлеру еще раз вторгнуться на территорию Риббентропа. В марте 1940 года в дополнение к инциденту в Венло Шелленберг дал Гиммлеру возможность представить Гитлеру подробный отчет, отражающий тесную связь между британской и

нидерландской разведками. Позже Гитлер использовал это происшествие, чтобы оправдать свое нападение на Нидерланды, обвинив страну в нарушении нейтралитета.

В начале 1940 года Гитлер готовился к нападению на Запад. Потеря планов военной кампании против Голландии и Бельгии — специальный курьер, доставлявший их, совершил вынужденную посадку в Бельгии из-за плохой видимости — привела нацистских лидеров в ужас. Пока Геринг неистовствовал из-за небрежности Люфтваффе и увольнял командующего воздушным флотом, чьи офицеры опозорили себя, Гиммлер, по свидетельству Шелленберга, был так взволнован и растерян, что совершенно не мог давать четкие распоряжения об экстренной необходимости составить инструкцию по обороне армии.

Военные амбиции Гиммлера не были реализованы. Боевые силы СС получили официальное название Ваффен во время Западного наступления, в котором вместе с 87 дивизиями армии участвовали лишь две дивизии СС. Им представилась благоприятная ситуация, чтобы продемонстрировать свою жестокость в бою, в то время как особый вооруженный полк СС, «Лейб-штандарт Адольф Гитлер» под командованием Зеппа Дитриха играл настолько эффектную роль, насколько это было возможно, в сражениях при Роттердаме и Булони. Подразделение Теодора Эйка «Мертвая голова», составленное из лагерных охранников, вело себя с наглой свирепостью в избиении британских пленных в Ле Парадиз в мае 1940 года.

Но несмотря на такую активность СС, Гиммлер не принимал прямого участия в кампании, продлившейся с апреля 1940 года, когда были сначала оккупированы Дания и Норвегия, до 21 июня, когда было окончено завоевание Бельгии, Голландии и Франции и Гитлер заключил перемирие в Компьенском лесу — церемония, на которой Гиммлер не присутствовал.

Пока Гейдрих снова летал на своем самолете Люфтваффе, чтобы насладиться агрессией на поле боя (откуда послал Гиммлеру открытку, обещая через восемь дней быть в его кабинете), рейхсфюрер СС катил на своем бронепоезде на Запад, снова следуя за Гитлером.

15 мая ему удалось послать письмо, адресованное «моему любимому Гейдриху», где он объяснял, что он провел несколько дней в штабе фюрера, и добавлял, с иронией намекая на польскую кампанию, что «единственная разница — то, что мы в другом месте». Конец письма проливает некоторый свет на его чувства к Гейдриху. «Я очень много думаю о тебе, — пишет Гиммлер. — Надеюсь, все идет хорошо. Я хотел бы, чтобы ты

повторил успех, счастье — и все хорошее. Привет от Вульфхен и Гасхен. Твой Генрих Гиммлер». Затем прилагался официальный приказ о том, чтобы Гейдрих посылал по телефону ежедневный отчет о том, что сделал и как себя чувствует. Гейдрих летал с Люфтваффе до конца кампании в июне и наслаждался всеми плодами победы на Монмартре. Весь июль он провел в спешной подготовке планов контроля Британии гестапо и СД после завоевания осенью. 27 сентября полковник СС профессор доктор Франц Сикс, бывший декан факультета экономики Берлинского университета, был назначен командующим айнзацкомандой в Британии.

Тем временем Гиммлер столкнулся с определенными трудностями в расширении своих полномочий в военное время. Гитлер решил ограничить Ваффен СС до 4 дивизий (не более 5 % от всех вооруженных сил СС), а сам Гиммлер выдвинул такие высокие стандарты отбора, что средний рекрут немецкой армии оставался далеко позади его нордического идеала. В 1940 году Гиммлер и начальник штаба его Ваффен СС Готлиб Бергер решили, что все люди нордической расы, немцы или нет, могут получить право быть принятыми в эти войска. К концу 1940 года в Ваффен СС была создана так называемая дивизия «Викинг» под командованием Феликса Штейнера, и в нее начали вступать волонтеры из Голландии, Дании, Норвегии, Финляндии. К концу войны в 1945 году существовало уже 35 дивизий Ваффен СС, большинство солдат которых было завербовано в оккупированных странах. Гиммлер заставил свои расовые теории работать в своих интересах, он смог наконец осуществить желание командовать собственной значительной группой людей, не связанной с регулярной армией, на действия которой он не влиял, за исключением нескольких страшных месяцев в 1944–1945 гг. В личной записке, датированной 13 апреля 1942 года, Гиммлер настаивает на том, чтобы все немецкие командиры и низшие чины этих иностранных дивизий СС получали специальную идеологическую подготовку и докладывали лично ему перед тем, как предпринять какие-либо действия. Они должны были иметь, по его словам, «твердую веру в наш идеал».

7 сентября 1940 года Гиммлер поехал во Францию, чтобы выступить перед офицерам подразделения СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» в Меце[61]. Всего месяц назад, 6 августа, Гитлер обращался к эсэсовцам с речью о том, что в будущем им предстоит играть роль элитных войск, чьи обязанности будут такими же, как и у политической полиции, хотя тремя неделями раньше с трибуны рейхстага фюрер выказал свое расположение к победоносной армии, назначив двенадцать новых

фельдмаршалов. Гиммлер был обижен и отпустил несколько коварных замечаний об отношении армии к СС в своем сентябрьском выступлении, главной целью которого было недвусмысленно заявить о важности СС для процветания и прогресса государства, а СД — для внутренней безопасности. Он знал, что многие служащие СС того военного времени не понимают идеалов, за которые он боролся с 1929 года, и сознавал, что насильственная депортация, «сложнейшая задача, выполняемая органами безопасности», неприятна некоторым из них. Поэтому он продолжал объяснять им необходимость данного мероприятия:

> «Практически то же самое происходило в Польше, в сорокаградусный мороз, откуда нам пришлось вывозить тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч, где нам потребовалось мужество — вы должны услышать это, но сразу забыть — расстрелять тысячи поляков — руководителей сопротивления, иначе нам бы позже отомстили… выполнять все те обязанности, о которых гордый солдат говорит: «Боже, почему я должен делать это, выполнять здесь всю эту нелепую работу!» Гораздо легче идти в бой с отрядом, чем подавлять непокорное население, находящееся на низком культурном уровне, или казнить, или вывозить людей, или выселять из дома плачущих, бьющихся в истерике женщин, или перевозить через границу с Россией наших расовых немецких братьев и заботиться о них… Вы должны рассматривать работу служащего СД или органов безопасности как существенную часть всей нашей работы. Вам будут завидовать, потому что,, если отряд достигает славы, его могут наградить. Эта тихая вынужденная работа, молчаливая деятельность… гораздо труднее других и во многих других отношениях».

Затем Гиммлер говорил о необходимости улучшения политического образования в эсэсовских Ваффен СС, чтобы люди лучше понимали деятельность СД; они должны были осознать, что долг служащих СД «очень, очень труден» и «очень, очень ценен». Затем он начал говорить о своем видении будущего, своих мечтах о гарнизоне СС, «охраняющем расу», о создании поселений за пределами Германии и распространении «Лебенсраума» на колонии, основанные, например, в Южной Африке, в Арктике и на Западе. «Первые два года мира будут решающими для нашего будущего, — сказал он — Мир установит железная рука… Мы должны начать неслыханное самообучение.

Подчинение должно быть само собой разумеющимся». То, что будет сделано после войны «при жизни Адольфа Гитлера, останется жить в грядущих веках… Если мы сделаем ошибку, она тоже будет жить в веках».

«Даже служба в лагерях с отбросами человечества, — говорил Гиммлер, — лучше формирует воззрения на низшие существа и низшие расы. Эта деятельность необходима, чтобы отделить немецкий народ от этих вредных существ, чтобы эксплуатировать их для великого народного сообщества, заставляя их дробить камни и обжигать кирпичи, чтобы фюрер мог воздвигать величественные здания. Если хорошая кровь не будет воспроизводиться, мы не сможем править миром… Нация, в которой на каждую семью приходится в среднем по 4 сына, может решиться на войну; если двое из них умрут, двое продолжат род». В заключение Гиммлер сказал: «Конечная цель тех 11 лет, в течение которых я являюсь рейхсфюрером СС, неизменно была одна: создать порядок хорошей крови, способный вдохновить Германию… порядок, который распространит идею нордической крови так широко и далеко, что мы привлечем все нордические племена мира и заберем кровь у наших противников, так впитаем ее, чтобы… никогда больше нордические народы не сражались против нас». Такова, по его словам, была «великая общая цель», для достижения которой СС была «прекрасным средством — всегда за Рейх, за идеологию, созданную фюрером, за созданный им Рейх, за Рейх всех германцев».

Отсутствие Гиммлера на праздновании победы во Франции в основном было обусловлено его болезнью. Со времени первого сеанса у массажиста Феликса Керстена он испытывал облегчение, казавшееся чудом для его натянутых нервов. Керстен был на два года старше Гиммлера и очень отличался от него темпераментом. После трудной жизни в юности он решил наслаждаться богатством и положением, которые давала ему редкая и прибыльная практика среди европейской аристократии. Согласно его новому отчету, он родился в Эстонии, изучал сельское хозяйство в Хольстене, был фермером в Ангальте, служил в финской армии во время войны с Россией в 1919 году, стал в результате гражданином Финляндии, а затем попал в ветеранский госпиталь в г. Хельсинки с ревматической лихорадкой.

Именно там и открылись его выдающиеся способности к массажу. Он решил сделать карьеру с помощью целительства и работал, по его словам, докером и судомойкой, чтобы оплачивать обучение медицине. Он впервые приехал в Берлин в 1922 году; там он учился в университете а затем проходил практику у

знаменитого китайского целителя — доктора Ко. Керстен утверждал: «Доктор Ко заявил, что никогда не встречал никого с такими руками, как у меня. Он сказал, что мое прикосновение прямо чудодейственно». Уверенность китайского доктора в Керстене была так велика, что он передал ему свою практику, когда в 1925 году вернулся в Китай.

Керстен был в восторге от посещений высокопоставленных пациентов, искавших его помощи, и поселился в Гааге по личному приглашению принца Генриха Нидерландского, ставшего одним из его пациентов в 1928 году. В 1934 году он купил свое немецкое поместье в Гарцвальде в сорока милях от Берлина, намереваясь в конце концов стать «уважаемым фермером». В 1937 году Керстен женился на красивой девушке из Силезии, вдвое моложе его.

Именно этот человек 10 мая 1939 года впервые встретился с Гиммлером и был страшно удивлен, найдя его «человеком с узкой грудной клеткой, срезанным подбородком, в очках и со льстивой улыбкой». Когда он на несколько минут остался один в кабинете Гиммлера, он увидел множество томов по немецкой и средневековой истории, книги о Генрихе Птицелове, Чингисхане, Магомете и мусульманской вере. В спальне Гиммлера он увидел Коран на немецком языке, книгу, которую он всегда имел при себе. Керстен, имевший богатый жизненный опыт, тогда подумал, что Гиммлер — «педант, мистик и ученый». К тому же у него были «мягкие руки».

На первом осмотре они обсуждали симптомы Гиммлера, непосредственной причиной которых оказалось отравление птомаином, вызванное старой болезнью нервов. Этот недуг стал в свою очередь следствием страшной тифоидной лихорадки, которой Гиммлер заболел в первую мировую войну. Керстен узнал, что в детстве Гиммлер переболел паратифом, а в юности — дизентерией и желтухой. Керстен поднял рубашку Гиммлера и нащупал болезненную область у него на животе. Его прикосновение было, по словам Гиммлера, «как бальзам», и он упросил Керстена лечить его. Керстен понимал, что может доставить Гиммлеру временное облегчение, но никогда не исцелит его.

Абсолютная преданность уникальному мастерству массажа сочеталась в Керстене с желанием достичь богатства и социального успеха. Он был удачливым человеком, чей великий дар целительства принес ему благодарность многих людей, которые смогли дать ему ту жизнь, которая отвечала более земной стороне его натуры. Его успешное лечение Ростерга, немецкого поташного магната, позволило Керстену приобрести

поместье в Гарцвальде, когда Ростерг заплатил ему 100 000 марок. Именно по настоятельной просьбе Ростерга Керстен впервые согласился осмотреть Гиммлера в 1939 году.

До начала войны Керстен посещал Гиммлера и в Берлине, и в Гмюнде и хорошо узнал слабую и своевольную натуру своего пациента. Он знал, что Гиммлер хочет войны не меньше, чем Гитлер, и научился спорить с ним на эту тему без ущерба для себя. Керстена абсолютно не интересовала политика, но он все-таки не был немцем, а следовательно, на него не распространялись немецкий закон и порядок. Он мог прекратить лечение Гиммлера, когда началась война, о чем его умоляли жена и друзья. Но когда он обратился в дипломатический корпус финского посольства за советом о продолжении контактов с Гиммлером, там его убедили продолжать работу. Ведь высказывания Гиммлера, лишенного всякой осторожности после сеансов лечения, могли оказаться очень ценными, если все, о чем он говорит, будет передаваться в посольство. Ирмгард Керстен была немкой и ей нравилось жить в Гарцвальде, а когда Сталин опустошил Эстонию, родину Керстена, и объявил войну Финляндии — стране, чью национальную гордость он отнял — именно в Гарцвальд Керстен привез своего девяностолетнего отца.

Гиммлер не имел возможности заставить Керстена посещать его весной 1940 года, тогда он заключил его в Гарцвальд и отказал в визе для возвращения к родителям в Голландию. Именно Гиммлер сообщил ему о вторжении немцев в Голландию; ему отказали в визе* чтобы защитить от последствий вторжения. Чиновники в финском посольстве также убеждали его не покидать Германию и остаться с Гиммлером. Контакт с Гиммлером, по их мнению, был работой величайшей национальной важности.

15 мая Керстен получил первый приказ присоединиться к бронепоезду Гиммлера и посещать рейхсфюрера как его официальный штабной врач. Там он лечил Брандта, секретаря Гиммлера, как и самого рейхсфюрера СС, и завязал новые контакты в штабе, из которых позже извлек максимальную пользу. Но с лета 1940 до осени 1943, когда ему наконец удалось убедить Гиммлера позволить ему жить в Стокгольме, он был полностью в распоряжении рейхсфюрера, хотя лечил и других пациентов, к которым имел доступ в Германии. Гиммлер потребовал, чтобы Керстен оставил дом и практику в Гааге. Его услуги даже стали предметом бартера между Чиано и Гиммлером, а Керстен получил от Гиммлера самую необычную привилегию: право пользования личным почтовым каналом

рейхсфюрера для частной корреспонденции — распоряжение, связанное, как предполагали, с любовным романом. На самом деле Керстен использовал его для связи с подпольной организацией в Голландии.

В августе 1941 года Керстен впервые добился освобождения заключенного концлагеря — одного из служащих Ростерга, арестованного исключительно по политическим причинам. Позже, перед тем, как уехать из Голландии, он добился освобождения одного из своих друзей, антиквара по имени Бигнелл, посредством телефонного звонка Гиммлеру, в тот момент остро нуждавшемуся в лечении. Керстен вскоре научился льстить Гиммлеру, обращаясь к его тщеславию в моменты, когда приносил рейхсфюреру облегчение. Постепенно просьбы стали привычными; Гиммлер говорил себе: «Керстен выжимает из меня жизнь каждым растиранием». Гейдрих и другие лидеры СС все более ревниво относились к этому чуждому влиянию на частную жизнь Гиммлера. Лишь особое расположение Гиммлера к Керстену спасло последнего от допроса и ареста гестапо; подозрения Гейдриха относительно него никогда не ослабевали.

Концентрационные лагеря оставались под непосредственным контролем Гиммлера. В начале войны, по свидетельству Когона, существовало больше сотни лагерей с их многочисленными ответвлениями, но Дахау оставался символом их всех. Среди других крупных лагерей были Бухенвальд, Заксенхаузен, Гросс-Розен, Флоссенбург, Равенсбрюк для женщин и Маутхаузен близ Линца в Австрии. В разгар войны существовало около 30 основных лагерей, некоторые номинально были строже других. После начала войны на оккупированных территориях были созданы новые лагеря, такие как Аушвиц[62] и Люблин в Польше и Нацвайлер в Вогезах, в Германии также были основаны новые лагеря, например Берген-Бельзен. По оценкам Когона, в лагерях в любой отдельно взятый момент войны содержалось не менее миллиона человек.

Дисциплина становилась все строже. Хесс все еще служил в Заксенхаузене, когда Гиммлер без предупреждения навестил его в январе 1940 года. Он горько жаловался на то, что рабочий отряд заключенных и их охрана даже не узнали его и не отдали честь, когда он проехал мимо них в своей машине. В результате этого инцидента комендант был уволен. Через полгода, в июне 1940, Хесс был назначен комендантом нового лагеря Гиммлера в Аушвице.

Миллионы мужчин и женщин в лагерях были отданы на милость Гиммлера, что привело к организации медицинских экспериментов, которые, хоть и практиковались в относительно

ограниченном масштабе, кажутся еще ужаснее, чем сам акт уничтожения. То, что 350 докторов (каждый трехсотый из практикующих тогда в Германии) должны были приготовиться принять активное участие в этом страшном злоупотреблении своей властью над беспомощными телами мужчин и женщин, является большей деградацией гуманности, чем то, что Хесс, комендант Аушвица с преступным прошлым, преданно повиновался приказам Гиммлера и отправлял людей в газовые камеры.

На процессе, известном, как «Дело врачей», который проходил перед военным трибуналом в Нюрнберге с декабря 1946 по июль 1947 года, двадцати трем врачам было позволено самим защищаться перед судом. Большинство экспериментов, проводившихся этими докторами по прямому распоряжению Гиммлера, были признаны умышленным убийством под предлогом собирания медицинских данных, и большинство из них причиняло пациентам неописуемые страдания. Обвиняемые врачи предъявили на процессе свое главное оправдание: теорию подчинения. Один из них говорил: «В то время я был подчиненным Рашера. Он был штабным хирургом Люфтваффе». Говорили также о теории войны, об «абсолютной необходимости победы, чтобы устранить вредные элементы». Профессор, экспериментировавший с противотифозной вакциной в Нацвайлере, оправдывал свои действия, от которых умерло 97 узников, ссылаясь на единственную смерть в группе людей, приговоренных к смерти в Америке и добровольно согласившихся участвовать в эксперименте, целью которого было проследить течение лихорадки бери-бери.

Непосредственное участие Гиммлера в самой жестокой работе доказывают сохранившиеся письма и записки. Основные эксперименты велись в период с 1941 по 1944 год. Они начались, как мы уже знаем, в начале 1939 года с согласия Гиммлера применять к заключенным иприт и фосген. Позже испытаниями стал руководить профессор анатомии, которому было присвоено звание офицера СС. Эти опыты были напрямую связаны с гиммлеровским Институтом исследования и изучения наследственности, которым заведовал Вольфрам Сивере, бывший продавец книг, в июле 1942 основавший по приказу Гиммлера филиал первого института — Институт прикладных исследований военной науки. Сивере писал Гирту: «Рейхсфюрер СС хотел бы как можно скорее услышать от вас подробный отчет о ваших экспериментах с ипритом… Не могли бы вы как-нибудь написать краткий секретный рапорт?» Эти испытания приводили к ожогам на теле человека, распространявшимся день ото дня и

часто приводившим к слепоте и смерти. Вскрытие трупов показывало, что кишечник и легкие полностью выжжены.

Доктору Зигмунду Рашеру, бывшему штабному хирургу Люфтваффе и офицеру СС, в мае 1941 года не составило труда получить у Гиммлера, пославшего ему цветы по случаю рождения у него второго сына, разрешение на доставку к нему нескольких заключенных для экспериментов с низким давлением и высотой, которые, как он предупредил рейхсфюрера, могут закончиться смертью. «Могу сообщить, что вам, конечно, с удовольствием предоставят заключенных для важных экспериментов», — писал Рудольф Брандт, секретарь Гиммлера. Были и другие причины интереса Гиммлера к доктору. Любовница Рашера, которая была на 15 лет старше своего возлюбленного, утверждала, что родила троих детей после 48 лет; она также была близкой подругой Марги Гиммлер. По правде сказать, в ее родословной были определенные расовые погрешности, мешавшие ей выйти замуж. Но Гиммлер вмешался и расчистил ей дорогу, а затем охотно стал крестным замечательного отпрыска Рашера.

Эксперименты Рашера, номинально проводимые в интересах Люфтваффе, предпринимались в основном в 1942 году в Дахау, и Рашер посылал отчеты об их течении Гиммлеру. Реакция людей, помещенных в камеры с низким давлением, в Дахау была заснята на пленку. Этим опытам было подвергнуто 200 человек, и более 70 в результате погибли. Сохранились отчеты и фотографии, которые были использованы в качестве доказательства во время различных процессов в Нюрнберге. О личном интересе Гиммлера к опытам свидетельствует печально известное письмо к Рашеру, датированное 13 апреля 1942 года:

> «Последние открытия, сделанные в ходе ваших экспериментов, особенно заинтересовали меня… Эксперименты следует повторить на других людях, приговоренных к смерти…. Учитывая продолжительную деятельность сердца, следует особенно развивать эксперименты в направлении определения того, можно ли оживить человека. Если такой эксперимент увенчается успехом, приговоренный к смерти узник конечно будет прощен и пожизненно отправлен в концентрационный лагерь».

Энтузиазм Гиммлера и Рашера оказался восторгом дилетантов. Более опытные врачи, чем Рашер, включая личного медицинского советника Гиммлера профессора Гебхардта, считали эксперименты бесполезными; Гебхардт полагал, что доклады «совершенно ненаучны». В марте 1942 года из Дахау

наконец увезли камеру низкого давления, несмотря на усиленные возражения Рашера. Во время «Процесса врачей» в Нюрнберге врача, которого обвинили в помощи Рашеру, но не признали виновным, спросили, не мучили ли его сомнения по поводу этих экспериментов. Он ответил: «Я не испытывал сомнений на законном основании. Я ведь знал, что Гиммлер официально разрешил проведение этих экспериментов… В этом отношении я не испытывал колебаний. По-другому было с тем, что называют медицинской этикой. Для всех нас это был совершенно новый опыт — присутствовать при эксперименте на… Я должен был привыкнуть к этой мысли». Он успокаивал себя тем, что подобные эксперименты проводились за рубежом, и этого хватало. Рашер же писал Гиммлеру: «Ваш активный интерес к этим экспериментам имеет громадное влияние на работоспособность и инициативу».

В августе Рашер под руководством медицинского специалиста начал новую серию опытов; они включали воздействие заморозки на человеческое тело и считались полезными, так как немецким пилотам часто приходилось приземляться в море. Предполагалось, что эксперименты определят, как можно оживить человека, подвергшегося крайней степени охлаждения. На Процессе врачей один из обвиняемых, также не признанный виновным, давал показания о разговоре, состоявшемся у него с Гиммлером.

«**Защитник:** Гиммлер говорил что-либо об экспериментах с переохлаждением во время встречи?

Подсудимый: Да. Он начал говорить об огромной важности этих экспериментов для армии, воздушных сил и флота. Он долго говорил о подобных испытаниях и о том, как их следует проводить… Он добавил, что деревенские жители часто знают замечательные средства, которые доказали свою пользу, такие как чаи из лекарственных растений… Такими популярными средствами ни за что не стоило пренебрегать. Он сказал, что так же хорошо представляет себе, как жена рыбака может положить своего спасенного, полумертвого от холода мужа к себе в постель и согреть его своим теплом… Он говорил Рашеру, что он обязательно должен проводить эксперименты также в этом направлении…

Защитник: Гиммлер добавлял что-нибудь еще во время этих бесед?

Подсудимый: Он говорил, что не возбраняется потребовать для экспериментов узников

концентрационных лагерей, которых нельзя послать на активные работы из-за преступлений, которые они совершили… так они могут реабилитировать себя…

Защитник: Каково было ваше впечатление от этих замечаний?

Подсудимый: В свете угрожающего критического положения в те дни на них невозможно было реагировать полностью отрицательно»[63].

Отчеты Рашера стали поступать в октябре 1942 года, а проведенную месяцем позже медицинскую конференцию по данному вопросу посетили около сотни офицеров медицинской службы Люфтваффе. После конференции руководящий специалист отказался принимать дальнейшее участие в экспериментах, при которых умерло около 15 человек из 50. Рашер продолжил опыты самостоятельно, и смертность выросла: умерло около 80–90 человек. Людей, одетых в костюмы пилотов или в полосатую лагерную одежду, на период до полутора часов погружали в воду, температура которой была всего на несколько градусов выше температуры замерзания. Гиммлер, снова лично заинтересованный в эксперименте, писал Рашеру 24 октября: «Меня крайне интересуют эксперименты с теплом человеческого тела», — хотя Рашер в своем отчете, написанном в Дахау 15 августа, предлагал обойтись без этих опытов, так как реакция замерших людей была очень медленной. Гиммлер также демонстрировал свое возмущение теми, кто критиковал Рашера за использование людей в опытах. «Я считаю повинными в государственной измене, — писал он, — тех, кто даже сегодня отвергает эксперименты на людях и допускает вместо этого смерть отважных немецких солдат… *Я* без колебаний предъявлю обвинение этим людям».

Из женского концлагеря в Равенсбрюке были посланы четыре проститутки, чтобы обеспечивать животное тепло, в которое верил Гиммлер, но одна из них, к несчастью, оказалась немкой. Рашер пытался ее отговорить, но она сказала, что добровольно согласна исполнять обязанности проститутки в течение полугода, чтобы впоследствии освободиться из лагеря. «Мои расовые чувства ранит то, — писал Рашер Гиммлеру 5 ноября, — что представителям низшей расы из концентрационного лагеря приходится предлагать в качестве проститутки девушку с истинно нордической внешностью». Дальнейшие испытания проходили уже без нее, и Гиммлер 13 ноября лично приехал в Дахау посмотреть на результаты. В тот же месяц он послал письмо старшему офицеру Люфтваффе с просьбой освободить Рашера от

службы в воздушных силах, чтобы он мог работать исключительно под руководством СС. «Эти исследования, — писал он, — … могут быть выполнены нами особенно эффективно, поскольку я взял на себя ответственность за обеспечение опытов лагерными антисоциальными элементами, заслуживающими лишь смерти. А теперь, — продолжал жаловаться он, — начинают протестовать христианские медицинские круги, и эксперименты лучше продолжить только в СС, с «нехристианским врачом», действующим как связующее звено между Люфтваффе и СС. Он указал доктора Гользленера как основного нарушителя порядка.

Рашера наконец освободили от обязанностей в Люфтваффе, чтобы он мог продолжать свою секретную практику. Он продолжил свои эксперименты в Дахау и 12 февраля 1943 года послал Гиммлеру отчет, в котором говорилось о том, как перспектива и осуществление сексуальных контактов между замерзшими мужчинами и проститутками существенно ускоряют возврат тепла. Он даже попросил у Гиммлера нового одолжения: перевести его в Аушвиц: «…сам лагерь настолько обширен, что работа будет привлекать меньше внимания. Потому что подопытные так стонут, когда замерзают!» Гиммлер руководил в Аушвице другими опытами, и Рашер остался в Дахау до того момента, когда в 1944 году его вместе с женой арестовали за похищение детей: трое детей, чье рождение произвело такое впечатление на их крестного отца Гиммлера, все были незаконно присвоены Рашерами. Согласно показаниям на Нюрнбергском суде, Гиммлер предотвратил расследование по делу Рашера; его держали под арестом и расстреляли в Дахау до приезда американцев. По свидетельству Гебхардта, жена Рашера была повешена в то же время «по предложению Гиммлера».

Хотя Рашер оказался преступником-садистом, который получал наслаждение от причиненных людям страданий под предлогом проведения научных исследований, он был единственным человеком, удовлетворявшим навязчивую идею Гиммлера о медицинских опытах. В течение 1942–1944 гг. работа продолжалась во многих лагерях. В дополнение к опытам с ипритом и фосгеном, начавшимся в 1939 году, профессор Гебхардт, личный врач Гиммлера и консультирующий хирург Ваффен СС, возглавил опыты с применением сульфонамидов над женщинами в Равенсбрюке, который находился всего в восьми милях от его ортопедической клиники в Гогенлихене. Гиммлер начал проводить эти испытания в ответ на использование союзнической армией сульфонамидов и пенициллина. В мае 1942 года Гиммлер провел конференцию, на которой присутствовали

Гебхардт и начальник медицинской службы СС. На решение, принятое Гиммлером и Гитлером, в экспериментальных целях инфицировать и добиться гангренозных ран у приговоренных к смерти польских женщин из Равенсбрюка — несомненно повлияла смерть Гейдриха в Праге от гангрены. Этой работой руководили шеф медицинской службы СС и Гебхардт; на «подопытных девушках», как их называли, были проверены различные сульфонамидные препараты. Доктор Фриц Фишер — помощник Гебхардта в Гогенлихене и один из старших врачей, работавших над экспериментами, причинявший жертвам самую страшную боль, сказал на процессе врачей:

> «Преданность государству казалась мне высшим нравственным долгом в тот период, когда ежедневно на фронте погибало около 1500 солдат и несколько сотен людей умирало в тылу. Я считал, что мы предлагали приемлемые шансы на выживание объектам наших экспериментов, которые вынуждены были жить по немецким законам и по-другому не могли избежать смертной казни… Я тогда не был гражданским доктором, свободным в принятии решений. Я был… медицинским экспертом, вынужденным действовать как солдат по уставу».

С точки зрения Гиммлера, которую он выразил на майской конференции, женщинам были предоставлены «замечательные шансы отсрочки приведения в исполнение смертного приговора».

Среди наихудших экспериментов в лагерях были жестокие, грубые попытки создать систему массовой стерилизации. Они начались осенью 1941 года, когда стало ясно, что таким способом легче всего добиться уничтожения восточных рас. Проект стерилизации с помощью наркотиков представил Гиммлеру в октябре 1941 года специалист по венерическим болезням. «Сама мысль о том, что 3 миллиона большевиков, находящихся сегодня в немецких лагерях, могут быть стерилизованы, что они смогут работать, но никогда не смогут произвести потомства, открывает самые широкие перспективы», — писал он. Гиммлер заинтересовался и приказал, чтобы «эксперименты по стерилизации обязательно проводились в лагерях». Все эксперименты по стерилизации с применением наркотиков оказались неудачными, но уже в марте 1941 года Виктор Брэк послал Гиммлеру отчет об «опытах кастрации рентгеновскими лучами», рекомендуя использовать «большие дозы рентгеновского облучения», которые «разрушают внутреннюю секрецию яичников или семенников». Воздействие лучей, по мнению Брэка, должно

было продолжаться всего две минуты для женщин и три для мужчин и могло быть применено без их ведома, например, когда они заполняли бланки в регистратуре. В результате должны были появиться ужасные ожоги, а в течение следующих дней или недель планировалось «повреждение других тканей тела». Брэк снова представил свою программу через год, в июне 1942. Он утверждал, что «кастрация рентгеновскими лучами… не только относительно дешева, но и может быть применена для многих тысяч человек в кратчайший срок».

На следующий год испытания начались в Аушвице и его ответвлении Биркенау, где молодым польским евреям делали операции рентгеновскими лучами, причиняя им страшную боль, и несмотря на это заставляли их продолжать работу. Впоследствии многих из них кастрировали обычным способом, чтобы исследовать их яички. Эти эксперименты продолжались до конца апреля 1944 года, пока преемник Брэка доложил Гиммлеру, что массовую стерилизацию рентгеновскими лучами нельзя больше считать полезной.

Другому испытателю, профессору из Верхней Силезии, была предоставлена возможность стерилизации женщин в Равенсбрюке, хотя Рудольф Брандт писал ему 10 июля 1943 года: «Перед тем, как вы начнете работу, рейхсфюреру будет интересно узнать, сколько времени, по вашему мнению, понадобится, чтобы стерилизовать тысячу евреек». Профессор проверял конечные результаты, «запирая евреев и евреек вместе на некоторое время, а затем наблюдая за результатами». Методика профессора заключалась во впрыскивании в матку жидкости, вызывавшей воспаление, результаты которого можно было проверить рентгеном. Эти опыты выполнялись без анестезии, и среди жертв были дети. Возможно, мы никогда не узнаем, сколько людей пострадало от этих жестоких и страшных испытаний. Показания на «Процессе врачей» давали несколько выживших.

В 1943 году эксперименты расширились: в Заксенхаузене стали проводиться исследования вирусного гепатита. «Я согласен на то, чтобы для этих экспериментов использовали восьмерых преступников из Аушвица (восьмерых евреев из польского движения Сопротивления, приговоренных к смерти)», — писал Гиммлер врачу 16 июня 1943 года. «Можно ожидать несчастных случаев», — предупредили его через две недели. Врачи в Дахау искусственно инфицировали пациента, им оказался католический священник. Гебхардт утверждал, что высказывал Гиммлеру свои возражения, но рейхсфюрер СС, горевший желанием «выкопать народные средства из кучи мусора» и бросить таким образом вызов академической медицине, которую он презирал, отказался

остановить работу.

Равенсбрюк находился в такой удобной близости к клинике Гебхардта в Гогенлихине, что он прекрасно мог совершать эксперименты с костными трансплантациями, которые велись в лагере с «особого одобрения» Гиммлера. Однажды он вырезал лопатку у заключенной и пересадил ее одной из своих частных пациенток.

Осенью 1943 года Гиммлер лично вмешался в спор о выборе испытуемого для экспериментов с вакциной тифа в особом центре, построенном вблизи Бухенвальда в 1941 году. По указаниям Гиммлера, это могли быть только люди, приговоренные по крайней мере к десяти годам каторжных работ. Подобные эксперименты предпринимались в лагере Нацвайлер в 1943 году под руководством профессора гигиены. В июле 1944 года Гиммлер приказал использовать цыган для проверки возможности пить морскую воду; а поскольку он едва ли считал цыган людьми, он добавил к списку «для проверки» еще троих, «более нормальных людей».

Процесс уничтожения, который Гиммлер начал с душевнобольных, продолжился со многими умственно неполноценными детьми. Приказы Гиммлера относительно этих детей были предельно ясны: их следовало уничтожать, как и других «неизлечимых». В июне 1942 года Гиммлер одобрил «специальное лечение» поляков, больных туберкулезом. Лишь в 1943 году, когда рабочая сила всех узников лагерей стала считаться ценной, лагерное начальство получило приказ Гиммлера: «В будущем отбирать для действия 14ф 13 лишь душевнобольных заключенных». 14ф 13 — был номер евтаназии в инструкции. «Ко всем остальным заключенным, непригодным к работе (больным туберкулезом, прикованным к постели инвалидам и т. д.) эту акцию не применять. Лежачим больным следует дать работу, которую можно выполнять в постели». Однако, существуют свидетельства о том, что уничтожение больных и нежелательных заключенных продолжилось.

Мы знаем, что в июле 1942 года внутри общества «Наследие предков» («Аненербе») Гиммлером был основан Институт практических исследований в военной науке. Этот институт, тесно сотрудничая с Университетом рейха в Страсбурге, начал собирать коллекцию скелетов и черепов евреев под руководством эксперта по анатомии. В феврале 1942 года он убедил Гиммлера помочь его исследованиям, дав ему возможность достать «черепа еврейско-большевистских комиссаров, являющихся омерзительным, и тем не менее характерным олицетворением низшей расы». Гиммлер официально дал согласие 23 февраля, а к

осени Сивере, директор «Аненербе», смог сообщить Эйхману, в письме с заглавием «Составление коллекции скелетов», что отправляется партия из 115 человек, включая 30 евреев. Их отравили в газовых камерах в Ораниенбурге под руководством Йозефа Крамера, который впоследствии на допросах описывал с холодной точностью специалиста, как он и его помощники выполняли свои задачи. Газ обеспечил Гирт, и тела в специальных емкостях были отправлены в институт для хранения. Свидетель так описывает первую доставку в институт останков тридцати убитых евреев: «Когда тела прибыли, они были еще теплые. Их остекленевшие глаза были широко открыты. Глазные яблоки были налиты кровью, красны и выпучены. У рта и носа также были видны следы крови… Признаков трупного окоченения не было». Партии человеческих тел прибывали через определенные промежутки времени.

Гиммлер очень гордился исследованием, которое он начал, а также своим отношением к организации «Аненербе». На Процессе врачей Гебхардт, давая свои уклончивые показания, сказал:

> «Он стал, как мне теперь говорят, президентом «Аненербе», сообщества «Наследие предков». Он был центром… так называемого круга «Друзей Гиммлера», который сам основал. Это была опасная смесь эксцентричных личностей и промышленников. От каждого четвертого он получал и денежные средства и одобрение тысяче и одной программе, которые проводил в жизнь. Я думаю, что это необычный вновь созданный институт, где встречались все его друзья из мира науки, был, фактически, обществом «Наследие предков». Одним словом, у Гиммлера, на что я часто указывал, было ненормальное, абсолютно неверное понятие о древности… Опасно было то, что всегда именно он принимал решения».

Итак, Гиммлер, который был слишком сдержанным человеком, чтобы властвовать в Германии в пышной манере Геринга, сосредоточил свои усилия на секретной деятельности в лагерях, создав там жизнь, которая была хуже смерти, для огромного сообщества людей, впитавшее в себя обреченные на уничтожение миллионы европейцев, главным образом евреев. Лагеря стали тайной империей смерти, которую отторгало сознание немцев; они обладали разной степенью осведомленности о ее существовании, но так мало сделали, чтобы противостоять ей. Гиммлер, вооруженный исполнительной жестокостью Гейдриха, вместе со своими подручными отделился

от других лидеров, предоставив им осуществлять контроль над жизнью в Германии и на оккупированных территориях, пока сам он совершенствовал процесс смерти с целью очистить расу, считая своей миссией создание высшего человека. Он все больше и больше погружался в свои расовые предрассудки, которые внешне проявлялись в создании движения «Лебенсборн», в исследованиях института «Наследие предков» и в ошеломляющем по своим масштабам уничтожении евреев и славян в Восточной Европе. Некоторое время ему не давали возможности действовать на Западе, поскольку Гитлер хотел прийти к некоему соглашению с Западной Европой. На Востоке же он сокрушил сопротивление, вторгнувшись в Советский Союз. Лишь позднее Гиммлеру позволили в полной мере проявить себя в преследовании участников Сопротивления на Западе.

Причиной разногласий Гиммлера с другими лидерами, особенно с Герингом и Риббентропом, было его вторжение в то, что они считали своей привилегированной территорией. Информационные службы Гиммлера во многом превосходили разведку Геринга и Риббентропа, потому что его служащие, такие как Шелленберг, часто были умнее и профессиональнее. Во время «Битвы за Англию» данные Гиммлера о количестве английских самолетов вдвое превышали подсчеты Геринга, чей легкомысленный оптимизм относительно победы над Британией за несколько дней частично основывался на его уверенности в том, что в Британии выпускается около 300 самолетов в месяц. Геринг не приветствовал появление столь противоречивых данных, а Риббентроп не одобрял вмешательство Гиммлера во внешнюю политику. Риббентроп и Гиммлер в 1940 году расходились во взглядах на политику в Румынии, а в октябре Гитлер послал Гиммлера в Испанию с поручением постараться втянуть Франко в войну. В том же 1940 году он ездил в Норвегию с целью усиления кампании против нарастающего движения Сопротивления. Он ввел страшную систему преследования людей, выступающих против Германии: арестовывал их родственников и детей и держал их в заложниках.

Риббентроп был в равной степени обижен распространением за рубеж гиммлеровской разведки во главе с Шелленбергом и попытками Гиммлера влиять на политику Германии в оккупированных странах. Разрыв в отношениях двух министров достиг критической точки зимой 1941–1942 гг., когда, по свидетельству фрау фон Риббентроп, Гиммлер даже пытался втянуть ее мужа в свои интриги. «Мой муж считал невозможным, с точки зрения международных отношений, чтобы Гиммлер стал преемником Гитлера». Риббентроп в своих «Мемуарах»

суммировал все пункты, по которым в то время расходился во мнениях с Гиммлером, включая его непримиримое отношение к масонству и церкви, его обращение с евреями и разрушительную деятельность в таких странах, как Франция, Дания и Венгрия. Риббентроп жаловался на то, что его послы находились под наблюдением СД и фюреру посылались секретные отчеты об их работе. Риббентроп страшно возмущался тем, что это делалось за его спиной, особенно если, прочитав эти отчеты, Гитлер принимал решения, основываясь, по выражению Риббентропа, на «ложной информации». Он выражал недовольство тем, что Гиммлер в Румынии поддерживал Гория Симу уже после того, как на конференции в присутствии Гитлера было решено, что им следует поддерживать Антонеску.

Чтобы подтолкнуть Риббентропа к немедленным действиям, Шелленберг изобрел один трюк в духе Макиавелли, который доставил ему огромное удовольствие, поскольку позволил дискредитировать тайную полицию министра иностранных дел. Он утверждал, что действовал по инструкции Гиммлера: «сделать все от него зависящее, чтобы разрушить организацию». Шелленберг преуспел в снабжении агентов Риббентропа ложными сведениями о польском правительстве, находящемся в изгнании в Лондоне, и стал ждать, пока на стол Риббентропа не попадут ошибочные рапорты, которые затем будут представлены фюреру. Подобная тактика вряд ли могла сблизить Риббентропа и Гиммлера.

В январе 1941 года Гиммлер сделал попытку распространить свою власть и власть Гейдриха на немецкую судебную систему. Он попросил Гитлера вместо подконтрольного им Министерства юстиции передать им управление Министерством внутренних дел Фрика, в котором министр Вильгельм Штукарт был членом СС, и Гиммлер мог на него влиять. Гитлер, который всегда реагировал очень настороженно, если кто-то просил избавить его от власти, не ответил на просьбу, и суды до конца войны остались за пределами контроля гестапо.

Однако уголовную и политическую полицию Гиммлер контролировал полностью. Каждая гау, или административная провинция Германии, имела своего высшего лидера СС, человека, дублирующего обязанности гауляйтера, но полностью несущего ответственность перед Гиммлером и Гейдрихом. С распространением правления Германии лидеров СС стали назначать в такие отдаленные места, как Осло и Афины, Варшава и Гаага. В России они были прикреплены к каждой айнзацкоманде. Эти люди возглавляли разбирательства по всем делам, которые можно было назвать уголовными или

политическими, и отвечали только перед штаб-квартирой в Берлине.

Отношения Гиммлера с Гейдрихом к тому моменту стали более сложными, хотя Гейдриху, в мае 1940 г. покинувшему свой офис, чтобы летать с Люфтваффе над поверженной Францией, оставалось жить всего два года. Из этих двух лет первые 15 месяцев были потрачены на подготовку айнзацкоманд к войне против России летом 1941 и на усовершенствование системы уничтожения в лагерях, а последние девять месяцев Гейдрих провел, выполняя обязанности протектора рейха в Чехословакии, где и был убит в мае 1942 года. В этот период он явно считал себя фаворитом Гитлера, предназначенным для продвижения на министерский уровень, обойдя Гиммлера в движении к вершине иерархической лестницы. Между тем самый могущественный подчиненный Гиммлера обращался с ним как с союзником, и они в тесном контакте работали вместе над планами захвата России.

13 марта 1941 года Гитлер издал директиву, подписанную Кейтелем, касающуюся предстоящей кампании на востоке. Директива обеспокоила Верховное командование; в ней говорилось, что «в области проведения операций рейхсфюреру СС вверены фюрером задачи подготовки политического управления — задачи, проистекающую из борьбы двух оппозиционных политических систем. В пределах этих задач рейхсфюрер СС может действовать независимо и на свою ответственность». Гитлер, не вполне удовлетворенный тем, что поручил задачу искоренения коммунизма в России Гиммлеру, а Геринга, ответственного за четырехлетний экономический план, снабдил полномочиями на изъятие с оккупированных территорий провизии и других ценных для Германии продуктов, привлек к делу Альфреда Розенберга, старого интеллектуала партии, и назначил его министром будущих оккупированных территорий на Востоке. Это назначение было столь нелепо, что могло быть объяснено лишь как формальная попытка противостоять объединенной и возрастающей власти Гиммлера и Гейдриха или потенциальной жадности агентов Геринга.

В период интенсивных приготовлений ко вторжению в Россию, которые велись параллельно с подготовкой к массовому уничтожению нежелательных людей, Гиммлеру и Гейдриху пришлось разрабатывать планы для айнзацкоманд, которые были бы приемлемы, с одной стороны, для армии, а с другой, по крайней мере номинально, для Альфреда Розенберга. Розенберг постоянно пытался вмешаться в планы, которые готовил Гейдрих, хотя Гиммлер презрительно игнорировал его существование. Эти разногласия очень сблизили Гейдриха и Мартина Бормана,

могущественного помощника Гитлера, поскольку Борман неодобрительно относился к Розенбергу, одержимому идеей сыграть роль балтийско-немецкого освободителя русского народа от советской тирании. Что касается армии, то в июне от Шелленберга потребовали использовать легальную дипломатию, чтобы провести переговоры о приемлемых условиях с генералом Вагнером, представляющим верховное командование; задуманный Шелленбергом и в конце концов подписанный Вагнером план освобождал полицию безопасности и СД от контроля армии вне территории непосредственных боевых действий, предоставляя им вести самостоятельную кампанию. Фактически же, ожидалось, что армия будет помогать им в их зверствах.

Когда, после долгой отсрочки, 22 июня 1941 года наконец началось вторжение в Россию, Гейдрих снова исчез, чтобы летать с Люфтваффе, и однажды его самолет сильно повредила русская зенитная артиллерия. Ему удалось посадить самолет у немецкой границы, и, раненый в ногу, он ползком добрался до своих. За этот подвиг он получил от Гитлера Железный крест первой степени, а Гиммлер просто обезумел, узнав, какой опасности он подвергался. Пока Гейдрих летал над советскими территориями, его айнзацкоманды начали свои страшные избиения, расстрелы, повешения и террор в отношении пленных, коммунистов и партизан, а также целых общин евреев и цыган.

После войны Отто Олендорф, один из интеллектуалов, служивший у Гиммлера и возглавлявший айнзацкоманду, сделал заявление под присягой, которое разоблачает ужасные подробности работы этих диверсионно-десантных отрядов.

> «В июне 1941 года Гиммлер назначил меня командующим одной из особых групп действия, которые формировались тогда для сопровождения сил немецкой армии в российскую кампанию… Гиммлер утверждал, что важной частью нашей задачи является уничтожение евреев — мужчин, женщин и детей — и коммунистических руководителей. Мне сообщили о нападении на Россию за две недели… Когда немецкая армия вторглась в Россию, я был командиром айнзацкоманды Д в южном секторе… она ликвидировала приблизительно 90 000 человек — мужчин, женщин и детей,, осуществляя эту программу уничтожения… Отобранный отряд… входил в деревню или город и приказывал известным в населенном пункте евреям собрать всех евреев с целью переселения. От них

> требовали взять с собой ценные вещи… а незадолго до казни сдать верхнюю одежду. Мужчин, женщин и детей приводили к месту казни, в большинстве случаев расположенному вблизи противотанкового рва, выкопанного глубже обычного. Затем их расстреливали, а трупы сбрасывали в ров… Весной 1942 года мы получили от шефа полиции безопасности и СД в Берлине передвижные газовые камеры… Мы получили приказ пользоваться этими фургонами для убийства женщин и детей. Как только отряд набирал достаточное количество жертв, для их ликвидации высылали фургон».

Позже Олендорф говорил, что готов подтвердить показания командира другой айнзацкоманды о том, что он ответственен за смерть 130 000 евреев и коммунистов в течение «первых четырех месяцев программы».

В истории нет аналогов зверской жестокости, с которой Гитлер, Геринг и Гиммлер планировали свое нападение на Россию. Геринг в указаниях своим агентам от 23 мая 1941 года (первых из его многочисленных директив по экономической эксплуатации России) говорил, о «голоде, который, несомненно, наступит», и принимал как неизбежность то, что «десятки миллионов людей в этой области окажутся лишними». Гиммлер с таким энтузиазмом занимался экипировкой своих людей в России, что в начале февраля специально предпринял поездку в северные районы Норвегии с целью посетить свои полицейские отряды и изучить нужды солдат для военной кампании в России зимой. По возвращении он приказал Полю достать валюту и закупить в Норвегии печки и меха для его людей.

В марте Гиммлер созвал Гейдриха, Далюге, Бергера и еще нескольких старших офицеров в своем убежище — Вевельсбурге. Присутствовали также Вольф, Эрах фон дем Бах-Зелевский, эксперт по партизанской войне, которого позже, перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге, вызывали в качестве свидетеля обвинения. По словам Бах-Зелевского, на этой секретной конференции Гиммлер заявил, что одной из целей русской кампании является «уничтожить тридцатимиллионное славянское население». Вольф предпочел вспомнить об этом заявлении в другой форме, а именно, что Гиммлер считал, что результатом войны в России будет много смертей.

Решение принять геноцид в качестве активной и полностью организованной политики очищения Европы для арийской расы, несомненно, было принято в 1941 году. Есть существенная разница между практикой геноцида и бессердечной умышленной

жестокостью, приведшей к смерти десятков тысяч «нежелательных» людей и начавшейся с оккупации Польши, за которой последовал обмен населения. Вольф заявлял, что Гиммлер был глубоко удручен решением о том, что именно он ответственен за это преступление — величайшее из всех, которые когда-либо человек совершил в истории по отношению к своим собратьям. Керстен подтверждал это. Решению в пользу геноцида предшествовало не вполне понятное «конечное решение» об отправке миллионов европейцев — низших людей на Мадагаскар и вынужденное согласие Франции на использование острова в этих целях. Эта идея брала свое начало в первоначальной политике побуждения евреев к эмиграции из Германии в середине 30-х годов. Мадагаскарский проект, который впервые открыто обсуждался в 1938 году, существовал (по крайней мере, в теории) до конца 1940 г., поскольку в этом году Эйхману было приказано подготовить план создания автономного еврейского поселения под управлением немецкого полицейского губернатора на острове, куда собирались отправить около четырех миллионов евреев. И Гейдрих, и Гиммлер одобрили план, но, согласно датскому изданию «Мемуаров» Керстена, Гитлер вскоре после капитуляции Франции отказался от этой идеи, и приказал Гиммлеру осуществлять последовательное уничтожение европейских евреев. Но лишь в феврале 1942 года в меморандуме, посланном Гитлером в министерство иностранных дел, был заявлен официальный отказ от Мадагаскарского проекта.

К решению применить организованное массовое уничтожение, национальную политику геноцида, видимо, пришли после тайных дискуссий, в которых, несомненно, доминировал Гитлер. По свидетельствам Вольфа и Керстена, Гиммлер в тот период часто был беспокоен, и казалось, что он поглощен какой-то проблемой, которую не может обсудить ни с кем из окружающих.

Летом было принято твердое решение. 31 июля 1941 года Гиммлер, тщательно подобрав выражения, послал свое распоряжение Гейдриху, которому поручалось административное планирование уничтожения.

> «Дополняя задачу, определенную 24 января 1939 года, о решении еврейской проблемы средствами эмиграции и эвакуации, как наилучшим способом в данных обстоятельствах, я настоящим поручаю Вам сделать все необходимые приготовления, касающиеся организационных, финансовых и материальных

вопросов, для полного решения еврейского вопроса в пределах немецкого влияния в Европе… Далее я поручаю Вам как можно скорее представить мне общий план мер по организации и действиям, которые необходимо предпринять для проведения в жизнь окончательного решения еврейского вопроса».

Согласно показаниям Ламмерса, начальника канцелярии рейха, на Нюрнбергском процессе, различия между «окончательным» и «полным» решениями Гиммлер объяснил Гейдриху на словах. Можно не сомневаться в том, что Гейдрих и сам знал это; он назначил своим главным заместителем в этом вопросе Адольфа Эйхмана. Эйхман также подчинялся Гиммлеру, удерживавшему непосредственный контроль за концентрационными лагерями, которые частично перестали быть центрами уничтожения. Давая показания на суде в Израиле в 1961 году, Эйхман утверждал, что даже в ноябре 1941 года «не знал никаких подробностей плана», а знал лишь, что «план готовится».

Помощник Гейдриха, Вислицени, свидетельствовал в Нюрнберге в январе 1946 года, что весной 1942 года Эйхман получал определенные приказы от Гиммлера. На встрече в кабинете Эйхмана «в конце июля или в начале августа» обсуждалось убийство евреев.

> «Эйхман говорил, что может показать мне письменный приказ, если это успокоит мою совесть. Он вынул из сейфа небольшую папку с документами, полистал их и показал мне письмо от Гиммлера шефу полиции безопасности и СД. Суть письма заключалась приблизительно в следующем: фюрер отдавал приказ об окончательном решении еврейского вопроса; шефу полиции безопасности и СД и инспектору концентрационных лагерей поручалось осуществление этого так называемого окон-нательного решения. Все еврейские мужчины и женщины, годные к работе, временно освобождались от этого «окончательного решения» и использовались для работ в концлагерях. Письмо было подписано лично Гиммлером. Я не мог ошибиться, поскольку хорошо знал его подпись».

Этот приказ, по словам Вислицени, Гиммлер послал Гейдриху и инспектору концлагерей; он относился к разряду совершенно секретных и был датирован августом 1942 года. Эйхман продолжал объяснять, что «за выражением «окончательное

решение» скрывалось планируемое биологическое уничтожение еврейской расы на восточных территориях…» и что лично ему «поручили выполнение этого приказа».

После принятия окончательного решения Гиммлер долго оставался в подавленном состоянии. В ноябре, в период лечения у Керстена в Берлине после определенного давления он признался, что планируется уничтожение евреев. Когда Керстен выразил свой ужас, Гиммлер занял оборонительную позицию: евреев нужно наконец уничтожить, говорил он, они были и всегда будут причиной неразрешимого спора в Европе. Как американцы уничтожили индейцев, так и немцы должны стереть с лица земли евреев. Но несмотря на все свои доводы, Гиммлер не мог скрыть угрызений совести, а через несколько дней признал, что «уничтожение людей несвойственно Германии».

Аушвиц возле Кракова в Польше стал основным центром гиммлеровского плана уничтожения. Раньше это было место австрийского военного лагеря, построенного на заболоченной почве, где холодный туман поднимался с сырой земли. Гиммлер превратил это военное сооружение в концентрационный лагерь для поляков, который официально был открыт 14 июня 1940 года; его первым комендантом был назначен лейтенант Рудольф Хесс. Адъютантом Хесса был Йозеф Крамер, который позже стал заведовать Бельзеном.

Хесс, ставший одним из самых доверенных сотрудников Гиммлера, пережил падение Германии. Хотя в мае 1945 года он был арестован, его личность не смогли установить, и его пришлось освободить. Когда его арестовали снова, он назвал себя и 16 марта подписал признание, где говорилось: «Я лично по приказу, полученному от Гиммлера в мае 1941, организовал отравление газом 2 миллионов человек в июне — июле 1941 года и в конце 1943, в то время, когда являлся комендантом Аушвица». Он был очень откровенен и готов к сотрудничеству, давая свои страшные показания в Нюрнберге, со всей беспристрастностью хорошего и скромного управляющего. Позже его передали в руки польских властей и, ожидая суда, он написал автобиографию, являющуюся, возможно, самым невероятным документом, который мог создать нацистский агент. Если Шелленберг с наслаждением описывает свои запутанные шпионские предприятия, которые он выполнял для Гейдриха и Гиммлера, и пишет свою историю так, будто это триллер, Хесс всегда скромен, меланхоличен и нравоучителен. Воспитание в католическом духе привило ему высшую добродетель послушания.

Хесс изображает себя простым, добродетельным человеком, любящим работу и армейскую службу и чувствовавшим себя

подавленным подонками-уголовниками, с которыми он был вынужден работать. В Дахау ему не нравились методы, используемые Эйке, и, сознаваясь, что «симпатии его были на стороне заключенных», он признает, что ему «слишком нравилась черная форма», чтобы заявить о своем несоответствии занимаемой должности и оставить работу. «Я хотел выглядеть жестким, чтобы не показаться слабым». Когда он прибыл в Заксенхаузен в качестве адъютанта, его назначили командовать казнью одного офицера СС, который из сострадания позволил заключенному бежать. «Я был так взволнован, — вспоминал Хесс, — что едва смог направить дуло пистолета на его голову для последнего смертельного выстрела». Но казни стали обычным делом, и Хесс научился прятать голову в песок послушания. Примерное поведение способствовало его повышению: он стал комендантом Аушвица. Там он, по его словам, «жил лишь для работы… Я был поглощен, можно сказать одержим… Любая новая трудность лишь усиливала мое рвение». Но этот идеализм обманула «общая ненадежность», окружавшая его. Сотрудники Хесса, по его утверждению, подводили его, и он оказался беспомощным против коррупции и враждебности собственных подчиненных. Он начал понемногу выпивать; его жена пыталась помочь ему, организовывая общественную жизнь в их доме в лагере, но «все человеческие эмоции отошли на второй план».

В ноябре 1940 года Хесс доложил о своих планах для Аушвица Гиммлеру, который отмахнулся от страхов и обид коменданта и проявил интерес, лишь когда обсуждение коснулось создания в Аушвице базы сельскохозяйственных исследований с лабораториями, питомниками и оборудованием для селекции. Что же касалось узников и условий их жизни, то здесь Хесс мог «импровизировать» как только мог. Лишь в марте следующего года Гиммлер посетил лагерь в сопровождении своих чиновников и «нескольких руководителей «I. G. Фарбен Индустри». Глюке, инспектор концентрационных лагерей, прибыл заранее и «постоянно предупреждал», чтобы Хесс «не доложил чего-либо неприятного рейхсфюреру СС». Когда Хесс попытался рассказать ему об ужасной перенаселенности и отсутствии канализации и водопровода, Гиммлер лишь ответил, что численность узников в лагере должна быть увеличена до 100 000, чтобы обеспечить рабочей силой «I. G. Фарбен Индустри». Что касается Хесса, он должен был импровизировать дальше.

Хесс был человеком, которому Гиммлер оказал особое доверие в июне 1941 года, когда, по его словам, «приказал приготовить в Аушвице сооружения, где могло бы происходить массовое уничтожение… По воле рейхсфюрера СС Аушвиц стал

величайшим центром истребления людей всех времен».

Согласно подробному отчету Хесса об этой встрече, Гиммлер объяснил ему, что выбрал Аушвиц «из-за его близости к различным коммуникациям и потому, что место легко могло быть изолировано и замаскировано». Он говорил, что в Аушвиц приедет Эйхман, чтобы дать ему секретные инструкции о том, какое оборудование должно быть установлено. Хесс оставил полный и правдивый отчет об экспериментах, за которые отвечали они с Эйхманом и которые привели к сооружению газовых камер следующей зимой. К весне 1942 года организованные убийства стали обычным делом в Аушвице; в период испытаний использовали русских военнопленных. «Убийства… не слишком беспокоили меня в то время, — писал Хесс. — Должен даже признаться, что отравление людей газом успокаивало меня». Хесс не получал удовольствия от жестокой бойни, вызванной другими формами убийства, а Гиммлер предупредил его о том, что вскоре прибудут новые вагоны депортированных евреев.

Предполагали, что Гиммлер намеренно выбрал лагерь в Польше в качестве основного центра геноцида, «чтобы не загрязнять немецкую почву уничтожением такого количества нечистой плоти». В Польше были организованны и другие центры массового уничтожения, такие, как Треблинка. Однако у Аушвица была двойная задача: обеспечить рабочей силой заводы по производству синтетического угля и резины, построенные в этом районе компанией «I. G. Фарбен Индустри», и в то же время готовиться к массовому уничтожению людей. Хесс, гораздо больше обеспокоенный исполнением приказа об убийствах, чем отправкой рабочих на фабрики, расположенные на некотором расстоянии от лагеря, нанес визит коменданту Треблинки. «Он был главным образом озабочен ликвидацией всех евреев Варшавского гетто. Для отравления он использовал одноокись, и я не думаю, что его методы были очень эффективны», — писал Хесс после войны.

Огромное количество документов — показаний бесчисленных свидетелей, бесконечные протоколы допросов, проводимых до и во время военных судебных процессов — стало основой для исследования фактов уничтожения людей и концлагерей в разгар войны. Из этих ужасных историй, которые мало кто читал — лишь некоторые ученые и исследователи, — вырисовывается полнейшая неразбериха, в которой проводилась эти кровавая бойня. Администраторы, такие как Эйхман и Хесс, под конец уже совершенно не могли контролировать мошенников и садистов, от которых зависело проведение работы в лагерях, отбор и

уничтожение жертв и массовая кремация тел. Элита СС, жившая в казармах или квартирах неподалеку, не принимала участия в этих акциях или, насколько могла, оставалась равнодушной к тому аду, который сама создала и который должна была поддерживать. Физический контроль над пленниками перешел к «капо» — закоренелым преступникам или предателям-заключенным; их надзор был гораздо более жестоким, чем СС, чей боевой дух ослабел в нарастающем хаосе, когда военные события обернулись против нацистов. И над всей этой пучиной страдания сидел за своим столом Гиммлер и делал то, что считал своим долгом в обстоятельствах растущего напряжения и сложности.

С сентября 1941 года за график уничтожения полностью отвечал Эйхман, который составлял планы для Гейдриха, контролировал перевозку евреев и организовывал конференции, на которых подробно определялось управление смертью. Но 27 сентября Гейдриха повысили по службе. Он был назначен действующим протектором рейха в Чехословакии вместо слабого и болезненного фон Нойрата. Гейдрих стал генералом СС, по положению и привилегиям приравненным к министру. После относительной бедности на своем посту в Германии под командованием Гиммлера теперь он мог жить в роскоши в Праге.

Очевидно, Борман — главный союзник Гейдриха среди близких советников Гитлера, больше способствовал этому назначению, чем Гиммлер, который, по свидетельству Шелленберга, «был не в восторге от этого», но решил не препятствовать, поскольку не хотел обижать Бормана. Нет более явного доказательства влияния Бормана на окружение Гитлера со времени внезапного полета Гесса в Шотландию в мае предыдущего года. Сам Гиммлер пользовался расположением фюрера, в то время как Геринг (из-за потворства собственным слабостям и неспособности Люфтваффе поддерживать свою боевую репутацию) терял свое былое влияние. Во многих областях Гиммлер становился самым могущественным человеком в гитлеровской Германии, хотя никогда не демонстрировал своего положения на публике. Власть всегда была для него тайной силой.

Отношение Гиммлера к новому назначению Гейдриха было смешанным. Он несомненно был доволен, что обеспечил фюрера выдающимся служащим, и нежные чувства, которые он всегда испытывал к своему образчику нордического мужчины, были удовлетворены его успехом. В то же время Гиммлер сожалел о той независимости, которую имел теперь Гейдрих, о потере его ежедневных советов, на которые Гиммлер привык полностью полагаться. Гейдрих, однако, не собирался оставить свои

обязанности в Берлине, сохранил за собой свою должность главы РСХА и постоянно ездил из Праги в Германию. Регистрация телефонных разговоров между офисом Гиммлера в Берлине и офисом Гейдриха в Праге — еще один показатель зависимости рейхсфюрера СС от энергичного и решительного офицера. Гиммлер, несомненно, чувствовал и страх при виде успеха человека, который (и он это понимал) во многом превосходил его. Несмотря на это, или может быть, из-за этого Гиммлер поддерживал с Гейдрихом самые близкие отношения, и его отъезду в Прагу предшествовали несколько совещаний с Гиммлером, в основном посвященных Восточному фронту.

Отъезд Гейдриха в Прагу был намеком для Шелленберга изменить своей преданности ему. Шелленберг и восхищался Гейдрихом, и ненавидел его, и у него были на то причины. Используя разнообразные тонкости, он в течение семи лет стремился из мальчи-ка-подмастерья, преданного СС, стать в день вторжения в Россию главой Амт IV — службы внешней разведки СД. Прирожденный интриган, он видел, что теперь будет разумным переориентировать свои услуги в направлении Гиммлера; он понял, что, возможно, в некотором отношении сможет заменить Гейдриха в качестве тайного наперсника Гиммлера, несмотря на то, что его характер так отличался от характера Гейдриха. Сам он говорил: «Многие мои противники распространили слух о том, что я и в самом деле «двойник» Гейдриха… Однако со временем эта злобная пропаганда постепенно прекратилась, и возник новый миф, в котором Гейдриха заменил Гиммлер». Шелленберг утверждал, что ему поручили составлять гитлеровские прокламации для немецкого народа о войне с Россией, и, стараясь закончить работу в срок, он просидел над ней всю ночь, в то время как Гейдрих и Гиммлер осаждали его телефонными звонками. «Гиммлер меня нервировал, — писал Шелленберг. — Как только Гитлер задавал ему какой-то вопрос или что-то говорил ему, он бежал к телефону и засыпал меня вопросами и советами». Шелленберг не без удовольствия почувствовал, что Гиммлер начинает зависеть от него, и его карьера быстро пошла в гору.

Назначенный действующим начальником службы внешней разведки СД 22 июня 1941 года, в день вторжения в Россию, Шелленберг следующие два месяца провел за подготовкой меморандума для тайной политической службы за границей, который по окончании работы над ним произвел такое впечатление на рейхсфюрера СС, что он даже представил его руководству СС и партии в форме приказа, «действуя таким образом как пропагандист идей» Шелленберга, по собственному

выражению последнего. За последующие четыре года Шелленберг очень сблизился с Гиммлером и, прикрываясь маской особого советника, старался заставить рейхсфюрера принять политику и способы действий, созревшие в его хитром уме.

Он наслаждался плодами службы в таких формах, которые могут показаться преувеличенными для секретного агента американского триллера. С нарастающим возбуждением описывает он роскошные ковры в своем кабинете, передвижной столик с телефонами, напрямую соединявшими его с Гитлером, микрофоны, спрятанные повсюду: в стенах, лампах, под столом, сигнализацию на фотоэлементах, большой письменный стол со встроенными автоматами, которые могли изрешетить комнату пулями. Одним нажатием кнопки можно было собрать охрану, окружить здание и блокировать выход; автомобиль Шелленберга был оборудован коротковолновым передатчиком, по которому он мог связаться с офисом и диктовать распоряжения своему секретарю. Даже он сам был готов к внезапной смерти: когда ему поручили миссию за рубежом, он носил искусственный зуб, в котором содержалось достаточно яда, чтобы убить его за 30 секунд.

Летом 1941 года, начиная с июля, Гиммлер довольно много времени провел на русском фронте. Он основал свой штаб в Житомире на Украине — на сто миль севернее штаба Гитлера в Виннице, известного как «Вервольф». Из Житомира Гиммлер поддерживал связь с айнзацкомандами, полицией и, хотя не так тесно, с Ваффен СС, четыре известные дивизии которых («Адольф Гитлер» — ранее «Лейбштандарт», «Рейх», «Мертвая голова» и «Викинг») блестяще сражались, пока зимние морозы не привели к серьезным потерям. Но Гиммлер был в первую очередь озабочен работой айнзацкоманд позади линии фронта; едва пленники попадали в их руки, они начинали бойню евреев, цыган и коммунистов.

Гейдрих тем временем делил свое внимание между обязанностями в Берлине и в Праге, где после короткого периода террора и карательных акций, направленных против движения Сопротивления, он расчистил путь марионеточному правительству президента Гачи, который, по его мнению, был максимально готов к сотрудничеству с Германией. Намерения Гейдриха относительно Чехословакии соответствовали политике Гиммлера в Восточной Европе: уничтожение нежелательных расовых элементов и германизация остальных чехов и их территории; такая политика была принята в 1940 году, за год до назначения Гейдриха, одобрена Гитлером и согласована с Карлом Германом Франком, эсэсовским комендантом Праги. 2 октября

Гейдрих в общих чертах обрисовал свои планы на тайной конференции нацистской администрации в Праге. Богемия по праву была немецкой территорией и на ней должны были снова поселиться немцы; чехов с хорошими расовыми признаками следовало германизировать, а остальных уничтожить или стерилизовать. Гейдрих изложил долговременный расовый план для Европы, согласно которому народы германского происхождения объединялись под управлением Германии: «Совершенно очевидно, что мы должны применять абсолютно новый способ обращения с этими народами, отличный от того, какой мы применяем к другим расам: славянам и т. п. Немецкой расой надо управлять жестко, но справедливо; их следует гуманно вести по тому же пути, что и наших людей, если мы хотим навсегда сохранить их в Рейхе и слиться с ними».

В этом плане Гейдрих вторил мыслям Гиммлера. Продвигаясь на восток, говорил он, немецкая армия превратит низшие расы, которые не уничтожит, в армии рабов, которые протянутся от атлантического побережья до Уральских гор, чтобы защитить Великий Рейх от народов Азии. Восток с помощью своей рабской рабочей силы будет производить продукты питания для арийского Запада.

В отношении чехов, добавил Гейдрих, было бы мудро проявить определенный такт теперь, когда им продемонстрировали сильную руку СС. «Лично я, например, — говорил он, — буду поддерживать приятные общественные отношения с этими чехами, но буду осторожен, чтобы не переступить определенный барьер». Он завершил свою речь осторожной ссылкой на «окончательное решение», предупредив своих слушателей о секретности; он сказал, что ему понадобится полный расовый портрет чешского народа, полученный под различными предлогами список всего населения:

> «С людьми хорошей расы, имеющими добрые намерения, все ясно — они будут германизированы. От других — людей низшего расового происхождения, настроенных враждебно, — я должен буду избавиться. На Востоке для них есть масса места… За короткое время, которое я здесь пробуду, я смогу положить много камней в основу процветания нации».

Гейдрих менее чем через неделю после своего назначения уже говорил как признанный нацистский лидер. Хотя идеи, которые он провозглашал, были достаточно знакомы из мифологии Гиммлера, Гейдрих теперь говорил от первого лица. В конце сообщения, которое он 27 сентября передал по телетайпу в

штаб-квартиру Гитлера в России, чтобы известить о своем приезде в Прагу, Гейдрих ясно дал понять, что «все его политические отчеты и письма будет передавать рейхсфюрер Борман». Больше не было речи о том, что он будет общаться с фюрером через Гиммлера; по словам Шелленберга, которого Гейдрих пригласил отпраздновать свое новое назначение за бутылкой шампанского, Борман сказал Гейдриху, что в запасе у фюрера есть для него еще более высокий пост, который он займет в случае успешных действий в Чехословакии. Поэтому Гейдрих полагал, что не надолго задержится в Чехословакии, о чем и сказал на секретной конференции в Праге. В конце концов, он все еще был главой РСХА и не собирался прерывать связи с Берлином. Чтобы везти его в Германию и обратно, всегда был наготове самолет, но жену и детей он перевез в Прагу и поселил в прекрасном и роскошном поместье, предназначенном для протектора, в двадцати милях от столицы. В качестве поощрения за хорошее поведение он увеличил пайки чешских рабочих и, когда окончилась первая политическая чистка, принял роль друга Чехословакии, пытаясь в то же время повысить производительность промышленности страны на благо Германии. Несмотря на его непрерывную работу, регулярные поездки в Берлин, частые визиты к Гитлеру на Украину, он считал обязательным для себя выступать в роли покровителя искусств в Праге и субсидировал представления немецкой оперы.

Гиммлер все время поддерживал связь с Гейдрихом, и именно Гейдрих, а не Гиммлер осуществлял контроль за конференцией, организованной Эйхманом 20 января 1942 года в Ваннси, где с обычным циничным бюрократизмом обсуждались различные фазы «окончательного решения». Для 11 миллионов евреев и полукровок, проживавших, по оценкам Гейдриха, в Европе, обсуждались различные виды умерщвления перегрузками, депортация, стерилизация и уничтожение. Единственные евреи, которых временно освобождали от этих мер, были те, кто был занят на военных работах по срочному заказу министерства Геринга. Все присутствующие, как лидеры СС, так и правительственные чиновники, заверяли, что поддержат все вышеназванные акции, а Тирак, министр юстиции, официально благословил предложения и передал СС все полномочия, касающиеся еврейского вопроса. Подали коньяк, и докладчики заговорили громче и веселее. Затем Гейдрих, который, согласно показаниям, данным Эйхманом в 1961 году в Иерусалиме, созвал конференцию лишь из тщеславия и желания укрепить свою власть над судьбой евреев, уехал в Прагу, где 4 февраля провел другую секретную конференцию со своими помощниками с целью

объяснить свой долгосрочный план для Чехословакии, заключавшийся в массовой депортации миллионов людей, которые не были отобраны для германизации. Под прикрытием общенациональной проверки заболеваемости туберкулезом, проводимой расовыми специалистами, были совершены первые шаги в национальном расовом исследовании.

Эйхман тоже с большим рвением приступил к работе. 6 марта он провел совещание с целью разрешить сложную транспортную проблему, связанную с эвакуацией евреев на восток, и обсудить проблему организованной стерилизации евреев, находящихся в смешанном браке, и их потомства. Гейдрих, вынужденный теперь дольше оставаться в Праге, оставил дела РСХА на Эйхмана и его штаб. Весной, во время визита к нему Шелленберга, Гейдрих был обеспокоен больше обычного. По его словам, Гитлер «все больше и больше полагался на Гиммлера, который… мог использовать свое влияние на Фюрера». Он, казалось, больше не хочет слышать советов Гейдриха, а Борман — Гейдрих чувствовал это — теперь завидовал ему и злился. «Конечно, между ним и Гиммлером, который тоже начинал завидовать, были разногласия». Но и Борман, и Гиммлер обижались на то, что Гитлер был готов совещаться только с Гейдрихом, и Гейдрих теперь был уверен, что Борман, его бывший сторонник, затеял против него интригу.

И при таком положении дел Гейдрих, который очень небрежно относился к собственной безопасности, покинул свой замок и поехал в аэропорт 27 мая, чуть позже 2 часов утра. У крутого поворота его уже поджидали два наемных британских агента, которых высадили с парашютами в Чехии еще в декабре, и ждали приказа об убийстве Гейдриха. У одного был автомат, у другого специальная граната. В решающий момент автомат заклинило, и второй агент швырнул гранату в автомобиль. Гейдрих, который, казалось, не пострадал, выпрыгнул из машины и бросился за своими противниками, паля из револьвера, а они пытались спрятаться от пуль за двумя остановившимися автомобилями. Внезапно Гейдрих упал; у него было внутреннее повреждение основания позвоночника в результате взрыва гранаты. Прибыла чешская полиция и спешно повезла страдавшего от страшной боли Гейдриха в больницу. Оба агента в это время скрылись, но они погибли через три недели, оказав сопротивление при аресте.

Гитлер и Гиммлер были каждый в своем штабе в Восточной Пруссии, когда Франк известил их о том, что Гейдрих тяжело ранен. По словам Вольфа, который был тогда с Гиммлером, рейхсфюрер разразился слезами, а затем поехал вместе с Вольфом к Гитлеру в Растенбург, находящийся на расстоянии 30

миль. Одержимые желанием спасти Гейдриха, они решили сразу отправить своих личных врачей на самолете в Прагу. Но никто из них не смог спасти Гейдриха от гангрены, которая у него началась от ран, и через неделю он умер, окруженный врачами. Гебхарт на «Процессе врачей» описывал следующую сцену:

> «Я прилетел слишком поздно. Операцию уже проводили два ведущих пражских хирурга. Все, что я мог сделать, — это пронаблюдать за последующим лечением. В страшном волнении и нервном напряжении, которое только усиливали звонки от Гитлера и Гиммлера с просьбой об информации, делалось много предложений. Мне приказали пригласить… личного врача фюрера Морелля, который хотел вмешаться с собственными методами и лекарствами… Двое пражских врачей уже провели операцию… они первоклассно выполнили свою работу, а также назначили сульфонамид. Я думал, если что-то и подвергает пациента опасности, так это нервное напряжение вокруг него и присутствие слишком большого числа врачей. Я отказался вызвать других врачей, даже Морелля… Через 14 дней Гейдрих умер. Затем мне пришлось позаботиться о его личных делах».

Тем временем на чехов обрушилась страшная месть Гиммлера, исполнителем которой был Франк. 27 мая в городе была остановлена всякая жизнь и движение, за информацию, ведущую к аресту злоумышленников, была предложена награда в миллион крон. Были взяты заложники (это уже стало «доброй традицией» нацистов), которые воспользовались случаем, чтобы избавиться от людей, которых они считали врагами; сотни людей были убиты, тысячи арестованы. Гиммлер по телетайпу передавал Франку указания: «Поскольку интеллигенты — наши главные враги, расстреляйте сотню сегодня ночью».

6 июня состоялась первая из церемоний похорон, на которых присутствовал Гиммлер, скорбевший больше всех и взявший под личную опеку двух сыновей Гейдриха, сопровождавших его в этот день. Фрау Гейдрих, которая была беременна, осталась в своем замке. Тело под охраной перевезли на поезде в Берлин, в штаб-квартиру РСХА. 8 июня в 3 часа Гиммлер проводил Гитлера, который открыл погребальный обряд в канцлерском дворце — последнем месте, где был выставлен гроб. Гитлер возложил венок из орхидей к телу человека, который, по его словам, «был одним из величайших защитников нашего великого германского идеала… человека с железным сердцем». После этого он погладил по головкам двух мальчиков, которых Гиммлер держал за руки.

Оркестр Берлинской филармонии заиграл похоронный марш Вагнера, и Гиммлер произнес длинную финальную речь о карьере Гейдриха, а затем тело унесли на кладбище Инвалидов для погребения.

На следующую ночь по команде Гитлера особая месть фюрера обрушилась на жителей чешской деревушки Лидице и их детей. Шеф полиции безопасности в Праге сам описал историю деревни в приказе гестапо, отправленном в службу переселения в Лодзь.

> «Верховным распоряжением, вследствие убийства группенфюрера Гейдриха, деревню Лидице в протекторате сровняли с землей. Всех мужчин расстреляли, женщин отправили в концлагерь пожизненно. Детей проверили на пригодность к германизации. Непригодных отправили к вам в Лизманштадт для распределения по польским лагерям. Всего детей 90, они поедут в Лизманштадт в вагоне поезда, прибывающего в субботу 13.6.1942 в 21.30. Будьте добры проследить, чтобы детей встретили на вокзале и немедленно распределили по подходящим лагерям. Возрастные группы следующие: 1–2 года — 5 человек, 2–4 года — 6 человек, 4–6 лет — 15 человек, 6–8 лет — 16 человек, 8—10–12 человек, 10–16 — 36 человек.
>
> У детей ничего нет, кроме того, что на них.
>
> Особой заботы и внимания на требуется».

Сразу после смерти Гейдриха Гиммлер сам, согласовав вопрос с Гитлером, принял временное командование РСХА, объявив об этом старшим офицерам, когда тело Гейдриха еще не было предано земле. По свидетельству Шелленберга, он использовал возможность жестоко раскритиковать всех по очереди, кроме него, Шелленберга, которому сказал, что впредь будет более тесно сотрудничать с ним. Шелленберг признается, что покраснел от похвал, расточаемых ему, в то время как других, гораздо более старших служащих, лишь обвиняли. Приняв после Гейдриха командование СД, Гиммлер заверил служащих, что никто кроме него не будет иметь доступа к секретному сейфу, в котором содержалось так много позорных улик против нацистского руководства.

Что касается отношения Гиммлера к Гейдриху, то мы уже цитировали замечания Гиммлера во время разговора с Керстеном. Возможно, для него было облегчением избавиться от такого опасного человека, который сумел освободиться от должной субординации. Через два месяца после смерти Гейдриха Гиммлер

позвал Шелленберга в свой офис, и последний увидел, как рейхсфюрер, поднеся к глазам посмертную маску Гейдриха, всматривался в черты его лица. Потом он сказал очень серьезно: «Да, как сказал фюрер на похоронах, он действительно был человеком с железным сердцем. И на вершине власти судьба нарочно забрала его». Он кивнул в подтверждение своих слов и, по словам Шелленберга, его маленькие, холодные глаза вспыхнули за стеклами пенсне, как глаза василиска.

V
Окончательное решение

Если у Гиммлера и были какие-то сомнения, мы не найдем и намека на них в тех подробнейших распоряжениях и приказах, которые он секретно передавал своим офицерам. В них он с ужасающей точностью взвешивал возможные способы избавления от попавшего в его руки сырого человеческого материала. После ваннзейского совещания в январе 1942 года он делает бережливого Освальда Поля, который с 1939 года управлял экономикой лагерей, главой нового департамента СС, что дополнительно побуждает того развивать программу использования подневольного труда. Полю было сказано, что он должен как можно полнее использовать заключенных, причем не только в помощь военной промышленности Германии, но и для получения прибыли исключительно в интересах СС.

Поль, главный казначей военно-морского флота, приложил все усилия к выполнению этой невыполнимой задачи — добиться эффективной работы от умирающих мужчин и женщин; исключительно для этого он набирает себе 1500 сотрудников. В том же месяце, 20 февраля, Гиммлер отдает распоряжение о применении «специальных мер» к заключенным, отказывающимся работать, и симулянтам. «Под специальными мерами понимается повешение», — с необычной для такого приказа откровенностью пояснил Гиммлер, но при этом добавил, что «не следует этого делать в непосредственной близости от лагеря. Тем не менее некоторое число наблюдателей должно присутствовать».

15 декабря 1942 года Гиммлер пишет Полю по вопросу питания заключенных:

> «Попытайтесь в новом году решить проблему питания заключенных, запасясь как можно большим количеством сырых овощей и лука. С соответствующей периодичностью выдавайте им большие порции моркови, капусты, репы и так далее. На зиму запасите достаточно овощей, чтобы их в любом случае хватило на всех заключенных. Я думаю, это позволит заметно улучшить состояние здоровья. Хайль Гитлер!»

В январе 1943 года Гиммлер лично составляет подробнейшие инструкции о казнях в концентрационных лагерях[64]. Они включали следующие статьи:

«Казнь не должна фотографироваться или сниматься на кинопленку. В исключительных случаях следует получить мое личное разрешение… После казни перед сотрудниками СС и прочим принимавшим в ней участие персоналом должен выступить комендант лагеря или уполномоченный на это лидер СС. Людям следует объяснить законность исполнения казни и повести беседу таким образом, дабы предотвратить отрицательное воздействие этого события на их поведение и психическое состояние. Следует особо подчеркнуть необходимость искоренения элементов, враждебных общественному процветанию. Подобные пояснения следует преподносить в исключительно дружественной манере; причем время от времени их можно повторять на собраниях.

После казни польских рабочих, а также рабочих с бывших советских территорий [остарбайтер], их соотечественников, работающих неподалеку, следует провести мимо виселиц и обратиться к ним с соответствующей речью о наказании за неподчинение нашим приказам. Все это следует выполнять в обычном порядке, за исключением случаев, когда это нежелательно в связи с особыми обстоятельствами, такими как уборка урожая или другими причинами, делающими нежелательным отвлечение заключенных от работы.

Повешение должно исполняться самими заключенными: в случае иностранных рабочих — предпочтительно их соотечественниками. За каждое повешение заключенных следует поощрять тремя сигаретами…

Ответственным лидерам СС следует понимать, что хотя мы и должны быть тверды и не допускать мягкости, жестокость также недопустима».

В июле 1944 года он был вынужден напомнить сотрудникам СС об инструкциях, запрещающих фотографирование казней. «К сожалению, — добавил он, — «в военное время казни неизбежны, но фотографирование их лишь свидетельствует о плохом вкусе, не говоря уж о том, что вредит интересам Отечества. Враг может использовать такие фотографии в целях своей пропаганды».

Озабоченность Гиммлера собственной независимостью нарастала. В марте он попытался организовать в некоторых лагерях производство оружия, но Шпеер, новый министр

вооружений, выступил против этой затеи. Как заявил сам Шпеер, давая показания перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге, «неконтролируемое производство оружия силами СС допустить было нельзя… Гиммлер намеревался воспользоваться своим влиянием на эти отрасли промышленности и, тем или иным способом, несомненно, подчинил бы их себе»[65]. Шпеер готовился использовать заключенных в своих собственных интересах и позаботился о том, чтобы Гитлер отклонил схему Гиммлера. Заключенные, которые в конце концов были задействованы в производстве оружия, работали по шестьдесят четыре часа в неделю. Однако смертность в лагерях была велика, и число работоспособных снижалось столь стремительно, что 28 декабря Гиммлер был вынужден выпустить еще одну директиву: «Рейхсфюрер СС приказывает снизить смертность, во что бы то ни стало»[66].

В течение первых шести месяцев следующего года Гиммлер пополняет свою тающую трудовую армию, заключая под стражу 200 000 набранных иностранцев, совершивших незначительные проступки, на том основании, что в результате этого они естественным образом переходят под его юрисдикцию. Возможность увести эту громадную армию подневольных рабочих от Шпеера появилась в результате соглашения с новоиспеченным министром юстиции Отто Тирахом, с трудом заключенного после дискуссии между ними в полевой штаб-квартире Гиммлера в Житомире 18 сентября.

Тирах, судья Народного нацистского суда, был сделан рейхсминистром юстиции с подачи Геббельса, и перед ним была поставлена задача создания системы правосудия, удобной для нацистов. Среди прочих пунктов соглашения, отмеченных ассистентом Тираха после встречи с Гиммлером, были такие:

> «Применение имеющихся в руках полиции специальных мер в случаях, когда судебный приговор оказывается недостаточно суровым».
>
> «Передача приговоренных к смертной казни антисоциальных элементов рейхсфюреру СС для использования на работах до наступления смерти».

(Под «антисоциальными элементами» понимались, в том числе, лица, находящиеся под арестом — евреи, цыгане, русские, украинцы, поляки с более чем трехлетними приговорами, чехи и немцы с более чем восьмилетними приговорами.)

> «Учитывая стоящие перед правительством задачи решения восточной проблемы, уголовные преступления

евреев, поляков, цыган, русских и украинцев в будущем не будут рассматриваться обычными судами, а будут передаваться на рассмотрение самому Рейхсфюреру»[67].

По мере того, как условия в лагерях становились все менее и менее контролируемыми, множились возможности личного обогащения. Например, согласно специальным приказам Гиммлера, первый из которых вышел уже 23 сентября 1940 года, следовало снимать золотые зубы умерших заключенных, тогда как у живых золотые коронки снимались, если они «не подлежали ремонту». Предполагалось, что золото, наряду с другими конфискованными ценностями, должно помещаться в Рейхсбанк на счет СС, открытый на вымышленное имя Макса Хелигера. В середине войны Рейхсбанк неоднократно пытался заложить груды ненужных ценностей под твердую валюту[68]. Упоминая эту мрачную охоту за сокровищами в ходе речи, произнесенной в октябре 1943 года, Гиммлер сказал: «Мы забрали у них все, что было ценного. Я выпустил четкие приказы о том, что эти ценности должны быть переданы Рейху все без остатка. Выполнял эти приказы генерал СС Поль. Мы ничего не взяли себе». Он добавил, что замеченные в воровстве сотрудники СС будут расстреляны. Однако вскоре стало ясно, что эта мрачная охота за сокровищами принесла лишь часть возможной добычи и что в лагерях воровали все, кто мог. К примеру, Глобочник в течение 1943 года сколотил состояние в Люблине, и осенью Гиммлер был вынужден начать официальное расследование контрабанды золота, ставшей самым обычным делом в Аушвице. Заключенные чаще оценивались по золоту во рту, а не по работоспособности.

По мере развития своих деловых качеств Гиммлер осознал, что дополнительный источник дохода лежит в открытой продаже еврейских свобод. В конце 1942 года он выступил с предложением о том, что целая дивизия СС в Венгрии может финансироваться за счет продажи эмиграционных разрешений словацким евреям. Гиммлер был известен склонностью к компромиссам по отношению к политике искоренения в тех случаях, когда финансовая прибыль рейха значительно превышала неприятности от выживания некоторых евреев. Меморандум, составленный в декабре 1942 года и подписанный Гиммлером, гласит: «Я говорил с Фюрером о предоставлении амнистии для евреев за твердую валюту. Он разрешил мне это в тех случаях, если они привезут действительно существенную сумму из-за границы».

Тем не менее, Эйхман считал такую политику проявлением слабости и всячески ей сопротивлялся. Попытка торговать еврейскими жизнями и свободой свелась, в конечном итоге, к так

называемому Европейскому плану, который представитель Эйхмана Висли-цени впервые осуществил в интересах СС в полунезависимой Венгрии, где скопилось немало еврейских беженцев. В ходе суда над Эйхманом Йол Бренд, резидент сионистов в Будапеште, дал показания по многим своим встречам и, в том числе, по некоторым встречам с самим Эйхманом, в ходе которых обсуждалась цена свободы для евреев. «На одной из этих встреч, — сказал Бренд, — мне сказали, что Гиммлер всячески поддерживает предложения Эйхмана. Гиммлер, сказали мне, на самом деле хороший человек и не желает дальнейшего искоренения евреев». Однако эти переговоры дали совсем немного; подобно тридцати серебреникам, они определили, в конце концов, цену предательства. Только в самом конце войны, когда она была уже фактически проиграна, Гиммлер, под давлением Керстена и Шелленберга, сдал позиции и заключил собственную сделку с евреями через их агента Мазура[69].

Так что политика 1942–1944 годов была политикой искоренения — искоренения через работу для работоспособных по медицинским показаниям, и немедленного искоренения для тех, кто по старости, болезни или слабости физического состояния ни на что не годился. Гиммлер с неумолимой четкостью сформулировал свою политику в речи, произнесенной на собрании генерал-майоров СС, состоявшемся 4 октября 1943 года в Познани[70]. Говоря о разрушениях и потерянных жизнях в России, он сказал:

> «С точки зрения поколений, об этом жалеть не стоит; но с точки зрения текущих потребностей, смерть десятков и сотен тысяч заключенных от истощения и голода прискорбна, поскольку привела к потере работников… Мы должны быть честны, порядочны, лояльны и дружественны к представителям собственной крови, но ни к кому более. Судьба русских или чехов не интересует меня ни в малейшей степени. Все, что нации могут предложить в виде хорошей крови нашего типа, мы возьмем, при необходимости похищая их детей и воспитывая их здесь у нас. Живут ли нации в процветании или голодают до смерти, интересует меня лишь постольку, поскольку от этого зависит поставка рабов для нашей *Культуры*; во всем остальном они мне совершенно безразличны. Умрут ли 10 000 русских женщин, копая противотанковые рвы, интересует меня лишь с той точки зрения, будут ли закончены противотанковые рвы для Германии… Это преступление

> против собственной крови — беспокоиться о них и давать им идеалы, обрекая тем самым наших сынов и внуков на грядущие трудности. Когда кто-то подходит ко мне и говорит: «Я не могу заставлять женщин и детей рыть противотанковые рвы, это бесчеловечно и убьет их», я вынужден отвечать: «Вы — убийца собственного народа, ведь если противотанковые рвы не будут вырыты, погибнут немецкие солдаты, а они — сыны немецких матерей. Они наша собственная кровь». Вот что я хочу внушить СС, и что, я надеюсь, станет для них святым законом будущего… Я хочу, чтобы СС приняли эту позицию по отношению ко всем иностранцам, и особенно к русским».

Далее в той же речи он сделал заявление, в котором высказал свое намерение искоренить европейских евреев, попадающих под его юрисдикцию, причем сделал это в наиболее откровенной форме, когда-либо звучавшей на официальной конференции. Двусмысленная терминология геноцида — «окончательное решение», «специальные меры», символизм «ночи и тумана»[71] — была, наконец, отброшена, и фанатичный искоренитель выдал себя своими собственными словами:

> «Между собой мы должны говорить об этом совершенно откровенно — но никогда не следует упоминать это публично — так же, как 30 июня 1934 года мы без колебаний исполнили свой долг и поставили оступившихся товарищей к стенке и расстреляли, но никогда не говорили об этом и никогда не скажем… Я имею в виду избавление от евреев, истребление еврейской расы. Это одна из тех вещей, говорить о которых совершенно просто — «Еврейская раса истребляется… это наша программа, и мы ее выполняем». И затем придут они, восемьдесят миллионов достойных немцев, и каждый из них будет иметь своего порядочного еврея. Конечно, остальные — это сброд, но этот конкретный еврей — человек первого сорта… Большинство из *вас* должны понимать, что такое сотни трупов, лежащие бок о бок, или пять сотен, или тысяча. Необходимость довести это до конца и в то же время (не считая исключений, вызванных человеческой слабостью) сохранить достойных людей, вот что вынуждает нас быть такими твердыми. Это славная страница нашей истории, которая никогда не была и никогда не будет написана.

Мы продукт естественного отбора. Мы делаем тщательный отбор из лучших представителей нашего народа. У этого народа впереди целая вечность, поколения и столетия…

Другие народы прокатывались по этому народу и оставили позади свое наследие… но он имеет… все еще имеет силу в самой своей крови, чтобы победить. Весь этот народ… объединен Нордическо-Немецкой кровью… Лишь только мы забудем закон, лежащий в основании нашей расы, закон отбора и строгости к самим себе, в нас поселится вирус смерти… Мы должны помнить свои принципы: кровь, отбор, строгость».

На другой конференции, состоявшейся раньше в том же году в апреле, в Харьковском университете, Гиммлер обратился к подобной аудитории, состоявшей из высших офицеров дивизий СС, служивших в России. Им он говорил о «великой европейской крепости», которую им выпала честь защищать и возвеличивать: «Именно здесь, на Востоке, ждет нас решающее сражение; именно здесь нам предстоит разгромить Русского врага, этот народ, насчитывающий двести миллионов русских, заставить каждого из них истечь кровью до смерти… Их надо либо депортировать и использовать на работах в Германии, либо они просто должны погибнуть в бою».

Затем он упомянул задачу искоренения, которая, как он сказал, «в точности подобна избавлению от вшей; уничтожение вшей не является вопросом идеологии. Это вопрос гигиены. Нам следует избавиться от вшей как можно быстрее». Задачей будущего было объединение всех нордических народов в германский рейх. «Очень скоро я создам немецкую СС в самых различных странах», сказал он, имея в виду конкретно Бельгию и Нидерланды, Норвегию и Данию. «Очень скоро мы наберем там немецких добровольцев», независимо от того, по душе ли это лидерам данных стран или нет. Оп призвал офицеров терпимо относиться к незнанию немецкого языка теми представителями германской расы, которых он примет в СС; они должны помочь новобранцем освоить язык. И в один прекрасный день, пророчествовал он, он соберет всех немцев со всего мира, «и более всего из-за морей, из Америки, которых, настанет час, мы будем выводить оттуда миллионами… У нас лишь одна задача — твердо стоять и беспощадно вести расовую борьбу».

В Познани он тоже заглядывал в будущее; с горячностью пророка обращался он к людям, в смущении выслушивающим фантазии, в которые мало кто из них верил, и которые они

считали неуместными в столь критический период войны. После отступления в Северной Африке в 1942 году, разгрома под Сталинградом следующим январем, падения Муссолини и только что начавшегося вторжения союзников в Италию, они начали понимать, что войну будет выиграть не так-то просто. Но голос Гиммлера неумолимо продолжал: «И когда, наконец, установится мир, мы сможем начать великую работу. Мы будем создавать колонии. Мы будем воспитывать нашу молодежь в духе СС… Само собой, больше всего молодой поросли даст совершенный в расовом отношении немецкий народ. За каких-нибудь двадцать или тридцать лет мы сможем вырастить правящий класс для всей Европы». Он сказал, что обращался к Фюреру от имени СС и просил у него привилегии расширения германских границ на Восток. «Мы распространим наши законы на Восток, мы не остановимся и мало-помалу дойдем до самого Урала». Это не даст СС расслабляться; люди СС всегда будут смотреть в глаза смерти.

> «Таким образом, мы создадим необходимые условия для всего немецкого народа и всей Европы, управляемой и ведомой нами — немецким народом. Наши будущие поколения должны быть способны выстоять в священной борьбе с Азией, которая неизбежно разразится снова… Было бы прискорбно, если бы немецкий народ не выжил. Это будет концом красоты и *Культуры,* концом творческой мысли на земле… А теперь давайте вспомним Фюрера, Адольфа Гитлера, который построит германский рейх и поведет нас в германское будущее».

Стремление Гиммлера выиграть свой особый вариант войны было в этот период сильно, как никогда. Его ожесточили многие события, поражения в боях, смерть Гейдриха, серьезный вызов его власти, брошенный евреями варшавского гетто, выступления студентов в Мюнхене и коммунистическое подполье в Германии — Красная капелла *(Rote Kapelle)*.

Красная капелла — так называлась сеть немецких шпионов, работающих на Россию; оказалось, что многие ее агенты были выходцами из достойных немецких семей, и многие из них работали в различных министерствах. Их руководитель, Гарро Шульце-Бойзен, неуравновешенный человек, в двадцатых годах был поэтом и революционером левого толка, а во время войны работал в департаменте Министерства авиации Геринга, который специализировался на «исследованиях» в области прослушивания телефонов. Этот отдел вполне естественно вызывал подозрение у Гиммлера.

В марте 1942 года Шелленберг был послан в Ка-ринхалле, роскошную загородную резиденцию Геринга, в которой руководитель Люфтваффе все чаще уединялся, стараясь избежать последствий падения своего авторитета. Он прибыл, чтобы испросить у Геринга разрешения выполнить эту работу силами СД. По свидетельству Шелленберга, Геринг встретил его в тоге и с маршальским жезлом в руке; перебирая драгоценности в хрустальной чаше, он впал в транс и так и не смог принять решения, в равной степени приемлемого для Гиммлера. Рейхсфюрер немедленно начал расследование в департаменте Геринга, которое, по свидетельству одного очевидца, было прекращено Гитлером в июле во избежание скандала. Геринг надеялся полюбовно замять дело, вручив Гиммлеру в августе почетные крылышки, но именно в этом месяце, в результате независимого расследования, проведенного департаментом военной разведки адмирала Канариса *абвером,* оказалась вскрыта вся сеть Красной капеллы, хотя сами аресты более чем сотни агентов в конце концов выполнялись объединенными силами полевой жандармерии Канариса и гестапо. Несмотря на то, что Гитлер разрешил гестапо подготовить уголовное судопроизводство, Гиммлер понимал, что его обширная организация оказалась не первой в деле раскрытия Красной капеллы, существование которой вызвало скандал, масштабы которого совершенно не соответствовали истинной важности этой шпионской организации. Шелленберг в своих мемуарах не преминул отдать пальму первенства в раскрытии этой подпольной организации себе и, как всегда, представил эту историю в самой красочной форме.

В феврале 1943 года, почти сразу же после серии судов над Красной капеллой, последовало выступление студентов Мюнхенского университета. Руководили им студент медицинского факультета Ханс Шолль и его сестра София, причем они занимались антинацистской пропагандой не только в Мюнхене, но и в других университетах Германии. Отвратительная речь, произнесенная гауляйтером Баварии Паулем Геслером, в которой он оскорбил студенток, предложив им производить незаконнорожденных детей с помощью, если понадобится, его адъютантов, привела к открытым демонстрациям в университете и на улицах Мюнхена. Однако Ханса и Софию Шолль предали, и после пыток в гестапо их судил Роланд Фрейслер, гитлеровский двойник печально известного в семнадцатом веке английского судьи Джефри, приговоривший их и других участников выступления к смертной казни. По свидетельству Хасселя, бывшего дипломата, ставшего впоследствии членом германского

Сопротивления, Гиммлер склонялся к тому, чтобы отменить казнь в марте и не дать жертвам превратиться в орудие возмездия, однако он колебался так долго, что когда его приказ пришел, было уже поздно кого-либо спасать.

Вызов самих евреев авторитету Гиммлера был брошен из варшавского гетто, участка площадью всего две с половиной квадратных мили, на котором располагалось средневековое гетто[72]. Вокруг него нацисты возвели высокую стену и собрали здесь около 400 000 страдающих от голода польских евреев. В марте 1942 года, в речи, полный текст которой не сохранился[73], Гиммлер очертил исходную схему частичного переселения польских евреев; когда Германия начала вторжение, в Польше проживало более трех миллионов евреев, и хотя многие их них бежали на восток или были убиты в ходе боевых действий, около двух миллионов все еще ожидали смерти, включая жителей варшавского гетто.

Когда летом 1942 года политика искоренения набрала полную силу, Гиммлер отдал приказ о полном «переселении» польских евреев в концентрационные лагеря. В результате с июля по октябрь свыше трех четвертей населения варшавского гетто было вывезено в лагеря и удушено газами, и большинство из них в Треблинке — лагере смерти всего в шестидесяти милях от Варшавы. В сущности, это число ограничивалось лишь наличием транспорта и производительностью несовершенных газовых камер. В октябре Гиммлер решил превратить в концентрационный лагерь и само гетто, площадь которого уменьшилась к тому времени до 300 000 квадратных ярдов, а население — до 60 000 человек. Но в январе 1943 года, к моменту, когда за шесть месяцев был уже уничтожен миллион евреев, он находит время для неожиданного визита в Варшаву, чтобы исследовать черный рынок еврейской рабочей силы, которым, как ему стало известно, широко пользовались и члены СС и простые бизнесмены. И уж, конечно, во всем этом неизбежно оказался замешанным Глобочник, начальник строительства, которого, после разжалования за незаконную спекуляцию, Гиммлер в 1939 году опрометчиво восстановил в чине высшего руководителя СС и начальника полиции провинции Люблин. Гиммлер обнаружил, что 24 000 евреев, зарегистрированных официально в качестве рабочих на оружейных предприятиях, в действительности работают портными и скорняками. Его переполнил праведный гнев: «Я еще раз устанавливаю крайний срок переселения: 15 февраля», — приказал он.

Первое восстание в гетто началось 18 февраля, четыре дня спустя после визита Гиммлера. Участвовавшие в

запланированном сопротивлении евреи задолго до этого занимались контрабандной доставкой оружия из внешнего мира. Боевые группы открыли огонь и убили сотрудников СС и милиционеров, охранявших колонны депортируемых. На этот раз сопротивление было подавлено ценою крупных потерь, и Гиммлер решил, что гетто нужно полностью уничтожить, и как можно скорее.

В апреле Гиммлер послал в Варшаву генерал-лейтенанта СС Штрупа, начальника полиции Греции, чтобы он занялся эвакуацией 56 000 евреев, все еще содержащихся на территории гетто. 19 апреля тот вошел в Варшаву с бронемашинами и к величайшему своему удивлению обнаружил, что евреи смогли сопротивляться в течение тридцати трех дней. Еврейским боевым группам Штруп смог противопоставить лишь смешанные части численностью около 2000 человек, из которых многие не имели военной подготовки. В состав частей входили поляки и латвийцы, а также два учебных батальона Ваффен СС. Гиммлер, в очередной раз разозленный этими явными знаками сопротивления, приказал считать гетто партизанской территорией и прочесать его с «беспощадным упорством».

В конце концов евреи, как вооруженные, так и безоружные, были окружены. Квартал за кварталом зона была взята и здания разрушены. Беженцы и партизаны были выкурены дымом и выгнаны водой из канализационных туннелей, и тех евреев, что были еще не убиты и не нужны для немедленных работ, отослали в газовые камеры Треблинки. Территория гетто превратилась в сожженные руины, в которых пытались укрыться последние жертвы. К 16 мая Штруп посчитал акцию завершенной, и до сих пор сохранился хвастливый отчет, подготовленный для Гиммлера и озаглавленный *Варшавского гетто больше нет;* он напечатан на бумаге высочайшего качества, иллюстрирован множеством фотографий и переплетен в кожу для пущей сохранности. В ответ на это Гиммлер приказал разрушить все остальные гетто; руины варшавского гетто следовало сравнять с землей и разбить на этом месте парк. Но лишь к сентябрю 1944 акция против остальных польских гетто была окончательно завершена.

Акцию, проведенную в варшавском гетто, Гиммлер описал в одной из своих речей, произнесенной вскоре после этих событий[74].

> «Я решил разрушить всю еврейскую территорию, выжигая каждый квартал, и в том числе кварталы жилых домов, примыкающие к оружейным мастерским. Мы методично эвакуировали квартал за кварталом и затем

поджигали дома. После этого, практически во всех случаях, евреи выбегали из укрытий и землянок. Довольно часто евреи оставались в горящих домах до тех пор, пока из-за жары или страха сгореть заживо не начинали прыгать с верхних этажей, выбросив предварительно на улицу матрацы и другую мягкую мебель. Несмотря на полученные переломы, они все еще пытались переползти в не подожженные или не полностью охваченные огнем кварталы. Некоторые из евреев старались по ночам перепрятаться, перебираясь в развалины сгоревших домов, где скрывались до тех пор, пока их не обнаруживали наши патрули. Прятаться в канализации стало не так-то приятно уже после первой недели. Часто мы с улицы слышали голоса, доносящиеся из канализационных колодцев. После этого люди из Ваффен СС, полицейские или инженеры Вермахта храбро спускались в колодцы и вытаскивали евреев, причем нередко они натыкались на мертвые тела или подвергались обстрелу. Практически во всех случаях для выкуривания евреев применялись дымовые шашки. Так, однажды мы открыли 183 канализационных люка и в условленное время бросили туда шашки. В результате бандиты кинулись спасаться от того, что они считали отравляющими газами, к центру бывшего гетто, где мы без труда вытаскивали их из канализационных люков. Множество евреев, точное число которых невозможно подсчитать, были истреблены путем подрыва канализационных тоннелей и землянок».

23 марта 1943 года доктор Корхер, ведающий по поручению Гиммлера статистическим учетом переселения евреев, представил отчет, озаглавленный *Окончательное решение еврейского вопроса,* содержащий данные до конца 1942 года. Согласно Корхеру, не считая России и Сербии, 1 873 549 европейских евреев к этому времени умерли, эмигрировали либо были депортированы. В это число входили и жертвы «специальных мер» Гиммлера. Гиммлер выразил удовлетворение отчетом, приказал убрать из него всякие упоминания о «специальных мерах» и добавил, что считает отчет «прекрасным средством камуфляжа», хотя «в настоящее время его не следует ни публиковать, ни кому-либо показывать»[75].

Потребность избавления от евреев переросла у Гиммлера в навязчивую идею. Призраки выживших преследовали его больше, чем призраки умерших. Евреи мерещились ему повсюду, на севере, на западе, на юге, везде, где достать их было не в его

власти. Лишь на востоке был он силен, где газовые камеры работали на пределе возможностей и печи забивались мертвыми телами. Во время визита, нанесенного Гиммлером в октябре 1941 года в штаб-квартиру карательного отряда Олендорфа в Николаеве, его сопровождал предавший родину начальник полиции из Норвегии, и Гиммлер воспользовался визитом, чтобы резко выговорить Олендорфу за то, что тот не тронул евреев в сельских районах. Так же он был очень сильно озабочен евреями, бежавшими из района Одессы и растворившимися среди румынских евреев, многие из которых были депортированы самими румынами в небольшую еврейскую резервацию в заднестровском районе на бывшей русской территории, которая, по соглашению с Германией, была зарезервирована для ее румынских союзников. Многие из этих евреев смогли пережить войну, и германо-румынские отношения, в конечном счете, послужили причиной спора между Гиммлером и Риббентропом[76].

Румынская популяция евреев была одной из крупнейших в Европе и насчитывала, до передела ее территории, около 750 000 человек, причем обращение с ними до и во время политической нестабильности и гражданской войны, предшествующих германскому вторжению, не уступало в жестокости обращению самих нацистов, карательные отряды которых действовали там, где не справлялись сами румыны, в районах Буковины и Бессарабии, которые в 1940 году были отторгнуты от Румынии Россией. Но небольшая популяция евреев на территории Заднестровья стала предметом горячих споров, продолжавшихся до самого конца войны, в которые, в конце концов, оказались вовлечены Всемирный еврейский конгресс, швейцарский Красный Крест, Англия (как опекун Палестины) и американский государственный департамент. Всех коснулись жадность Антонеску и тактика Эйхмана, который не одобрял общего направления всего этого дела, считая его принесением в жертву «чистоты» «окончательного решения».

В Болгарии Гиммлеру тоже помешали. Евреи, хотя и подвергались гонениям и были лишены территории, так и не были депортированы, и даже в Словакии, вслед за периодом массовых депортаций, марионеточному правительству удалось остановить их между июлем 1942 и сентябрем 1944 года, когда сами немцы быстро возобновили выселение. В этот период, как можно видеть, переговоры о продаже евреев между Вислицени и Гиммлером касались не только этой территории, но и территории Венгрии, где в 1944 году Эйхман был вынужден сбросить маску анонимности и вел светскую жизнь в Будапеште, в окружении

лошадей и любовниц, руководя в то же время депортацией 380 000 евреев под кодовым названием «Операция Хесс». По оценке Рейтлингера, за лето 1944 Хесс задушил газами в Аушвице свыше 250 000 венгерских евреев, хотя сам Хесс поднимал эту цифру до 400 000.

Между тем, Гиммлер не терял времени на севере и западе. В июле 1942 года, в самый разгар войны, он лично посетил Финляндию, стараясь организовать депортацию еще большего числа евреев. В это же время он посетил Ревель[77] в Эстонии и отсюда послал жесткую директиву Бергеру, своему связному офицеру в министерстве Розенберга, контролирующему дела на эстонской территории, с целью остановить публикацию указа, который передал бы безраздельное право решать, кто является евреем, а кто — нет, генеральному комиссариату Розенберга, а не тайной полиции Гиммлера. Гиммлер писал Бергеру: «Не публикуйте указ, определяющий евреев. Эта дурацкая точность свяжет нам руки. Восточные территории нужно освободить от *всех* евреев. Я один отвечаю перед Фюрером и не желаю никаких дискуссий».

На западе власть Гиммлера была гораздо слабее. Основным представителем германской власти во Франции оставался Вермахт, и именно через него следовало осуществлять депортацию евреев. Хотя скопившиеся во Франции еврейские беженцы и были высланы на восток, по свидетельству Рейтлингера, за годы оккупации было депортировано чуть более одной шестой части всех французских евреев, хотя преследование их другими средствами было настолько интенсивным, насколько с этим справлялись агенты Гиммлера, Гейдриха и Эйхмана, особенно во время облавы 1942 года, которая номинально проводилась в ответ на убийства немецких солдат. Когда в ноябре 1942 года немцы оккупировали Свободную зону, должны были начаться переговоры по еврейскому вопросу с итальянцами, на территорию расселения которых в южной Франции стекались евреи с севера, и попытки Эйхмана провести их в свою пользу оказались бесплодными.

В Голландии приказы Гиммлера о депортации выполнялись более гладко, и в результате было ликвидировано почти три четверти еврейского населения. На отчете, посланном ему руководителем СС Хансом Раутером, о мерах по депортации, предпринятых им в сентябре 1943 года, Гиммлер смог начертать одобрительное *Sehr gut*[78]. В Бельгии влияние СС было сильно ослаблено противодействием их экстремизму со стороны генерала фон Фалькенхаузена, который занимал пост немецкого военного коменданта до своего ареста в июле 1944 года. В Дании

антиеврейскому давлению Гиммлера сопротивлялись почти с полным успехом; в течение 1943 года он пытался убедить Карла Вернера Беста, который до этого служил в гейдриховском гестапо, а теперь был рейхскомиссаром Дании, в том, что «окончательное решение» в той же степени применимо к евреям на полунейтральной территории Дании, что и к восточным евреям. Однако его настойчивость не достигала цели до августа 1943 года, когда в ответ на бунты в доках Оденсе, действия Сопротивления в Копенгагене и восстание малого датского флота было введено военное положение. Гиммлер, занявший к тому времени пост министра внутренних дел, настоял через Риббентропа на том, чтобы Бест немедленно начал хватать датских евреев и депортировать их на восток. Вслед за этим последовало традиционное уклонение от ответственности, в котором очень многие чиновники весьма преуспели в последние годы войны, когда возрастающая вероятность поражения и будущие репрессии начали все сильнее влиять на их действия; эта облава на евреев стала, в сущности, символом, давшим прекрасную возможность спасти жизни евреев в стране, сделавшей все возможное для защиты евреев или эвакуации их в Швецию. Гиммлера смогли убедить в том, что Дания свободна от евреев, только после того, как Бест сделал все возможное, чтобы побудить евреев к бегству. В Норвегии, где условия для дипломатического лавирования были куда менее благоприятны, две трети еврейского населения ускользнули от Гиммлера, причем многие из них бежали через границу в Швецию.

Основное сопротивление навязчивой идее Гиммлера оказали на юге, поскольку итальянцев так никогда и не удалось склонить к антисемитизму; да и, в общем-то, число евреев, живших в Италии, едва ли превышало 50 000. Ранее итальянцы отказались от сотрудничества на юге Франции, а теперь Эйхман снова был вынужден жаловаться на их «саботаж» в Греции и Югославии. Хотя под влиянием Гитлера в 1938 году Муссолини и создал свои собственные антиеврейские законы, он не желал быть втянутым в геноцид. Как мы уже видели, Гитлер считал Гиммлера подходящим посредником для ведения переговоров с Муссолини, и тот нанес дуче несколько официальных визитов, последний из которых состоялся в октябре 1942 года. Об этом последнем визите не сохранилось никаких документов, которые содержали бы обсуждение депортации евреев[79]. Только после оккупации Италии Германией в сентябре 1943 года Гиммлер добрался до тех евреев, которые, бежав из Рима, не смогли уйти от облав, последовавших в столице и на севере страны. В Югославии и Греции потери евреев от депортации были, в противоположность

Италии, чрезвычайно высокими.

«Весной 1942 года в Верхнюю Силезию прибыли первые транспорты с предназначенными для истребления евреями», — писал Хесс[80]. Через луга их подвели к новым газовым камерам Хесса, приказали раздеться для проведения дезинфекции, затем закрыли в камерах и умертвили:

> «Никто из нас не сомневался в том, что приказу Гитлера следует беспрекословно подчиниться, и что СС обязаны его выполнить. Тем не менее всех нас терзали тайные сомнения… Мне стоило больших усилий скрывать от окружающих свои внутренние сомнения и чувство подавленности… Мне приходилось хладнокровно смотреть, как матери со смеющимися или плачущими детьми входили в газовые камеры… Жалость моя была столь велика, что я мечтал лишь о том, чтобы покинуть эту сцену: но нельзя было проявлять и малейших признаков эмоций».

Как-то Хесс сильно напился с Эйхманом, пытаясь выяснить, не испытывает ли тот подобных сомнений, но:

> «он показал, что полностью одержим идеей уничтожения каждого еврея, до которого сможет добраться… Если меня глубоко потрясал какой-нибудь инцидент, я чувствовал, что не могу вернуться домой к семье. Я садился на лошадь и скакал до тех пор, пока ужасная картина не рассеивалась. Часто ночью я заходил в стойла и искал утешения среди моих любимых животных».

Но более показательной, чем эта жалость к самому себе, является неспособность Хесса осознать истинный масштаб совершенного им преступления. Его эмоциональность, столь очевидная на протяжении всех записок, просто смехотворна по сравнению с размерами трагедии, которую он старается описать, а то и оправдать. «Воистину, у меня нет причин жаловаться на скуку, — сказал он. — Садик моей жены — это просто цветочный рай… Заключенные никогда не упускают возможности проявить доброту к моей жене и детям и привлечь, тем самым, их внимание. Ни один из бывших заключенных не сможет сказать, что когда-нибудь и по какому-нибудь поводу в моем доме к нему плохо относились». Когда ему предложили переехать в Заксенхаузен, он сказал: «Сначала я почувствовал боль при мысли о том, что придется покинуть насиженное место… но потом я

обрадовался возможности избавиться, наконец, от всего этого». Пытаясь оправдать свои поступки, он цитирует английскую поговорку: «Права она, или нет, но это моя страна», и при этом откровенно перекладывает обвинение на плечи Генриха Гиммлера, которого называет «самым жестоким воплощением принципов руководства». «Я никогда не был жесток», — заявляет Хесс, хотя и допускает, что его подчиненные часто бывали таковыми; но, по его словам, он не мог их остановить. Природа жестокости садистов из СС и капо, которые наслаждались своей абсолютной властью над заключенными, подробно описана Когоном и многими другими, выжившими узниками лагерей.

Вероятно, нет ничего удивительного в том, что после первого визита в марте 1941 года Гиммлер посетил лагерь Аушвиц всего лишь один раз. Это случилось летом 1942 года, когда он приехал проконтролировать ход строительства. По словам Хесса, его интересовали исключительно сельское хозяйство и промышленность. Тем не менее ему продемонстрировали ужасные условия содержания узников и их подверженность болезням, перенаселенность. Он пришел в ярость: «Я не хочу больше слышать об этих трудностях, — сказал он Хессу. — Для офицера СС трудностей не существует; если они возникают, его задача — тут же их преодолеть своими собственными силами! *Как* это сделать, *ваша* забота, а не моя!» В качестве примера он упомянул успехи в структурах «Фарбен»; с точки зрения Хесса, «Фарбен» использовала более квалифицированных рабочих и пользовалась приоритетом в получении строительных материалов.

После этого Гиммлер обратился к другим темам:

> «Он пронаблюдал весь процесс уничтожения только что прибывшего транспорта с евреями. Также он провел некоторое время, наблюдая за отбором работоспособных евреев, не делая при этом никаких замечаний. Ничего не сказал он также и о процессе уничтожения, сохраняя полное молчание. Во время процесса он ненавязчиво наблюдал за участвующими в нем офицерами и младшими офицерами, в том числе и за мной. Затем он отправился взглянуть на фабрику синтетической резины».

Хесс пользовался любой возможностью высказать свои жалобы, хотя и знал, что «Гиммлеру всегда было интересней и приятней слышать о хорошем». За обедом, когда Хесс пожаловался, что многие из его офицеров совершенно непригодны для этой службы, Гиммлер просто посоветовал

использовать больше собак. На поздней вечеринке в доме местного гауляйтера, где остановился Гиммлер, он стал более дружелюбным и разговорчивым, «особенно по отношению к дамам». Он даже выпил несколько бокалов красного вина. На следующий день он наблюдал порку узниц в женском лагере; следует отметить, что в прошлом апреле он лично приказал «сильнее» бить недисциплинированных заключенных. Пороли по обнаженным ягодицам равно и мужчин, и женщин, для чего их привязывали к деревянным помостам. Затем, по словам Хесса, он «побеседовал с некоторыми свидетельницами Иеговы на тему их фанатических верований»[81]. На последней конференции с Хессом он сказал ему, что ничем не может облегчить его трудностей; он должен постараться все решить сам. Аушвиц должен расширяться, производство должно расти, непригодных к труду заключенных нужно убивать. Программа Эйхмана должна интенсифицироваться. Затем он пожаловал Хессу чин оберштурмфюрера СС и улетел обратно в Берлин. Больше он в Аушвице не появлялся.

Хотя Аушвиц был главным лагерем смерти Гиммлера, были и другие лагеря в Польше и России, в которых с 1942 по 1944 год организовали умерщвление газами и расстрел евреев, славян и цыган.

В Аушвице и в его спутнике Аушвице II в Биркенау[82] массовые убийства начались в марте 1942 года и не прекращались до октября 1944; газовые камеры и крематории, тщательно разрушенные Гиммлером в ноябре 1944 года перед лицом русского наступления, представляли собой здания, построенные за пределами самого лагеря. Уничтожение людей сдерживалось ограниченной емкостью этих зданий и их оборудования; производительность Аушвица, даже после строительства в 1943 году четырех новых объединенных с крематорием газовых камер по проекту Хайнца Каммлера, который впоследствии конструировал площадки для ракет класса V, по свидетельству Рейтлингера, не превышала 6000 заключенных в день. Другое постоянно растущее ограничение накладывал транспорт; душные товарные вагоны поездов, битком набитые заключенными, часто переводили на запасные пути, чтобы не задерживать грузы высокой военной важности. Такие задержки в деле очищения Европы приводили Гиммлера с Эйхманом в ярость, но, тем не менее, до момента закрытия Аушвиц поглотил около двух миллионов человек. В искусстве массового уничтожения людей Гиммлер оставил далеко позади своего кумира Чингисхана.

Небрежное отношение Гиммлера к Хессу свидетельствует о

том, что в 1942 году его основные интересы были в другом месте. Это были первый год, когда Германия получила отпор как на Североафриканском, так и на Российском фронте, не говоря уж о постоянно нарастающих бомбардировках силами союзников.

В июле 1943 года пала Италия, и Муссолини был арестован, за чем последовали спешные совещания, созванные фюрером в Растенбурге, его ставке в Восточной Пруссии. Всего лишь за несколько дней до этого Гитлер встречался с дуче в Фельтре, в Северной Италии. Весть о том, что 25 июля Бадольо арестовал Муссолини, достигла Растенбурга ко времени ночного заседания, в ходе которого Гитлер планировал оккупировать Италию и восстановить Муссолини. В это же самое время на следующий день, когда прибыли все нацистские лидеры, фюрер, по свидетельству Геббельса, «приказал Гиммлеру проследить за тем, чтобы в случае возникновения малейшей опасности принимались самые суровые полицейские меры».

Вслед за этим в Италии начался период великого смятения; перемирие с союзниками, высадившимися в Южной Италии ранним утром 3 сентября, не объявлялось до 8 сентября, и принятая союзниками стратегия фактически спасла скромные силы Кессельринга в Южной Италии от, казалось бы, верного поражения объединенными силами союзных и итальянских дивизий. Тем временем Гиммлеру было приказано разыскать Муссолини и организовать его спасение, а Бадольо в это время старался предотвратить немедленное освобождение своего пленника, перевозя его с острова на остров до принятия окончательного решения, что с ним делать. В конце концов, в сентябре, когда Муссолини по условиям перемирия следовало передать союзникам, он был внезапно освобожден из места последнего заключения на высокогорном лыжном курорте в Абруццких Апеннинах в результате блестящей операции, проведенной, после брифинга у Гиммлера, офицером СС Отто Скорцени. Отряд Скорцени высадился на вершину горы на планерах; после освобождения Муссолини из отеля, где он содержался пленником, Скорцени доставил его в Вену на легком самолете, который только и был способен взлететь со склона горы.

Гиммлер не питал иллюзий относительно Муссолини; он постоянно получал подробнейшую информацию о ситуации от своих агентов в Риме. Но как только Муссолини арестовали, этих сведений стало недостаточно. По словам Шелленберга и Хеттля, в попытке установить место, где спрятан Муссолини, Гиммлер обратился к группе астрологов. Их собрали, рассказывал Шелленберг, в сельском домике у озера Ваннзее и после того, как

прорицатели поглотили неимоверное количество еды, напитков и табака, один из них, Мастер Звездного Маятника, обнаружил Муссолини на острове к западу от Неаполя. Поскольку Муссолини действительно содержался некоторое время в Понце, это, несомненно, доказало Гиммлеру, что СС не зря тратило время и деньги на оккультизм.

После смерти Гейдриха Гиммлер был вынужден взвалить на себя весь груз его политики. Чтобы справиться со столь сложный ситуацией, он, подобно самому Гитлеру, использовал принцип, гласящий, что даже в условиях диктатуры следует проводить консультации между министрами и согласование политики с верховным командованием, ответственным за ведение войны, если это способствует решению проблем, порожденных гитлеровскими амбициями.

Но вместо того, чтобы консультироваться и согласовывать, Гитлер предпочитал руководствоваться собственными решениями, в которых все меньше и меньше отражались получаемые им советы. В то время как власть Геринга ослабевала, а Геббельс все пытался распространить свое растущее влияние за ограниченные рамки пропаганды, Гитлер оказался в окружении ничего не значащих людей, заслуживших его благосклонность лишь способностью поддерживать его военные фантазии. Сила его была все еще велика, и он не утратил хитрости, но уже в середине войны он использовал свои необъятные материальные и человеческие ресурсы на самом пределе. Он ослабил армию, вытянув ее вдоль фронта, протянувшегося на две тысячи миль с севера на юг, открыв сердце Германии бомбардировщикам союзных сил, которым Люфтваффе не могли уже успешно противостоять. Гитлер так никогда и не признал своего полного провала, и в ответ на поражения инстинктивно старался отвлечься от них и погружался в океан собственных иллюзий. Гиммлер, Геринг и Геббельс присутствовали на том декабрьском совещании 1941 года, когда Гитлер объявил себя собственным главнокомандующим, чтобы ему было легче отвергать приказы верховного командования. С 1942 года он отгородился от немецкого народа и от марширующих парадов, чьи салюты и массовые приветствия некогда питали его гордость и целеустремленность. Теперь он видел себя одиноким гением, ведущим войну из постоянно меняемых ставок вдали от фронта, сначала в Виннице на Украине, затем или в Растенбурге на востоке Пруссии, или в Цоссене у самого Берлина, или в уединении Берхтесгадена, где горы дышали спокойствием и совершенством.

Прямо под ним в нацистской иерархии находился Гиммлер,

младший дух, но созданный по образу человека, которому поклонялся. Взамен извращенного гения Гитлера он мог предложить лишь неуемную одержимость и педантичное внимание к мелочам; вместо гипнотического лидерства — абсолютную преданность долгу и требование того же от подчиненных. Его власть держалась на страхе; но и сам он испытывал страх, который непосредственно проистекал из его зависимости от других и личного несоответствия. Его нервозность стала хронической, и только Керстен умел избавлять его от этих парализующих приступов боли. Его стремление уничтожить евреев и славян и поставить себя во главе пышущей здоровьем Нордической Европы было компенсацией за слабое тело, опущенные плечи, плохое зрение и кривые ноги. Его любовница и ее дети возродили его сексуальную уверенность, но и сексуальное мастерство не было его сильной стороной. Он носил элитный черный мундир СС или серую полевую форму своих боевых подразделений, но его личная армия даже в 1942 году находилась под строжайшим надзором Гитлера и его схемы независимого производства оружия в лагерях были в равной степени неудачными.

Гитлеровский резерв рекрутов для СС существовал до марта 1943 года; бронепоезд и дальняя штаб-квартира в Житомире, куда Гиммлер столь часто наведывался с 1941 по 1943 год, не были центрами управления, а скорее местом ссылки за линией фронта[83].

Украинский Житомир, расположенный в 700 милях на юго-восток от Берлина, находился всего в шестидесяти милях к северу от ставки Гитлера в Виннице.

Для рейхсфюрера и его людей в прекраснейшем уголке природы была выбрана территория советского военного училища. По словам Шелленберга, который был здесь частым посетителем и одобрил хорошо продуманное устройство, ставка располагала коротковолновой и телефонной аппаратурой, связывающей ее со всей оккупированной Европой. Здесь был даже теннисный корт, на котором Гиммлер время от времени занимался, пытаясь поддержать форму. В период пребывания Гитлера в Виннице, с июля по октябрь 1941 года, Гиммлер старался встречаться с ним по любому удобному поводу, приезжая на бронированном автомобиле по соединявшему оба центра шоссе.

Тем временем Гиммлер пытался поддержать в СС здоровый моральный дух. Из его ставки сплошным потоком шли письма с упреками: «Я заметил, что у вас в офисе работает ваша дочь. Вам следовало сначала спросить у меня»; «вы бы лучше взглянули на документы по германизации, дающие доказательства связей

между немецкими женщинами и польскими преступниками, а также прочими иностранцами»; «я бы не хотел, чтобы вы столь часто разъезжали, выставляя себя великим командиром»; «Рейхсфюрер СС считает недопустимым для лидера СС напиваться на четвертом году войны»; «Дитрих мне сегодня сказал, что, за время пребывания *Лейбштандарта* во Франции замечено 200 случаев гонореи. Конечно, мы не можем винить людей. Эта часть прибыла с Восточного фронта и, должно быть, полностью изголодалась в сексуальном отношении… Все подразделения Ваффен СС следует обеспечивать домами терпимости, за чистоту которых должна отвечать служба медицинского контроля». В то же время руководителям подразделений следовало следить за тем, чтобы семнадцати- и восемнадцатилетние воины «не тратили силу и здоровье на проституток», и устраивать «встречи женатых сотрудников СС с их женами, поскольку в противном случае мы не сможем обеспечить должного и желаемого количества детей». Список удобных отелей и гостиниц возле учебных лагерей должен был расти, а расходы на посещения жен должны оплачиваться из казны СС. Кроме того, людям следовало читать лекции о здоровом зачатии детей.

Мысли и стратегия Гиммлера в середине войны лучше понятны в свете документа, который он показал Керстену в своей полевой штаб-квартире в декабре 1942 года — двадцатишестистраничного отчета о состоянии здоровья Гитлера. Он вынул черный портфель с отчетом из сейфа и дал его Керстену на условиях строжайшей секретности. Отчет содержал историю болезни Гитлера — как он пострадал от отравления газами в первую мировую войну и чуть было не ослеп, и как у него обнаружились некоторые симптомы сифилиса, подхваченного в молодости и так до конца и не вылеченного. Незаметные в течение долгого времени, эти симптомы проявились в 1937 году, и потом в начале 1942; они включали бессонницу, головокружение и страшные головные боли и показали, что Гитлер страдает прогрессирующим параличом, который рано или поздно окажет влияние на его разум. Его лечением занимался его личный врач, профессор Теодор Морелль, бывший корабельный врач, содержавший в Берлине подпольную клинику для венерических больных, пока не был обнаружен фотографом Гитлера, Генрихом Хоффманом, и представлен фюреру. Гитлер, имевший, подобно Гиммлеру, нетрадиционный взгляд на медицину, в 1936 году приблизил Морелля к себе и предоставил ему свое тело для бесконечных экспериментов по применению лекарств и инъекций, многие из

которых Морелль запатентовал и получал от их производства личную прибыль.

О традиционном лечении в институте психиатрии для фюрера, конечно, не могло быть и речи. «Вы понимаете теперь, как я озабочен, — сказал Гиммлер. — Мир считает Адольфа Гитлера сильным человеком — и именно таким он должен войти в историю. После войны великий немецкий Рейх будет простираться от Урала до Северного моря. Это будет величайшим достижением Фюрера. Он величайший из когда-либо живших, и без него это никогда не стало бы возможным. Так что какая разница, больной сейчас он или нет, когда его работа уже почти завершена».

Лишь из чистой озабоченности Гиммлер показал отчет Керстену, на мнение которого собирался положиться, но данный Керстеном совет оказался неприемлемым — Гитлер должен немедленно подать в отставку и начать лечение, в то время как его преемник должен завершить войну. Гиммлер тут же разразился потоком возражений, подготовленных заранее на явно ожидаемый ответ Керстена. Ни о каком преемнике не может быть и речи; Партия вступит в конфликт с Верховным командованием; его заподозрят в личных мотивах, поскольку создастся впечатление, что он сам хочет получить власть; наблюдаемые у Гитлера симптомы вполне могут сойти за признаки переутомления, а не паралича.

«И что, в таком случае, вы собираетесь делать? — спросил Керстен. — Вы что, собираетесь пустить все на самотек и просто ждать, пока состояние Гитлера совсем ухудшится? Вам не противна мысль о том, что во главе немецкого народа стоит человек, наверняка страдающий прогрессивным параличом?»

Гиммлер ответил — в своем духе. «Пока это зашло недалеко; я буду внимательно наблюдать, и если окажется, что отчет не ошибался, у нас будет достаточно времени для принятия мер».

Согласно Шелленбергу, Гейдрих собрал самые подробные сведения о здоровье и привычках Гитлера, в том числе и диагнозы его врачей; после смерти Гейдриха все эти отчеты были переданы Гиммлеру. То, что, несомненно, навело главу СД и протектора рейха в Праге на яркие размышления, лишь наполнило Гиммлера острым беспокойством. Позже Керстен установил, что отчет был специально составлен для Гиммлера на основании сведений, предоставленных абсолютно честным медицинским советником, имя которого не называлось. Хотя о плохом здоровье Гитлера и его психических странностях постоянно ходили различные слухи, подробности о его заболевании были известны лишь нескольким лицам, в число которых, как установил Керстен, входили Борман

и, возможно, Геринг[84].

Спустя неделю, 16 декабря, Гиммлер еще раз обсудил ситуацию с Керстеном. На этот раз разговор был более серьезным. Керстен настаивал на том, что Гитлер должен, ради Германии, подать в отставку и пройти соответствующее лечение; пока он остается на вершине власти, в любой момент может случиться так, что разум ему откажет, и он окажется в плену иллюзий и мании величия. Сначала у него нарушится координация движений, а затем последует паралич речи и конечностей. Находясь под влиянием болезни, он может отдавать совершенно пагубные приказы. Он очень больной человек и должен соответственно лечиться.

Гиммлер хранил молчание. Керстен высказал мысль, что Гитлера следует склонить к передаче полномочий преемнику и что за этим должны последовать мирные переговоры. На это Гиммлер ответил, что Гитлер назначит преемника только на случай своей смерти, и что если Гитлер при жизни утратит абсолютную власть, между армией и партией разгорятся «яростные споры о преемнике». Что же касается его самого, он никогда не сделает ход против Фюрера первым; «все будут считать, что я руководствуюсь личными мотивами и сам пытаюсь захватить власть», объяснил он. Перед лицом все еще непоколебимой фигуры Гитлера любые медицинские свидетельства будут сочтены поддельными. Его следует оставить на его месте, сказал Гиммлер; отставка принесет неописуемый вред. Он уверен, что здоровье Гитлера еще достаточно крепко, и он преодолеет болезнь; заметные у него симптомы вполне вероятно могут быть следствием простого переутомления. Все, что он может сейчас предпринять, это пристальнее следить за здоровьем Фюрера. В результате Керстен осознал врожденную слабость, скрывающуюся за видимой силой Гиммлера.

В течение 1943 года здоровье Гитлера значительно ухудшилось; это замечали все, кому приходилось с ним встречаться. Не ясно, что было известно Шелленбергу из содержания секретной папки; он вполне мог знать больше, чем показывал. Он просто отмечает: «с конца 1943 года у него стали заметны прогрессирующие симптомы болезни Паркинсона… началось хроническое разрушение нервной системы». Уже в марте Геринг выказывает Геббельсу свою озабоченность состоянием Фюрера, который, как он заметил, за три с половиной года войны постарел лет на пятнадцать. Геббельс согласился, и добавил, что Гитлер никогда не отдыхает, а «сидит в своем бункере, терзается и мучительно размышляет». Теперь он страдал от дрожи в левой ноге и руке, и при этом принимал прописанное Мореллем

лекарство от хронических болей в желудке, состоящее из смеси стрихнина с белладонной, которое, согласно последующим медицинским исследованиям, могло принести ему лишь вред и вызывало все более заметное обесцвечивание кожи. Когда он не был в Обер-зальцберге, где жила в уединении его любовница Ева Браун, он почти все время проводил в различных удаленных центрах, откуда командовал своей войной, и особенно в *Волчьем Логове* в Растенбурге, скрытом в дремучих лесах Восточной Пруссии, где летом 1941 года, глубоко под землей, в окружении хорошо охраняемых деревянных домиков, для него построили бетонные апартаменты. По словам генерала Йодля, «Волчье логово» стало странной смесью «монастыря с концентрационным лагерем».

В этих бетонных стенах Гитлер проводил свои бесконечные заседания. Он ел и спал по настроению, не совершал никаких упражнений и находил утешение лишь в воспоминаниях. Это позволяло ему поддерживать свое «я» в состоянии возбуждения.

Именно в этих условиях он обычно принимал своих министров, Геринга, Геббельса, Гиммлера, Риббентропа, Шпеера и Бормана, когда они приезжали на Восток для встречи с ним и плели вокруг остатков его внимания паутины своей зависти. Именно здесь, например, он произнес перед Гиммлером и членами его свиты эмоциональную речь о Вагнере. Гиммлер, как и другие, тянулся к нему, как к последнему источнику энергии, собранной им за многие годы; каждый из этих людей терзался сомнениями и тревогами. Как они будут, думали они, сохранять и преумножать эту энергию друг за счет друга? На поверхности они выглядели коллегами, связанными воедино своей привязанностью к Фюреру; в глубине же они были империалистами, обеспокоенными лишь расширением сферы влияния своих соперников в ожидании того времени, когда кто-то из них унаследует место Гитлера. В мгновение ока они образовали объединенный кабинет исполнительных министров; Гитлер, чья власть в большой степени опиралась на дезорганизацию, лежащую непосредственно под ней — отрицательные следствия принципа «разделяй и властвуй», всегда понимал опасность такой организованной и координированной силы. Когда впервые начиналось обсуждение какого-нибудь существенного вопроса, он предпочитал встречаться с министрами поодиночке; когда они собирались вместе, время тратилось на обсуждение мелочей или на безусловное принятие пространных высказываний Гитлера.

Рейтлингер отмечал, что Гиммлер никогда не одобрял собраний высших офицеров, на которых они обсуждали бы свои общие проблемы. Они тоже были соперниками в борьбе за его

благосклонность, и он старался иметь дело с каждым в отдельности, дабы предотвратить всякую возможность сговора. Подобно Гитлеру, он окружил себя младшими офицерами, адъютантами, которых он мог заменить в любой момент, но которые, благодаря близости к нему, получили власть, значительно превосходящую их положение. Керстен быстро осознал силу влияния людей, подобных полковнику СС (позже генералу) Рудольфу Брандту, главному адъютанту Гиммлера, бывшему писарю, которого нельзя было миновать на пути к рейхсфюреру СС. Шелленберг описывает Брандта как маленького человека самой заурядной наружности, который всеми силами старался и внешностью и поведением походить на Гиммлера. Он обладал феноменальной памятью и начинал работу с семи часов утра, спеша к хозяину с папками и бумагами, чтобы работа уже могла начаться, пока Гиммлер брился. Если приходили плохие новости, Брандт начинал с обращения «Извините», и Гиммлер прекращал бриться. «Он был живым блокнотом Гиммлера… Думаю, он был единственным человеком, которому Гиммлер полностью доверял… Он был глазами и ушами хозяина и часто представлял Гиммлеру дела в манере неотложной важности». И Шелленберг, и Керстен старались поддерживать с ним хорошие отношения[85].

Старшие офицеры Гиммлера были подобны планетам, вращавшимся вокруг гиммлеровского солнца, каждый из них оставался на своей орбите — генерал СС Эрнст Кальтенбруннер, назначенный главой отдела имперской безопасности в 1943 году, генерал СС Мюллер, начальник гестапо, генерал СС Поль, начальник экономического управления СС и инспектор концентрационных лагерей, и генерал-лейтенант Шелленберг, глава внешней разведки, который к этому моменту стал ближайшим политическим советником Гиммлера. Он содержал также свиту специальных советников, таких как Корхер, который наряду со сбором статистических данных составлял секретные отчеты о других лидерах СС. За все это он был побит в августе 1943.

После назначения Кальтенбруннера начальником Управления имперской безопасности 30 января 1943 года, Гиммлер допустил смертельную ошибку. Конечно, это он привез его из Вены, где тот в течение нескольких лет занимал пост начальника полиции СС, поскольку считал, что новым человеком будет легче управлять. Кальтенбруннер, хоть и был глупцом, обладал достаточной сообразительностью, чтобы разделять мнение СС о том, что война уже проиграна, и искать быстрейших путей к получению власти, одним из которых было заключение рабочего альянса с

Борманом, когда следующим апрелем тот стал личным секретарем Гитлера. Едва ли Гиммлер мог предвидеть эту опасность лучше, чем опасность, исходящую от его другого главного оппонента; им был Мюллер, начальник гестапо, который, согласно Шелленбергу, тоже поторопился установить хорошие отношения с Борманом. И Мюллер, и Борман считали, что мирные переговоры начнутся скорее в России, чем на Западе. Шелленберг считал и Кальтенбруннера, и Бормана своими врагами, которые только и стараются перехитрить и дискредитировать его, а возможно, и самого Гиммлера. Он описывает Кальтенбруннера как человека «гигантского телосложения, неуклюжего в движениях, настоящего дровосека… его маленькие, пронизывающие насквозь карие глазки были весьма неприятны; они смотрели на тебя неподвижно, как глаза удава, гипнотизирующего жертву». Руки его были небольшими, подобно «рукам старой гориллы»; пальцы пожелтели от постоянного курения, к тому же он сильно пил. Говорил он с заметным австрийским акцентом, так же, как Мюллер говорил с сильным баварским.

Генрих Мюллер, состоявший в штате Гиммлера с 1933 года, был сдержанным, скрытным человеком, профессиональным полицейским с острым взглядом, но без выдающейся внешности. Капитан Пейн Бест называл его симпатичным, хотя тот пытался запугать его, крича ему в лицо и уставившись на него «странными глазами, которыми он мог водить из стороны в сторону с необычайной скоростью», в старании загипнотизировать жертву. Несмотря на свое положение, он предпочитал, подобно Гитлеру и Гиммлеру, тратить массу времени на мелкие детали и лично проводил допросы из любви к этому занятию. Шелленберг с презрением описывает его квадратный череп, выступающий лоб, узкие губы, бегающие глаза и массивные руки. В конце войны он бесследно исчез, возможно, найдя убежище у русских, чьи полицейские методы всегда открыто обожал[86].

Первые слухи о том, что Гиммлер склоняется, по крайней мере, к сепаратному миру с Англией, упоминаются в дневниках фон Хасселя уже в мае 1941 года, в период, непосредственно предшествующий нападению на Россию. С 1932 по 1937 год Хассель был послом Германии в Риме; он был профессиональным дипломатом с правыми взглядами, и его твердая вера в дружбу с Англией и Соединенными Штатами привела к конфликту с Риббентропом. Он оставил дипломатическую службу и ушел в отставку в 1937 году, будучи еще активным человеком, не достигшим шестидесяти, и стал, по словам Аллена Даллеса, американского агента в Швейцарии времен войны,

«дипломатическим советником секретной оппозиции Гитлера». Своей тайной деятельностью он занимался под предлогом экономических исследований, которые он выполнял для немецкого правительства и которые позволяли ему относительно свободно перемещаться по Европе. Его знакомства с членами Сопротивления, и особенно со штатскими его представителями, были весьма широки, и дневник, который он вел с сентября 1938 по июль 1944 года, вплоть до его ареста после неудавшегося покушения на Гитлера, является одним из наиболее ценных документов, оставшихся после нацистской Германии.

Записанные Хасселем слухи о возможности отхода Гиммлера от Гитлера составляют первые слабые звенья скрытой цепи событий, приведшей Гиммлера к непосредственному контакту с секцией немецкого Сопротивления.

Карл Лангбен, берлинский юрист, бывавший по долгу службы во многих странах, который во время суда по делу о поджоге рейхстага в 1933 году вызвался защищать представителя коммунистов Эрнста Торглера, был соседом Гиммлера как в Гмюнде, так и в Далеме; они познакомились еще до войны через своих дочерей, которые ходили в одну школу. Лангбен был дружелюбным, добродушным человеком и великолепным лингвистом; впоследствии он стал сотрудником созданного Канарисом абвера; также, когда он бывал по делам за границей, он начал по предложению Гиммлера выступать в качестве его независимого наблюдателя. В то же время он становится каналом, по которому некоторая информация о Гиммлере достигала людей, в той или иной степени связанных с растущим движением Сопротивления. Лангбен был другом экстраординарного человека, профессора Альбрехта Хаусхофера, сына печально известного геополитика, вдохнувшего в Гитлера мечты об экспансии, и человека, спланировавшего полет Гесса в Англию в мае 1941 года.

Хаусхофер играл роль связного между Гессом и Карлом Буркхардтом, президентом Международного Красного Креста в Швейцарии, который был другом семьи Хасселей. В мае, перед вылетом Гесса, Буркхардт сказал фрау Хассель, что в апреле его посетил «агент Гиммлера», который, во время визита в Цюрих, спросил Буркхардта, согласятся ли, по его мнению, англичане обсуждать возможные условия перемирия с Гиммлером вместо Гитлера. Этим агентом, несомненно, был Лангбен, который позже в этом же году, в августе, познакомился с Хасселями и стал одним из их близких друзей.

Эта запутанная цепочка взаимоотношений вполне могла привести к тому, что Гиммлер, и, возможно, даже Гитлер, заранее

знали о миссии Гесса в Англии. Во всяком случае, Хаусхофер, чья роль в полете Гесса была известна гестапо, отпустили по приказу Гитлера после всего лишь короткого заключения, и он находился под покровительством Гиммлера до самого конца войны. Однако, вполне вероятно, что именно Лангбен был источником слухов, клубившихся вокруг Гиммлера в самые мрачные дни русской кампании; с 1941 года до его ареста гестапо в сентябре 1943 он пользовался, по крайней мере временной, защитой Гиммлера и его определенным доверием, причем в то же самое время он через Попица и фон Хасселя поддерживал непосредственный контакт с одной из основных артерий Сопротивления. Следует отметить, что уже в 1938 году влияние Лангбена на Гиммлера было вполне достаточным, чтобы вызволить из концентрационного лагеря Фрица Прингсхейма, профессора-еврея, преподававшего ему юриспруденцию. Прингсхейма выпустили и даже позволили покинуть страну.

После упоминаний деятельности Лангбена в пользу Гиммлера, сделанных Хасселем в мае 1941 года, малейшие признаки недовольства деятельностью СС фиксировались с тщательной определенностью в течение долгого периода упадка, последовавшего за вторжением в Россию. После получения определенных доказательств от недовольного младшего офицера СС, Хассель записал в сентябре 1941 года: «очевидно, что в службе Гиммлера серьезно озабочены поиском выхода». В декабре Лангбен сказал Хасселю, что «был занят освобождением людей из концентрационных лагерей Гиммлера» и что это часто означало выплату крупных денежных сумм. Он также говорил о «разжижении умов внутри СС», что, по его мнению, порождало странное сочетание «варварской партийности» с «неправильно понимаемым аристократизмом». Лидеры СС часто допускали критические замечания о партии, об исходе войны и о самом Гитлере. В марте 1942 года, согласно Хасселю, Лангбен все еще подозревал, что вокруг Гиммлера творятся какие-то странные вещи, и, несомненно, именно эти слухи достигли в следующем месяце длинных ушей Чиано в Риме, когда он записал в дневнике, что Гиммлер, «бывший в прошлом экстремистом, теперь держит руку на пульсе страны и хочет компромиссного мира». В мае Чиано добавил, что принц Отто фон Бисмарк из германского посольства в Риме распространяет слухи о том, что «Гиммлер играет свою собственную игру, вынуждая людей ворчать».

Имеющиеся у нас различные свидетельства о встречах и взаимоотношениях Лангбена с Гиммлером проливают дополнительный свет на намерения Гиммлера. Женщина, агент гестапо, ответственная за расследование связей Хаусхофера в

Англии, становится его подругой и непосредственно перед покушением на Гейдриха в мае 1942 года передает ему слухи о том, что, дескать, Гейдрих метит на место Гиммлера. Хаусхофер думает, что эта информация может оказаться полезной для завоевания доверия Гиммлера, и Лангбен передает ее рейхсфюреру, который формально благодарит его, а затем арестовывает женщину-агента за распространение ложных слухов. Также, в самом начале 1943 года, Гиммлер советует Лангбену воздержаться от какого-либо официального участия в суде над шпионом, ибо может случиться так, что он станет защищать интересы Риббентропа, а не рейхсфюрера СС.

К середине 1942 года Шелленберг ощутил, что завоевал достаточное доверие Гиммлера и может рискнуть обсудить с ним возможности проведения мирных переговоров. В то время как Геринг находился «до той или иной степени в опале», Гиммлер, по оценке Шелленберга, «был и оставался до самого конца наиболее сильным деятелем режима». Он считал, что полная победа уже невозможна, и в августе 1942 года предварительно обсуждает в Житомире с Керстеном (который, по рекомендации Гиммлера, лечил его от нервного стресса) наилучший способ представления этого дела Гиммлеру. В лице Керстена он обнаружил союзника и на следующий день испросил у Гиммлера аудиенции для обсуждения «важного и очень трудного в решении вопроса». Вскоре после завтрака, во время которого Гиммлер «превратился из холодного чиновника в обаятельного и приятного хозяина», он принял Шелленберга. Тот начал издалека, чтобы исподволь подготовить почву; сначала он упомянул о том, что мудрый подход к решению проблемы требует рассмотрения всевозможных альтернативных вариантов, а затем задал Гиммлеру прямой вопрос, не обдумывал ли он альтернативных способов завершения войны. После целой минуты молчания Гиммлер выказал удивление и негодование, но, в конце концов, начал прислушиваться к аргументам Шелленберга, который говорил о том, что правителям Германии было бы выгоднее заключить сделку в выгодной позиции, в которой они находятся в данный момент, нежели дождаться, когда Германия будет ослаблена войной и все преимущества будут утрачены. После этого он сам включился в спор:

> «В моем теперешнем положении я имею некоторые шансы оказать влияние на Гитлера. Я даже могу убедить его отстранить Риббентропа, если буду уверен в поддержке Бормана. Но мы ни при каких обстоятельствах не можем посвящать Бормана в наши

планы. Он сломает всю схему, или, что еще хуже, завернет ее так, чтобы достичь компромисса со Сталиным. А этого мы допустить не можем».

Он говорил так, будто разговаривал сам с собой, то покусывая ноготь, то крутя свой перстень со змеей — верный признак того, что он действительно сконцентрировался. Он вопросительно взглянул на меня и сказал: «Смогли бы вы начать это все прямо сейчас — так, чтобы враги не посчитали это проявлением слабости с нашей стороны?»

Я заверил, что смогу.

«Отлично. Но где гарантии, что все это не обернется против нас? Что, если это подтолкнет, западные силы на заключение блока с Востоком?»

«Напротив, рейхсфюрер», ответил я. «Если переговоры начнутся в правильном русле, это предотвратит последствия такого рода».

«Ну, хорошо», сказал Гиммлер: «как именно вы собираетесь поступить?»

Шелленберг объяснил, что эти пробные переговоры следует проводить «через политический сектор Секретной службы». Гиммлер, сказал он, должен назначить своего полномочного представителя, а сам в это время должен работать с Гитлером над устранением Риббентропа и назначением более управляемого министра иностранных дел. Затем они взглянули на карту Европы и сошлись на том, что, за некоторыми исключениями, Германия может отказаться от большей части территорий, оккупированных ею с сентября 1939 года, ради сохранения тех областей, которые по праву следует считать германскими. По словам Шелленберга, когда они расставались уже на рассвете, «Гиммлер дал мне все полномочия действовать… и дал слово чести, что к Рождеству Риббентроп будет смещен».

Однако в своих расчетах Шелленберг недостаточно учел чрезвычайную осторожность Гиммлера. Он старался как можно меньше участвовать в махинациях других лидеров и тихо сопротивлялся открытым интригам таких людей, как Геббельс. Он предпочитал, как и всегда, идти к власти тайной тропой. Тем не менее, по словам Шелленберга, он «искренне желал сформировать новое правительство Рейха, естественно, с одобрения Гитлера. Такая политика должна была гарантировать, что все ведущие посты в министерствах, промышленности, коммерции и торговле, науке и культуре… достанутся членам СС». Тем временем он с головой погрузился в работу, вникал в

мельчайшие детали, кропотливо трудился, скрывшись за громадными пирамидами папок. В результате, к концу года он отказался воспользоваться печально известным меморандумом о психической неуравновешенности Риббентропа, составленным Мартином Лютером, заместителем секретаря Министерства иностранных дел, который в прошлом был доверенным лицом Риббентропа, но, отчасти из-за интриг Шелленберга, яростно обратился против него.

Время, избранное Лютером для составления отчета, было, воистину, не слишком удачным; Гиммлером одолело свойственное ему настроение нерешительности, поскольку в какой-то момент ему показалось, что доверие Гитлера к нему ослабло. В борьбе за власть в Румынии Гитлер по совету Риббентропа решил поддерживать Антонеску, тогда как Гиммлер и Гейдрих предпочитали Хория Симу, предводителя «Железной гвардии», который, с подачи Гейдриха, организовал неудачный путч против Антонеску в январе 1941 года, в то самое время, когда Гитлер хотел укрепить отношения с Румынией перед нападением на Россию. По соглашению с Антонеску, Сима был передан в руки СД, откуда ему удалось бежать. Мюллер больше недели не осмеливался доложить Гиммлеру о побеге, а беглеца смогли поймать далеко не сразу. Риббентроп постарался убедить Гитлера, что Гиммлер знал о побеге с самого начала и пытался усугубить и без того нестабильную ситуацию в Румынии. Единственное, чего Гиммлер не мог выносить, это критики или плохого отношения со стороны Фюрера; в любом случае Гиммлеру не нравился Лютер, склонный к разглагольствованиям и фамильярности. В то время как с одной стороны стоял Вольф и предостерегал его против Лютера, с другой стороны стоял Шелленберг, с его планами смещения Риббентропа, и убеждал не принимать поспешных решений. Гиммлер, как и обычно, не спешил с выводами и, как он всегда и поступал в случае сомнений, избрал, в конце концов, линию поведения с наименьшим риском для себя. Лютер был арестован и подвергнут допросу, и репутация Риббентропа не пострадала.

Гиммлеру не хватило смелости выступить против Риббентропа. Он опасался гитлеровского обожания, в глазах которого Риббентроп уступал лишь Бисмарку, пользуясь даже большим доверием у фюрера, чем сам Гиммлер. Таким образом, тщательно подготавливаемый Шелленбергом перевес сил в свою пользу сорвался, и Гиммлер временно лишился благосклонности фюрера. В частном письме своей жене, датированном 16 январем 1943 года, Борман коротко упоминает Гиммлера, который, по его словам, «глубоко оскорблен… Он считает, что шеф к нему

несправедлив». Борман утверждает, что пытался успокоить Гиммлера, чья критика по поводу обращения с ним была «весьма горькой и порой язвительной». Он считал, что Гиммлер переживает нервный срыв. Позже Шелленберг, к своему неудовольствию, узнал, что Гиммлер хочет открыто обсудить все это с Риббентропом, что, как представлялось Шелленбергу, было «трусливым бегством от принятия решения». Тем не менее, он согласился, что в будущем любые попытки мирных переговоров должны выполняться через какую-нибудь нейтральную страну. «Я не желаю вникать во все эти подробности, — добавил он. — Это ваша обязанность». В течение этого периода Гиммлер убедил Шелленберга в необходимости поддержания контактов с Лангбеном, и не вызывает сомнений, что на каком-то этапе Шелленберг использовал Лангбена в качестве агента для связи с представителем союзников в Швейцарии. Например, в декабре Хассель записал в дневнике: «С одобрения СД Лангбен беседовал о чем-то с английским представителем в Цюрихе (12 декабря) и с американским представителем (Хоппером) в Стокгольме». Переговоры, как и всегда, ничего не дали, поскольку союзники требовали безоговорочной капитуляции Германии и полного отказа от нацистского режима.

Между тем Керстен, все еще имевший финское подданство, в конце сентября 1943 года переехал с семьей в Стокгольм, где был представлен американцу Абраму Стивенсу Хьюиту, находящемуся в Швеции в качестве чрезвычайного посла Рузвельта. Вскоре Керстен установил, что Хьюит, ставший его пациентом, разделяет мнение о том, что войну следует закончить как можно скорее путем мирных переговоров, и особенно теперь, когда угроза со стороны России столь велика. Керстен предложил обсудить этот вопрос с Гиммлером, и 24 октября послал ему письмо финской дипломатической почтой.

Керстен начал письмо словами о том, что оно содержит «предложения, которые могут оказаться чрезвычайно важными для Германии, Европы, и даже для всего мира. Я хочу предложить возможность достойного мира». Затем он перешел к описанию влияния Хьюита на американское правительство и к предложению мирных переговоров, которые Хьюит считает возможными при условии отстранения Гитлера и нацистской партии от власти и предания нацистских лидеров суду за их преступления. «Заклинаю вас, герр рейхсфюрер, не выбрасывать это письмо в корзину, — писал он, — но принять его с человечностью, свойственной сердцу Генриха Гиммлера». Он предложил послать в Стокгольм Шелленберга для встречи с Хьюитом. В каждом абзаце он взывал к гиммлеровскому

тщеславию и завершил письмо на высокой ноте: «Судьба и сама история вручают вам возможность прекратить эту ужасную войну».

Керстен также предпринимал попытки склонить финское правительство к выходу из войны, в которой, из-за борьбы с Россией, они невольно стали союзниками нацистской Германии. После недолгого пребывания в Хельсинки Керстен возвращается в Стокгольм, где терпеливо ждет ответа от Гиммлера. Шелленберг приезжает в Стокгольм 9 ноября и встречается с Хьюитом, с которым, по свидетельству Керстена, нашел общий язык[87]. Но, как и обычно, когда от Гиммлера потребовали действий, он ничего не предпринял.

Керстен встретился с Гиммлером 4 декабря в Хохвальдте, его штаб-квартире в Восточной Пруссии. Он побуждал его принять решение. «Не мучайте меня, — передает он слова Гиммлера, — дайте мне время. Я не могу избавиться от Фюрера, которому обязан всем».

Керстен употребил все свое искусство на разжигание гиммлеровского тщеславия. «Мистер Хьюит в Стокгольме ждет вашего решения, — сказал он, — «чтобы передать его Рузвельту».

Гиммлер счел условия мирных переговоров «ужасающими». Он не мог представить Германию без нацистского режима.

«Что я отвечу лидерам партии?» — сказал он.

«Вам не нужно ничего отвечать, — возразил Керстен. — Они просто перестанут существовать».

Особенно Гиммлера тревожили предложения по поводу суда над военными преступниками, поскольку он знал, что уничтожение евреев конечно же будет рассматриваться союзниками наихудшим из всех преступлений, совершенных нацистами. Это вообще не преступление, пытался убедить он Керстена, поскольку все это «диктовалось законом».

«Это Фюрер приказал уничтожить евреев во Вроцлаве в 1941 году. Приказы Фюрера имеют в Германии силу закона. Я никогда не действовал по собственной инициативе; я только выполнял приказы Фюрера. Поэтому ни я, ни СС не несут никакой ответственности».

Смещение Гитлера он считал «рытьем ямы самому себе»; роспуск немецкой армии был приглашением России или Америки к господству в Европе.

В конце он отказался принять решение, под предлогом, что слишком устал думать. Тем не менее, он признал, что войну пора кончать, но выдвинутые Хьюитом условия слишком жестки.

«Я не могу сказать, что ваши условия для меня неприемлемы, — заявил он, по словам Керстена, — за

исключением пункта о военных преступлениях».

В последующих дискуссиях 9 и 13 декабря, Керстен утверждает, что старался склонить Гиммлера к принятию решения. Он говорил, что Гитлер болен, и его решения толкают Европу к пропасти. В конце концов, Гиммлер согласился послать Шелленберга в Стокгольм, чтобы секретно переправить Хьюита в Германию для обсуждения возможных переговоров.

Но когда Шелленберг оказался наконец в Стокгольме, время, отпущенное Хьюитом для обсуждений, истекло; он вернулся в Америку. Слабый шанс на заключение мира был потерян; насколько намеренно и насколько вследствие хронической нерешительности Гиммлера, определить невозможно.

В течение 1942 года Гиммлер начинает расширять свои военные амбиции. Крушение у Сталинграда и последующие поражения в Северной Африке побудили Гитлера отменить запрет на расширение Ваффен СС. Его общие потери в России и Африке составили свыше полумиллиона человек. После повторного захвата Харькова весной Гиммлер выступил в местном университете с речью об иностранных рекрутах, которые вскоре вольются в ряды СС. В течение 1943 года формируются восемь новых дивизий, причем половина из них набирается из восточных европейцев, далеко не все из которых имели отношение к немецкой расе. К неудовольствию румынской армии, все румыны немецкого происхождения считались военнообязанными; многих из них послали для пополнения дивизий СС в тех частях Европы, где они были непопулярны. На военную службу призвали даже боснийских мусульман, и в мае Гиммлер сделал муфтия Хаджи Имама почетным генерал-лейтенантом СС. Все былые стандарты СС были отброшены и в том же месяце начался набор дивизий, составленных из антисоветски настроенных украинцев, которые были лишь частью более чем полумиллионной армии бывших подданных Советского Союза, принуждаемых немцами к службе в их собственной армии. Гиммлер, перед лицом быстрого расширения своих сил, все еще пытался сохранить расовые предрассудки, относя всех славян к низшим расам, тем не менее он приветствовал в своих рядах азиатов, ассоциируя их с Чингисханом. Другие дивизии формировались в Латвии и Эстонии. К концу войны число дивизий СС увеличилось до тридцати пяти, общим составом около полумиллиона бойцов, а учитывая потери, эту цифру следует увеличить до 900 000, из которых лишь менее половины были выходцами из самой Германии, а примерно 150 000 человек вообще не относились к германской расе[88].

Хотя восемь месяцев с января по 25 августа 1943 года, когда

вслед за низложением Муссолини и падением Италии Гиммлер становится рейхсминистром внутренних дел, представляли собой период, в течение которого он был вынужден восстанавливать доверие Гитлера, утраченное после побега Хории Сима — «немалое время», сказал Шелленберг — были месяцами, в течение которых власть Гиммлера за пределами гитлеровского двора значительно возросла. Хотя, согласно Рейтлингеру, Гиммлер не имел прямого доступа к Гитлеру, проводящему большую часть времени в «Волчьем логове» в Растенбурге, это не значит, что он с ним не общался. В то же время между ним и Борманом шла постоянная борьба за влияние на Гитлера, хотя оба они старались делать это незаметно. По словам Шелленберга, который ненавидел Бормана, — «контраст между ним и Гиммлером воистину гротескный; если Гиммлер представляется мне аистом в пруду с лилиями, то Борман скорее напоминает свинью на картофельном поле» — в общении с Борманом Гиммлер допустил множество тактических ошибок, которые впоследствии обернулись против него самого. Одной из таких ошибок был тайный заем через Бормана 80 000 марок из партийной казны на нужды своей любовницы и ее детей.

После апреля 1943 года, когда он был назначен личным секретарем Гитлера, Борман стал оказывать все большее влияние на повседневную жизнь фюрера; он сделался незаменимым собеседником, разделял с ним его заботы, успокаивал нервы, пользуясь своей «железной памятью» для прояснения Гитлеру все усложняющейся военной ситуации и направления его решений. Как сказал Гиммлер Шелленбергу:

> «Фюрер настолько привык к Борману, что уменьшить это влияние будет совсем непросто. В который раз я вынужден с ним договариваться, хотя мой долг — просто его сбросить. Надеюсь, мне удастся его переиграть, не избавляясь от него. Он виновен во многих ошибочных решениях Фюрера; в сущности, он не только подтвердил свою бескомпромиссность, но укрепил ее»[89].

Шелленбергу явно нравилось приводить своего хозяина в замешательство и в течение всего 1943 года он постоянно напоминает ему о его обещании сместить Риббентропа:

> «Из-за блеска гиммлеровских очков я почти никогда не вижу его глаза… Поэтому у меня появилась привычка смотреть ему в лоб, прямо над переносицей, и, похоже, уже через несколько минут это вызывает у него странное беспокойство. Он начинает что-то писать или

заглядывает в ящик, лишь бы избежать моего взгляда. По этому поводу… он сказал: «Я могу убрать Риббентропа только с помощью Бормана, и результатом будет еще более радикальная политика».

Геббельс, который в марте 1943 года лично беседовал с Герингом в надежде сформировать некую группу представителей старых лидеров для противодействия дурному влиянию Бормана, Риббентропа, Ламмерса и Кейтеля, считал Гиммлера, по меньшей мере, потенциальным союзником. В теории все выглядело так — Геринг, преодолев, наконец, свою усталость, должен снова собрать довоенный совет министров, президентом которого в то время был, и посредством этого составить оппозицию вместе с Геббельсом, Гиммлером, Шпеером и Леем. В мае Геббельс с гордостью записывает в дневник, что Гиммлер одобрительно отозвался о его департаменте и согласился с резкой критикой Фрика, министра внутренних дел, в котором он осудил отсутствие властности. С другой стороны, Земмлер, адъютант Геббельса, который в это же время вел собственный дневник, записал в марте, что Геббельс одинаково не доверял и Гиммлеру, и Борману — «каждый из этой тройки старался не спускать с остальных глаз».

Нельзя сказать, что Борман относился к Гиммлеру недружелюбно; просто он твердо поставил себя между фюрером и Гиммлером, чья полевая штаб-квартира в Биркенвальде, в Восточной Пруссии, находилась лишь в тридцати милях от Волчьего Логова. Для Бормана (чей отец некогда был музыкантом и, по словам Риббентропа, до 1914 года часто играл в оркестрах на английском побережье) Гиммлер всегда оставался «Дядюшкой Генрихом». Будучи партийным канцлером, управляющим всей национальной партийной машиной, Борман мог без особого труда подорвать влияние даже таких авторитетных людей, какими Геббельс и Гиммлер стали между 1943 годом и концом войны.

Гиммлер, тем временем, строит свой собственный и довольно мощный бюрократический аппарат; вдобавок к полевым войскам Ваффен СС, в службу управления СС принимаются еще около 40 000 человек, в то время как Главная служба имперской безопасности состояла примерно из 60 000 человек. Когда генерал Хайнц Гудериан, специалист по моторизованным способам ведения войны, который был вновь призван Гитлером после временной отставки и назначен генерал-инспектором танковых войск, встретился с Гиммлером 11 апреля в Берхтесгадене, он обнаружил, что тот совершенно не согласен с

любым объединением новых бронетанковых дивизий СС с армией. Ни Гитлер, ни Гиммлер не желали видеть СС, личную армию правительства, слившейся с вооруженными силами рейха. Не смог он также склонить Гиммлера к тому, чтобы повлиять на Гитлера в направлении передачи больших полномочий армии; у него «создалось впечатление такой непреодолимой уклончивости», что он отказался от самой мысли «обсуждения с ним ограничения гитлеровской власти».

Одновременно с расширением Ваффен СС, Гиммлер обращает взор в другую сторону, откуда в будущем может прийти поддержка его власти. В апреле 1943 года он впервые посещает ракетный институт в Пенемюнде и встречается с ученым и солдатом, занятым исследованиями и разработкой ракет на жидком топливе, генерал-майором Вальтером Дорнбергером. Первая экспериментальная ракета из серии, позже известной как V2, была успешно запущена еще в октябре 1942 года, и Гиммлер очень хотел поближе познакомиться с этим тщательно охраняемым секретным оружием, разработке которого Гитлер пока не дал полного приоритета[90]. Дорнбергер так описал внешность и манеры Гиммлера:

> «Он показался мне похожим на интеллигентного учителя начальной школы, определенно в нем не было ничего жестокого… Из-под средней величины бровей, сквозь блестящее пенсне, на меня изучающе смотрели серо-голубые глаза. Аккуратные усы под прямым, правильной формы носом прочерчивали темную линию на нездорово-бледном лице. Губы были бесцветными и очень тонкими. Меня удивил лишь совершенно не выступающий подбородок. Кожа на шее была дряблой и морщинистой. Когда он улыбался своей насмешливой и немного презрительной улыбкой, обнажались два ряда великолепных белых зубов. Его тонкие, бледные, почти что девичьи руки в течение всего разговора неподвижно лежали на столе».

Очень быстро Дорнбергер понял, чем интересуется Гиммлер.

«Я приехал, чтобы защитить вас от саботажа и предательства», сказал он. Пенемюнд слишком заметен; его охрана становится задачей государственной важности, а не только делом армии, под чьей юрисдикцией он формально находится. Прощаясь, Гиммлер пообещал Дорнбергеру, что еще вернется, и они продолжат обсуждение.

«Ваша работа меня чрезвычайно заинтересовала, — сказал он, — и, возможно, я смогу вам помочь».

Вмешательство СС в работы Пенемюнде началось сразу же после этой встречи. Начальник станции, полковник Зансен, опытный человек, проработавший в Пенемюнде несколько лет, был внезапно смещен без всякого извещения соответствующих армейских департаментов. Это было сделано по приказу Гиммлера под каким-то, совершенно пустяковым предлогом, который СС отказалась назвать. Дорнбергеру удалось вернуть Зансена при поддержке генерала Фромма, главнокомандующего резервной армией, под чьим командованием находился Пенемюнде. Уже после войны Дорнбергер узнал, что профессору фон Брауну, который был одним из старших ученых офицеров института, было секретно предложено руководить всеми исследованиями в Пенемюнде в случае перехода его под юрисдикцию СС. Фон Браун это предложение отклонил.

Второй визит Гиммлер нанес 29 июня; он приехал, сидя за рулем небольшого собственного бронеавтомобиля. Как и обычно, он произвел большее впечатление в личном общении, нежели на публике. Дорнбергер так описал его на встрече с ведущими исследователями:

> «Гиммлер обладал редким даром удерживать внимание слушателей. Откинувшись назад и закинув ногу за ногу, он сохранял на лице дружественное и в то же время заинтересованное выражение. Его вопросы показывали, что он безошибочно схватывал все, о чем говорили ему техники. Постепенно беседа перекинулась на войну и волнующие всех нас вопросы. Он отвечал без колебаний, спокойно и откровенно. Лишь изредка, сидя опершись локтями на подлокотники кресла, он подчеркивал свои слова, постукивая друг о друга кончиками пальцев. Жесты его были спокойны и неэмоциональны. Это был человек без нервов».

Похоже, ему нравилось говорить о политике с этими людьми, чьи интересы лежали в области науки и техники. Он говорил о Европе как о социальном и экономическом блоке, управляемом безупречной в расовом отношении Германией, которая достигла взаимопонимания с Америкой и Англией, чьи основные интересы лежат за морями. Славянский блок представляет для Европы большую опасность, и именно поэтому Гитлер был вынужден начать войну с Россией, прежде чем славянские народы объединились в непобедимую группу под российским руководством. Он сравнил западноевропейского рабочего, с его высокими требованиями к развлечениям и жизненным стандартам, с русским рабочим, который беззаветно предан

интересам производства и готов в любой момент наводнить рынок дешевыми товарами. Так что эта война не только политическая, но и экономическая. Они заспорили об оккупации Германией Польши — «Гиммлер блеснул очками. Может быть, я ошибаюсь, — писал Дорнбергер, — но мне показалась, что его непоколебимая, непроницаемая маска дружелюбия на мгновение упала». Польша нужна нам для колонизации, сказал он. Уровень рождаемости поляков должен снижаться до тех пор, пока количество немецких поселенцев не станет достаточным для занятия территории. «Мы позволим молодым немецким крестьянам жениться на породистых украинских девушках и получим здоровое поколение, приспособленное к жизни в тех условиях… На всей захваченной территории мы должны применять жесткое государственное планирование и людских ресурсов, и материальных», — добавил он. Дорнбергер с коллегами сидел и очарованный и возмущенный манерой, в которой Гиммлер представлял свою политику, о которой он высказывался «доходчиво, просто и естественно». «Меня потрясла та обыденность, с которой он это все преподносил. Но все же, несмотря на это, я восхищался даром Гиммлера излагать сложные проблемы в двух словах, которые были понятны любому и описывали самую суть дела».

Затем Гиммлер выразил восхищение Сталиным, которого, по его словам, Гитлер считает единственным серьезным противником, и Чингисханом, который в свое время попытался объединить всех азиатских монголов и чья кровь до сих пор течет в жилах современного правителя России. Победить их можно только понятными им методами — методами Чингисхана.

Они беседовали до четырех часов утра. Гиммлер прекрасно представлял, с кем имеет дело, и понимал, что лучше всего апеллировать к их интеллекту. Это была победа, одержанная словами.

На следующий день Гиммлер наблюдал успешный запуск ракеты V2 и уехал с твердым убеждением отбить Пенемюнде у армии.

Тем временем, в августе 1943 года, Лангбен согласился доставить руководителя одной из секций германского Сопротивления для встречи с Гиммлером. Это был доктор Йоханнес Попиц, ученый и интеллектуал, принадлежащий кругу Хасселя, человек, о котором менее чем через месяц Геббельс записал свои серьезные подозрения. «Гитлер, — писал Геббельс в своем дневнике, — совершенно уверен, что Попиц — наш враг. Он уже следит за ним, чтобы иметь, если понадобится, компрометирующие материалы; как только Попиц себя выдаст,

ловушка захлопнется».

Прослеживая запутанные взаимоотношения Гиммлера, Лангбена и Попица, невозможно с достоверностью установить движущие мотивы Гиммлера, хотя, конечно, мы довольно легко можем предположить, каковы они были. Шелленберг, которого, как мы уже видели, Гиммлер проинструктировал пропустить через Лангбена искателей мира с союзниками, в своих опубликованных мемуарах о Попице не упоминает. Хотя Хассель всегда сомневался насчет полезности Гиммлера в любом заговоре против Гитлера, был период, когда Попицу, как члену аристократического круга конспираторов Хасселя, удалось убедить их, что следует рискнуть и заручиться благосклонностью Гиммлера. К этому его склонял его друг Лангбен.

Не следует забывать, что к 1943 году подполье пришло в сильное замешательство; все попытки привлечь на свою сторону армию и генералов оказались безуспешными. С 1941 года беспорядочно дискутировалась идея имитации «дворцового переворота», причем сначала переворот предполагалось делать, опираясь на Геринга, а впоследствии на Гиммлера, причем оба на последнем этапе могут быть отстранены от власти, после того, как выполнят ожидаемую от них функцию — сместят Гитлера.

Наиболее естественным образом Попица мог представить Гиммлеру Лангбен. Согласно уликам, фигурировавшим в обвинительном акте на суде над ними в 1944 году, они впервые встретились зимой 1941/1942 г., вскоре после вступление Лангбена в окружение Хасселя. Попиц — еще одна любопытная фигура, истинное положение которой трудно определить; он был членом нацистской партии и с 1933 года и до самого ареста в 1944 году оставался министром финансов Пруссии, подчиняясь Герингу. Он был другом Шлейхера, и, вероятно, именно после убийства Шлейхера нацистами в 1934 году в нем зародились сомнения, сделавшие его впоследствии одним из наиболее ревностных членов Сопротивления. Тот факт, что в прошлом он поддерживал нацистов и уже достаточно поздно, в 1939 году, принял золотой знак партии от самого Гитлера, вызывал подозрения у многих членов Сопротивления. К тому же в политике он придерживался крайне правых взглядов и был сторонником возрождения монархии. Однако Хассель доверял ему как другу и сподвижнику, и в мае 1943 года было решено, что Лангбен должен попытаться устроить встречу Попица с Гиммлером при содействии Вольфа. Летом, из-за болезни Вольфа, вышла некоторая задержка, но, в конце концов, встреча состоялась в новом кабинете Гиммлера в Министерстве внутренних дел 26 августа 1943 года.

Ни Вольф, ни Лангбен не присутствовали на этом интервью, о котором сохранилось два отчета. Первый из них фигурировал в обвинительном акте Лангбена и Попица и, следовательно, был сильно искажен с целью сокрытия роли, сыгранной в этом деле Гиммлером; в нем приведено лишь весьма туманное заявление Попица, и ни слова нет о том, что мог сказать Гиммлер. Попиц, согласно обвинительному акту, выразил озабоченность царящей в высших кругах коррупцией, эффективностью управления и невозможностью выиграть войну, пока Гитлер, хотя, конечно, и гений, сохраняет абсолютную власть. Следовало воспользоваться шансом проведения мирных переговоров, но это было невозможно до тех пор, пока фюрер не будет «окружен людьми, с которыми можно будет вступить в переговоры». Такие условия определенно исключали бы Риббентропа. Затем Попиц описал, какого рода люди виделись ему во главе армии и Министерства иностранных дел. Было решено позже провести еще одну беседу. Тем временем в приемной Лангбен высказал Вольфу свои опасения о том, что Попицу в одиночку не удастся уговорить Гиммлера, и сказал, что в следующий раз он хочет присутствовать сам. Второй сохранившийся документ об этой встрече — это отчет, который несколько дней спустя дал сам Попиц своему другу по имени Захлер. Гиммлер почти все время молчал, сказал он Захлеру, но и не возразил предложению провести мирные переговоры без ведома Гитлера[91].

Вслед за этим Лангбен уехал в Швейцарию, чтобы передать хорошую новость своим связным на нейтральной территории. И именно в этот момент осторожного оптимизма дамоклов меч, занесенный над каждым подпольщиком, замышлявшим против Гитлера, обрушился на шею Лангбена. Шелленберг описал это так: «Была перехвачена радиограмма о переговорах доктора Лангбена с представителями союзников в Швейцарии, в которой упоминался тот факт, что доктор Ленгбен получил мое одобрение на это совершенно неофициальное предприятие, а также роль Керстена в развитии этих переговоров. Кальтенбруннер и Мюллер немедленно начали секретное расследование, и лишь влияние Керстена на Гиммлера спасло меня от катастрофы».

Перехват этой радиограммы (которая, согласно Даллесу, не была ни английской, ни американской) привел к тому, что Гиммлер и Шелленберг были вынуждены принести Лангбена в жертву, хотя Попиц, что достаточно странно, оставался на свободе вплоть до покушения на жизнь Гитлера в следующем году. Однако, судя по всему, до ареста после возвращения из Швейцарии Лангбену удалось еще раз встретиться с Гиммлером. Свидетельство об этой встрече, которая должна была состояться

до того, как Шелленберг с Гиммлером узнали о перехвате радиограммы, исходит лишь от самого Лангбена, который рассказал своей подруге, скульптору Пуппи Сарре, «что он лишь вскользь упомянул устранение Гитлера, что Гиммлер был совершенно серьезен, задал несколько вопросов по существу, но не пытался выяснить каких-либо имен». Теперь Гиммлеру ничего не оставалось, как защищать себя и Шелленберга, которого Кальтенбруннеру с Мюллером не терпелось объявить английским агентом. Лангбен был арестован вместе с женой и Пуппи Сарре.

Гиммлер, однако, победил и в другом. Это было окончательное падение в начале 1944 года военной разведки Канариса — *абвера.* Оно было прямым следствием ареста еще одной антинацистской группы, сложившейся вокруг вдовы доктора Вильгельма Зольфа, бывшего посла Германии в Токио, человека либеральных взглядов. Зольф, ненавидящий нацистов и не боявшийся об этом говорить, умер в 1936 году, и его жена, фрау Ханна Зольф, и его дочь, графиня Баллестрем, унаследовали его независимые взгляды и активно помогали жертвам режима. Они сформировали интеллектуальный круг выдающихся людей, но 10 сентября на чайной вечеринке, которую фрау Зольф давала для членов своей группы, им был представлен агент гестапо по имени доктор Рексе, которого они считали шведским студентом-медиком, готовым доставлять послания в Швейцарию. Через три месяца начались массовые аресты, в результате которых было арестовано более семидесяти антинацистов, принадлежащих либеральному крылу Сопротивления, в том числе родосский ученый Отто Кип, бывший немецкий дипломат, и Хельмут фон Мольтке, работавший в открытом отделе абвера. Были также предприняты попытки выманить из Стамбула еще двух агентов абвера, Эриха и Элизабет Вермерен, которые были близкими друзьями Кипа в Берлине. Но, зная об аресте Отто Кипа, они попросили убежища у Англии и были переправлены в Каир[92].

Теперь Гиммлер настоятельно советовал Гитлеру избавиться от абвера, поскольку туда постоянно набирали интеллектуалов, выступающих затем против режима. 18 февраля Гитлер расформировывает эту организацию и заявляет о том, что немецкую разведку следует объединить. Позже в этом же году различные подразделения абвера были переданы гестапо и СД, и в мае, в Зальцбурге, Гиммлер выступил с одной из своих стандартных речей перед высшими руководителями бывшего департамента Канариса. Он высмеял сам термин *абвер*[93] как оборонительный, в то время как истинная немецкая разведка, сказал он, очевидно должна быть агрессивной. Вдохновение фюрера полностью исключало пораженчество; но Гиммлер зашел

так далеко, что даже одобрил идею нападения на Германию, поскольку это дало бы возможность гитлеровским армиям утопить нападающих «в море их собственной крови». День «Д» настал две недели спустя.

Канарис не был разжалован сразу же после падения абвера. Он был переведен и сделан начальником Управления военной коммерции и экономики — весьма удобная незначительная должность для человека, оказавшегося настолько вовлеченным в интриги, что в равной степени он мог быть хозяином и нацистских шпионов, и агентов Сопротивления. Абвер себя не оправдал и комплектовался дилетантами, использовавшимися в качестве удобного прикрытия некоторыми членами Сопротивления, такими как пасторы Дитрих Бонхеффер и Бетге, Ханс Бернд Гизевиус, Отто Йон и Йозеф Мюллер. «Подчиненные с легкостью могли обвести его вокруг пальца», писал Шелленберг о Кана-рисе, чья компания ему всегда нравилась, несмотря на их сомнительные официальные взаимоотношения. К тому времени, когда Гиммлер должен быть принять решение об уничтожении человека, которым привык восхищаться, против Канариса было собрано обширное досье. Долгое бездействие навело Шелленберга, этого эксперта подозрительности, на мысль, что у Канариса могут быть какие-то секретные материалы против Гиммлера. В результате Канарис оставался на свободе вплоть до июльского покушения на жизнь Гитлера, после чего Шелленберга послали его арестовать.

Лангбен оставался в тюрьме без суда вплоть до покушения на Гитлера в следующем году; его именем спекулировали в равной степени и нацисты, и члены Сопротивления. Все попытки Попица узнать что-либо о его судьбе от Гиммлера потерпели неудачу, да и сам Попиц вызывал подозрение у многих членов Сопротивления, которые считали его опасным уже хотя бы потому, что за ним велась пристальная слежка. Месяц за месяцем тянулись допросы, старательно протоколируемые Хасселем, но в интересах Гиммлера было запутать следствие насколько возможно. По крайней мере, на этом этапе Лангбена не пытали, а это могло быть возможным лишь по приказу Гиммлера.

В начале ноября 1943 года состоялась продолжительная беседа Гиммлера с Геббельсом, в ходе которой они пришли к выводу, что негибкая внешняя политика Риббентропа имеет весьма плачевные последствия, и затем, как обычно, едко покритиковали верховное командование. После этого Гиммлер начал обелять свою собственную позицию по отношению к Сопротивлению; он рассказал Геббельсу о существовании группы врагов государства, в число которых входит Хальдер и, возможно,

также Попиц. Эти круги, сказал он, собираются начать переговоры с Англией, минуя Фюрера. Похоже, Гиммлеру неплохо удалось себя оправдать: «Гиммлер считает, что эти господа не особенно опасны из-за их трусливого пораженчества, — писал Геббельс. — Я твердо убежден, что внутренняя безопасность находится в надежных руках, пока этим ведает Гиммлер».

*[94]

VI
Чудотворные руки [95]

Удивительные взаимоотношения Керстена с Гиммлером продолжались шесть лет, и фактически никто кроме Керстена не пользовался таким сильным влиянием на Гиммлера после смерти Гейдриха. Даже самый сильный человек, оказавшись на ответственном посту, обычно нуждается в советниках, ожидая от них подтверждения каждого сложившегося у него мнения. Некоторые люди, обретя власть, нуждаются в том, чтобы кто-то, кого они уважают, постоянно находился рядом и играл роль исповедника, помогающего очищать совесть, когда их собственная жестокость толкает их на действия, в которых они сомневаются или которых даже стыдятся.

Как мы уже видели, Керстену против своей воли пришлось стать не только исповедником Гиммлера, но и его массажистом. Вряд ли кто-то мог бы предвидеть, что между ними возникнут такие отношения. Биограф Керстена Йозеф Кессель описал его как «тактичного, с добрыми глазами и чувственным ртом человека, не чуждого наслаждениям». Именно в этой мягкости и скрывалась его великая сила: страдающим от боли пациентам он представлялся ангелом, посланным, чтобы облегчить их муки. Их благодарность была безграничной и увеличивалась по мере того, как лечение приносило плоды. Пациенты обожествляли Керстена, относились к нему как к святому, осыпая подарками и даря свою благосклонность.

Внезапно избавленный от боли пациент часто обращается к исцелившему его человеку с желанием излить душу. Следующее за сеансом состояние расслабления действует как катализатор исповеди. Керстен, хоть и был тактичен, казался Гиммлеру спасителем, незаменимым волшебником, которому он доверял и которого, в итоге, по-своему полюбил. Именно Керстен позволил Гиммлеру взвалить на себя тот невероятный груз, который, в конце концов, оказался ему не по силам.

Керстен сам очень точно описал эту ситуацию:

> «В наши дни все, кто занимает ответственное положение, — в политике, в управлении, в промышленности или в любой другой сфере общественной жизни, — постоянно подвергается физическому и психическому стрессу, который не только непривычен, но, я бы даже сказал, неестественен. В

> результате наблюдается чудовищный рост болезней среди этих классов: даже изобрели специальный термин «профессиональное заболевание»… Тем не менее, многолетняя практика убеждает меня, что регулярная терапия способна поддержать здоровье и счастье в людях, вынужденных столь жестоко покушаться на собственное физическое и психическое состояние, и привести их возможности в соответствие с теми тяжелыми задачами, с которыми они постоянно вынуждены сталкиваться. Я всегда искренне желаю быть наготове и постоянно помогать и облегчать их страдания»[96].

Хотя Керстен, используя свое влияние на Гиммлера, спас тысячи жизней, служба предводителю СС и гестапо в худшие годы его преступной карьеры вызывала споры о нем и во время, и после войны. Керстен начал лечить Гиммлера не по своей воле; он, подобно многим, тревожился при одной лишь мысли о встрече с ним. Но потребность Гиммлера в лечении, в конце концов, победила антипатию Керстена, и почти в то же время он ощутил потребность Гиммлера в исповеднике. Как только он избавлял Гиммлера от боли, тот начинал изливать ему душу. Ему был нужен некто, с кем можно было бы поговорить. Кто был бы лучше этого финна из Голландии, который смотрел на него со спокойной уверенной улыбкой и выглядел мудрецом — «великим Буддой», как один раз назвал его сам Гиммлер? Рейхсфюрер очень стеснялся своей болезни, и тот факт, что лишь некоторые самые приближенные сотрудники знали о его страданиях, сразу же поставил Керстена в привилегированное положение.

Керстен записывал все, что происходило между ним и Гиммлером, а также свои разговоры с другими лидерами СС. Его основными союзниками были Брандт, секретарь Гитлера, и позже Вальтер Шелленберг. Читая мемуары Керстена, мы очень близко подходим к пониманию Гиммлера как человека и к оценке тех необычных взглядов, которые развились у него вследствие его образованности. Он обсуждал с Керстеном все, о чем думал. Если позволяло время, Гиммлер много читал, хотя, подобно Гитлеру, использовал книги лишь для подтверждения и развития своих предрассудков. Чтение не расширяло, а, скорее, сужало его кругозор. Он мнил себя учителем и реформатором, рожденным изменить мир.

Изучение его любимых разделов медицины было предметом постоянных обсуждений с Керстеном. Он был противником традиционных лекарств, производимых ради получения прибыли.

Он верил в травы — порождение самой природы, и очень долго и серьезно изучал средневековое траволечение. Керстена, конечно, впечатляли его знания, но, далеко, не его выводы. Гиммлер воображал себя медицинским консультантом, и всегда был готов прописать какое-нибудь естественное средство, например, мог посоветовать приложить ко лбу мокрую холодную примочку от головной боли. Керстен не отрицал определенных медицинских познаний Гиммлера, но планируемые им послевоенные реформы, если бы им суждено было воплотиться, пошатнули бы устои медицины. Он намеревался завербовать в СС врачей, исповедующих гомеопатические методы, чтобы они образовали ударную группу, которая вынудила бы остальных медиков признать их правоту, в то время как немецкий народ занимался бы выращиванием собственных лекарств на собственных огородах. В то же время он, насколько ему это удавалось, экспериментировал с диетами и оздоровлением в СС и в движении *Лебенсборн.*

Для Гиммлера было вполне естественным смотреть на будущее общества с точки зрения людей избранной крови. Он считал, что самые здоровые, умные и трудолюбивые происходят от земли, и намеревался основать обширную европейскую систему государственного фермерства, которая обеспечила бы необходимую среду для аристократии будущего. Предполагалось, что политики, чиновники, ученые и производственники, все, помимо основной городской профессии, должны поддерживать тесный контакт с землей. «Их дети, — сказал он, — пойдут в деревню, как конь на пастбище». Керстен пытался возразить, сказав, что сельское хозяйство будет подорвано неумением этих дилетантов — фермеров выходного дня. Но Гиммлер надеялся решить эту проблему с помощью профессиональных управляющих, которые, в конечном итоге, будут отвечать за производительность фермы. Что же касается промышленных рабочих, им государство выделит участки, где они будут копать и процветать, а все солдаты автоматически получат статус крестьян. СС обо всем позаботится, сказал он. «Населенные вооруженными крестьянами деревни будут основными поселениями на Востоке, фундаментом европейской крепостной стены».

Политические представления Гиммлера фокусировались на прошлом. Были они чрезвычайно просты и не учитывали естественного прироста множества совершенно разных людей, которые, в результате столетних войн и политических уступок, пришли к современному разделению Европы. В Европе, считал он, должны доминировать либо германские расы, либо славяне;

таковы были его твердые воззрения. Союз англичан с чуждыми им славянами против своих же расовых братьев казался ему совершенно неразумным. Как сказал он Керстену:

> «Наши методы не так уж оригинальны. Все великие нации в борьбе за власть, подобно нам, в той или иной степени применяли силу и объявляли войны; французы, испанцы, итальянцы, поляки, и в большой степени англичане и американцы тоже. Много веков назад Карл Великий на примере саксонов и франков продемонстрировал, как можно переселить целые народы, англичане проделали то же самое с ирландцами, испанцы — с маврами; да и столкновение американцев с индейцами закончилось эвакуацией целой расы… Но в одном мы определенно оригинальны: наши меры являются выражением идеи, а не поиском личных преимуществ или удовлетворением амбиций: мы лишь хотим воплотить социальные идеалы и объединить Запад на германской основе. Мы постараемся прояснить эту ситуацию, во что бы то ни стало. Быть может, только через три поколения Запад примет этот новый порядок, для которого и были созданы Ваффен СС»[97].

Если бы нацистская Германия выиграла войну, то именно такой порядок постарался бы установить в Европе Гиммлер, унаследуй он власть от Гитлера; в его помыслах Германия должна была создать большую экономическую конфедерацию европейских и североафриканских государств, ведомых Германией и втрое превышающую по численности населения и мощи Соединенные Штаты. Керстен тщательно записывал высказывания Гиммлера:

> «Европейская империя образует конфедерацию свободных государств, в число которых войдут Великая Германия, Венгрия, Югославия, Словакия, Голландия, Бельгия, Валлония, Люксембург, Норвегия, Дания, Эстония, Латвия, Литва. Эти страны будут самоуправляемыми. У них будет общая европейская валюта, общее управление в некоторых отраслях, в том числе в полиции, внешней политике и армии, в которой различные нации будут представлены национальными формированиями. Торговые взаимоотношения будут регулироваться специальными соглашениями, и в этой сфере будет главенствовать Германия как наиболее сильная в экономическом отношении страна, способная

содействовать развитию слабых. Появятся также свободные города, исполняющие свои особые функции, и среди них представление национальной культуры…

После полного искоренения большевизма в России западные территории перейдут под управление Германии по подобию графств, учрежденных Карлом Великим на востоке своей империи; последующие методы будут напоминать те, которые применяла Англия для развития ее колоний в доминионы. Когда мир и экономическое процветание полностью восстановятся, эти территории будут возвращены русскому народу, который будет пользоваться там полной свободой, и тогда мы заключим с новым правительством двадцатипятилетний договор о мире и экономическом сотрудничестве»[98].

Громадную территорию России предстояло разделить и отдать под административный контроль Германии, Англии и Соединенных Штатов после того, как эти нации заключат соглашение с Гитлером. Германия будет управлять территорией, простирающейся до реки Обь, тогда как англичанам достанутся земли от Оби до Лены. Американцы займут область к востоку от Лены, включая Камчатку и Охотское море. Как сказал Керстену Гиммлер в самом начале войны, Германия не собирается ослаблять имперскую мощь Англии. Напротив, Англия будет одним их краеугольных камней новой Германской Европы. Британский флот будет охранять Европу с моря, тогда как немецкие армии будут защищать ее со стороны суши. Теории Гиммлера, базировавшиеся в основном на прошлом, с трудом определяли будущее Америки. Керстен описал это так: «Американский образ мышления был настолько ему чужд, что он до сих пор даже не начал его понимать».

Как только Европа стабилизируется и займет положение политического, экономического и культурного центра мира, управляемого земельной аристократией и охраняемого вооруженными крестьянами, начнется распространение чистой немецкой породы путем интенсивной селекции. Семена этого славного германского мира уже посеяны в нынешнем кодексе СС о браке и воспроизводстве населения и в концепциях движения *Лебенсборн.* «Я смотрю на СС, как на посаженное мною дерево, — сказал Гиммлер Керстену, — корни которого способны противостоять любому урагану». Такая элита должна быть установлена в каждой нации, способной производить чистокровную нордическую расу, там, где она не существует, ее

следует обеспечить, создавая поселения нордических эмигрантов.

Одновременно с мужчинами будут развиваться и женщины нордического типа, «Избранные», как называл их Гиммлер, «сильные, целеустремленные женщины». Лучшие из них будут обучаться в Женских Академиях Мудрости и Искусства и будут представлять немецкую женственность во всех уголках планеты. Истинно нордическая женщина должна быть готова к браку с указанным ей мужчиной для обеспечения идеального прироста человеческой расы. Гиммлер утверждал, «что людей можно разводить так же, как и животных, и что можно создать человеческую расу, обладающую высочайшими духовными, интеллектуальными и физическими качествами». Когда он видел белокурых детей, сказал Керстен, «он буквально бледнел от волнения».

В то время как лучшие люди Германии погибали на фронте, Гитлер с Гиммлером пришли к выводу, что после войны следует изменить законы о браке и узаконить двоебрачие. Столь жестоко унесенные войной жизни должны быть пополнены любой ценой.

«Лично я считаю, — сказал Гиммлер Керстену в мае 1943 года, — что отказ от моногамии будет для нас вполне естественным. Брак в его современно виде — это сатанинское изобретение католической церкви; законы о браке по сути своей аморальны… В условиях двоебрачия каждая жена будет выступать стимулом для другой, и обе будут стремиться стать женщиной мечты для своего мужа — исчезнет неряшливость, исчезнет беспорядок. Они будут стремиться к идеалам красоты, проповедуемым искусством и кино».

Открытые и счастливые отношения Гиммлера с Хедвиг, которая к моменту этого разговора с Керстеном уже родила ему одного ребенка и была беременна вторым, несомненно, подталкивали его к одобрению двоебрачия как с личной точки зрения, так и в политическом плане. Он очень любил пофантазировать на тему полигамной семьи:

> «Тот факт, что мужчина вынужден проводить все свое время с одной женой, сначала толкает его к обману, а затем делает лицемером, когда он пытается этот обман скрыть. В результате между родителями возникает безразличие. Они начинают избегать друг друга и, в конце концов, перестают производить детей. Именно поэтому миллионы детей остались не рожденными, детей, в которых так нуждается государство. С другой стороны, муж никогда не осмелится завести детей со своей любовницей, и даже не потому, что он не хочет, а

просто из-за того, что это запрещено моралью средних классов. В результате в проигрыше снова оказывается государство, потому что оно не получает детей и от этой второй женщины»[99].

Он яростно обрушился на тот факт, что незаконнорожденные дети не наследуют полных прав, а также на общественное осуждение матерей-одиночек, которое казалось ему недопустимым:

> «В этой ситуации мужчину не допускают к собственному ребенку. Если же он захочет этого ребенка усыновить, то и это противозаконно, если он уже имеет собственных детей или хотя бы возможность их завести. Другими словами, закон полностью противоречит нашей насущной потребности — детей, и еще больше детей. Нужно проявить смелость и поступить мудро в этом вопросе, даже если это вызовет дальнейшее противодействие Церкви — чуть больше, или чуть меньше, какая разница»[100].

Его глубокое отвращение к гомосексуализму среди членов СС неизбежно приводило к тому, что нарушители традиционной морали оказывались в концентрационных лагерях. Гомосексуализм полезен лишь в деградирующем обществе, где прирост населения не поощряется. Нордический гомосексуалист — «предатель собственного народа», и он и слышать не хотел разговоров о том, что гомосексуалистов, способных вернуться к нормальной ориентации, следует лечить в психиатрических лечебницах. Особо неприятным был случай, когда в 1940 году выяснилось, что один из преданных офицеров прикрывал группу гомосексуальной элиты внутри СС; Гиммлер пришел в ужас и поручил Керстену допросить этого человека и представить об этом отчет.

Неприязнь Гиммлера к христианству и, особенно, к католической церкви, привела его к созданию своей собственной формы познания других религий. Это тоже отбрасывало его в прошлое. Время от времени он любил пообщаться с немецкими учеными и поспорить с ними о своих идеях. Ему нравились дискуссии и дружеские возражения, и он не был настолько нетерпимым, чтобы запрещать своей дочери Гудрун произносить перед обедом христианскую молитву. Он рылся в священных книгах иных верований в поисках поддержки собственных идей. Он изучал *Бхагавадгиту* (которая, по словам Керстена, вызвала его особое восхищение «замечательными арийскими качествами»)

и индуистские и буддистские книги, не говоря уж о его широко известном интересе к астрологии.

Когда Керстен, который сам интересовался сравнительной теологией, спросил его летом 1942 года, имеет ли он вообще какие-нибудь религиозные верования, Гиммлер был возмущен уже тем, что Керстен вообще осмелился в этом усомниться. Ведь из одного лишь здравого смысла следует:

> «что за природой и удивительным устройством мира людей, животных и растений стоит некое высшее существо — называйте его Богом или Провидением, или как хотите. Если мы откажемся это признать, то будем ничуть не лучше марксистов… Я настаиваю на том, что члены СС должны верить в Бога. Я не собираюсь окружать себя людьми, не верящими ни в какое высшее Существо или Провидение, или как бы вы его там ни называли».

Он мечтал, по его собственным словам, стать министром по делам религий и «и посвятить себя лишь добрым свершениям… Конечно, куда приятнее возиться в клумбе, нежели копаться в политической грязи, но и цветы не выживут, если пренебречь политикой». Он называл гестапо «национальной уборщицей», очищающей государство. Тем временем он брал с собой в постель *Бхагавадгиту,* ему очень нравилось ее читать: «Здесь утверждается, что когда люди потеряют уважение к законам и правде и мир окунется в несправедливость, я буду рожден заново». Это, сказал он, «написано как будто специально про Фюрера… Это предопределено *Кармой* Германского мира, чтоб он объявил войну Востоку и спас немецкий народ». Часто он рисовал в своем воображении куда более цветастые и сентиментальные картины, в которых Гитлер представлялся ему в виде печально известной открытки, где он изображался святым в доспехах, с головой, окруженной нимбом, вызывая ассоциации с легендарными Рыцарями Круглого Стола и историей Парсифаля. Сам же Гиммлер с гордостью отождествлял себя с образом Генриха Птицелова, по которому пытался себя моделировать. И все же, несмотря на враждебное отношение к католической церкви, он пришел к выводу, что в будущем система выбора фюреров будет строиться по принципам, используемым при выборах Римского папы»[101].

Керстен старательно изучал характер Гиммлера, намереваясь управлять им, насколько это возможно, и все чаще начал касаться в дискуссиях еврейского вопроса. Гиммлер был готов обсуждать этот предмет, как и любой другой, с явной рациональностью,

которая очень быстро становилась иррациональной. Подобно тому, как рост масонства противен здоровой нации, поскольку представляет мощное секретное общество, преследующее собственные интересы и стремящееся распространить свою власть и влияние по всей стране, так и развитие сильных еврейских интересов в Германии казалось Гиммлеру раковой опухолью, опутавшей своей паразитической сетью всю национальную экономику. Этой концепцией злобного Еврея, высасывающего жизненные соки из немецкой нации, был одержим и сам Гиммлер, и многие наиболее фанатичные нацисты. Никакие аргументы Керстена, которые Гиммлер был готов выслушать, ни на йоту не отодвинули его от этой иррациональной одержимости. Он не мог смириться с тем, что считал проникновением евреев в немецкую экономику и культуру со своими расовыми и политическими целями. Эти две расы, два мира, никогда не должны смешиваться; их нужно разделить насильно, пока не обнаружились непоправимые последствия.

Именно эта одержимость в сочетании с его академическим стремлением к «точности» оттолкнула Гиммлера от идеи изгнания евреев с немецких территорий и склонила его к полному их уничтожению через геноцид.

Гиммлер был жесток не по натуре, а по убеждению. Хотя, подобно Керстену, он принимал участие в охоте, считая ее исконно мужским спортом, он был плохим стрелком и никогда не понимал пристрастия Керстена к оленьим засадам. «Как вам может нравиться, герр Керстен, — спросил Гиммлер, — стрельба из укрытия по бедным животным, мирно пасущимся на опушке леса?.. Ведь это просто убийство».

Тем не менее, он занимался охотой, поскольку она была традиционным немецким спортом и поскольку не следовало «нарушать условий игры». Но он не одобрял показных спортсменов, вроде Геринга, превратившего охоту в некий эгоистичный культ. Он был убежден, что в детях следует воспитывать любовь к животным, чтобы они не убивали их ради одного лишь удовольствия.

К уничтожению человеческих существ, которые сами по себе более разрушительны, нежели животные, Гиммлера, в сущности, толкнули насильно, и он взялся за эту страшную работу, поскольку считал ее единственным и, к тому же, «окончательным» решением проблемы сохранения расовой чистоты Германии, которая всегда оставалась его глубоко укоренившимся идеалом. Вера в поддержание расовой чистоты в современном мире, если довести ее до логического конца, приведет либо к полной изоляции, либо к геноциду. В условиях тотальной войны Гиммлер

принял геноцид как единственное решение. Примитивная ненависть и страх, лежащие в основе этой абсолютной идеи, принудили Гиммлера, который по природе не был ни примитивным, ни страстным, взять это страшное преступление массового убийства на свою совесть.

Керстен узнал причину волнений своего пациента уже в ноябре 1941 года: «После долгих уговоров… он признался, что планируется уничтожение евреев».

Это признание взвалило ответственность и на самого Керстена, к чему он был совершенно не готов. До этого ему удалось уговорить Гиммлера выпустить из заключения нескольких человек в качестве личного одолжения. Проблема же, вставшая перед ним теперь, представляла собой преступление такого масштаба, что он даже не знал, как к ней подступиться; голые факты, непроизвольно открытые ему Гиммлером, сразу же вызвали в нем бурю протеста:

> «Наполненный ужасом, я горячо уговаривал Гиммлера отказаться от этой идеи и от стоящего за ней плана. Страдание не может выступать средством достижения цели. На что Гиммлер ответил, что прекрасно понимает, какие страдания принесет это евреям. Но что в свое время сделали американцы? Они самым отвратительным образом уничтожили индейцев, которые просто хотели жить на своей земле. «Проклятие величия в том, что для создания новой жизни оно должно переступить через трупы. И все же, мы должны построить новую жизнь, мы должны расчистить почву, или она никогда не принесет плодов. Я должен взвалить на себя этот груз, сколь бы ни был он тяжел»»[102].

Гиммлер говорил о еврейской концепции «искупления» и о еврейской пословице «око за око и зуб за зуб». Разве не погубили евреи миллионы жизней, возводя свою империю?

Гиммлер не пожалел времени на то, чтобы подогнать необходимость геноцида под собственный моральный кодекс. Он делал это медленно и болезненно. Как сказал он Керстену: «Это старый трагический конфликт между волей и долгом. Наконец-то я понял, сколь ужасным может он быть… Уничтожение людей — это не по-немецки. Вы можете требовать от меня чего угодно, даже жалости. Но вы не можете требовать защиты организованного нигилизма. Это было бы самоубийством».

Наблюдая, как Гиммлер впитывает необходимость этого преступления все глубже и глубже, Керстен готовится использовать свое возрастающее влияние на рейхсфюрера СС,

чтобы не дать его совести окончательно успокоиться. Он знал, что* это единственное оружие, которым можно бороться против этого человека, чья мягкая, но упрямая натура была ему слишком хорошо знакома. Всеми доступными средствами стремился он сохранить податливость своего пациента. Но в следующие два года инерция войны оказалось сильнее его; ему удалось вырвать из гиммлеровских лагерей несколько узников, но не всю нацию. И лишь в 1944 году, когда перспектива поражения Германии стала для Гиммлера очевидной, борьба Керстена за освобождение не отдельных, а множества заключенных стала приносить плоды.

Точность понимания им Гиммлера была, следовательно, очень важна для окончательного успеха. Поверхностное суждение, распространяемое о себе Гиммлером, что он якобы подобен учителю, поставленному не на свое место в политической системе, могло быть справедливым лишь в том случае, если концепция учителя сводилась не к понятию «преподаватель», к понятию «инструктор». Гиммлер был прирожденным инструктором, понятным и, в пределах наложенных им на себя ограничений, хорошо информированным. Но, несмотря на свои многочисленные и широкие интересы он был лишь информированным, но не образованным человеком. Как заметил Керстен, он всегда пользовался своими знаниями, чтобы произвести какую-нибудь застывшую доктрину, о которой любил читать лекции, где только мог. И все же Керстен отмечал, что он «во время этих лекций вовсе не старался подавить аудиторию, а, напротив, вел себя вполне дружелюбно и не без юмора». На самом деле он даже побуждал подчиненных высказывать собственное мнение и уважительно с ними спорил, подобно тому, как директор школы, чье мнение непоколебимо, может вступить в дискуссию с шестиклассниками, дабы найти хороший предлог высказать собственное мнение.

Тем не менее, в основе своей характер Гиммлера был совершенно серьезен, причем в самом узком смысле этого слова. Подобно многим людям он научился компенсировать слабости своего характера, взращивая навязчивые идеи, которыми можно защититься от угрызений совести и протестов рассудка. Он использовал предубеждения для облегчения своей непосильной ноши; если ему нужно было оправдать проявленную к заключенному доброту, он просил принести фотографию и давал волю милосердию, если тот оказывался блондином или имел нордическую внешность. Он не выносил своей собственной болезненности и физической слабости, и все же постоянно поддавался ей, скрываясь в Хохенлихене, куда, в конце концов, удалился для восстановления здоровья после простуды. Керстен

быстро обучился правильному подходу к душе Гиммлера, и ему часто удавалось добиться признаний, которые казались просто невозможными. Гиммлеру по природе не было присуще то грубое варварство, которым восхищался его разум и которое он превозносил в печально известных речах, произносимых им для поддержания имиджа рейхсфюрера СС. По происхождению и воспитанию он был предельно честен, трудолюбив и обладал чувством общественного долга, которое следовало бы ожидать у немецкого учителя, солдата или государственного чиновника. Как человек действия Гиммлер был совершенно бесполезен; как солдат — разрушителен; как управленец — трудолюбив, педантичен и одержим желанием окружить себя защитной стеной администрации.

Подобно всем нацистам, он был сторонником авторитарной власти, приобретя несгибаемость в подчинении своему избранному лидеру. На поясах СС он приказал начертать фразу: «Честь в верности». Влияние Гитлера было на него безграничным, и он старательно выполнял любое поручение, данное ему фюрером, до тех пор, пока полная невозможность продолжать дело не разбивала ему душу. В этом вопросе, как заметил Керстен, он путал исполнительность чиновника с фанатичностью телохранителя. Ни в одном существенном вопросе он не осмеливался открыто возразить Гитлеру, и те трудности, с которыми столкнулись Керстен и Шелленберг в своих попытках играть на гиммлеровских слабостях, происходили из того, что он так и не нашел способа сохранить верность Гитлеру и при этом выполнить свой долг перед будущим германской расы. Этот внутренний конфликт принял устрашающие размеры, когда он осознал, что фюрер болен и его следует сместить ради его же пользы и пользы Германии. По мере того как болезнь прогрессировала, фюрер становился все более неистовым, что вызывало у Гиммлера нервозное состояние с болезненными спазмами. Он был абсолютно раболепен, и когда сталкивался с невозможностью выполнить задачу, одна лишь мысль о том, чтобы предстать перед глазами Гитлера и стоять перед ним не в силах вымолвить слово, приводила его в ужас.

В личной жизни он был прост и по-своему добр. Он внимательно относился к жене, любил любовницу и был предан детям. Он презирал деньги и старался, насколько мог, прожить на свое небольшое официальное жалование, около 3000 фунтов стерлингов в ценах того времени. Примечательно, что когда в 1943 году Керстен привез для Гиммлера из Швеции недорогие часы, рейхсфюрер СС поблагодарил его, дал ему 50 марок и пообещал отдать остаток долга, как только получит жалование.

Хотя Гиммлер и любил поесть, он ел, пил и курил весьма умеренно, и от всех своих подчиненных ожидал того же. Он любил жизнь в труде и преданность строгим идеалам, которые казались ему высокоморальными и которые он частично унаследовал от других и частично создал сам.

Он осознавал зло, творимое СС и гестапо, не более, чем убежденный викторианский моралист осознавал свою жестокость по отношению к невинным членам своей семьи. Он так никогда и не понял, почему его имя так ненавидели. Он верил, что он хороший, а если и совершал ошибки, то лишь с благими намерениями. Он диктовал свои меморандумы из различных штаб-квартир, совершенно не думая о моральном разложении своих агентов или страдании их жертв. Он всегда старался сделать как лучше, и порождаемый им хаос был результатом принуждения к тому, что было одновременно и жестоким и административно невыполнимым.

Как человек он был одновременно и простым и необыкновенным. Окажись он на своем месте, он был бы эффективным и педантичным исполнителем, небольшим начальником или младшим преподавателем. Но Гиммлер вовсе не был посредственностью. Он обладал фанатическими взглядами и энергией и видел себя фигурой в большой политике, что позволило ему всего за десять лет стать одним из хозяев Европы. Ничтожество не смогло бы превратиться в одну из наиболее пугающих фигур современной истории. И все же ему так и не удалось развить в себе личность, соответствующую масштабу стоящих перед ним задач. Он до конца оставался маленьким человеком среднего класса, мелким буржуа, чей внешний вид вызывал насмешки, министром, столь раболепствующим перед хозяином, что сама мысль о возражении или осуждении была для него невыносима.

И если его сознание не признавало этого глубокого раскола характера, это делала его нервная система. Керстен знал об этом, и это давало ему определенную власть над пациентом, которую он попытался объяснить после войны:

> «Его жестокие желудочные спазмы не были, как он предполагал, следствием лишь слабой конституции или переутомления; они скорее были проявлением психического разлома, протянувшегося через всю его жизнь. Я очень быстро понял, что хоть и могу принести ему минутное облегчение и даже помочь на какой-то длительный период, я никогда не достигну полного исцеления… Когда Гиммлер заболевал, я, в первую

очередь, старался войти в контакт с человеческой стороной его характера. Когда он был здоров, все это настолько усложнялось множеством правил и предписаний, которые он изобрел сам или они были ему навязаны, что никто, даже самые ближайшие родственники, не могли добиться ничего, что бы этим правилам противоречило. В случае возникновения конфликта, он вел бы себя, даже со своими родственниками, в полном согласии с буквой закона. Слепая исполнительность глубоко укоренилась в той части его характера, которая была недоступна никаким иным эмоциям.

Но поскольку эта покорность закону и приказу, в сущности, опиралась на нечто совершенно иное, а именно на обычные чувства, присущие средним классам, тот, кто знал об этом, мог добраться до этих чувств и добиться его понимания — и даже достичь некоторых соглашений, направленных против приказов фюрера. Так как он был совершенно отрезан от своих природных корней и нуждался в ком-то, на кого мог бы опереться, он был счастлив иметь рядом человека, не связанного с партийной иерархией, человека, который был просто человеком. Вот в такие моменты мне и удавалось добиться своего»[103].

Таким образом, Гиммлер, за маской секретности и власти, был человеком, одолеваемым страхом в той же степени, что и амбициями. Он изо всех сил пытался соответствовать образу, который ему совершенно не подходил. Не многие люди в истории продемонстрировали до такой степени, до какой это сделал Гиммлер, что ужасные преступления могут совершаться из слепой убежденности в том, что это нравственно и неизбежно.

VII
Раб власти

Новость о высадке союзников в Нормандии ранним утром 6 июня, через два дня после освобождения Рима, явилась для нацистских лидеров полной неожиданностью. Гитлер был в Берхтесгадене, а Роммель, командующий группой армий, контролирующей Голландию, Бельгию и Северную Францию, ночевал у себя дома в Ульме. Геринг отдыхал в Велденштейне, одном из своих южных замков, когда после звонка адъютанта Брауxича он спешно собрался и отправился на совещание, которое должно было состояться днем в Клессхейме, дворце в стиле барокко близ Зальцбурга, где Гитлер принимал Муссолини и Чиано в 1942 году и запугивал Хорти в 1944. Конференцию проводил Гиммлер, прибывший из Берхтесгадена со своим поездом, который он использовал в качестве штаб-квартиры, когда Гитлер бывал в Оберзальцберге. Риббентроп приехал из Фушля, своего летнего дворца под Зальцбургом, где, согласно Шелленбергу, прорабатывал идею убийства Сталина из револьвера, замаскированного под автоматическую ручку. Гитлер же, получив новости из Франции, отправился спать и приказал его не беспокоить.

Не сохранилось никаких записей о том, что именно обсуждали Гиммлер, Геринг и Риббентроп на этой встрече. Лишь факт вторжения мог свести эту тройку без доминирующего присутствия Гитлера, который не нарушал своего уединения и не встречался с генералами, воевавшими во Франции, до 17 июня, когда он вызвал Рундштедта и Роммеля на конференцию в Марживаль под Суасоном, за день до первого запуска на Лондон ракет фау. По словам присутствовавшего генерала Шрейделя, Гитлер выглядел «бледным и невыспавшимся»; он постоянное перебирал цветные карандаши, и во время еды, вслед за тарелкой риса и салата, проглотил целую горсть пилюль и таблеток. Он нарушил данное два дня назад обещание посетить штаб-квартиру группы Роммеля и вернулся в Берхтесгаден в ту самую ночь, когда сбившаяся с курса ракета фау взорвалась у его бункера. Вместо этого Гитлер принял Рундштедта и Роммеля в Оберзальцберге 29 июня, спустя неделю после начала главного наступления русских. Он отклонил их просьбу о завершении войны и прочел лекцию о своем чудесном оружии. 1 июля место Рундштедта занял Клюге. Оставшись один, Роммель, в письме от 15 июля, предупредил Гитлера, что поражение во Франции стало

неизбежным; двумя днями позже он был серьезно ранен в своей служебной машине выстрелами из низколетящего самолета.

Ситуация на обоих фронтах была хуже некуда. В начале июля русские вступили на территорию Польши и начали угрожать Восточной Пруссии. Гиммлер все еще оставался на юге, где Гитлер продолжал строить планы до 14 июля, после чего перенес свою ставку в «Волчье Логово» в Растенбург в Восточной Пруссии. Гиммлер последовал за ним на север, но не присутствовал на первом заседании 15 июля, на котором Гитлер разрешил ему сформировать пятнадцать новых дивизий СС для возмещения потерь на Восточном фронте. Этот приказ фактически предвосхитил назначение его пятью днями позже главнокомандующим Резервной армией, пост, которого 20 июля предстояло лишиться генералу Фромму. И причем именно 20 июля группе старших офицеров Резервной армии едва не удалось убить Гитлера на дневном совещании и совершить в Германии переворот[104].

Портфель с бомбой замедленного действия установил под столом Гитлера полковник, граф фон Штауффенберг, начальник штаба Резервной армии. В 12.42 бомба взорвалась, через десять минут после того, как Штауффенберг раздавил капсулу с кислотой, которая разъела проволоку, управляющую взрывателем. Но портфель под столом был случайно передвинут другим офицером и оказался в таком положении, что основная ударная волна прошла мимо Гитлера. Двумя минутами позже Штауффенберг успешно преодолел первый контрольный пост на пути к самолету, который должен был доставить его к остальным сподвижникам-заговорщикам на Бендлерштрассе, в Военное министерство в Берлине. Он был уверен, что Гитлер мертв.

Ни Гиммлер, ни Геринг, ни Шелленберг не были на совещании во время взрыва, а Геббельс находился в Берлине. Геринг был в своей ставке в 50 милях от Растенбурга. Гиммлеровским центром в Восточной Пруссии была вилла Хагевальд-Хохвальд в Биркенвальде на озере Маурзее; рядом стоял его поезд. Этим утром Керстен проводил с ним курс лечения; Гиммлер сказал ему, что, по его мнению, разногласия, возникшие между американцами и русскими, отразятся на всем ходе войны. После этого Керстен совершил долгую прогулку, отобедал в мирном интерьере виллы и отправился спать в свое купе в поезде.

В момент взрыва Гиммлер был в Биркенвальде. С гим немедленно связались по телефону, и его телохранитель Кермайер с ужасом вспоминал стремительную поездку по ухабистым проселочным дорогам, когда они преодолели двадцать

пять километров примерно за полчаса.

Было условленно, что генерал Фельгибель, начальник связи армии, бывший одним из заговорщиков, сразу же после смерти Гитлера пошлет кодовый сигнал генералам в штаб-квартире армии на Бендлерштрассе в Берлине, чтобы они привели в действие сложный план переворота. После этого он должен был вывести из строя связь Растенбурга с окружающим миром на максимально длительный срок. Увидев взрыв бомбы, Штауффенберг вскочил в машину и убыл в аэропорт, в полной уверенности, что Гитлер мертв.

Но через несколько минут Гитлер, Кейтель и другие выжившие офицеры выбрались оглушенные, контуженные и раненые из разрушенного здания, и Фельгибель, растерявшись, присоединился к людям, бросившимся помогать фюреру и раненым офицерам. По спешному приказу Гитлера информация о взрыве не должна была распространяться за пределы ставки и надзор за территорией передали СС. Фельгибель не нашел способа сообщить о случившемся на Бендлерштрассе.

Заговорщики оставались в полном неведении до 3.30 пополудни, когда Телю, начальнику связи на Бендлерштрассе, удалось получить туманное сообщение из Растенбурга о попытке покушения. План переворота под кодовым названием «Валькирия» привели в действие. Тем временем Штауффенберг летел в Берлин, в полной уверенности, что великая миссия выполнена.

Гиммлер прибыл в Растенбург примерно в 1.15 и немедленно начал действовать. Он позвонил в штаб-квартиру гестапо в Берлине и приказал немедленно выслать в Растенбург группу следователей. После этого связь с Берлином была закрыта по приказу Гитлера до 3.30, то есть до того момента, когда Телю удалось дозвониться с Бендлерштрассе. Вскоре после этого Кейтелю удалось сообщить Фромму, что Гитлер жив. Фромм немедленно попытался остановить операцию «Валькирия», начатую заговорщиками под его руководством. Заговорщиков это возмутило, и они его арестовали. Тем временем в Растенбурге Гиммлеру удалось проследить происхождение бомбы до Штауффенберга. Он позвонил в Берлин, куда Штауффенберг прилетел в 3.45, и приказал арестовать графа либо в аэропорту, либо на Бендлерштрассе, но полковник СС, прибывший в 5.30 для исполнения этого приказа на Бендлерштрассе с двумя сопровождающими, сам оказался под арестом.

Гиммлер все еще думал, что на жизнь фюрера покушался один человек или, максимум, небольшая группа Сопротивления; и он еще не понял, что на самом деле в Берлине происходит

военный переворот. Если бы он об этом знал, то не отправился бы с Гитлером встречать поезд, на котором с визитом в Растенбург прибывал Муссолини. Гитлер не счел нужным откладывать этот визит. На самом деле ему просто требовалась аудитория, перед которой он мог бы похвастаться особым «Провидением», которое имело мудрость его защитить, даже если эта аудитория состояла из одного престарелого, сверженного вождя, которому Провидение явно уже не улыбалось. Под пристальным надзором Гиммлера Гитлер и Муссолини с удивлением осмотрели разрушенную бомбой комнату для совещаний, и поняли, что тут действительно свершилось чудо. Позже Гиммлер признался, что именно в этот момент он заново поверил в Бога[105].

Теперь, когда связь с Берлином восстановилась, стало ясно, что в столице происходят серьезные события. Перед пятичасовым чаем с Муссолини и оставшимися нацистскими лидерами Гитлер приказал Гиммлеру немедленно вылетать в Берлин. С внезапной решимостью он передал верному рейхсфюреру СС формальное управление безопасностью рейха и сделал его главнокомандующим Резервной армией вместо Фромма. Это дало Гиммлеру то, о чем он давно мечтал — непосредственный доступ на Бендлерштрассе и управление самой Армией. До нас дошли последние слова, сказанные им Гитлеру: «Мой фюрер, — сказал он, — можете доверить мне все».

Тем не менее он продвигался с осторожностью опытного солдата, посланного на срочное и опасное задание. Пока Гитлер потчевал своих гостей чаем, Гиммлер, перед отлетом в Берлин, заехал в Биркенвальд. Долгую послеобеденную дрему Керстена нарушил шофер Гиммлера, который обрушился на него с новостями из Растенбурга. Керстен мгновенно вскочил и поспешил на виллу в кабинет Гиммлера, где нашел его перебирающим и уничтожающим некоторые бумаги. «Настал мой час, — сказал Гиммлер. — Я расправлюсь со всей этой бандой; я уже приказал арестовать предателей. Защитив Гитлера, Провидение подало нам знак. Я немедленно лечу в Берлин».

Когда же, наконец, поздно вечером, после приземления на дальнем аэродроме, Гиммлер попал в Берлин, он оказался слишком уставшим, чтобы ехать в свою новую штаб-квартиру на Бендлерштрассе. Он поехал прямо к Геббельсу, который, будучи главным нацистским министром в Берлине, предпринял активные действия против заговорщиков, как только узнал правду о ситуации в Растенбурге. Когда Геббельс столкнулся с войсками берлинского гарнизона под командованием ярого нациста майора Ремера, его попытались было арестовать, но он взял ситуацию под контроль и связал Ремера по телефону с Гитлером. За

проявленную лояльность Гитлер произвел Ремера в полковники и поручил ему обеспечивать безопасность Берлина. Он приказал ему подчиняться только Геббельсу и Гиммлеру, его новому главнокомандующему, который в данный момент находится на пути в Берлин. Тем временем, следуя указаниям Гитлера, Геббельс приказал, чтобы в 6.30 по радио передали предварительное сообщение о невредимости фюрера, и двумя часами позже Кейтель послал по телетайпу командованию всех армий сообщение о назначении Гиммлера и настаивая на том, что подчиняться следует лишь приказам, исходящим непосредственно от фюрера или Гиммлера. Штауффенберг, храбро пытающийся по телетайпу и телефону поддержать переворот на Бендлерштрассе, постепенно обнаружил, что его паруса провисли. Лишь во Франции и Австрии были предприняты активные шаги по присоединению к перевороту. Заговор был организован в результате смелых усилий с его стороны и со стороны генерала Ольбрихта, начальника снабжения армии Фромма. В девять часов по радио объявили, что позже этим вечером Гитлер выступит перед своим народом.

Так что когда Гиммлер добрался из аэропорта до центра Берлина, основная опасность уже миновала. Тем не менее он был вынужден связаться с Гитлером и организовать отмену некоторых истерических инструкций, отданных Борманом гауляйтерам, в которых он приказал им арестовать армейских командиров на своих территориях. Когда в полночь группа под командованием Скорцени достигла, наконец, Бендлерштрассе, они обнаружили, что Фромм, возобновивший командование после своего освобождения, успел провести полевой суд над теми, кто арестовал его утром, и что Бек, Ольбрихт, Штауффенберг и некоторые другие участники заговора уже расстреляны или принуждены к самоубийству. Именем Гиммлера, нового главнокомандующего, Скорцени остановил дальнейшую расправу.

Тем временем Гиммлер начал собственное расследование в официальной резиденции Геббельса. Оба министра вместе допрашивали людей, доставляемых им гестапо, в том числе и самого Фромма. Допрос продолжался всю ночь и прервался только на время речи Гитлера, которую передавали по радио в час ночи. Гитлер читал обращение резким усталым голосом, призывая жестоко покарать предателей, и тон выступления привел Геббельса в ярость.

На следующее утро Борман был вынужден исправить ошибку, допущенную прошлой ночью, и передать менее амбициозные инструкции, подтверждающие новые права Гиммлера. Гиммлер поручил Кальтенбруннеру вести дальнейшие допросы в рамках

подготовки к первой фазе судебного заседания, которое началось 7 августа в здании Народного суда. Ходом разбирательства руководил председатель суда Роланд Фрейзлер, и в зал втолкнули первую группу заговорщиков, измученных, небритых и одетых в гражданскую одежду с чужого плеча. Разбирательство было построено так, чтобы унизить обвиняемых перед камерами, установленными для съемки суда по приказу фюрера, который был одержим местью. Руководители заговора Бек, Ольбрихт и Штауффенберг были, по счастью для них, уже мертвы; но их непосредственные подчиненные, в том числе фельдмаршал фон Вицлебен, которого вытолкнули под насмешки Фрейзлера в неподпоясанных брюках, генералы Хоппнер и Штейфф, кузен Штауффенберга, Петер Йорк фон Вартенбург, были по очереди допрошены и приговорены к повешению обнаженными перед объективами кинокамер; каждый из них был задушен фортепьянной струной, подвешенной на мясной крюк. Умерли они один за другим 8 августа в небольшой камере Плетцензейской тюрьмы, и говорят, что некоторые из казненных бились в агонии почти пять минут. Той же ночью Гитлер просмотрел запись казни в кинозале рейхсканцелярии; даже Геббельс, при всей его черствости, не мог смотреть на такие ужасные страдания. Все копии этого фильма впоследствии были уничтожены.

С точки зрения Гиммлера и его агента Кальтенбруннера, подготовка к суду представляла собой длительную серию допросов, продолжавшихся в течение последних месяцев войны. Эти допросы порождали все новые аресты и казни; итоговый черный список теперь восстановить уже невозможно, хотя, по некоторым оценкам, число казненных измерялось сотнями[106]. Среди жертв оказались многие из наиболее выдающихся деятелей Сопротивления, причем некоторые из них содержались в заключении до последних дней войны и были убиты незадолго до подписания мира, поскольку их трагические свидетельства увеличили бы и без того немалые грехи нацистов.

Фон Хасселя повесили 8 сентября 1944 года, Лангбена казнили 12 октября, Попица повесили 2 февраля 1945 года, Небе из СС казнили 3 марта. Роммеля, любимого генерала Гитлера и Германии, принудили к самоубийству 14 октября. Пастора Дитриха Бонхеффе-ра казнили 9 апреля, в один день с адмиралом Канари-сом.

Впервые Гиммлер официально прокомментировал события 20 августа, выступая перед группой гауляйтеров и других чиновников 3 августа в Познани. На этом собрании присутствовали и Борман, и Геббельс. С жестокой иронией он

говорил о том, что произошло между ним, Лангбеном, которого он называл посредником, и Попицем:

> «Мы развязали этому посреднику язык, мы дали ему говорить, и сказал он примерно так: Да, войну, конечно, нужно прекратить, мы должны заключить мир с Англией — в соответствии с духом времени — и в первую очередь следует сразу же убрать фюрера и разжаловать его в почетные президенты. Его группа была совершенно уверена, что никаких действий подобного рода против СС не планируется».

Он рассказал обо всем этом Гитлеру, и они вместе посмеялись; однако встреча с Попицем дала не слишком много. Так что Лангбен был арестован:

> «Вот тут-то я и посадил посредника. С этого момента, а было это девять месяцев назад, герр Попиц сделался похожим на сыр. Он стал бледным как стена, я бы даже назвал его живым воплощением неспокойной совести. Он слал мне телеграммы, звонил, спрашивал, что случилось с доктором Х, а я давал ему двусмысленные ответы, чтобы он не понял, имею ли я какое-нибудь отношение к происходящему, или нет[107]».

Гиммлер, как и следовало ожидать, обрушился с насмешками на всех штатских участников заговора, от Лангбена и Попица до Кипа и Зольфа. «Мы знали о существовании заговора уже давно», сказал он. По отношению к генералам он был столь же ироничен. «Фромм, — заявил он, — действовал подобно герою вульгарного фильма», и представил дело так, что чуть ли не вся армия оказалась замешанной в заговор. Он утверждал, что Штауффенберг собирался выпустить узников из концлагерей и натравить их на германский народ. «Это значит, что в последующие две или три недели повсюду расцвела бы преступность, и на улицах правили бы коммунисты»[108].

Эти слова были рассчитаны на публику. В более закрытой обстановке Гиммлер тщательно следил, чтобы информация о суде над Лангбеном и Попицем оставалась, насколько это возможно, секретной. Когда осенью началось слушание дела, Кальтенбруннер направил письмо министру юстиции:

> «Как я понимаю, Народный суд вскоре приступит к рассмотрению дела бывшего министра Попица и юриста Лангбена. Учитывая известные вам факты, а именно

встречу Рейхсфюрера СС с Попицем, я прошу не допускать на суд широкую публику. Надеюсь на ваше согласие и готов прислать десяток своих коллег, чтобы они составили аудиторию»[109].

Хотя и Лангбена и Попица приговорили к смерти, Попица не казнили до следующего февраля, в надежде получить от него дополнительную информацию. Лангбен, как мы уже видели, умер в октябре; перед исполнением смертного приговора его подвергли пыткам.

Выступая перед гауляйтерами и другими высшими чиновниками в Познани 29 мая 1944 года, Гиммлер необычно прямо высказывался по еврейской проблеме. Он избрал откровенную манеру речи, в которой любил обращаться к наиболее близкой себе аудитории. и на самом деле, именно перед такой аудиторией он больше всего любил выступать. Искоренение, объяснил он, было тяжелой и трудной операцией:

> «Я хочу, чтобы вы внимательно выслушали, что я сейчас скажу, но никогда и нигде об этом не упоминали. Перед нами встал вопрос: что делать с женщинами и детьми? — тут я пришел к совершенно однозначному решению. Я не считал, что должен просто искоренить мужчин — ладно, давайте называть вещи своими именами, «искоренить» значит убить или подтолкнуть к смерти — да, я не мог убить мужчин, оставив в живых детей, которые бы выросли и начали мстить нашим сыновьям и внукам. Это жестоко, но нам ничего не оставалось, как только полностью стереть их с лица земли. Это была одна из самых трудных наших задач. Но мы справились, причем так — ия надеюсь, господа, что могу это сказать — так, что ни наши лидеры, ни их люди не пострадали ни разумом, ни душой. Опасность была очень велика, ибо очень узок был их путь между Сциллой и Харибдой, когда шаг в одну сторону мог превратить их в бессердечных негодяев, ни во что не ставящих человеческую жизнь, а шаг в другую сделал бы их безвольными неврастениками».

Он пообещал гауляйтерам, которых назвал «высшими сановниками Партии», что «к концу года еврейская проблема будет решена раз и навсегда». И закончил:

> «Вот, собственно, и все, что я хотел сказать о еврейской проблеме. Теперь вы знаете все, но лучше

держите язык за зубами. Быть может, позже, я бы даже сказал, очень нескоро, наступит период, когда мы решим рассказать немецкому народу немного больше. Но лучше этого не делать вообще! Мы, здесь сидящие, взвалили эту ответственность на свои плечи — ответственность не только за дела, но и за саму идею, и я думаю, что лучше унести эту тайну с собой в могилу».

Тысяча девятьсот сорок четвертый год был годом, когда Гиммлер добился наивысшего уважения Гитлера и, наконец, в дополнение к командованию Резервной армией и Ваффен СС, выиграл у него командование фронтами. И все же, он достаточно реалистично смотрел на вещи, чтобы одновременно с этим изменить свою позицию по отношению к евреям. Тому было много причин. По мере того как военные неудачи умножались, управлять машиной уничтожения становилось все труднее. К весне 1944 года стало ясно, что такие районы, как Аушвиц, могут, в конце концов, оказаться в руках противника. Попытки мобилизовать труд заключенных становились все яростнее, несмотря на тяжелые потери людей и оборудования. В то же время на Гиммлера начали оказывать все возрастающее давление, понуждая его смягчить антиеврейскую деятельность, и это подкреплялось его собственными страхами. Он боялся, что отвращение мира к геноциду, который большей частью ассоциировался непосредственно с его именем, обернется против него, если когда-нибудь ему придется выступить в роли представителя Германии на переговорах с западными союзниками.

Гиммлер никогда не понимал истинной природы отвращения к своему имени и не осознавал его подлинной глубины. Хотя его ушей наверняка достигли летние заявления американцев о том, что после окончания войны состоится суд над военными преступниками, он верил, что нескольких жестов доброй воли с его стороны будет достаточно для восстановления своей запятнанной репутации.

Гиммлер снова погрузился в раздумья. Постоянное гуманизирующее влияние Керстена и интриги Шелленберга, подталкивающие хозяина к участию в мирных переговорах, вынудили Гиммлера отступить до некоторой степени с тех абсолютных позиций, которые он занимал в 1943 году. Первое изменение политики, как мы уже видели, уступало своей бесчеловечностью лишь самому геноциду — истребление нежелательных людей через работу. Затем последовали попытки продажи некоторых евреев, которые, с одной стороны, были

призваны спасти жизни, а с другой — дать деньги и товары, необходимые для ведения войны[110]. Первые серьезные переговоры этого рода были предприняты Йолом Брандом от имени венгерских евреев, которых нацисты успешно присоединили к своим жертвам в 1943 году. В мае 1944 года Эйхман предложил Бранду жизни 700 000 венгерских евреев в обмен на 10 000 грузовиков, которые союзники должны были доставить в Салоники. Это была первая предполагаемая бартерная сделка, которая так и не состоялась. За ней должны были последовать другие, в равной степени ужасные предложения, например последующее предложение Эйхмана, сделанное им от имени Гиммлера, о получении 20 миллионов швейцарских франков за жизнь и свободу 30 000 евреев. Это последнее предложение привело к реальной пересылке 1684 румынских евреев, которые достигли Швейцарии в августе и декабре 1944 года, и в дальнейшем 1000 венгерских евреев следующим февралем, за которых Гиммлер получил через президента Швейцарии, Жан-Мари Муси, 5 миллионов швейцарских франков, собранных в результате подписки, проведенной международным обществом защиты евреев. Этим сдвигам способствовали также предложения, полученные Гиммлером от мадам Иммфельд, поселить освобожденных евреев на юге Франции. Переговоры о переводе денег были весьма сложными и фактически сдерживались действиями государственного департамента США. Информация об этой жалкой торговле, в конце концов, достигла ушей Гитлера. Но к этому времени, как мы еще увидим, Гиммлер уже занялся переговорами с Красным Крестом.

Шелленберг, дойдя до этого этапа в своих послевоенных мемуарах, в которых он всеми силами старался выставить себя миротворцем, довольно подробно описал, как зимой 1944–1945 гг. он неоднократно устраивал встречи Гиммлера с Муси. На первой из этих встреч Муси склонял Гиммлера принять деньги вместо оборудования и медикаментов, тогда как на второй конференции, состоявшейся, по словам Шелленберга, 12 января в Шварцвальде, они пришли к следующему соглашению:

> «Каждые четырнадцать дней поездом первого класса в Швейцарию будут доставляться 1200 евреев. Еврейская организация, с которой работает герр Муси, будет активно поддерживать решение еврейского вопроса в соответствии с предложениями Гиммлера. Одновременно с этим должны начаться коренные изменения во всемирной антигерманской пропаганде.

> Согласно моим предложениям, мы сошлись на том, что деньги не будут выплачивать непосредственно Международному Красному Кресту, как первоначально предполагалось, а будут вручаться Муси как доверенному лицу»[111].

Именно этот план привел к спору с Гитлером, который, как утверждает Шелленберг, был намеренно спровоцирован Кальтенбруннером: «Гитлер немедленно издал два приказа: о том, что любой немец, который поможет бежать еврейскому, английскому или американскому заключенному, должен быть казнен на месте».

Гитлер вызвал к себе Гиммлера, высказал все, что думает о его действиях, в таких выражениях, которые Гиммлер никогда не мог забыть, и, согласно Курту Беккеру, агенту Гиммлера в коммерческих переговорах о евреях, отдал свой печально известный приказ о том, что «ни один заключенный в южной половине Германии не должен попасть в руки противника живым»[112].

Тем временем, когда осенью Венгрия оказалась на грани капитуляции перед Россией, депортация началась снова. Гиммлер поручает Гессу, теперь уже полномочному инспектору по концентрационным лагерям, выступить в качестве одного из своих наблюдателей, которые, как предполагалось, должны были обеспечить соблюдение разумной гуманности. Будапешт пал в декабре, причем значительная часть еврейского населения осталась в живых[113]. В сентябре Гиммлер позволил миссии Международного Красного Креста вести чрезвычайно ограниченные наблюдения в Аушвице, и есть свидетельства, что в октябре и ноябре он пытался остановить убийства, или, по крайней мере, переложить ответственность за них на плечи подчиненных. Начал он, согласно Беккеру, с приказа Полю и Кальтенбрун-неру, отданному «между серединами сентября и октября»: «Настоящим приказом, который вступает в силу немедленно, я запрещаю любую ликвидацию евреев и приказываю, что, напротив, следует проявлять заботу о слабых и заболевших. Вы несете личную ответственность за нарушения данного приказа вашими подчиненными офицерами»[114]. За этим последовал приказ от 26 ноября, который тоже записывал Беккер: «Крематории Аушвица следует демонтировать, работающим на Рейх евреям выдавать нормальные рационы восточных рабочих. При отсутствии еврейских госпиталей их допускается лечить вместе с арийскими пациентами».

Красная армия добралась до Аушвица и лагерей-спутников

лишь в конце января 1945 года. Когда они пришли, то обнаружили, что эвакуация основной части заключенных на Запад, начавшаяся еще в прошлом сентябре, практически завершена, и в лагере осталось лишь около 3000 инвалидов. Согласно Рейтлингеру, в Германии к началу 1945 года насчитывалось более сотни основных лагерей и их спутников, в которых, в условиях, беспредельно ухудшившихся теперь, все еще содержались 500 000 «арийцев» и 200 000 евреев. Их судьба висела сейчас на волоске. Гиммлер хотел использовать их как козырь перед союзниками, в то время как Гитлер и Кальтенбруннер сходились во мнении, что они должны умереть, прежде чем появятся какие-либо шансы их окончательного освобождения.

Гиммлер всегда скрывал слабость характера и нерешительность под маской силы. Должность и мундир командующего армией восполнили потребность доказать самому себе, что он решительный человек действия. Как некогда он принудил свое слабое тело достичь требуемого атлетического стандарта, теперь он заставил себя стать боевым генералом.

Он совершенно не подходил для такой работы ни умом, ни телом. Он слепо верил в себя, и сомнения, которые всегда гнездились в глубине его души, старательно подавлялись ревностными советчиками. Если Керстен находился рядом, чтобы убеждать его в собственной гуманности, а Шелленберг всегда был готов подтвердить его дипломатические способности, то Скорцени, гений боевой тактики, с готовностью давал ему почувствовать себя генералом. Инстинктивно он старался компенсировать все, что могло пойти не так — смерть или сумасшествие Гитлера, махинации генералов, распад германской армии, софистику Геббельса или Геринга, неопределенность власти Бормана в качестве управляющего гитлеровским двором; стремясь удержаться в центре паутины нацистских интриг, он старался предусмотреть все. Не удивительно, что у него болела голова и желудочные нервы скручивались спазмами. Но рядом всегда был Керстен, готовый принести облегчение. Человек, больше которого в Германии боялись лишь Гитлера, сам был жертвой хронических сомнений и страхов.

В этот момент он нуждался в каком-нибудь новом и активном занятии, которое освободило бы его от ограниченности своей собственной натуры. Ему нужно было стать боевым командиром. В июле, как мы уже видели, Гитлер в момент великой национальной угрозы импульсивно вручил ему командование Резервной армией, дикой смесью подразделений, состоящих в основном из ветеранов, все еще носящих военную форму, из

раненых, которые еще не были освобождены от воинской службы, и из новичков, вообще не нюхавших пороха. Для Гиммлера командование такими распределенными по всей Германии силами было началом, а не концом. Для того чтобы укрепить власть и спасти свое «я», ему нужно было гораздо больше. Тем не менее он позаботился о том, чтобы люди, попавшие теперь под его командование, выступили наблюдателями от социал-национализма. Для этого он увеличил число офицеров национал-социалистического надзора и предложил назвать новые армейские подразделения такими именами, как Народные Гренадеры и Народная Артиллерия.

Офицеры партийного надзора, яркий образчик которых явил собой лейтенант Хаген, когда 20 июля доложил Геббельсу о заговоре на Бендлерштрассе, были, в сущности, прикрепленными к армии комиссарами, занимающимися политической подготовкой бойцов. Через несколько дней после покушения Гиммлер обратился к группе этих политических комиссаров, призывая принять самые жестокие меры против пораженцев и дезертиров: «Я даю вам право хватать любого, кто повернет назад, и если надо, связать его и бросить в товарный вагон… Поручите командование самым лучшим, самым энергичным и наиболее строгим офицерам. Они быстро обуздают этот сброд. Они поставят к стенке всех, кто осмелится перечить»[115]. Подобные разговоры подготовили Гиммлера к выпуску печально известного указа от 10 сентября, что семьи дезертиров будут расстреливаться:

> «Некоторые неустойчивые элементы думают, что стоит им сдаться в плен, как война для них закончится. На это я могу пообещать, что каждый дезертир будет предан суду и наказан по справедливости. Более того, его позорное поведение повлечет самые суровые последствия для членов его семьи. После расследования обстоятельств они будут немедленно расстреляны»[116].

В августе Гиммлер, наконец, добрался до V-оружия[117]. По свидетельству генерала Дорнбергера, начальника проекта в Пенемюнде, в сентябре 1943 года Гиммлер поручил бригадиру СС доктору Каммлеру, ответственному за строительство для СС, наблюдать за всеми строительными работами, необходимыми для создания V-оружия. Дорнбергер сказал, что Каммлер действовал, в сущности, как шпион, и описал его как энергичного сторонника Макиавелли[118], симпатичного и совершенно бессовестного. Целью Каммлера было занять место Дорнбергера в руководстве проектом, номинально выступая от лица Гиммлера. Дорнбергер

подчинялся Фромму, главнокомандующему Резервной армией, и Гиммлер, естественно, не преминул воспользоваться возможностями, открывшимися перед ним после назначения его на место Фромма вслед за покушением на жизнь Гитлера. 4 августа он формально принял командование над Пенемюнде и назначил Каммлера специальным комиссаром, ответственным за всю программу. В результате разработка секретного оружия постоянно сдерживалась плетущимися вокруг нее интригами.

Второй раунд борьбы за власть Гиммлер выиграл у Гудериана, нового начальника штаба Гитлера, всего через две недели после взрыва в Растенбурге, когда в предвкушении скорого прихода русских поляки в Варшаве подняли восстание. Сам Гудериан описал это так: «Я потребовал, чтобы Варшаву включили в зону военной операции; но Гитлер пошел на поводу амбиций генерал-губернатора Франка и начальника СС Гиммлера… Подавление восстания поручили Рейхсфюреру СС… Многонедельная битва велась чрезвычайно жестоко»[119].

Вести бои на улицах Варшавы Гиммлер послал формирования СС и полиции под руководством группенфюрера СС Бах-Зелевски, которому дал в подкрепление бригаду СС под началом бывшего русского офицера Каминского, сформированную из 6500 русских военнопленных. Этих людей выбрали для операции из-за их широко известной ненависти к полякам. Зверства русских достигли такой степени, что после войны Гудериан утверждал, что считал своим долгом уговорить Гитлера отозвать их из Варшавы, а Бах-Зелевски позже заявил, что казнил Каминского. Гитлер, памятуя о восстании в гетто в 1942 году, приказал Гиммлеру сравнять Варшаву с землей, но трагическое и фатальное восстание продолжалось до начала октября, причем без всякой помощи со стороны русских армий, стоявших на Висле, протекающей через самое сердце Варшавы. В речи, произнесенной 3 августа в Познани, Гиммлер дошел до того, что восхвалял бригаду Каминского за ее вклад в сбор брошенных припасов немецкой армии. Позже осенью, когда русские подходили к Будапешту, Гиммлер предложил поступить с ним, как с Варшавой. Чтобы удержать кампанию под своей юрисдикцией и юрисдикцией своего любимого командира Бах-Зелевски, Гиммлер объявил Будапешт центром партизанского сопротивления[120].

На самом деле применение этих русских подразделений Гиммлеру не нравилось. Он с крайней враждебностью относился к русскому генералу Андрею Власову, который, сдавшись в плен, готов был сражаться против Сталина. Армия хотела использовать этого разочаровавшегося красного генерала для вербовки

военнопленных в так называемую Русскую освободительную армию. В апреле 1943 года Власов фактически становится ее организатором. Гиммлер пришел в ярость. В речи, произнесенной 4 октября в Познани, он обрушился на Власова за его хвастовство, что русских могут победить только русские и что он может собрать армию из 650 000 человек и сражаться бок о бок с немцами. Позже, в неофициальной и более откровенной беседе с группой гауляйтеров и других высших чиновников в Познани 25 мая 1944 года, он рассказал, как Фегелейн выставил русского генерала на посмешище, обращаясь с ним, как с равным, называя его «герр генерал» и восхваляя его, пока не вытянул из него всей необходимой информации. «Мы прекрасно знали расовые особенности славян, знали, что они очень любят поболтать», — усмехнулся Гиммлер:

> «Все это доказывает, что человека такого сорта можно купить весьма дешево, очень дешево на самом деле… По правде говоря, весь этот шум вокруг Власова меня пугал. Вы знаете, я никогда не впадаю в пессимизм и редко волнуюсь. Но все это дело казалось мне чрезвычайно опасным… Среди нас нашлись дураки, готовые дать этому скользкому типу оружие и обмундирование, которые он предполагал использовать против своего собственного народа, но вполне вероятно, при случае, мог повернуть и против нас».

После покушения на жизнь Гитлера Гиммлер поручил Гюнтеру Д'Алькуэну, который занимал в то время пост начальника армейской пропаганды, организовать русских дезертиров под началом Власова, но в итоге, вместо двадцати пяти дивизий, о которых говорил Власов, было собрано лишь две, и немцы оставили собранные ими самими белоказачьи дивизии в неприкосновенности. Гиммлер склонился к тому, чтобы поддержать амбициозные требования Власова, и он уже был готов взять Русскую освободительную армию под свою юрисдикцию, если она когда-нибудь наберет полную силу, и включить ее в состав Ваффен СС. Впрочем, этого так и не случилось. К тому времени, когда Власов включился в боевые действия, Гиммлера заботила лишь задача выживания. В конце концов Власов был захвачен Красной армией и повешен.

После назначения на пост главнокомандующего Резервной армией Гиммлер также основал с Борманом фольксштурм, Немецкую гвардию, которая в случае вторжения должна было действовать как части народного ополчения. Затем в ноябре был создан вервольф[121], части будущего сопротивления, которые

должны были действовать в случае оккупации Германии. Если Гиммлер и старался с кем-то сблизиться, то это был Геббельс, которого Гитлер назначил своим полномочным представителем по ведению тотальной войны, когда тот приезжал осмотреть «священное» бомбоубежище в «Волчьем Логове». Теперь, когда верховное командование армии оказалось в опале, эти два человека, один — сугубо штатский, а другой — начальник тайной полиции, никогда не командовавший даже взводом, решили поделить военные обязанности между собой. Адъютант Геббельса фон Овен утверждает, что в ноябре Геббельс сказал: «Армия — для Гиммлера, а для меня — гражданское управление войной! Эта комбинация вольет живую струю в наше военное руководство»[122]. Между собой они планировали перераспределить немецких гражданских рабочих и завербовать миллион новобранцев, причем половину из них из Люфтваффе Геринга, которые будут собраны и обучены под знаменами Резервной армии. В сущности, Гиммлер стал военным министром, хотя Гитлер и не жаловал ему этот титул[123]. К тому же, он оказал ему особую честь, позволив произнести речь на праздновании очередной годовщины Партии в Мюнхене 9 ноября. Это показывает, что Гиммлер в глазах Гитлера находился в самых первых рядах нацистского руководства.

Злобная жестокость Геббельса в применении власти нравилась Гиммлеру, который жаждал обладать такой же храбростью и решительностью. Как только Геббельс решал, чего он хочет, его уже не могли остановить ни страх, ни угрызения совести. Если доверять фон Овену, то Геббельс тоже размышлял над тем, кто сможет управлять вместе с ним Германией, если Гитлер уйдет от власти — наверняка, не Геринг, столь постыдно пренебрегающий своим обязанностями; не Борман, это второсортный карьерист, но, может, Гиммлер? Здесь Геббельс делал паузу, прежде чем прийти к неизбежному отрицанию. Не так давно он пришел к выводу, что Гиммлер стал слишком упрямым. Но в то время как до самой смерти Гитлера в сознании Гиммлера копошились предательские мысли, Геббельс их твердо отметал как недопустимые, если, конечно, они вообще возникали. Геббельс прекрасно понимал то, что никогда не было доступно Гиммлеру — для такого человека, как он, в Германии без Гитлера места не найдется.

Гиммлеру также удавалось сохранять неплохие отношения с Борманом, которого Гудериан назвал «тучным, неповоротливым, мрачным, самодовольным и неотесанным» тайным правителем Третьего рейха. Любовница Гиммлера Хедвиг, которую он называл Зайчиком, близко сошлась с женою Бормана Гердой,

матерью его восьмерых детей, в которой муж души не чаял. В письмах Бормана этого периода, которые он прилежно слал домой, Гиммлер фигурирует в качестве «дяди Генриха», а Герда в своем сентябрьском письме сообщала, как счастлива Зайчик со своим детьми Хельгом и Гертрудой в новом доме в Оберзальцберге[124]. Теперь, когда Зайчик поселилась по соседству, старшие дети могли играть вместе. «Хельг значительно выше нашего Хартмута, — писала Герда, — но зато и значительно тоньше. Повадками и телосложением он так же похож на Генриха, как Хартмут на тебя, но вот внешнего сходства я уже не улавливаю. Девочка, однако, удивительно похожа на отца. У Зайчика есть несколько детских фотографий Генриха, где он выглядит в точности, как она. Девочка растет большой и крепкой, и вообще, так мила…»

В октябре мы находим у Бормана небольшую домашнюю зарисовку Гиммлера: «Генрих сказал мне, что вчера развешивал картины, работал по дому и весь день играл с детьми. Он даже не отвечал на телефонные звонки и, наконец-то, с большим удовольствием посвятил себя семье». По словам Бормана: «Дяде Генриху явно нравится, как Хельг всеми командует; он считает это верным признаком будущего лидера».

Герда считала Гиммлера и своего мужа любящими учениками, верно служащими своему хозяину. «Милый папочка, — писала она Борману в конце сентября, — я даже не могу представить, что бы случилось, если бы вы с Генрихом обо всем не заботились. Фюрер никогда бы не справился с этим один. Так что берегите себя, ведь Фюрер — это Германия, а вы — его беззаветные соратники…» Ее взгляд на этих людей, безусловно, уникален во всей нацистской истории, но нежные имена, которыми называл ее Борман (милая девочка, радость моя, мое сердечко, любимая), лишь порождали в ней мечты о розах вокруг дверей гитлеровской ставки, особенно когда Борман описывал, как весело им было с Гиммлером в Берлине:

> «Прошлым вечером Гиммлер и я — мы ужинали с Фегелейном и Бургдорффом — смеялись до упаду над этими двумя птичками — они, как пара непослушных мальчишек. А ведь Бургдорффу уже 49 и скоро его сделают пехотным генералом. Фегелейн рассказывал боссу, как он чувствует себя, когда тот кричит на него по телефону: оказывается, Фегелейну кажется, будто у него из ушей идет пар…Представляешь, как это было забавно»[125].

Другие упоминания Гиммлера в письмах Бормана показывают

нам новоиспеченного генерала в действии. От 3 сентября: «Вчера Генрих Г. отбыл к Западному Валу; каждый день мы связываемся по телефону. Он исполняет обязанности главнокомандующего Резервной армией с необыкновенным рвением». Потом Герда через своего мужа посылает Гиммлеру ободряющую записку. От 9 сентября: «Я сказал Г.Г., который звонит каждый день, что ты рада тому, что он здесь, потому что по твоему мнению, это решит все проблемы. Это согрело его сердце, и он послал тебе самые теплые пожелания…» Тем не менее, беспорядочный режим работы Гитлера Гиммлера не устраивал. Бормана это удивляло: «Гиммлер просто шокирован нашим нездоровым образом жизни. Он сказал, что по крайней мере в полночь должен быть в постели. А мы продолжали работать до четырех утра, хотя и спали потом немного больше. Впрочем, это все старая история…»

Затем, 31 октября, Борман писал: «По моей просьбе дядя Генрих поедет 3 ноября в Рур… чтобы навести там порядок».

Это предсказало крайне неэффективное вторжение Гиммлера на Западный фронт. 10 декабря Гитлер назначил его главнокомандующим группой армий «Рейн». Причина этого назначения послужила предметом многих и самых различных спекуляций. В этом смысле можно считать типичным мнение Гудериана: назначение произошло с подачи Бормана, чтобы дискредитировать Гиммлера, поставив его в положение, которое показало бы его некомпетентность. По другой версии, это был единственный способ бросить резервную армию Гиммлера в бой. Но наиболее очевидная причина в том, что Гитлер думал, что этот преданный и энергичный человек добьется успеха там, где этого не смогут генералы. Гитлер никогда не верил специалистам.

Достаточно странно, но это назначение лишило Гиммлера непосредственной власти над контрнаступлением в Арденах, которое по плану Гитлера должно было состояться в октябре под командованием генерала СС Зеппа Дитриха, которому Гитлер поручил Шестую армию, специальный танковый корпус под командованием Рундштедта, и который был главнокомандующим западными силами. Выдвигались предположения, что назначение Гиммлера имело целью пресечь его возможные попытки вмешательства в стратегию Дитриха. Рундштедт особенно болезненно реагировал на вмешательства Гиммлера, который во время одной инспекционной поездки оказался достаточно бестактным, чтобы послать Рундштедту приказы, которые подписал «Верховный Командующий западными силами». Как описал это генерал Вестфаль, начальник штаба Рундштедта: «Хотя мы так никогда и не узнали, назначал ли Гитлер его

временно на эту должность, его вмешательства были очень скоро пресечены»[126].

Танковая армия СС Зеппа Дитриха едва ли заслуживала такого громкого названия; треть ее дивизий была набрана из Народных гренадеров, а другая треть из Ваффен СС. Кампания оказалась неудачной, даже несмотря на то, что специально привлекли Скорцени, чтобы он создал особую бригаду, подчиняющуюся непосредственно Гиммлеру, который принял командование на западе всего за несколько дней до наступления. Союзникам удалось узнать, что Скорцени получил приказ послать за линию фронта говорящих по-английски немцев, переодетых в форму союзников. Люди Скорцени проникли достаточно глубоко, но все усилия оказались напрасными, когда танки Зеппа Дитриха увязли в зимней грязи и не смогли поддержать Скорцени. Наскоро собранные силы Гиммлера и их командиры, включая Бах-Зелевски из Варшавы, предприняли небольшое сражение. Гиммлер попытался взять Страсбург своей необстрелянной армией и потерпел неудачу. Он был вызволен из этой бесславной ситуации назначением командующим восточной группой армий «Висла». Отбыл он 23 января, захватив с собой Скорцени. По словам язвительного генерала Вестфаля, он оставил за собой «целую корзину не разобранных приказов и отчетов».

Расположился Гиммлер в Шварцвальде. Как описал это Борман в письме своей жене: «Его штаб-квартира — а точнее, его поезд — находится либо вблизи одного из Мургтальских туннелей, либо около Триберга». Полевая ставка Гитлера была в 150 милях в Бад-Наухейме, но Гиммлер постоянно поддерживал с ним контакт. В рождественскую ночь он присутствовал на праздничном обеде, сидя рядом с Гудерианом, этим жестоким критиком, заметившим, что Гиммлер, похоже, разделял иллюзии Гитлера относительно Востока:

> «Он ничуть не сомневался в собственной значимости. Он верил, что обладает военным талантом в той же степени, что и Гитлер, а уж о том, что он лучше всех этих генералов, тут и говорить нечего. «Вы знаете, дорогой мой генерал-полковник, на самом деле я не верю, что русские вообще осмелятся нас атаковать. Это все — невероятный блеф. Данные вашего департамента… сильно преувеличены. Они слишком обеспокоены. Я уверен, на Востоке ничего не происходит». Что можно было возразить против такой наивности».

Эта явная беззаботность по отношению к ситуации, в которой

оказалась Германия, пронизывала всех, попавших под влияние Гиммлера, который по вечерам спокойно смотрел фильмы, тогда как его люди развлекались на вечеринках. 29 декабря Гиммлер принял у себя Рундштедта с Борманом, после чего гости вернулись в свои резиденции — неподалеку от гиммлеровской, — где продолжили «слушать музыку, танцевать и веселиться». «Сам я не танцевал, — писал Борман своей жене, — но видела бы ты Йодля».

Гиммлер, тем не менее, продолжал следить за дисциплиной тех, на чье поведение он должен был влиять. В январе он писал Раутеру, своему представителю в Голландии: «Настоящим приказываю принимать репрессивные и антитеррористические меры самым жестким способом. Единственное, в чем вас могут обвинить, так это в мягкости. Если же кто-то будет жаловаться на вашу жестокость, то это честь, которой нужно гордиться». В мае 1944 года он писал Панке, своему начальнику полиции в Дании: «Вы уж, пожалуйста, присмотрите за тем, чтобы ваша жена вела более скромный и менее шумный образ жизни… Я вынужден просить вас воспитать жену так, чтобы она воздерживалась от публичного высказывания мнений по тем или иным политическим событиям… Что же касается вашей семейной жизни, я даже не вполне уверен, что вы способны управлять собственной женой в той степени, в какой я могу ожидать этого от лидера СС. Хайль Гитлер!» В августе он посылает угрожающий сигнал коменданту Кракова: «Я совершенно не одобряю ваших приказов, которые, похоже, направлены только на эвакуацию. Я требую высочайшего мужества от всех членов администрации. Вывоз вашего имущества интересует меня крайне мало!» Даже когда он сам оказался в неприятном положении на Западном фронте, это не удержало его от написания резкого письма генералу СС Хофлю 12 января, после того, как он решил не посылать строгий выговор, заготовленный еще 30 декабря. Его исправленное письмо начиналось так: «По традиции, я размышлял над письмом, которое продиктовал для вас более десяти дней назад, и решил написать вместо него более личное послание, предоставив вам еще один шанс». Заканчивалось письмо так: «Если бы я представлял, насколько доверенное вам дело превышает ваши умственные способности, я бы избавил и вас, и себя от лишних неприятностей».

Дошедшие до нас письма и меморандумы Гиммлера показывают, что он должен был знать о неспособности СС на героическое самопожертвование, которого он от них ждал. Например, анонимное письмо, датированное 14 января 1944 года, обвиняло многих ведущих членов СС во взяточничестве, обмане и

воровстве; автор писал, что он старик, чьи сыновья на фронте и чей дом разрушен во время бомбежки. В письме, которое явно было серьезным, перечисляется примерно дюжина офицеров СС, которые, по утверждению автора, предавали отечество, ведя роскошный образ жизни. Десять дней спустя, 24 января, старший офицер СС пишет о том, что глупо призывать в армию работников военной промышленности, когда на фронте не хватает не людей, а оружия. 16 февраля генерал Хоффман пишет письмо из Штутгарта, в котором спрашивает, что делать с лишними иностранными рабочими, которые теперь, когда границы стремительно сжимаются, стали для рейха непосильной обузой. Следует ли оставлять их противнику? Ответа на это письмо не зарегистрировано.

23 февраля Гиммлер сам пишет Борману, которого называет «дорогим Мартином», о письме, которое он получил из Веймара от молодого офицера СС, Вильгельма Вермолена, в котором тот жалуется на низкий моральный облик ведущих членов Партии, которые первые бросились бежать.

Назначение Гиммлера главнокомандующим совпало с гибельной политикой передачи Герингу и Гиммлеру непосредственного командования, соответственно Люфтваффе и ударными силами СС. Армия не имела дисциплинарной власти над этими дивизиями, которые подчинялись только своим лидерам. Лишь по тактическим причинам они могли поступать в распоряжение армии. Гиммлер, подобно Герингу, мог теперь вмешиваться в вопросы стратегии и оспаривать приказы, отданные армейскими командирами, в той мере, в какой они касались его собственных людей.

Согласно Вестфалю, Гиммлер разразился «целым потоком абсолютно ребяческих приказов», но в соответствии с исповедуемыми им «новыми методами руководства» профессиональными солдатами руководил Кейтель. Гиммлер «страдал патологическим недоверием» и всегда, не колеблясь, обвинял армию в провалах своих собственных недейственных приказов, поскольку «всегда считал, что его поставили в невыгодное положение». Вестфал утверждал, что Гиммлер всегда расточительно обходился с посланными ему припасами:

> «Ему всегда посылали больше припасов, чем всем остальным частям фронта, из опасения, что в противном случае он позвонит Гитлеру и направит все поезда с амуницией в свой сектор. При этом он выстреливал все посланные боеприпасы до последнего снаряда, а затем просил прислать еще. Он сидел в своем специальном

поезде в Шварцвальде, а во время налетов прятался в туннеле. А то, что Гиммлер сам никогда на фронте не появлялся, об этом и вообще можно не упоминать. Он издавал свои приказы, сидя в тылу»[127].

Едва ли можно сказать, что Гиммлер реалистично воспринимал свои невероятно ответственные обязанности на так называемом Вислинском фронте. Он был назначен в очередной раз просто, чтобы заполнить вакуум, образовавшийся после того, как Гитлер бросил все силы на отпор последнего наступления русских. Гудериан, как начальник Генерального штабы, конечно же, выступил против этого непрофессионального назначения, но Гитлер был непреклонен. Вот что сказал по этому поводу сам Гудериан: «Это нелепое предложение меня ужаснуло… Гитлер считал, что Гиммлер очень хорошо показал себя на Верхнем Рейне. К тому же он командовал Резервной армией и, следовательно, всегда имел под рукой источник подкрепления… Гитлер приказал Гиммлеру собрать свой собственный штаб…»[128].

По свидетельству Гудериана, Гиммлер окружил себя сотрудниками СС, совершенно не имеющими опыта в том, что им предстояло делать. Его штаб-квартира находилась в 150 милях к северо-востоку от Берлина в Дойч-Кроне, куда он прибыл 24 января, обгоняя по дороге немецких беженцев. Русские уже захватили Восточную Пруссию и вышли на линию, протянувшуюся на юг от Эльбы на Балтике до Торуни близ Познани, старой штаб-квартиры немецкой армии, где Гиммлер так часто произносил речи, и Бреслау. В Северной Германии господствовали наступающие армии, и лишь разрозненные очаги сопротивления пытались сдержать их дальнейшее продвижение.

Имеющиеся у Гиммлера сведения тоже были разрозненными. Согласно Скорцени, он приказал ему сдать город всего в тридцати милях от Берлина и в ста милях от собственной штаб-квартиры. Либо Гиммлер неправильно понял название города, либо он считал, что силы русских рассредоточатся по широко разбросанным областям Германии. Русские, на самом деле, ожидали подхода обозов, отставших в ходе наступления, но они и так уже отсекли германские войска в Восточной Пруссии, которые с нетерпением ждали от гиммлеровской армии освобождения и лишь частично занимали Познань, немецкий центр связи в этом регионе. Гиммлер вывел гарнизоны из Торуни, Кульма и Мариенвердера, которые при благоприятных обстоятельствах, по крайней мере, дали бы ему плацдарм, с которого можно было освободить людей в Восточной Пруссии, и заменил командира

гарнизона в Познани твердолобым командиром СС с 2000 кадетов в подчинении. Кроме того, он расставил полицию вдоль реки Одер, поручив ей расстреливать дезертиров и выставлять их тела на всеобщее обозрение. Когда же он попытался предпринять небольшое местное наступление из Дойч-Крона в направлении Шнейдемюля, его люди потерпели поражение, и он был вынужден перенести штаб-квартиру и быстро оттянуть силы на сто миль на запад к Одеру, приказав отдавать под трибунал командиров гарнизонов оставленных позади формирований, если они покинут свои посты. На севере русские армии преследовали его по пятам и продвинулись до самого Одера. По «приказу Гитлера Гиммлер опасно вытянул линию обороны вдоль балтийского побережья, чтобы как можно дольше удержать базы подводных лодок, протянувшиеся до самой Эльбы.

К 31 января передовые силы русских начали угрожать Берлину, совершая вылазки с линии Одера, менее чем в пятидесяти милях от столицы. Началась паника, но наступление русских в этой зоне прекратилось.

Вторая штаб-квартира Гиммлера на Восточном фронте располагалась на роскошной вилле, принадлежащей Роберту Лею, главе Германского трудового фронта, и расположенной неподалеку от Гроссинзейского Орденсбургена[129] СС в Фалькенберге[130]. Здесь он фактически вел жизнь государственного чиновника, которому волею обстоятельств пришлось командовать войсками. Он вставал между восемью и девятью утра, затем Керстен проводил сеанс лечебных процедур, а если Керстена не было, то это делал Гебхардт, частная клиника которого удобно располагалась неподалеку в Хохенлихене. Между десятью и одиннадцатью он читал отчеты о ходе военных действий и принимал решения. После ленча следовал небольшой отдых, затем он снова беседовал со своими офицерами. К вечеру он слишком уставал, не мог концентрироваться и после обеда шел спать. После десяти его уже не беспокоили.

Гитлер, прекрасно осведомленный об угрозе Берлину, все-таки планировал основное наступление на юге[131], тогда как Гудериан был убежден, что необходимо немедленно атаковать передовые силы русских на востоке от столицы всеми силами, которые только удастся собрать. Он также был уверен, что Гиммлер не сможет руководить этой акцией, которую следует провести быстро и профессионально, пока русские не успели собрать силы для дальнейшего продвижения.

Гудериан собирался отстаивать свой план на штабной конференции, созванной Гитлером в Берлинской канцелярии 13 февраля. Ради присутствия на конференции Гиммлер покинул

свою клинику и, как и ожидал Гудериан, выступил против наступления на основании того, что в нужный срок не удастся собрать ни оружия, ни топлива. Гудериан записал беседу, состоявшуюся в присутствии Гиммлера:

> **Гудериан:** Мы не можем ждать до последней канистры бензина и последнего снаряда. К этому времени русские станут слишком сильны.
>
> **Гитлер:** Я не позволю обвинять себя в желании ждать.
>
> **Гудериан:** Я ни в чем вас не обвиняю. Я просто хочу сказать, что нет смысла ждать, пока будут выпущены последние снаряды, и, тем самым, упустить удобный момент для атаки.
>
> **Гитлер:** Я же только что сказал, что не позволю обвинять себя в желании ждать.
>
> **Гудериан:** Генерала Венка следует присоединить к штабу Рейхсфюрера, ибо в противном случае может не остаться шансов на успешную атаку.
>
> **Гитлер:** Лидер нации достаточно опытен, чтобы возглавить атаку самому[132].

По свидетельству Гудериана, диспут продолжался два часа. В конце концов, Гитлер пришел в ярость:

> «Кулаки его поднялись, щеки вспыхнули, все тело затряслось, он стоял передо мной вне себя от ярости и уже потерял над собой контроль. После каждой вспышки Гитлер стремительно проходил туда и сюда по краю ковра, затем внезапно останавливался прямо передо мной и бросал мне в лицо очередное обвинение. Он почти что кричал, глаза его, казалось, готовы были выскочить из орбит, а на висках надулись вены. Я понял, что должен сохранять хладнокровие и просто повторять свои требования снова и снова. Что я и делал с холодной настойчивостью».

Внезапно Гитлер остановился перед Гиммлером и сказал: «Ладно, Гиммлер, к вечеру генерал Венк прибудет в вашу ставку и будет командовать атакой».

Гудериан никогда не видел Гитлера в такой ярости. Со стены, с портрета Ленбаха, на эту сцену мрачно взирал Бисмарк, и Гудериан даже ощущал на себе взгляд стоящего позади бронзового бюста Гинденбурга.

«Сегодня Генеральный штаб выиграл битву», сказал Гитлер и

внезапно улыбнулся одной из своих самых очаровательных улыбок.

В тот же день штаб-квартира Гиммлера еще раз переехала, на этот раз в лес под Пренцлау, в семидесяти милях к северу от Берлина и всего в тридцати милях к западу от Щецина и русского фронта на Одере. Но сам Гиммлер в состоянии нервного срыва вернулся в Хохенлихен, в клинику Гебхардта, и отдал своим войскам самый абсурдный приказ: «Вперед через грязь! Вперед через снег! Вперед днем! Вперед ночью! Вперед за родную землю!»[133]. Венк прибыл 16 февраля для руководства операцией, которая началась в тот же день, в то время как Гиммлер вызвал в клинику Скорцени и предался мечтам о скором поражении русских. По словам Гудериана, «он воспринимал нашего противника совершенно по-детски».

Но наступление было обречено. Ночью 17 февраля, по пути в Берлин на доклад Гитлеру, Венк сломал руку в автокатастрофе. 20 февраля Борман написал жене: «Наступление дяди Генриха не удалось, а точнее, пошло не так, как намечалось, так что теперь его резервные дивизии будут брошены на другие участки. Это означает для нас постоянную импровизацию». Согласно Гудериану, атака, столь удачно начатая Венком 16 и 17 февраля, к 18 февраля потеряла темп. Русские вернули утраченные позиции и нанесли серьезный урон немецким танковым дивизиям.

В течение следующего месяца Гиммлер номинально сохранял пост главнокомандующего. В этот период были отданы большие территории в северо-восточных и южных районах; береговые базы были отрезаны или эвакуированы и в то же время каждую ночь Берлин подвергался бесконечным и жестоким бомбардировкам. К середине марта боевой дух дивизий СС в Венгрии окончательно упал и они начали отступление, невзирая на категорические приказы Гитлера. В ярости Гитлер потребовал сорвать с этих людей эсэсовские нашивки; среди опозорившихся дивизий оказалась и *Лейбштандарт,* состоявшая некогда в личной охране Гитлера. Гиммлер был направлен на юг в Венгрию, чтобы проконтролировать этот акт разжалования.

Несколько недель Гиммлер жил на грани нервного срыва. Пребывание в образе боевого генерала, навлекшее на него яростный шквал фанатичных команд Гитлера, в марте загнало его в постель в частной клинике Гебхардта, которая стала для него и убежищем, и штаб-квартирой. Где бы он ни оказался, он не мог решить ужасной дилеммы русского наступления и истерических упреков Гитлера. Подобно Герингу, он не выносил злости фюрера. Гиммлеру не хватало силы духа или веской причины ему

противостоять. Подобно испуганному школьнику, он убежал в постель, чтобы спрятаться от невыносимого родительского гнева. Гудериан описал это так: «Несколько раз я имел возможность наблюдать его нерешительность и робость в присутствии Гитлера… Когда он командовал группой армий «Висла», его решения диктовались страхом».

Вследствие этого Гиммлер потерял уважение своих армий, над которыми он от имени Гитлера пытался установить власть террора. В последние дни немецкого правления в Данциге деревья аллеи Гинденбурга превратились в виселицы для молодых солдат, на шее которых болтались плакаты с текстом: «Я повешен потому, что без разрешения покинул свою часть».

На основном Одерском фронте, в очередной раз парализованным в середине марта, но все еще большим армиям Гитлера практически нечем было воевать. У мобилизованных на фронт людей не было оружия для борьбы с захватчиками. И все же им приказали сражаться, не помышляя об отступлении. Возродили не применявшуюся уже целое столетие практику обвинения побежденных солдат в трусости и применили ее для обуздания пораженчества импровизированных частей Гиммлера, которые комплектовались теперь иностранными новобранцами, школьниками, осужденными преступниками, беженцами с Балтики, служащими брошенных Люфтваффе аэродромов и стариками, призванными из Национальной гвардии.

Именно Гудериану, по его собственным словам, удалось, наконец, убрать Гиммлера с поста главнокомандующего, на котором тот продемонстрировал «полную некомпетентность». Никаких докладов в ставку армии не поступало, и в середине марта Гудериан поехал в Пренцлау, узнать, что происходит. У него сложилось впечатление, что посланные Гиммлеру приказы больше не выполняются. Когда он приехал, Гиммлера на месте не оказалось; Гудериану сообщили, что он в Хохенлихене страдает гриппом.

«Избавьте нас от этого командира», — взмолился генерал Хайнц Ламмердинг, начальник гиммлеровского штаба.

Именно это Гудериан и намеревался сделать. Он отправился прямо в Хохенлихен, где с удивлением обнаружил Гиммлера в «достаточно добром здравии», не считая легкого насморка. Гудериан указал ему, что он явно перегружен работой, взвалив на себя обязанности рейхсфюрера СС, главы имперской полиции, министра внутренних дел, главнокомандующего Резервной армией и командующего группой армий «Висла». К тому же «он должен был уже понять, что командование войсками на фронте не такое уж простое дело». Ему следует отказаться хотя бы от

командования на востоке. Гиммлер колебался.

«Я же не могу просто пойти и сказать об этом Гитлеру, — сказал он. — Ему это не понравится». В этом Гудериан увидел свой шанс. «Так, может быть, я сделаю это от вашего имени? — предложил он[134].

Гиммлер согласился и в результате 20 марта потерял пост командующего. По мнению Гудериана, одной из основных причин, по которой Гиммлер стремился сохранить этот пост, помимо амбиций, было желание заслужить Рыцарский Крест.

> «Он совершенно недооценивал те качества, которыми должен обладать человек, стоящий по главе боевых подразделений. В первый же раз, когда ему пришлось решать задачу на глазах у всего мира — задачу, которая не решалась закулисными интригами и рыбной ловлей в мутной воде, — он неизбежно доказал свою несостоятельность. Было совершенно безответственным с его стороны держаться за этот пост; и равно безответственно поступил Гитлер, назначив его сюда».

Теперь Гудериан не упустил возможность поближе изучить характер Гиммлера. Он описал его как «самого непробиваемого из гитлеровских последователей». Он казался «незаметным человеком со всеми признаками расовой неполноценности. Производимое им впечатление было впечатлением простоты. Он был по-своему вежлив. В противоположность Герингу, его личную жизнь можно описать как совершенно спартанскую в своем аскетизме». И в то же время он казался «человеком с другой планеты». Воображение его было «живым и даже фантастичным… Его попытки преподать немецкому народу национал-социализм закончились концентрационными лагерями». Но Гудериан счел нужным добавить, что «способы сохранения в секрете применявшихся в концлагерях методов нельзя назвать иными, как мастерскими».

Маска решительности, избранная для себя Гиммлером, в той или иной степени спадала, когда он сталкивался с людьми, твердо намеренными остановить войну и сохранить те жизни, которые еще можно сохранить до наступления окончательной катастрофы. Концентрационные лагеря на Востоке один за другим попадали в руки противника, и Гиммлер был глубоко озабочен теми картинами, которые откроются союзникам, если им придется освободить лагеря внутри Германии. Как только вмешательство Гудериана избавило его от безнадежной задачи остановить русское наступление, все, что ему оставалось в этом,

сильно напоминающим отставку положении, это восстановить, насколько возможно, свою пошатнувшуюся репутацию. В этой ситуации он еще сильнее попадает под влияние миротворцев — Шелленберга, Керстена и шведского графа Бернадотта.

Бернадотт оставил собственное описание своих встреч с Гиммлером с февраля по апрель 1945 года. Он выступал частным посланником от имени Международного Красного Креста. В своей книге *Падение занавеса* он отдает должное уклончивому Шелленбергу, но никогда не упоминает Керстена[135]. Бернадотт был вице-президентом шведского Красного Креста и состоял в родстве с королем Швеции. Согласно его собственным утверждениям, он старался вмешаться в основном для того, чтобы спасти от уничтожения несколько тысяч скандинавских военнопленных и группу скандинавских женщин, которые, будучи немками по замужеству, овдовели во время войны и безнадежно мечтали вернуться на родные земли. То ли из тщеславия, то ли по заблуждению, Бернадотт старался выставить себя великим освободителем и миротворцем, бесстрашно бросившим вызов лидерам нацистской Германии, и в первую очередь Гиммлеру. То, что он явно намеренно не упоминает подготовительную работу, проделанную раньше и в более трудные времена Керстеном, вызывает сомнения в объективности его оценки своих личных достижений в последние недели существования режима.

Керстену, как мы уже видели, в сентябре 1943 года удалось переправить свою семью в Стокгольм; и, оказавшись здесь, он инспирировал пробные мирные переговоры, которые Шелленберг начал с Абрамом Стивенсом Хьюитом, особым представителем Рузвельта, бывшим в это время в Стокгольме. Также он инициировал первый этап плана эвакуации с оккупированных Германией территорий шведских военнопленных и военнопленных других скандинавских национальностей, план, над которым он работал со шведским министром иностранных дел Кристианом Гюнтером. Керстен также работал над освобождением голландских, французских и еврейских военнопленных. Постоянно перемещаясь между Швецией и Германией, Керстен обрабатывал гиммлеровское сознание с тем же старанием, что и его тело. Первоначальное предложение выглядело так: нейтральных шведов нужно освободить, а норвежских и датских узников концентрационных лагерей интернировать в Швеции.

Летом 1944 Керстену удалось склонить Гиммлера к тому, что скандинавских пленных следует поместить в лагеря, где они будут до некоторой степени защищены от бомбежек и смогут получать помощь от шведского Красного Креста. Он также

объединился с мадам Иммфельд, чтобы добиться освобождения 20 000 евреев и интернирования их в Швейцарии. В декабре, когда Керстен лечил Гиммлера в его поезде в Шварцвальде, рейхсфюрер пошел еще дальше и согласился выпустить 1000 голландских женщин, а также норвежских и датских женщин и детей и некоторых мужчин, при условии, что Швеция организует их перевозку. Кроме этого, он согласился переправить в Швейцарию 800 француженок, 400 бельгийцев, 500 полек и от 2 до 3 тысяч евреев. Перед возвращением в Стокгольм 22 декабря Керстен написал письмо, подтверждающее договоренность и объясняющее, что он обсудил в Берлине все подробности с Кальтенбруннером. Также он уговаривал Гиммлера отпустить еврейских узников в Швейцарию.

Как мы уже видели, Гиммлер начал переправку некоторых групп евреев в Швейцарию, но дальнейшая эвакуация была остановлена 6 февраля приказом Гитлера. До этого Гиммлер даже обсуждал со Швейцарией передачу концентрационных лагерей под надзор Международного Красного Креста; 2 февраля представители Красного Креста посетили Ораниенбург. Но ярость Гитлера слишком много значила для Гиммлера; он спался, как лопнувший шарик. После выговора, полученного 6 февраля, он удалился в Хохенлихен, как в наиболее тихое место, откуда он мог руководить военными действиями на востоке, которые в то время все еще номинально находились в его руках.

В Хохенлихене он принимает нескольких важных гостей. 14 февраля, через день после того, как Гудериан унизил Гиммлера перед лицом фюрера в Берлине, в Хохенлихен прибыл Геббельс. Чтобы посетить рейхсфюрера, который, как он узнал, заболел тонзиллитом, Геббельсу по дороге пришлось пробиваться сквозь толпы идущих с востока немецких беженцев. Шеммлер, адъютант Геббельса, записал его высказывания о человеке, который казался теперь ближайшим к нему в нацистской иерархии:

> «Геббельс явно не любил Гиммлера, хотя в работе они ладили… Но крайне радикальные воззрения Гиммлера и жестокость его методов в достижении цели были Геббельсу по душе. Иногда начальник СС представлялся ему соперником… Геббельс бы и сам хотел занять пост министра иностранных дел… Но Гиммлер его опередил, и с этого момента он стал ощущать уколы зависти… За исключением Гитлера, не было никого, кто бы тайно не боялся Гиммлера. Геббельс считал, что Гиммлер построил самую мощную организацию, которую только можно вообразить»[136].

На следующий день с Гиммлером связался Риббентроп и вероятно заехал к нему в Хохенлихен. Гиммлер явно одобрил план Риббентропа послать Фрица Гессе в Стокгольм с бесплодной мирной миссией. Гессе уехал 17 февраля, через день после прибытия в Германию Бернадотта.

Основным намерением Бернадотта было посетить Гиммлера и приступить к различным переговорам, организованным Керстеном, которого он, по всей видимости, считал посредником. 18 февраля[137] Бернадотт впервые встретился с Гиммлером в Хохенлихене, после формальных визитов к Кальтенбруннеру и Риббентропу, чьи продолжительные речи во время интервью он тайно замерял секундомером. Иностранная политика Риббентропа, заметил он, похоже, допускала некоторое соглашение со Сталиным по вопросу совместного российско-германского господства в Европе, что, по сути дела, полностью противоречило политике, которую Шелленберг и Керстен отстаивали перед Гиммлером и которая была нацелена на объединение Германии с западными союзниками против дальнейших посягательств Красной армии на Западную Европу. В сопровождении Шелленберга Бернадотт прибыл в Хохенлихен, который оказался наводненным немецкими беженцами с востока. Вопреки ожиданиям он обнаружил Гиммлера в прекрасном настроении. Он был одет в зеленый мундир Ваффен СС и носил очки в роговой оправе вместо традиционного пенсне, которое Бернадотт видел на многочисленных портретах рейхсфюрера. Описание Гиммлера Бернадоттом представляет особый интерес:

> «У него были маленькие и деликатные руки очень приятной формы с тщательным маникюром, хотя членам СС это и запрещалось. Кроме того, к моему великому удивлению, он оказался весьма любезен. Он даже продемонстрировал чувство юмора, правда, несколько мрачноватое… В нем явно не было ничего дьявольского. Не заметил я также никаких следов ледяной жесткости, о которой так много слышал. Гиммлер… казался очень оживленным, склонным к сентиментальности, когда речь заходила о его отношениях с фюрером, и с большой степенью энтузиазма».

Когда Бернадотт, знавший об интересе Гиммлера к скандинавским странам, подарил ему шведскую книгу семнадцатого века о скандинавских рунических надписях, Гиммлер «казался искренне тронутым».

Конкретно Бернадотт требовал освобождения нескольких тысяч норвежских и датских военнопленных для интернирования

их в Швеции. Это требование Гиммлер отклонил, но согласился с тем, что их следует переправить в два специальных лагеря, где за ними сможет ухаживать шведский Красный Крест. После долгого разговора об опасности, грозящей Европе в случае победы русских, он даже согласился с тем, что «при необходимости позволит передать интернированных евреев в руки союзников». Когда они расставались, он попросил Шелленберга проследить за тем, чтобы доставку Бернадотта в Берлин поручили хорошему шоферу. «А то может случиться так, — добавил он, — что шведские газеты поместят на первой полосе громадные заголовки: «Военный преступник Гиммлер убил графа Бернадотта»».

По свидетельству Шелленберга, Гиммлер был недоволен этим вмешательством в переговоры, которые хотел сохранить в максимальной секретности. Тот факт, что о визите Бернадотта было официально известно Риббентропу и Кальтенбруннеру, означал, что об этом узнает и Гитлер; тем не менее, Гиммлер решил придать происходящему официальный характер и проинструктировал Кальтенбруннера и Фегелейна, своего официального представителя в ставке Гитлера, просветить Гитлера по данному вопросу. По словам Фегелейна, Гитлер ответил: «В тотальной войне подобная чушь совершенно бесполезна». Шелленберг, стремящийся как всегда подчеркнуть свою роль, утверждает, что во время поездки в Хохенлихен посоветовал Бернадотту согласиться на компромиссное решение о датских и норвежских военнопленных и вместо того, чтобы добиваться их выдачи для интернирования в Швецию, просить их перемещения в центральный лагерь на северо-западе силами шведского Красного Креста. После интервью он заявил, что граф произвел на Гитлера «самое благоприятное впечатление», и что он хочет поддерживать с ним тесный контакт. Несомненно, ухватиться за эту новую спасительную соломинку его подтолкнул провал атаки на русских, которую только что провели от его имени люди Гудериана.

Неделю спустя Гиммлер приезжает в Берлин, чтобы присутствовать на встрече Геббельса со своими министрами. Они заговорили о мирных переговорах, но Геббельс заново поверил в Гитлера и отказался обсуждать эту тему без активной поддержки самого Гитлера. Он даже высказал предположение, что если бы Фюрер мог когда-нибудь предпринять такую акцию, то, скорее всего, он обратился бы на восток к Сталину, нежели на запад к союзникам. «Идиотизм», — пробормотал Гиммлер и вышел[138]. Геббельс готовил себя к роли защитника берлинских стен, человека, готового отдать за Фюрера и свою жизнь, и жизни своей

жены и детей.

Керстен вернулся в Германию из Стокгольма 3 марта после дальнейших консультаций с Гюнтером, шведским министром иностранных дел, который боялся, что союзники принудят шведов нарушить нейтралитет и вступить в войну, если Германия не отстанет от Норвегии. Он также встретился в Стокгольме 25 февраля с Хилелом Сторком. Сторк был одним из лидеров Всемирного еврейского конгресса в Нью-Йорке и всеми силами стремился добиться безопасности и освобождения евреев, оставшихся заключенными в Германии. Он знал о приказах Гитлера, что и заключенных и лагеря следует уничтожить при возникновении угрозы освобождения их союзниками. Керстен предпочел вести переговоры об освобождении евреев Международным Красным Крестом непосредственно с Гиммлером.

Новые переговоры с Гиммлером он начал 5 марта. «Он находился в крайне нервном состоянии, — писал Керстен, — переговоры были бурными и непростыми».

В последующие дни Керстен пытался взывать к совести Гиммлера и остаткам его человечности. Шелленберг занимался тем же самым: «Я боролся за его душу, — сказал он. — Я уговаривал его воспользоваться добрыми намерениями шведов… Я предложил попросить графа Бернадотта полететь к генералу Эйзенхауэру и передать ему предложение о капитуляции». По словам Шелленберга, Гиммлер, наконец, уступил и согласился, что Шелленберг должен продолжить встречи с Бернадоттом, с которым на этом этапе встречаться сам он не хотел, из страха перед Гитлером и перед правящей верхушкой в Берлине, члены которой относились теперь к нему недружелюбно и имели больший доступ к фюреру, нежели он сам.

В тот же день, когда Керстен начал свои безнадежные переговоры с Гиммлером, Бернадотт прибыл из Швеции, чтобы окончательно договориться о переправке датских и норвежских военнопленных из лагерей, разбросанных по всей Германии, в центральный лагерь в Нойенбурге. Эти переговоры велись с Кальтенбруннером и Шелленбергом. Трудности возникли с обеих сторон. Бернадотт заявил, что ему удалось преодолеть открытое нежелание Кальтенбруннера сотрудничать. С другой стороны, согласно профессору Тревор-Роперу, Бернадотт сам открыто отказался принять на шведский транспорт нескандинавских заключенных, и написал об этом Гиммлеру[139]. Дело пришлось улаживать Гюнтеру с Керстеном, и перевозка свершилась в течение двух последних недель марта. Тем временем Керстен, снова работая с Гюнтером, смог добиться от Гиммлера очередного

и очень важного соглашения. Это соглашение было подписано Гиммлером 12 марта, и в нем рейхсфюрер СС осмелился проигнорировать приказ Гитлера о том, что перед приходом союзников концентрационные лагеря следует взорвать. Он согласился сдать их в целости и сохранности со всеми заключенными и остановить дальнейшее истребление евреев.

На принятии этого решения, несомненно, отразилось то, что 10 марта Гиммлер узнал об эпидемии тифа, разразившейся в громадном лагере в Бельзене. Согласно Керстену, Кальтенбруннер скрывал от него эту новость, потому что тут же использовал эту новую угрозу Германии для повышения давления на Гиммлера. «Я сказал, что ни при каких обстоятельствах он не должен позволить этому лагерю стать рассадником заразы, угрожающей всей Германии». Он тут же послал приказ Кальтенбруннеру, в котором, по совету Керстена, потребовал принятия самых неотложных мер по ликвидации эпидемии. 19 марта Гиммлер посылает письменный приказ Крамеру, коменданту Бельзена, в котором говорит, что нельзя больше убивать «ни одного еврея», и что любой ценой нужно снизить смертность в лагере, в котором на тот момент содержалось 60 000 заключенных. Положение в Бельзене было столь ужасным, что даже Хесс, посетив лагерь, был шокирован видом многих тысяч мертвецов.

Керстен, который 22 марта собирался уезжать в Стокгольм, старался смягчить настроение Гиммлера. В своем достаточно подробном дневнике этого периода, написанного, большей частью, в Гартцвальде, его старой резиденции близ Берлина, Керстен утверждает, что после его уговоров Гиммлер согласился с тем, что в Скандинавии не должно вестись боевых действий, а также согласился отменить приказ Гитлера о том, что Гаагу и другие голландские города следует уничтожить ракетами V-2 при подходе союзных армий, а также разрушить дамбу Зёйдер-Зе. 14 марта Гиммлер с неохотой подписал приказ о том, что города и дамбу следует сохранить.

«Когда-то мы имели хорошие намерения относительно Голландии, — сказал Гиммлер. — Люди германской расы нам не враги… Но история голландцев ничему не научила… Они могли бы нам помочь и тогда мы помогли бы им. Они сделали все, чтобы помешать нам победить большевизм».

17 августа, за день до того, как Гудериан приехал в Хохенлихен и уговорил его сложить с себя командование армией, Гиммлер, наконец, согласился встретиться в строжайшей секретности с представителем Всемирного еврейского конгресса в Гартцвальде. Керстен предложил пригласить в Германию Сторка,

при условии, что Гиммлер гарантирует его личную безопасность.

«С герром Сторком ничего не случится, — сказал Гиммлер. — Клянусь своей честью и жизнью».

Керстен, как и раньше, проявил осторожность и написал Гиммлеру письмо, подтверждающее все, что рейхсфюрер СС обещал сделать. Гиммлер, в свою очередь, послал приглашение Сторку, в котором дал понять, что с самого начала исповедовал гуманный подход к еврейскому вопросу и в последние недели фактически уже продемонстрировал свои добрые намерения. Также, через своего секретаря Брандта, он в письменном виде подтвердил свои соглашения с Керстеном.

22 марта, в день, когда Керстен улетел в Стокгольм докладывать Гюнтеру о своих многочисленных успехах, Гиммлер принял в своей ставке в Пренцлау генерала Готтхарда Хейнрици, принявшего от него командование боями. За день до этого он твердо решил съездить к Гитлеру в Берлин, и Гудериан видел его прогуливающимся с фюрером по дорожкам сада Канцелярии. После этого Гудериан сказал Гиммлеру, что, по его мнению, война проиграна, и бессмысленное уничтожение людей нужно немедленно остановить.

«Давайте вместе пойдем к Гитлеру, и вы уговорите его заключить перемирие, — потребовал Гудериан.

Для Гиммлера это было слишком.

«Мой дорогой генерал-полковник, — старательно выговаривая слова, сказал Гиммлер. — Слишком рано еще это делать». Гудериану стало противно. Как он ни спорил, ничего добиться от Гиммлера больше не смог. «С этим человеком ничего нельзя было поделать, — писал он в мемуарах. — Он боялся Гитлера».

22 марта Гиммлер в последний раз выступил в роли воина. Он собрал в Пренцлау своих начальников штабов и стенографистов и в присутствии Хейнрици продиктовал отчет обо всем, что случилось за время его пребывания на посту главнокомандующего. Чем больше он говорил, тем более абсурдной казалась эта высокопарная сцена прощания. Хейнрици пришел к профессиональному выводу, что «за четыре месяца Гиммлер так и не постиг элементарных основ командования». После двух часов диктовки он стал так путаться, что стенографисты перестали понимать, что он говорит, и вместе со штабными офицерами попросили закончить заседание. Хейнрици, которому не терпелось попасть на фронт, был спасен от этой пытки телефонным звонком: генерал Буше, один из боевых командиров, оказался в серьезном затруднении и хотел доложить об этом главнокомандующему. Гиммлер тут же передал трубку

Хейнрици.

«Теперь командуете вы, — сказал он. — Отдайте ему приказ»[140].

Прежде чем встреча прервалась, Хейнрици, подобно Гудериану, попытался убедить Гиммлера в возможности начать мирные переговоры с западными союзниками. Гиммлер постарался не дать конкретного ответа, но осторожно заявил, что уже предпринял некоторые шаги в этом направлении.

В хаосе последнего месяца войны очень многие очищали совесть, пытаясь начать мирные переговоры с союзниками, которые после окончания войны выставили бы их в благоприятном свете. Среди них был и генерал Вольф, связной офицер Гиммлера в гитлеровской ставке до 1943 года, когда его назначили комендантом Северной Италии. В начале марта он приехал в Швейцарию и через Аллена Даллеса попытался вести переговоры о сдаче германских войск в Италии. Тем не менее он не встретил эмиссаров, посланных в Цюрих генералом Александером для обсуждения условий, поскольку боялся выдать Гиммлеру истинную природу своей самовольной миссии. Он сделал вид, что во время этих встреч обсуждался лишь обмен военнопленными, вопрос, которым, по заявлению Гиммлера, занимался Кальтенбруннер. На какое-то время дело застопорилось, но Вольф просто ждал шанса бросить вызов растущему авторитету Кальтенбруннера и снова начать действовать от собственного имени.

Зачастую трудно уловить какой-либо смысл в тех переговорах, которые тайно велись за спиной Гиммлера и мотивировались отчаянием, смешанным с корыстью. Согласно показаниям, данным на Нюрнбергском процессе Бальдуром фон Ширахом, который во время войны был нацистским гауляйтером Вены, Гиммлер прибыл в Вену в конце марта, чтобы организовать эвакуацию евреев из Вены в лагеря в Линце и в Маутхаузен.

«Я хочу, чтобы евреи, занятые в настоящее время на производстве, — сказал он, по свидетельству Шираха, — были доставлены по воде или автобусами с максимальным комфортом и наилучшим медицинским уходом в Линц или Маутхаузен. Пожалуйста, позаботьтесь о них. Они сейчас — самая выгодная моя инвестиция». У Шираха создалось впечатление, что «хорошим обращением с этими евреями Гиммлер хотел искупить свою вину»[141]. Впрочем, в конце концов, выжившим евреям пришлось идти в Маутхаузен пешком.

В первой половине апреля Гиммлер часто наведывался в Хохенлихен, и именно здесь 2 апреля, вместе с Шелленбергом, он принял Бернадотта во второй раз. Гиммлер казался

раздраженным и подавленным, но, тем не менее, настаивал на продолжении войны. Впрочем, он согласился отпустить часть скандинавских заключенных, хотя сказал, что всех сразу отпускать нельзя, потому что, по его мнению, «это привлечет слишком много внимания». Гиммлер, казалось, полностью находился под влиянием Гитлера, но позже он передал через Шелленберга записку, в которой писал, что если позиция Гитлера вдруг изменится, он надеется, что Бернадотт свяжется от его имени со штаб-квартирой союзников. Бернадотт посоветовал Шелленбергу избавиться от иллюзий, которые могут быть у него или у Гиммлера, касательно того, что союзники когда-либо захотят начать переговоры с предводителем СС, человеком, которого во всем мире считают убийцей.

К началу апреля Геббельс понял, что концентрационные лагеря будут самым худшим свидетельством, которое только может попасть в руки союзников. «Боюсь, проблема концентрационных лагерей уже касается не одного только Гиммлера, — сказал он, и фон Овен старательно записал это его наблюдение. — Вы только подумайте, что будет, если эти лагеря попадут в руки противника в их теперешнем состоянии. Какой крик поднимется». Фактически уже в апреле первые части союзных войск освободили Бельзен, Бухенвальд и Дахау. Гиммлер считал, что совершил акт величайшего гуманизма, позволив союзникам войти в эти лагеря, условия в которых были хуже некуда, не уничтожив предварительно всех их обитателей. Страшная переполненность лагерей не позволяла ни охранникам, ни самим заключенным хоть как-то ухаживать за умирающими. Когда союзные войска вошли в эти лагеря, они столкнулись с ужасным и безнадежным состоянием инерции, и увидели, что может сделать человек двадцатого столетия с другим человеком во имя расовой чистоты. Первый британец вступил в Бельзен 15 апреля, после того, как за три дня до этого было заключено перемирие с эсэсовской охраной. Согласно Шелленбергу, Кальтенбруннер приказал полностью эвакуировать Бухенвальд, и эвакуация началась, вероятно, без ведома Гиммлера, 3 апреля; Гиммлер, по словам Шелленберга, прекратил эвакуацию 10 апреля, как только узнал о ней от сына президента Швейцарии, Жана-Мари Муси, которому 7 апреля дал слово, что Бухенвальд останется в неприкосновенности до прихода союзников, чем хотел оказать благоприятное впечатление на генерала Эйзенхауэра.

Номинально Гиммлер все еще оставался военным, командиром Ваффен СС и главнокомандующим Резервной армией, хотя в суматохе последних недель подразделения,

оставленные в боях, перешли под непосредственное командование Гитлера. Тем не менее Гиммлер счел уместным выпустить жесткий приказ от 12 апреля, грозивший смертной казнью всякому командиру, сдавшему город, который ему поручено оборонять. «Назначенные для обороны каждого города боевые командиры несут личную ответственность за исполнение этого приказа. Неисполнение боевым командиром своих обязанностей, или попытка гражданского лица создать условия для такого неисполнения, карается смертью»[142].

Керстен тем временем оставался в Стокгольме, ожидая формально разрешения на посещение Стор-ком Германии. Бернадотт вернулся 10 апреля и привез с собой письмо для Керстена от Брандта, в котором, хотя и без указания точной даты встречи, сообщалось, что Гиммлер не забыл своих обещаний. Гиммлер на самом деле все еще чувствовал себя очень неуверенно. 3 апреля он сказал Шелленбергу: «Как я могу это сделать под носом у Кальтенбруннера? Я же полностью окажусь в его власти». Это был один из тех случаев, когда Шелленбергу пришлось биться за душу Гиммлера; была достигнута секретная договоренность с профессором де Кринисом, что врач Гитлера предоставит подробный отчет о состоянии здоровья фюрера, но отчет еще не пришел и не мог ни помочь, ни помешать рейхсфюреру СС в принятии решения. Гиммлер пригласил Шелленберга на прогулку по лесу близ сельского домика в Вустроу, где он остановился, и попытался облегчить душу:

«Шелленберг, — сказал он, — «мне кажется, что с Гитлером уже ничего не поделаешь».

«Все его последние дела, — возразил Шелленберг, — свидетельствуют о том, что пришло время действовать».

Дальше Шелленберг так описывает их разговор:

> «Гиммлер сказал, что я единственный, кроме Брандта, кому он может полностью доверять. Что ему делать? Он не может застрелить Гитлера; он не может его отравить; он не может арестовать его в Рейхсканцелярии, ибо вслед за этим остановится вся военная машина. Я сказал ему, что все это не имеет никакого значения; для него есть только два выхода: или он идет к Гитлеру, открыто говорит ему обо всем, что произошло за последние годы, и принуждает его отречься; или, в противном случае, он должен свергнуть его силой. Гиммлер ответил, что если он обратится к Гитлеру с подобными словами, Фюрер придет в страшную ярость и пристрелит его на месте. Я сказал:

«Вот именно от этого вы и должны себя защитить — в вашем распоряжении еще достаточно высших чинов СС, и позиция ваша еще достаточно сильна, чтобы его арестовать. А если другого выхода нет, должны вмешаться врачи».

В конце концов Гиммлер последовал совету Шелленберга и назначил приезд Сторка в Германию на 19 апреля, на время, когда Кальтенбруннер, как было известно, собирался уехать в Австрию. Послание дошло до Керстена 17 апреля, но в это время Сторк уже не имел возможности поехать в Германию. Он делегировал многотрудную задачу быть первым евреем, вступившим в непосредственные переговоры с Гиммлером на более или менее равных условиях, Норберту Мазуру, директору шведской секции Всемирного еврейского конгресса в Нью-Йорке. Он должен был прибыть инкогнито в сопровождении Керстена. 19 апреля они прилетели обычным рейсом в аэропорт Темпельхоф, будучи единственными пассажирами на борту самолета, заполненного посылками Красного Креста. Когда они прибыли, их встретила охрана СС; офицер щелкнул каблуками и крикнул: «Хайль Гитлер!», но Мазур в ответ спокойно приподнял шляпу и сказал: «Добрый вечер». Затем они поехали в Гартцвальд на штабной машине СС, чтобы подождать там Гиммлера, который провел день в Берлине, заседая с графом Шверином фон Крозигом, министром финансов. Интервью в доме графа организовал Шелленберг, поскольку надеялся, что министру удастся склонить Гиммлера к действиям, которых они все от него ждали «с Гитлером или без такового[143]».

Гиммлер не смог встретиться с Мазуром 20 апреля, потому что это был день рождения Гитлера. В ночь с 19 на 20 апреля он послал в Гартцвальд Шелленберга, чтобы тот подготовил почву для переговоров, которые он будет готов начать, как только закончится застолье. Гиммлер, по свидетельству Шелленберга, заказал шампанское, чтобы они могли выпить за здоровье фюрера.

Но 20 апреля оказался неподходящим днем для торжества. К этому моменту американцы форсировали Эльбу и вошли в Нюрнберг; английские части подходили к Берлину с запада, а русские войска надвигались с востока. Американские и русские армии должны были вот-вот встретиться. Гитлер решил принять гостей в огромном бункере, построенном на глубине 15 метров под зданием Канцелярии и протянувшимся под садом. Хотя Гиммлер, вопреки совету Шелленберга, решил появиться на торжестве и пожать Гитлеру руку, его не пригласили на личную

беседу с фюрером вместе с остальными лидерами. Их отношения теперь сильно охладились. Он стал в строй под землей вместе с остальными, чтобы поздравить человека, которому пятнадцать лет служил рейхсфюрером СС. Присутствовали: Геринг, Геббельс, Риббентроп и Шпеер; были также Дениц, Кейтель и Йодль, и происходило это все под пристальным взглядом Бормана. Предполагалось, что теперь Гитлер направится на юг и возглавит Великое Германское Сопротивление, которое собирались организовать из Оберзальцберга; Гиммлер присоединился к хору голосов, уговаривающих фюрера это сделать. Но Гитлер не спешил с решением и лишь сказал, что если Германия окажется разрезанной надвое надвигающимися с востока и запада армиями, то Дениц возглавит оборону на севере. Узкий проход на юг был все еще открыт, и лишь только совещание закончилось, все разъехались в разные стороны. Геринг, в сопровождении целой колонны машин, отправился в Оберзальцберг; Шпеер поспешил в Гамбург, намереваясь, насколько можно, спасти от разрушения германскую промышленность; Риббентроп остался в Берлине, но в его советах больше не нуждались. Лишь Геббельс и Борман остались возле Гитлера, ожидая его решения — остаются ли они в Берлине и умирают здесь или бегут на юг и продолжают еще бороться за выживание.

Гиммлер распрощался и отбыл в Вустроу, где его с нетерпением ждал Шелленберг. Это была его последняя встреча с Гитлером.

*[144]

VIII
Самообман [145]

Гиммлер поднялся по витой лестнице с нижних этажей гитлеровского бункера и прошел по переходам и коридорам, покрытым тяжелыми плитами, призванными защитить фюрера в последние дни обороны Берлина. За пределами этих стен земля содрогалась от взрывов, медленно уничтожающих то, что еще оставалось от города.

Как всегда озабоченный Шелленберг тщетно пытался связаться с Гиммлером, который, покинув бункер, оказался запертым в Берлине беспрерывными налетами. Он добрался до Вустроу, где его ждал Шелленберг, лишь к середине ночи. После недолгих уговоров он согласился поехать в Гартцвальд, куда они прибыли между двумя и тремя часами утра 21 апреля.

Возле дома его встретил Керстен и попросил отне-стить к Мазуру дружелюбно и великодушно. Это был шанс восстановить честь Германии и показать миру, пока еще не поздно, что на смену репрессиям и жестокостям пришла, наконец, новая гуманная политика. Керстен знал, что наигранный гиммлеровский гуманизм не устоит против таких аргументов. Когда они вошли, Гиммлер заверил Керстена, что искренне желает договориться с евреями.

Впервые с момента прихода к власти Гиммлер встречался с евреем на равных. Он официально поприветствовал Мазура и сказал, что рад его приезду[146]. Затем они присели, и Гиммлер тут же начал длинную оправдательную речь об отношении режима к евреям, как к чужакам, о придуманной им эмиграционной политике, которая, как он сказал, «могла бы дать евреям большие преимущества», и о том, как эта политика саботировалась другими нациями, на которые она не распространялась.

Мазур был опытным дипломатом и хотел достичь вполне определенной цели. Он оставался очень спокойным и лишь время от времени вставлял замечания, возражая против очень уж крайних высказываний. И лишь когда Гиммлер заявил, что концентрационные лагеря были на самом деле учебными центрами, где работа, может быть, и была трудной, зато обхождение всегда было справедливым, Мазур до некоторой степени потерял терпение и упомянул преступления, которые в них свершались.

«Я считаю, что подобные инциденты были чисто

случайными, — мягко возразил Гиммлер, — и, к тому же, виновные в этих нарушениях всегда наказывались».

Он с горечью посетовал на ложные заявления о немецкой жестокости, сделанные союзниками на основании того, что они увидели в Бельзене и Бухенвальде, которые он «передал им в полном соответствии с договоренностью». По этому поводу он сказал:

> «Когда я отпустил 2700 евреев в Швейцарию, пресса развернула против меня кампанию, утверждая, что я сделал это лишь для того, чтобы обеспечить себе алиби. Но я не нуждаюсь ни в каком алиби! Я всегда делал лишь то, что считал справедливым, то, что было нужно моему народу. За это я отвечу. Ни в кого за последние десять лет не бросали столько грязи, как в меня. Но я никогда не обращал на это внимания. Даже в Германии любой может сказать обо мне все, что думает. За границей газеты развернули против меня кампанию, которая вовсе не способствует тому, чтобы я продолжил передачу лагерей»[147].

Мазур заявил, что все оставшиеся в Германии евреи должны быть немедленно отпущены и что эвакуация должна быть остановлена. Но как только он коснулся конкретных фактов и условий соглашения, Гиммлер заколебался и старался не брать на себя никаких обязательств. Мазур был вынужден выйти с Шелленбергом в другую комнату, чтобы обсудить подробности дальнейших действий; поскольку они встречались за день до этого, Шелленберг знал, чего хочет Мазур. Было проще достичь соглашения в отсутствие Гиммлера. Он уступил, лишь оказавшись наедине с Керстеном, который заставил его пообещать, что он исполнит данное еще месяц назад обещание об освобождении из Равенсбрюка тысячи еврейских женщин для эвакуации в Швецию под предлогом их польского происхождения. Гиммлер все еще боялся, что Гитлер может узнать о том, что он делает.

В конце разговора Гиммлер попытался оправдать все, что было сделано в Германии и в оккупированных странах. Преступность снизилась, сказал он; никто не голодал; у всех была работа. Лишь одному Гитлеру хватило решимости выступить против коммунистов; его поражение принесет в Европу хаос. Вот тогда американцы поймут свою ужасную ошибку. С помощью Шелленберга и Брандта, который тоже присутствовал при разговоре, Керстен добился всего, что мог в вопросе о количестве освобождаемых евреев, и договорился с Гиммлером о строгом контроле за исполнением ранее данных обещаний улучшить

условия содержания евреев, все еще находящихся в заключении. Обеспокоенный и нерешительный, Гиммлер практически не вмешивался в разговор, ограничиваясь самыми общими фразами о ситуации и о своих гуманных поступках. Он устранился от любых обсуждений конкретных мер, которые вели от его имени Шелленберг и Брандт. Примерно в пять утра совещание прервалось и Керстен вывел Гиммлера наружу для приватной беседы.

И тут Гиммлер внезапно спросил: «Нет ли у вас выхода на генерала Эйзенхауэра или на западных союзников?»

Когда Керстен ответил, что нет, Гиммлер спросил, готов ли он отправиться послом к Эйзенхауэру и передать предложение о прекращении военных действий против Германии и об образовании единого фронта против России.

«Я готов признать победу западных союзников, — сказал он. — Пусть они только дадут мне время, отбросить русских. Если они дадут мне припасы, я еще смогу это сделать».

Гиммлер все еще представлял себя в образе главнокомандующего немецкой армией. Керстен сказал, что он должен обсудить с Бернадоттом мирные переговоры. Это было, скорее, в его компетенции. Затем, убедившись, что голландские города и дамба все еще целы, и что Гиммлер сделает все возможное, чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие в Скандинавии, Керстен, наконец, его отпустил. Одной лишь настойчивостью он добился от него всего, что мог, и теперь Шелленберг должен был доставить Гиммлера в Хохенлихен на встречу с Бернадоттом. Граф хотел поговорить с ним до отъезда на север, который планировался на утро.

Они вместе спустились к машине. Гиммлер протянул Керстену руку и поблагодарил его за все, что тот сделал. Он будто знал, что больше они не встретятся, и говорил очень официально:

«Благодарю вас от всего сердца, за все эти годы, в течение которых я имел честь пользоваться вашим медицинским искусством. Но сейчас я должен подумать о своей несчастной семье, — добавил он, попрощался и уехал с Шелленбергом[148].

Они прибыли в Хохенлихен в шесть часов и позавтракали с Бернадоттом, который приехал прошлым вечером из Берлина, чтобы повстречаться с Гиммлером[149]. Бернадотт спешил обратно и хотел от Гиммлера лишь разрешения на выпуск скандинавских узников, собранных Красным Крестом в Нойенгамме. Но Гиммлер не сдавался. Он сердито заявил, что «паутина лжи», плетущаяся вокруг Бельзена и Бухенвальда, заставила его переосмыслить всю ситуацию, и он приказал эвакуировать Нойенгамме.

«Это просто возмутительно, — сказал Гиммлер Бернадотту, — что этот лагерь, который, на мой взгляд, содержится в образцовой форме, стал объектом всех этих бессовестных нападок. Ничто меня так не расстраивает, как публикации по этому вопросу союзной прессы».

От Бернадотта не укрылись усталость и нервозность Гиммлера. Он выглядел «выдохшимся и усталым» и сказал, что не спал уже несколько дней. «Казалось, он не мог долго оставаться на одном месте и постоянно ходил по комнате, давая выход беспокойству». Тем не менее, ел он с аппетитом и во время разговора постукивал ногтями по передним зубам — это было признаком взволнованности, как позже объяснил Бернадотту Шелленберг. Он согласился с эвакуацией женщин из Равенсбрюка и с тем, что Красный Крест может вывезти скандинавов в Данию, где они должны оставаться под наблюдением гестапо. Начаться это должно было на следующий день, а организовать все должны были датчане по запросу Бернадотта.

Окончательно устав, Гиммлер доверил Шелленбергу договариваться с Бернадоттом о доставке послания Эйзенхауэру. Бернадотт отказался. «Он должен был взять дела Германии в свои руки уже после моего первого визита», — сказал он. Шелленберг, провожавший Бернадотта в аэропорт, вернулся в Хохенлихен, «переполненный печалью», и едва успел прилечь, чтобы хоть немного вздремнуть, как его вызвал Гиммлер. Лежащий в постели рейхсфюрер выглядел весьма жалко и сказал, что чувствует себя нехорошо. Тем не менее, он решил ехать в Вустроу, и им пришлось пробиваться сквозь колонны войск и беженцев, заполонивших все дороги. «Мне страшно перед будущим», — сказал он. Прямо перед Вустроу их атаковал низколетящий самолет, но им удалось спастись. Они пообедали, а потом говорили до глубокой ночи. Гиммлер мечтал о создании новой Партии национального единства, не обремененной присутствием Гитлера.

В воскресенье, 22 апреля, Гитлер заперся у себя в бункере и, расставляя несуществующие войска на уже потерянных территориях, в конце концов решил, что остается в Берлине. Русские в это время уже захватили окраины города. Геббельса с женой и шестью детьми пригласили присоединиться к фюреру в его бетонной могиле. Подобно разгневанному богу, в припадке жалости к самому себе, Гитлер обрушился на изменивший ему мир и на предателей, стоящих у его ворот. Пусть бегут на юг. Он умрет здесь — в столице, он и его верные друзья.

Но Гиммлера среди них не было. Он поспешил убраться из Вустроу, которому тоже угрожали русские. Он возвратился в

Хохенлихен, где по телефону узнал от Фегелейна о непреклонном решении Гитлера. Гитлер, сказали ему, был разъярен тем, что СС бросили его в беде.

С ним оставались Готтлоб Бергер и Гебхардт. Весть из Берлина задела Гиммлера за живое, и Шелленберга, уехавшего на север за Бернадоттом, не оказалось рядом, чтобы защитить его ненавязчивым советом.

«В Берлине все сошли с ума, — вскричал он. — У меня остался лишь батальон сопровождения — 600 человек, большинство из которых ранено. Что я могу сделать?»

Бергер, со свойственной ему простотой, сказал, что рейхсфюрер должен двинуться с оставшимися силами в Берлин и присоединиться к фюреру. Гиммлер знал, что Шелленберг был бы против. Он снова связался с бункером и после обсуждения согласился встретить Фегелейна в Ноене, на полпути к Берлину, где они обсудят дело более подробно. Это было хоть каким-то действием. Разве он не сказал Шелленбергу за завтраком: «Я должен хоть как-нибудь, но действовать. Что вы об этом думаете?»

Гиммлер и Гебхардт ехали в отдельных машинах. Гебхардт хотел попасть в Берлин и от самого Гитлера получить назначение на новую должность, которая имела бы некоторый вес в будущем — должность главы немецкого Красного Креста. Гиммлер же вовсе не стремился в Берлин, хотя все еще хотел заслужить расположение Гитлера, предложив послать ему свой эскорт, готовый принять мученическую смерть в руинах. Но Фегелейн так и не встретился с ним в Ноене. Он вообще не появился. Темной воскресной ночью две машины прождали его на перекрестке два часа, в течение которых Гиммлер мучился в неопределенности. В конце концов было решено, что Гебхардт продолжит путешествие в Берлин к Гитлеру и передаст ему сообщение от Гиммлера, а сам Гиммлер тем временем вернется в лечебницу. Так что лояльность была соблюдена. Гитлер принял Гебхардта поздней ночью и подтвердил его назначение, согласившись при этом принять от Гиммлера кровь его людей. Все было очень просто. Гебхардт спросил, нужно ли что-нибудь передать Гиммлеру. «Да, — ответил Гитлер, — передайте ему мою любовь».

За ним последовал Бергер, который собирался улететь на юг, чтобы по просьбе Гиммлера следить за поведением Кальтенбруннера. Простая преданность Бергера была выражена столь бестактно, что ему пришлось испытать на себе очередную вспышку гитлеровской ярости — крики, багровое лицо, трясущиеся руки, частичный паралич левой половины тела. Эта картина все еще стояла перед его глазами, когда он вылетел на

юг, куда вместе с ним устремились многие чиновники, штабные офицеры, прислуга и секретариат — все рвались из Берлина под грохот русских пушек. Все, кто мог, покидали столицу по единственному оставшемуся на юге коридору, который час от часу становился все уже.

Гиммлер остановился в относительной безопасности Хохенлихена и вновь обратил свои помыслы от фюрера к Бернадотту. По словам Шелленберга, Гиммлер послал его на север с конкретным предложением капитулировать перед западными силами от его имени. На следующий день, 23 апреля, Шелленберг, наконец, встретил Бернадотта во Фленсбурге — в тот самый день, когда Геббельс объявил по радио, что Гитлер лично возглавит оборону Берлина, а Геринг в Оберзальцберге подбирал наилучшие фразы для письма, которое он собирался послать Гитлеру и в котором предлагал взять на себя полную власть над рейхом.

Встреча Бернадотта с Гиммлером состоялась ночью в Любеке. Конференция началась при свечах в шведском консульстве — электричество отключили, и, в конце концов, дискуссию прервала воздушная тревога. Тогда они спустились в общее бомбоубежище, где Гиммлер — Министр внутренних дел, начальник гестапо и СС — никем не узнанный, заговорил с небольшой группой немцев, зашедших с улицы, чтобы укрыться от налета. Бернадотт за ним наблюдал. «Он показался мне совершенно измотанным и очень нервным, — писал он впоследствии. — Он выглядел так, как будто призвал всю свою волю, чтобы сохранять внешнее спокойствие».

Когда, вскоре после полуночи, они поднялись наверх, Гиммлер высказал свой взгляд на ситуацию. Возможно, Гитлер уже мертв; столица, в любом случае, долго не продержится; падение режима — вопрос нескольких дней. «Германия войну проиграла», заявил Гиммлер. Бернадотт оставил нам запись следующей части разговора:

> **Гиммлер:** В сложившейся ситуации я считаю свои руки свободными. Для спасения как можно большей части Германии от русского вторжения я готов капитулировать на Западном фронте, чтобы позволить западным союзникам быстрее продвигаться на Восток. Но капитулировать на Восточном фронте я не готов. Я всегда был и всегда останусь заклятым врагом большевизма. Еще в начале мировой войны я всеми силами противился заключению русско-германского пакта. Согласны ли вы передать коммюнике по этому

вопросу шведскому министру иностранных дел, чтобы он мог проинформировать западные силы о моем предложении?

Бернадотт: На мой взгляд, совершенно невозможно капитулировать на Западном фронте и при этом продолжить войну на Восточном. Я практически уверен, что ни Англия, ни Америка не пойдут на сепаратные соглашения.

Гиммлер: Я прекрасно понимаю всю трудность сложившегося положения, и все же я хочу попробовать спасти миллионы немцев от русской оккупации.

Бернадотт: Я откажусь передать ваше коммюнике шведскому министру иностранных дел, если вы не пообещаете, что Дания и Норвегия присоединятся к капитуляции.

По окончании переговоров Бернадотт спросил Гиммлера, что он сделает, если его предложения отклонят.

«В этом случае, — ответил тот, — я приму командование Восточным фронтом и погибну в бою».

Затем Гиммлер по просьбе Бернадотта изложил свои предложения в письменном виде, чтобы тот мог вручить их Гюнтеру, шведскому министру. Письмо было тщательно составлено при свете свечей. По словам Гиммлера, день, когда он вручил это письмо Бернадотту, был самым горьким днем его жизни. Затем Шелленберг и Бернадотт собрались возвращаться во Фленсбург, оставив Гиммлера в глубоких раздумьях (как позже сказал Бернадотту Шелленберг) о том, должен ли он пожимать руку главнокомандующему союзных сил или лучше ограничиться формальным поклоном[150].

В бункере Гитлер воспринял тщательно сформулированное послание Геринга как грубое оскорбление. Он назвал его предателем и, лишив всех чинов и должностей, приказал СС его арестовать. Внезапная измена Геринга, а именно в таком свете выставил происходящее Борман, который даже в эти последние моменты все еще стремился избавиться от соперников, снова открыла вопрос о преемнике. Хотя Гиммлер об этом ничего не знал, он считал себя единственным возможным кандидатом[151]. Имеются письменные свидетельства, что Гитлер заявил в марте, что Гиммлер находится в недостаточно хороших отношениях с партией, чтобы унаследовать его пост и «вообще практически бесполезен, поскольку совершенно не имеет вкуса» — это мнение вполне перекликалось с мнением Геббельса. Тем не менее Гиммлер уже мечтал о теневом правительстве, с которым он

сможет продолжить жизнь в качестве главы государства при западных союзниках, и большинство оставшихся нацистских министров и военачальников, в том числе Дениц, Шпеер и Шверин фон Крозиг, боялись, что Гиммлер узурпирует власть.

Следующие три дня, с 24 по 26 апреля, были днями ожидания. Боясь быть отрезанным русскими в Хохенлихене, Гиммлер переехал в Шверин, где находилась штаб-квартира Деница. С каждым днем сжимающийся вокруг Берлина фронт продвигался по карте, как чернильное пятно по промокашке, но Гитлер не покидал бункера, управляя войсками, не способными уже ни на атаку, ни на оборону.

27 апреля Шелленберг получает письмо, срочно позвавшее его на встречу с Бернадоттом в аэропорт Оденсе в Ютланде, куда тот прибыл поздно из-за плохой погоды. Он сразу же понял, что Англия и Америка не слишком хорошо отнеслись к предложениям Гиммлера, но решил пока об этом не распространяться, опасаясь, что Гиммлера снова одолеет нерешительность. Бернадотт предложил поехать с ним в Любек на встречу с рейхсфюрером. Как только Гиммлер узнал о том, что его предложения не были с готовностью приняты, он тут же вызвал к себе Шелленберга. В страхе за свою жизнь Шелленберг отправился на юг, чувствуя, что все его тонкие планы находятся на грани краха. Впрочем, он предпринял довольно странные меры предосторожности, позвонив в Гамбург и взяв с собой на это опасное интервью астролога Вильгельма Вульфа. Гиммлера всегда успокаивало чтение собственного гороскопа.

Но ни один астролог не смог бы предсказать того, что приготовила Гиммлеру судьба на другой стороне планеты. История о том, как международная пресса узнала о переговорах Гиммлера с графом Бернадоттом, была лишь недавно подробно рассказана Джеком Вайнокуром, который был в то время директором Британской информационной службы в Вашингтоне[152]. Вайнокур был одним из участников конференции ООН по Международным организациям, начавшейся в апреле 1945 года в Сан-Франциско. В состав британской делегации входил Антони Иден, бывший в то время министром иностранных дел, который, по свидетельству Вайнокура, во время неофициальной встречи делегатов как бы походя, сказал: «Между прочим… из Стокгольма сообщили, что Гиммлер через Бернадотта пытается безоговорочно сдать Германию нам и американцам. Мы, конечно же, известим об этом русских». Утром 25 апреля английский и американский министры в Вашингтоне доложили об этом предложении Черчиллю и Трумэну. Оба они отнеслись к этому как к попытке раскола союзников со стороны

Германии, поэтому сразу же поставили в известность Сталина. Был дан ответ, что капитуляцию примут только в том случае, если она будет предложена всем союзникам одновременно.

Вайнокур, отвечающий на конференции за связь с британской прессой, в то время еще ничего не знал о подоплеке этого дела, но чувствовал, что заявление Идена делегатам следует предать огласке. Вечером, после некоторых колебаний, он по своей собственной инициативе передал новость Полю Скотту Ранкину из агентства Рейтер, прекрасно сознавая, что источник информации раскрывать нельзя. Ранкин телеграфировал новость в Лондон, и она появилась в эксклюзивной статье вскоре после часа ночи 28 апреля.

В то время как Шелленберг успешно утешал Гиммлера с помощью любимого астролога, пресса союзников разнесла новость о независимой попытке переговоров, предпринятой рейхсфюрером. Ничего об этом не зная, Гиммлер отправился на военный совет, созванный Кейтелем в Рейнсберге. На этом совете Гиммлер председательствовал, а значит, считал себя полномочным представителем и преемником Гитлера.

Ближе к вечеру Бернадотт услышал новость о переговорах по закрытому радиоканалу и понял, что переговорам Гиммлера пришел конец. Дениц тоже услышал эту новость и позвонил Гиммлеру, который немедленно опроверг версию, изложенную в радиопередаче, но при этом добавил, что сам не намерен делать никаких публичных заявлений на эту тему. По свидетельству Шелленберга, он провел следующую часть дня в раздумьях о том, как лучше эвакуировать немецкие войска из Норвегии в Данию.

Лишь в девять часов вечера этого дня новости о Гиммлере стали известны в бункере из обзорной передачи Би-би-си. По свидетельству одного из очевидцев, «лицо Гитлера так побагровело, что его практически нельзя было узнать[153]». Он пришел в ярость от этого подлого предательства со стороны человека, которому верил больше всех. Все присутствующие в бункере были страшно напуганы и «начали уже искать свой яд». Гиммлера приказали арестовать и вслед за Герингом он последовал в бездну разжалования. «Предатель никогда не станет фюрером», — кричал Гитлер[154]. Он обрушил свою месть на единственного находившегося в его власти сподвижника Гиммлера. Это был Фегелейн, зять женщины, на которой он собирался жениться и неверный подчиненный Гиммлера в гитлеровской ставке. Он попытался бежать, но был притащен обратно, выведен наверх в сад Канцелярии и в полночь расстрелян по одному лишь подозрению, что он знал об измене Гиммлера.

Гитлер приказал генерал-полковнику фон Грейму, принявшему от Геринга пост командующего Люфтваффе, покинуть бункер и лететь ночью под русским обстрелом в штаб-квартиру Деница, которая находилась теперь в Плоене. Грейм, раненный в ногу во время рискованного полета в Берлин на легком самолете, вылетел на север в том же самом самолете, пилотируемом ярой нацисткой Ханной Райч. Они взлетели прямо с проспекта, ведущего к Бранденбургским воротам. Эта странная парочка прибыла в Плоен, расположенный на Балтийском побережье всего в 200 милях к северо-западу от Берлина, только днем 29 апреля, приземлившись рано утром в Рехлине.

В Плоене они обнаружили неустойчивый баланс сил между главнокомандующим северными армиями Деницем и командующим СС и полицией Гиммлером. По свидетельству Шверина фон Крозига, Дениц и Гиммлер уже обсудили сложившуюся ситуацию и сошлись на том, что каждый из них готов служить официальному преемнику фюрера. Дениц считал, что таковым будет Гиммлер, и рейхсфюрер, в общем то, придерживался того же мнения.

В течение 29 апреля Дениц не получал никаких официальных извещений о полном разжаловании Гиммлера, а утром 30 апреля пришла весьма туманная телеграмма от Бормана о том, что Дениц должен «немедленно принять самые безжалостные меры ко всем предателям». Один лишь Грейм получил конкретные инструкции арестовать Гиммлера — приказ, который он не мог выполнить без поддержки Деница, а тот все еще верил, что Гиммлер в любой момент может стать фюрером. Не осталось никаких записей о том, когда Грейм встретился с Деницем и что именно ему сказал. Ни один из них не знал, что завещание Гитлера уже составлено и подписано и что Дениц будет назначен фюрером, Карл Ханке, гаулятйтер Бреслау — рейхсфюрером СС, а Пауль Гейслер, гауляйтер Мюнхена — министром внутренних дел.

Теперь изоляция Гитлера в Берлине стала полной. Жажда мести Герингу и Гиммлеру, людям, служившим ему в течение почти двух десятилетий, была отравлена неразберихой, окружающей его в последние дни жизни. В то время как Геринг номинально находился в заключении на юге под надзором пришедшего в полное замешательство отряда СС, Гиммлер оставался свободным на севере — пират от политики, который до самой смерти Гитлера даже не знал о том, что власть уже выбили из-под его ног. С остатками своего воинства, эскортом из людей СС и целым флотом автомобилей, он беспокойно кружил вокруг штаб-квартиры гросс-адмирала в Плоене, не имея никакой

конкретной цели, кроме сохранения своего положения и власти[155]. И только ближе к вечеру 30 апреля из телеграммы Бормана, посланной из бункера в Берлине, Дениц узнал о своем нежелательном восхождении на пост фюрера Германии, находящейся на самой грани развала. Телеграмма Бормана звучала весьма туманно и даже не сообщала о самоубийстве Гитлера в 3.30 этого дня. Дениц просто узнал, что не Гиммлер, а он будет объявлен преемником Гитлера: «Вместо бывшего рейхсмаршала Геринга, фюрер назначает вас, герр гросс-адмирал, своим преемником. Письменное подтверждение уже выслано. Вы немедленно получите все диктуемые ситуацией полномочия».

Встревоженный и удивленный, Дениц, будучи уверенным, что фюрер жив, послал ему письмо с выражением преданности. «Если судьба… повелевает мне возглавить Рейх в качестве назначенного вами преемника, я продолжу эту войну до конца, стремясь быть достойным непревзойденной героической борьбы немецкого народа», — сказал он, задыхаясь от преданности. Одна из трех копий гитлеровского завещания, подписанная прошлым днем в четыре часа утра и засвидетельствованная Геббельсом и новым рейхсканцлером Борманом, была уже в пути. Специальный посыльный покинул бункер в полдень 29 апреля, но до Деница в Плоене он так никогда и не добрался.

Тем временем, ночью 30 апреля, Борман и Геббельс, ничего не упоминая о новом фюрере, пытались достичь выгодной договоренности с русским командованием. Борман послал Деницу еще одну туманную телеграмму, обещая присоединиться к нему в Плоене и добавляя, что «завещание вступило в силу». И, наконец, 1 мая в 3.15 Геббельс посылает Деницу подробную телеграмму, сообщая с опозданием на двадцать четыре часа о смерти Гитлера. Он назвал главных министров нового правительства, но ничего не упомянул о Гиммлере или о готовящемся этой ночью убийстве его спящих детей, а затем и его самого с женой.

Гиммлер больше не встречал в Плоене радушного приема. Полное разжалование было для него жестоким ударом, и к тому же Дениц не скрывал своего отри-дательного отношения к попыткам Гиммлера вести переговоры с союзниками. Всю ночь 30 апреля Шелленберг ехал по дорогам, забитым военным транспортом и беженцами, лишь для того, чтобы обнаружить Гиммлера в новой штаб-квартире в замке Калькхорст, близ Травемюнде. Тот только что лег спать. Было четыре часа утра 1 мая. Он узнал от Брандта, что произошло, и об отчаянии Гиммлера после ночного заседания с Деницем, в ходе которого он выдвинул свою кандидатуру на пост второго государственного

министра[156]. Дениц отклонил это предложение, хотя и опасался, то Гиммлер может использовать свой полицейский эскорт для возврата утерянной власти. Шелленберг утверждает, что Гиммлер «подумывал об отставке и даже о самоубийстве».

На следующее утро за завтраком он был «нервным и рассеянным», и в полдень они вместе отправились в Плоен. Теперь Шелленберг думал лишь о том, как угодить Бернадотту. Он планировал, используя остатки гиммлеровского влияния, сохранить для себя лавры мирного решения вопроса оккупации Скандинавских стран. Этим он рассчитывал заслужить благодарность союзников и обеспечить собственное будущее после бегства в Швецию. Гиммлер, страстно желавший присутствовать на созванной Деницем конференции, был готов поддержать мирный вывод немецких армий из Норвегии. Он также заявил Деницу, что на самом деле пытался заключить мир через Швецию. Это окончательно дискредитировало его в глазах гросс-адмирала[157].

День 1 мая стал началом капитуляции Германии. Монке, командующий гиммлеровским полком СС, которого он послал оборонять Берлин, был захвачен русскими при попытке бежать из бункера. В десять часов вечера Берлинское радио официально объявило о смерти Гитлера. Кессельринг сдался на севере Италии, и 2 мая Дениц сам начал сдаваться Монтгомери без всяких консультаций с Гиммлером. Гауляйтер Гамбурга Кауфманн, несмотря на полученный приказ, открыл город английским войскам.

Тем временем Гиммлер все еще сохранял видимость власти, и была она еще весьма значительной. В сопровождении эскорта СС он разъезжал в «мерседесе», подобно средневековому полководцу. Готовясь 1 мая последовать за Деницем во Фленсбург, на границу Шлезвиг-Гольштейна с Данией, он получает неожиданное предложение от Леона Дегреля, завербованного в Ваффен СС бывшего командира бельгийских и французских фашистов, который отступил с Русского фронта со всеми оставшимися у него людьми[158].

Дегрель хотел достойно завершить свою боевую карьеру в глазах Гиммлера, который больше не желал его видеть, хотя и был не прочь укрепить свои тающие силы людьми Дегреля. Он послал Дегрелю записку с указанием присоединиться к нему в Маленте, близ Киля, и бельгийский командир, в заправленном картофельным шнапсом «фольксвагене», встретился по дороге с рейхсфюрером СС, едущим во главе колонны «мерседесов» и грузовиков. Гиммлер, с каской на голове, сам сидел за рулем своей машины, и они завершили путешествие в Маленте. Теперь

уже Дегрель мало что мог предложить своему предводителю — бельгийские отряды СС бросились бежать в Данию. Гиммлер думал лишь о том, чтобы не отстать от Деница, и Дегрель последовал за флотом машин и грузовиков на север к Фленсбургу.

На подходе к Килю они подверглись воздушному налету. Гиммлер сохранил спокойствие и закричал: «Дисциплина, господа, дисциплина!», в то время как все его люди — и мужчины и женщины — попадали в грязь, да такую вязкую, что у женщин соскакивали туфли. Пока после налета офицеры со своими адъютантами пытались завести машины, Дегрель покинул сцену. Он отправился прямо на север через Киль, тогда как конвой Гиммлера отступил в поисках менее опасной дороги на Фленсбург.

Этой ночью к Гиммлеру присоединился Вернер Бест из Дании[159]. Они уселись вместе в «мерседес», которым по-прежнему управлял Гиммлер, и коротали скучное путешествие за разговорами. Не раз их задерживали воздушные налеты, и они добрались до Фленсбурга лишь рано утром 3 мая.

Гиммлер, как и всегда, не говорил ничего лишнего. Он предположил, что в течение последних шести месяцев Гитлер был не совсем в себе, да и к тому же Борман оказывал на него сильное влияние. Он отдавал Гиммлеру невыполнимые приказы и даже слышать не хотел о примирении. С другой стороны, Гиммлер сказал, что был уверен в том, что если бы ему позволили хотя бы полчаса поговорить с Эйзенхауэром, он убедил бы его в необходимости объединения сил с Германией для отпора русским оккупантам. Утром, прежде чем расстаться, Бест сказал, что собирается назад через датскую границу, чтобы успеть на условленную встречу с Деницем.

«А что вы собираетесь делать, рейхсфюрер?» — спросил Бест.

«Я еще не знаю», — ответил Гиммлер и попросил Беста забрать с собой женщин из состава СС и переправить через ближайшую границу в Данию, где они смогли бы принять душ, поесть и быть готовыми к дальнейшей службе.

Нерешительность Гиммлера еще больше проявилась в разговоре с Шверин-Крозигом, который стал министром иностранных дел вместо Риббентропа и переехал во Фленсбург[160]. Он нашел Гиммлера в отчаянии, оказавшись нежелательным свидетелем в штаб-квартире нового фюрера.

«Граф Шверин, что же со мной будет?» — спросил он.

Шверин-Крозиг не знал, что и с кем может случиться. Германия едва ли нуждалась в министре иностранных дел. Ему казалось, что единственное полезное дело, которое они еще могут

сделать, это организовать эвакуацию немцев с востока. Но он попытался ответить Гиммлеру серьезно.

«На мой взгляд, у вас есть три выхода, — сказал он. — Первый — это сбрить усы, надеть парик, темные очки и попытаться вообще исчезнуть. Но, думаю, даже в этом случае вас очень скоро найдут, и едва ли ваш конец окажется достойным. Второй выход — застрелиться, хотя, как христианин, я бы этого не советовал; здесь вы должны решать сами. Что бы я действительно порекомендовал, так это третий выход — поехать прямо в штаб-квартиру Монтгомери и сказать: «Я — Генрих Гиммлер, хочу взять на себя ответственность за все деяния СС». Что будет потом, кто знает? Но если это окажется концом, то, по крайней мере, он будет наиболее достойным».

Гиммлер решил, пока возможно, оставаться кем-то вроде старейшины при кабинете Деница в Плоене. Он был просто не способен осознать, что лишился всех должностей, которые занимал в течение столь длительного времени. Его свита все еще насчитывала почти 150 штабных офицеров и помощников. Но ни Деницу, ни Гиммлеру не была известна полная глубина отречения от него Гитлера. Посланник из бункера так и не донес завещание фюрера до его преемника, а Борман, как впоследствии полагали, был убит, пытаясь выбраться из бункера ночью 30 апреля. Если бы они смогли прочесть тщательно отпечатанные пункты гитлеровского обвинения, они бы по крайне мере узнали чувства фюрера к своему бывшему министру: «Своими тайными переговорами с противником без моего ведома или одобрения и незаконными попытками захвата власти в стране, не говоря уж о том, что они предали лично меня, Геринг и Гиммлер покрыли нашу страну и весь народ несмываемым позором». Все их знания ограничивались тем, что им мог рассказать Грейм — раненый командующий Люфтваффе и его преданный пилот Ханна Райч о припадке ярости у Гитлера, и информацией, содержащейся в телеграмме Геббельса, о распределении основных государственных постов, на которые ни Борман, ни Геббельс так и не заступили. Дениц, озабоченный лишь тем, как избавиться от прошлого и капитулировать, как подобает адмиралу флота, вовсе не желал иметь в своем кабинете человека с гиммлеровской репутацией. Но поскольку в сложившейся обстановке он все еще не осмеливался полностью его игнорировать, он согласился на его присутствие на совете, не давая ему никакой конкретной должности.

Когда 4 мая обсуждались предложенные Монтгомери условия безоговорочной капитуляции, Гиммлер высказал свое мнение наравне с остальными советниками Деница. Он считал, что

войска в Норвегии должны сдаться Швеции, чтобы не попасть в русский плен, и что можно будет добиться некоторых уступок, если поступит предложение о мирной капитуляции в других местах за пределами Германии, все еще находящихся в руках немецких армий. Когда Шелленберг, настойчиво путешествующий между Швецией, Данией и Германией в попытках добиться мирного решения вопроса немецкой оккупации скандинавских стран, прибыл, наконец, в пять часов вечера из Копенгагена, он обратился не к Гиммлеру, а к Деницу и Шверин-Крозигу. На следующий день, 5 мая, он снова отправился в Данию, попрощавшись с Гиммлером, который теперь уже его не интересовал.

5 мая Гиммлер собрал своих командиров и советников, среди которых были обергруппенфюрер СС Олендорф из отдела безопасности, обергруппенфюрер СС фон Вейш из тайной полиции и обергруппенфюрер СС фон Херфф, генерал Ваффен СС. Присутствовали также Брандт и Гебхардт, оставивший своих пациентов в Хохенлихене на попечение русских. Перед ними и их коллегами Гиммлер торжественно излагал свои проекты, которые настолько не соответствовали сложившейся обстановке, что их едва ли можно было воспринимать всерьез. Оправдать их можно было только невосприятием реальности в результате шока. Для начала, он не собирался отрекаться и кончать жизнь самоубийством. Он собирался создать в Шлезвиг-Гольштейне свое собственное правительство, чтобы вести независимые мирные переговоры с западными державами. После этого он принялся раздавать своим последователям новые титулы, заверяя, что теперь они приступят к созданию совершенно нового нацистского режима.

Однако 6 мая, вслед за разжалованием Гиммлера Гитлером, последовало его разжалование Деницем, который лично вручил Гиммлеру письменное уведомление об отставке:

> «Уважаемый герр Рейхсминистр,
>
> В свете текущей ситуации, я решил отказаться от ваших дальнейших услуг в качестве Рейхсминистра внутренних дел и члена правительства, главнокомандующего Резервной армией и начальника Полиции. Все ваши должности я считаю упраздненными. Благодарю вас за верную службу Рейху».

Вместе с Гиммлером Дениц разжаловал также и Геббельса, который к этому моменту был уже мертв, и других нацистских министров, которые все еще оставались, подобно призракам жуткого и темного прошлого[161]. Он также приказал фанатичным

нацистам из СС прекратить дальнейшее сопротивление.

Но Гиммлер не ушел. После 6 мая он блуждал по Фленсбургу вместе со своим штабом, охранниками и амуницией — чудовищный наследник без наследства. Он сказал Шверин-Крозигу, что собирается скрыться, но все же продолжал упрямо мечтать о власти. Он обратился к нацистскому командующему немецкими силами в Шлезвиге и Дании, фельдмаршалу Эрнсту Бушу, в пустой надежде найти в нем союзника. Но Буш думал лишь о том, как организовать собственную капитуляцию. Так что Гиммлеру пришлось вернуться в свою штаб-квартиру во Фленсбурге, откуда один за другим испарялась его свита.

8 мая он сократил парк своих автомобилей до четырех и совершил первый акт самоуничтожения, сбрив усы. Он задумался над тем, куда бы ему податься, чтобы избежать нежелательного внимания. В то время как Олендорф советовал ему сдаться и ответить перед миром за себя и СС, он подумывал, так и не придя, естественно, к конкретному решению, не сбежать ли ему с его другом принцем Вальдекским, властным генералом, командующим эсэсовским штатом в собственном поместье в Арользене[162].

Наконец, 10 мая, Гиммлер с оставшейся свитой покинул Фленсбург и направился к Марне в Диксандере на восточном побережье Шлезвиг-Гольштейна[163]. На дорогу сюда у них ушло два дня и в эти последние дни бегства на юг спать им приходилось либо на открытом воздухе, либо на вокзалах. Гиммлер мог думать лишь о двух вещах — как ему сохранить свое положение и договориться с западными союзниками, и что случилось с двумя его семьями на юге.

Наконец, четыре машины достигли устья Эльбы, и дальше двигаться стало невозможно. Ширина реки была здесь почти 5 миль. С неохотой маленькая группа эсэсовских беженцев, мало отличающаяся теперь от сотен тысяч бредущих по дорогам бездомных немцев, бросила машины и переправилась через Эльбу. За 500 марок они неопознанные переправились через морской рукав в рыбацкой лодке вместе с другими беженцами. Теперь им ничего не оставалось, как идти, ночуя в крестьянских домах и преодолевая каждый день по нескольку миль пешком. В течение нескольких следующих дней они медленно двигались на юг через Нейхаус на Бремерворд, куда добрались утром 21 мая. Всего они прошли от Фленсбурга чуть больше ста миль.

Компания у них подобралась странная. Кроме Кер-майера в состав группы входили Брандт, Олендорф, Карл Гебхардт, полковник Ваффен СС Вернер Грот-манн и майор Махер. Они сняли с мундиров эсэсовские эмблемы и, выдавая себя за членов

тайной полевой жандармерии, входящей в состав гестапо, продвигались в Баварию. Гиммлер, как пират, закрыл глаз черной повязкой и пользовался пропуском на имя Генриха Хитцингера, документы которого он на всякий случай взял себе после того, как Народный суд приговорил того к смерти.

В Бремерворде они поняли, что для прохождения установленных англичанами контрольно-пропускных пунктов им понадобятся дорожные документы. Кермайер узнал об этом от местного районного советника. Тогда они решили, что Кермайер попробует получить у англичан эти самые разрешения, а остальные будут стоять в стороне и наблюдать за результатом, и если Кермайера арестуют, то предупредят об этом Гиммлера. Поскольку тайная полевая жандармерия входила в черный список британской армии, Кермайера задержали. Когда он так и не появился, Гиммлер с компаньонами поспешили скрыться.

Капитан Том Сильвестр командовал в то время Гражданским следственным лагерем 031, расположенным около Люнебурга[164]. Поскольку многие немецкие солдаты пытались вернуться домой, их постоянно останавливали на английских контрольно-пропускных пунктах и задерживали в качестве военнопленных до полной проверки документов. При малейших сомнениях в подлинности документов пленных пересылали в следственные лагеря, вроде того, которым командовал капитан Сильвестр. Здесь их выстраивали перед офисом командующего и затем по одному приводили на допрос. После обыска составлялся подробный список имущества.

В два часа пополудни 23 мая в следственный лагерь 031 прибыл конвой, доставивший группу подозреваемых, арестованных на контрольно-пропускном пункте на мосту около Бремерворда. Немного спустя их, как обычно, построили, но примерно в четыре часа капитану Сильвестру доложили, что в группе есть три человека, которые никак не успокоятся и настаивают на немедленной встрече с командующим офицером. Так как обычно задержанные вели себя очень тихо и старались произвести хорошее впечатление, капитан Сильвестр немедленно заинтересовался и приказал привести к нему этих троих по одному. Дальнейшее Сильвестр описал так:

> «Первым в кабинет вошел маленький, болезненного вида человек в поношенной одежде, и за ним тут же вошли двое остальных, оба высокие с военной выправкой, один худой, а другой плотного сложения. Плотный немного прихрамывал. Я заподозрил неладное и приказал сержантам поместить этих двоих под арест и

не позволять никому с ними разговаривать без моего разрешения. После этого их увели, а маленький человек, с черной повязкой на левом глазу, снял повязку и надел очки. Я его тут же узнал. «Генрих Гиммлер», — представился он очень спокойным голосом».

Капитан Сильвестр немедленно вызвал вооруженную охрану и послал за офицером из разведки. Когда тот прибыл, они попросили Гиммлера расписаться, чтобы сравнить его подпись с образцом, который был у них в досье. Гиммлер, думая, что они хотят получить от него автограф на память, долго не соглашался, но, в конце концов, подписал бумагу, при условии, что после проверки ее немедленно уничтожат.

Теперь подозреваемого следовало обыскать. По словам самого капитана Сильвестра:

«Я сделал это лично, передавая каждый снятый предмет одежды своему сержанту, который еще раз все перепроверял. У Гиммлера были документы на имя Генриха Хитцингера, который, как я понял, был почтальоном. В пиджаке я нашел небольшой медный футляр, похожий на портсигар, в котором оказалась маленькая стеклянная ампула. Я догадался, что это, но спросил у Гиммлера, что внутри. Он ответил: «Это мое лекарство от желудочных спазмов». Я также нашел еще один такой же футляр, но без ампулы, откуда заключил, что ампула где-то спрятана. После того как с Гиммлера сняли и обыскали всю одежду, мы проверили все полости его тела, прочесали волосы и все остальные места, где можно было что-нибудь спрятать, но ампула так и не нашлась. До этого момента мы не просили его открыть рот, поскольку я думал, что если ампула спрятана во рту и мы попытаемся ее извлечь, она может разбиться и вызвать нежелательные последствия. Поэтому я приказал принести большие бутерброды с сыром и чай, в надежде, что мне удастся заметить, будет ли Гиммлер вынимать что-нибудь изо рта. Пока он ел, я пристально за ним следил, но не заметил ничего необычного».

Тем временем в штаб-квартиру 2-й армии послали сообщение об аресте Гиммлера. Ожидая прибытия старших офицеров разведки, капитан Сильвестр предложил Гиммлеру переодеться в английскую военную форму вместо отобранной у него одежды. Ничего другого у них не было, но когда Гиммлер увидел, что ему

предлагают надеть, он отказался. Похоже, он боялся, что его сфотографируют во вражеском мундире, а потом эту фотографию опубликуют. Единственное, что он позже принял, это рубашку, кальсоны и носки, поэтому ему дали еще и армейскую простыню, чтобы прикрыть полуодетое тело.

Капитану Сильвестру все не давала покоя отсутствующая ампула. И все время, пока Гиммлер находился под его надзором, он пристально за ним следил. Вот как он описал поведение этого странного человека:

> «Пока Гиммлер был под моим арестом, он вел себя крайне корректно, и, как мне кажется, прекрасно понимал, что его ждет. Говорил он с готовностью и временами выглядел почти веселым. Когда я впервые его увидел, он выглядел нездорово, но после еды и умывания (бриться ему не позволяли) вид его значительно улучшился. Он находился под моим арестом примерно восемь часов, и в течение этого времени, когда его не допрашивали, постоянно спрашивал о местонахождении его «адъютантов», демонстрируя подлинную заботу об их благополучии. Я совершенно не мог поверить, что он может быть тем высокомерным типом, какого рисовала пресса до и во время войны».

Позже вечером, примерно в восемь, для допроса Гиммлера прибыл полковник Майкл Мерфи, начальник разведки при генеральном штабе Монтгомери. Он сказал ему, что собирается обыскать его самого и его телохранителей. Но Гиммлер еще раз назвал себя, явно в надежде добиться специального обхождения. Он настаивал на том, что у него есть письмо к генералу Монтгомери. Однако полковник Мерфи не припоминает, чтобы он такое письмо когда-нибудь видел.

Кроме ампулы, найденной в подкладке пиджака, никакого другого яда у Гиммлера не нашли. Полковник Мерфи решил, что Гиммлера нужно доставить в штаб-квартиру Второй армии. Его повезли в автомобиле в сопровождении полковника Мерфи и еще одного офицера разведки. Ехать предстояло около десяти миль. Это был последний раз, когда капитан Сильвестр его видел.

Полковник Мерфи описал происходящее так:

> «Я подозревал, что у Гиммлера все еще может быть яд, причем наиболее вероятными местами были рот и ягодицы. Поэтому я приказал ему одеться и, желая, чтобы он прошел медосмотр, позвонил в штаб-квартиру

своему заместителю и попросил доставить врачей в дом, который я подготовил для таких людей, как Гиммлер».

Гиммлера доставили в следственный центр, организованный в доме на Ульзнерштрассе, и передали старшему сержанту Эдвину Остину, которому сначала не сказали, кто это такой. Но по его собственному рассказу, который на следующий день передавали по Би-би-си, Остин сразу же его узнал[165]. Он все еще был в армейской простыне, наброшенной поверх рубашки и кальсон.

Остин, которому перед этим не удалось предотвратить самоубийство генерала СС Прутцманна, раздавившего зубами капсулу с цианистым калием, намеревался не дать Гиммлеру совершить самоубийство тем же способом. Он тут же указал Гиммлеру на койку.

«Это ваша кровать. Раздевайтесь», — приказал он по-немецки.

Гиммлер сделал вид, что не понимает. Он взглянул Остину в глаза и потом обратился к переводчику.

«Он не знает, кто я такой», — сказал он.

«Знаю, — ответил Остин. — Вы — Гиммлер. Тем не менее — это ваша кровать. Раздевайтесь».

Гиммлер все еще пытался смотреть ему в глаза, но сержант подтвердил свой приказ не отводя взгляда. Гиммлер опустил глаза и подчинился. Он сел на койку и начал снимать кальсоны.

В это время вошли полковник Мерфи и военврач капитан К. Дж. Л. Уэллс, которые собирались выполнить обычный осмотр пленника. Они все еще подозревали, что у Гиммлера может быть яд. Когда он разделся, они обыскали все его тело — уши, подмышки, волосы, ягодицы. Затем врач приказал ему открыть рот, и, по словам полковника Мерфи, «тут же увидел маленькую черную капсулу в промежутке между зубами справа на нижней челюсти».

«Станьте ближе к свету, — сказал врач. — Откройте рот».

Он засунул в рот заключенному два пальца. Но тут Гиммлер резко повернул голову и укусил врача за пальцы.

«Он раздавил ее»— крикнул врач.

Полковник с сержантом прыгнули на Гиммлера и повалили его, перевернув на живот, стараясь не дать ему глотать. Врач схватил его за горло, пытаясь заставить выплюнуть яд. Борьба за его жизнь с помощью рвотных средств и промывания желудка длилась четверть часа. Использовали все способы искусственного дыхания. «Он умер, — рассказывал сержант, — и когда это случилось, мы накрыли его простыней и ушли»[166].

Двумя днями позже Гиммлера похоронили в безымянной

могиле под Люнебургом. Его тело было завернуто в армейскую простыню и обмотано маскировочной сетью, связанной телефонным проводом. Тайную могилу ему вырыл старший сержант Остин, работавший до войны мусорщиком.

*[167]

Приложение А
Воспоминания о Гиммлере Адольфа Эйхмана

Накануне суда в Израиле Адольф Эйхман добровольно согласился на весьма тщательное расследование, в ходе которого были просмотрены и обсуждены сотни документов (в основном фотокопии письменных показаний и досье РСХА). Расследование началось 29 мая 1960 года, и почти ежедневные заседания продолжались до 15 января 1961. 76 записанных в ходе расследования магнитофонных лент дали 3564 страницы подробного стенографического отчета обо всех допросах, которые с великодушного позволения Израильского посольства в Лондоне нам позволили изучить.

Эйхман с готовностью помогал следствию и демонстрировал такое же раболепие, как некогда перед своими бывшими командирами. Он гордился своей пунктуальностью в исполнении приказов и с удовольствием в мельчайших подробностях описывал систему учета и прочие бюрократические процедуры. Он утверждал, что вступил в СС примерно в 1931 или 1932 году (точной даты он не помнил) под влиянием Кальтенбруннера, которого хорошо знал с детства. Позже он подал заявление в СД и был назначен секретарем в «Музей свободного масонства». Впоследствии, как нам известно, он стал специалистом по делам евреев.

Во время допросов Эйхман настойчиво утверждал, что это Гитлер отдал приказ о физическом уничтожении евреев, а Гиммлеру было поручено исполнение этого приказа. Сначала Эйхман описывает Гиммлера (стр. 38–39) как «всегда готового услужить Фюреру, стремящегося вникнуть в мельчайшие детали, но в то же время, весьма импульсивного и склонного подписывать приказы с далеко идущими последствиями». На стр. 146 Эйхман снова возвращается к импульсивности Гиммлера, выражающейся в подписании чреватых последствиями приказов под воздействием внезапно осенившей его идеи. Как правило, такие приказы передавались любому оказавшемуся рядом офицеру и затем, как только достигали соответствующих официальных каналов, шли по инстанциям обычным путем.

Эйхман упомянул неприязнь Гиммлера к пальцам с никотиновыми пятнами. Вызванным к Гиммлеру офицерам рекомендовалось воспользоваться лимоном и пемзой, которые

всегда можно было найти в туалетной комнате специального гиммлеровского поезда. Тот, кто этим пренебрегал, рисковал получить от трех до шести месяцев испытательного срока, что означало мгновенное исключение из СС, если виновного в этот период видели курящим.

В Минске Эйхман был свидетелем массового расстрела евреев прямо на краю траншеи, а чуть дальше (на стр. 240) он утверждает, что Гейдрих из чистой бравады приказал убить евреев, которые уже были убиты по приказу Глобочника. Гейдрих сказал: «Настоящим повелеваю подвергнуть еще 150 000 евреев окончательному решению *[der Endlosung zufiihren]».* Впрочем, Эйхман не был уверен в точном числе евреев, упоминавшихся в том приказе — возможно, их было 250 000. Осенью 1941 года его и Мюллера вызвал Гиммлер, чтобы они отчитались об этих случаях (стр. 263). Интервью длилось не более пяти минут.

Эйхман довольно много рассказал об эсэсовских эвфемизмах, таких как «окончательное решение» и «специальные меры». Даже на печально известном совещании у озера Ваннзее (см. стр. 127) избегали прямого упоминания убийств. Гейдрих предпочитал термин «Отослать работать на Восток». Другой часто упоминаемый Эйхманом факт (например, на стр. 135–136, 1020, 2028, 2167) это то, что Гиммлер считал лагерь в Терезиенштадте практически своей вотчиной и настаивал, чтобы все приказы, касающиеся этого места, исходили лично от него. Как уже упоминалось, он всеми силами стремился поддержать миф о Терезиенштадте как о «Гетто для престарелых», то есть о месте, где престарелые евреи могли спокойно жить в мире и комфорте, и очень злился, когда происходила утечка информации о том, что заключенные Терезиенштадта отсылаются в газовые камеры Аушвица и других лагерей смерти. Но поскольку лагерь не мог вместить больше 10 000 человек, Гиммлер ничего не предпринимал для остановки «эвакуации» из Терезенштадта сотен тысяч жертв. Он просто настаивал на соблюдении строжайшей секретности, чтобы не шокировать общественное мнение.

Во все времена Гиммлер особенно интересовался «знаменитыми» заключенными. Поэтому, например, он отдал специальный приказ (стр. 2608) о том, чтобы фрау Глюк, сестру Ла Гардиа, мэра Нью-Йорка, отделили от остальных узников и перевели в лагерь, где содержались Леон Блюм, Одетт Черчилль и другие важные заключенные.

На стр. 2456 и далее Эйхман выражает удивление документальным доказательствам того, что Гиммлер, в такие сложные годы, как 1943–1944, уделял много времени решению

такого, казалось бы, мелкого вопроса, как помилование двух или трех евреев в одном случае и пяти или шести в другом, на том основании, что в первом случае это были эксперты-металлурги, а в другом — ювелиры. Дело в том, что специалисты в этих областях были нужны для производства оружия и высококачественных рыцарских крестов.

Существует несколько свидетельств (например, на стр. 1249, 1290 и 1318) о том, что Гиммлер в октябре 1941 года приказал остановить эмиграцию евреев «за исключением отдельных случаев, когда это выгодно рейху» (имелись в виду евреи, достаточно богатые, чтобы заплатить 100 000 швейцарских франков). В июле 1941 года Гиммлер выпустил приказ о прекращении эмиграции некоторых венгерских евреев в Палестину, «поскольку они биологически сильны, и их выживание может повредить интересам Рейха». Однако в апреле 1942 года (стр. 478) Гиммлер написал командующему СД, что, несмотря на то, что приказы Гитлера об «окончательном решении» должны безжалостно исполняться, он хочет, чтобы работоспособных евреев и евреек пока не трогали и использовали на работах в концентрационных лагерях. В июле 1942 года ни Эйхман, ни его начальник Мюллер не осмелились решить судьбу французских детей-евреев, о которых все еще заботились французские благотворительные организации (стр. 701–702). Мюллер обратился за решением к Гиммлеру, и рейхсфюрер лично приказал «отправить их всех на Восток», что означало убить. На стр. 660 и далее приводятся подробности о личных приказах Гиммлера на *Grossabschiedung* (массовый вывоз) французских евреев на восток для «окончательного решения».

Последний раз Эйхман видел Гиммлера весной 1945 года, когда тот сказал ему, что в случае будущих переговоров с Эйзенхауэром ему понадобится 200 или 300 знаменитых евреев «в качестве заложников». Эйхману следовало собрать их в разных лагерях и затем договориться с гауляйтером Хофером в Инсбруке о резервировании для них нескольких эвакуированных деревень. Эйхман исполнительно доложил о приказе рейхсфюрера Кальтенбруннеру, который, по свидетельству Эйхмана, «почти не проявил интереса, поскольку ничто уже практически не играло роли».

Приложение Б
Франкфуртский суд (1964–1965)

К моменту опубликования этой книги во Франкфурте уже почти год шел судебный процесс об Аушвице, и конца ему не было видно. Подобные суды (как, например, суд над соратниками Эйхмана, Хунше и Крумейом, в Будапеште) проводились или даже шли в данный момент одновременно во Франкфурте и еще в некоторых местах, тогда как другие готовились к производству.

Столь долгая задержка в проведении этих судов немецкими общественными обвинителями объяснялась тем фактом, что относящиеся к делу документы были лишь недавно представлены союзниками, завладевшими ими после войны. Кабинет общественного обвинителя, учрежденный специально для расследования военных преступлений Германии, начал действовать только в 1957 году в Людвигсбурге, близ Штуттгарта. Другой причиной задержки было то, что многие обвиняемые скрывались под вымышленными именами, другие бежали за границу, и переговоры об их выдаче постоянно затягивались — и некоторые из них, например, переговоры о тех, кто был связан с печально известным доктором Менгеле, практически без надежды на успех.

В конце концов, на скамью подсудимых в 1964 году во Франкфурте удалось усадить двадцать три человека. Были представлены свидетельства их виновности в самых ужасных преступлениях. Характер людей, используемых Гиммлером и его сотрудниками, можно себе представить на примере Освальда Кадука, который в своей известной любви к детям дошел до того, что раздавал еврейским детям в лагере воздушные шарики (в материалах дела это называлось «организованной» раздачей), после чего им «вкалывали» в сердце инъекцию фенола со скоростью десять детей в минуту. После войны до его опознания и ареста «Папа Кадук», как его называли позже из-за любви к детям, работал санитаром.

Когда для дачи свидетельских показаний вызвали бывшего эсэсовского судью, он элегантно и непринужденно провозглашал скользкие и уклончивые ответы на вопросы, задаваемые ему председателем и прокурором, снова вытащив на свет смертоносную игру слов: «специальные меры», «переселение», «генеральная линия» и даже «высшие меры за пределами

юрисдикции» — все термины, используемые СС для обозначения убийства. И тут внезапно попросил слова один из менее интеллигентных обвиняемых, Стефан Барецки. Он явно не мог больше сносить такого искажения истины. Председатель позволил ему говорить. Суть речи Барецки сводилась к тому, что, мол, нам приходилось делать грязную работу, тогда как эти люди болтали языками, а когда мы жаловались на то, что нам приказывают убивать детей, нам советовали не рассуждать о том, чего мы не можем понять, а подчиняться приказам. Затем он вернулся на место.

Эта вспышка вскрывает сущность нацистского геноцида. Непосредственным исполнителям убийств полагалось не думать о том, что они делают, а принимать это как исполнение долга перед фюрером и немецким народом. После этого готовность быть жестоким, безжалостным и исполнительным в истреблении людей, считающихся недочеловеками, считалась наивысшей добродетелью для тех, кто был избран исполнять приказы фюрера.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Отец Гиммлера Гебхард Гиммлер

Гиммлер — ученик школы в Мюнхене (2-й ряд снизу, второй справа)

Гиммлер в старших классах школы в Ландсхуте (первый ряд, второй справа)

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер инспектирует солдат дивизии «Гитлерюгенд» перед вторжением

Генрих Гиммлер и Антон Муссерт лидер датских нацистов (1940 г.)

«...Он производил впечатление интеллигентного учителя средней школы... Из-под невысокого лба смотрели через поблескивающие стекла пенсне серо-голубые глаза. Подстриженные усы под прямым, правильной формы носом выделялись тонкой полоской на болезненно бледном лице. Губы бескровные и очень тонкие... Кожа на шее дряблая и вся в морщинах.

В уголках рта иногда появлялась едва заметная ироническая и презрительная усмешка, обнажавшая ослепительно белые зубы, которая оживляла на минуту неподвижное лицо. Руки тонкие, белые, почти девичьи, с четко просматривающимися голубыми жилками»

(Из описания внешнего облика Гиммлера)

ISBN 5-222-01125-9
9 785222 011256

«…Он производил впечатление интеллигентного учителя средней школы… Из-под невысокого лба смотрели через поблескивающие стекла пенсне серо-голубые глаза. Подстриженные усы под прямым, правильной формы носом выделялись тонкой полоской на болезненно бледном лице. Губы бескровные и очень тонкие… Кожа на шее дряблая и вся в морщинах.

В уголках рта иногда появлялась едва заметная ироническая и презрительная усмешка, обнажавшая ослепительно белые зубы, которая оживляла на минуту неподвижное лицо. Руки тонкие, белые, почти девичьи, с четко просматривающимися голубыми жилками»

(Из описания внешнего облика Гиммлера)

FB2 created by

mefysto

notes

Примечания

1

Первоисточники, к которым мы постоянно обращались во время подготовки этой книги, включают книги Геральда Рейтлингера *Окончательное решение* и *СС, Мемуары Керстена, Мемуары Шелленберга*, а также материалы суда над военными преступниками в Нюрнберге. При ссылках на материалы Нюрнбергского трибунала мы используем аббревиатуру М.В.Т (Международный военный трибунал), имея в виду двадцатидвухтомник издательства H.M.S.O, Лондон. Кроме того, мы часто ссылаемся на документы, использованные в качестве вещественных доказательств на суде — Нюрнбергское издание на немецком языке и американское издание на английском, известное под названием *Конспирация и Агрессия нацистов*, которое ниже упоминается как К. А. Н. Важные второстепенные источники включают книги *Гиммлер* Вилли Фришхауера, *Гейдрих* Чарльза Уайтона, *Последние дни Гитлера* Х. Р. Тревор-Ропера, *Комендант Аушвица* Рудольфа Хесса, *Гестапо* Эдварда Кранкшоу и *Доктора смерти* Митхелриха и Мильке.

На протяжении всей книги мы постоянно обращаемся к копиям документов, найденных в штаб-квартире Гиммлера и хранящихся в настоящее время в Немецком федеральном архиве в Кобленце, в Институте истории в Мюнхене, в Берлинском архиве документов, в Центре розыска в Арользене, в Государственном институте военных документов в Амстердаме и в Винеровской библиотеке в Лондоне.

Сами авторы этой книги упоминаются в примечаниях по инициалам — Р.М. и Х.Ф.

Мы хотим выразить благодарность Гебхарду Гиммлеру, старшему брату Генриха, от которого получена основная информация об этом начальном периоде. Мы также пользовались микрофильмами сохранившихся страниц гиммлеровского дневника, любезно предоставленными библиотекой Гуверовского института в Стенфорде, Калифорния, и весьма ценным анализом этих дневников, сделанным Вернером Т. Ангрессом и Бредли Ф. Смитом в журнале *Современная история*, том 31, № 3, за сентябрь 1959 года. В некоторых случаях цитаты из дневника взяты из их переводов, но в большинстве случаев мы приводим собственный перевод.

Другие источники информации о юности Гиммлера включают свидетельства людей, знавших его в студенчестве, и особенно доктора Ризза, председателя суда в Эрдинге, и полковника Шарадета из Мюнхена.

2

Когда Гиммлер был маленьким, его родители часто переезжали. Родился Гиммлер в квартире второго этажа на Хильдегардштрассе, 2 в Мюнхене. В марте следующего года семья переехала в комфортабельную квартиру над аптекой Лебига на Лебигштрассе, чудной улочке города. С марта 1902 по 1904 год Гиммлеры жили в Пассау, небольшом городке под Мюнхеном, после чего вернулись в Мюнхен и до 1913 года жили на Амаленштрассе, 86. В этом доме, собственно, и прошло детство Гиммлера. С 1913 по 1919 год семья жила в Ландсхуте; с 1919 по 1922 в Ингольштадте, и затем с 1922 по 1930 снова в Мюнхене, после того как в возрасте 65 лет отец Гиммлера ушел в отставку. Умер он через пять лет в 1935 году; мать Гиммлера умерла в 1941.

3

Имеются в виду, конечно, немецкие фунты (500 г). Гиммлер весил при рождении 3,7 кг.

4

В то время среди мальчиков не было распространено ведение дневников, но Гиммлера, несомненно, подтолкнул к этому отец, который сам питал к этому пристрастие. Среди книг, которые прочел Гиммлер в последних классах школы и о которых сделал записи в дневнике, мы найдем Волшебная гора Томаса Манна и работы Динтсра и Бирбаума, в которых приводились доводы за и против тевтонских идеалов. Странно, однако, что Гиммлер не сделал никаких замечаний по этим книгам, а просто перечислил их названия.

5

Эти воспоминания принадлежат в основном доктору Риззу и полковнику Шарадету. Доктор Ризз был членом «Аполло».

6

Впоследствии доктор Георг В. Ф. Халлгартен эмигрировал из Германии в Соединенные Штаты, где занимался историей и социологией. Он опубликовал памфлет на немецком языке со своими воспоминаниями о Гиммлере в мюнхенской школе, в которой преподавал его отец. Он подтверждает гиммлеровское прилежание, его чопорность и его жалкие попытки преуспеть в спорте и гимнастике, к которым он не имел ни малейших способностей. Например, он не мог подтянуться на перекладине даже одного раза. Эта школа была подготовительным заведением специальной Пажеской школы, предназначенной исключительно для сыновей баварской аристократии, которые имели право служить пажами при Баварском дворе. Халлгартен утверждает, что Гиммлера сильно обижало то, что по рождению он не имел права поступить в Пажескую школу. Тем не менее в разговоре с Х.Ф. этот факт отрицали и герр фон Манц, и барон Ванденфельс, которые знали семью Гиммлера и сами учились в Пажеской школе. Воспоминания профессора Халлгартена можно найти в его книге Мой одноклассник Гиммлер (Винеровская библиотека).

7

Каждая немецкая земля в то время, как и сейчас, имела свой собственный провинциальный парламент, члены которого назначались из партий после местных выборов. Рейхстаг представлял в то время (и до сих пор представляет под новым названием бундестаг) федеральный парламент и занимался национальной политикой и законодательством. Депутаты избирались в рейхстаг (как ныне в бундестаг) на основе пропорционального представительства. Различные партии выбирали собственных депутатов, чтобы заполнить места, выделяемые им после каждых выборов.

8

Гебхард Гиммлер вспоминает, что этот мотоцикл был шведского производства, и купили его с рук, но Гиммлер гордился им сверх всякой меры.

Мы сделали это заключение, основываясь на показаниях Отто Штрассера, которые тот дал в интервью с Х.Ф. специально для нашей книги Доктор Геббельс.

10

См. книгу Курта Г. В. Людекке Я знал Гитлера, стр. 267.

11

Отто Штрассер рассказал Х.Ф., что вскоре после свадьбы Гиммлер вошел в его офис и торжественно сообщил, что потерял девственность. Штрассер его поздравил. По свидетельству Гебхарда, в Марге Гиммлера больше всего привлекали светлые волосы. Первая их встреча в холле отеля в Берхтссгадене произошла из-за гиммлеровской неловкости, когда тот стряхнул ей на платье тающий снег со своей тирольской шляпы, которую снял перед ней в слишком рьяном приветствии. За извинениями последовало знакомство, а потом долгая прогулка и еще более долгий разговор.

12

Аббревиатура СС означает также Saal-Schutz, или «коридорная охрана». Это напоминает о том, что изначальным предназначением СС была роль «вышибалы» на политических митингах.

13

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Среди невероятного количества личных бумаг, старательно сохраненных Гиммлером и содержащихся теперь в Федеральном архиве, есть раннее эссе, написанное Гиммлером еще в ранней молодости и раскрывающее его идею экономики и идеологии сельского хозяйства. Установить точную дату написания этого эссе не представляется возможным, но стиль и содержание не оставляют сомнений в том, что писал он его в годы учебы в Мюнхене. Это предположение подтвердил и его брат Гебхард. Эссе пропитано наивным идеализмом и описывает то, что Гиммлер считал в те годы образцовым крестьянским обществом на полном самообеспечении, то есть живущим только плодами земли и собственным трудом, не используя денег внутри самого общества.

Деньги требовались только для выплаты начальной стоимости машин и на прочие капитальные затраты, а получать эти деньги должны были от продажи излишних сельхозпродуктов. Для описания иерархии своего общества Гиммлер намеренно пользовался архаичными терминами, такими как *Meister* (мастер), *Geselle* (подмастерье) и *Lehrling (*ученик). Он проповедовал целомудренность и глубокое слияние с землей, а также возрождение древнего фольклора, народных танцев, традиционной музыки и т. д. Интересно сравнить его концепцию живущего на земле общества с экономикой и идеологией современных израильских киббуцев.

14

Мы хотим выразить благодарность фрау Лине Гейдрих, вдове лидера СС, за предоставленные факты, относящиеся к ранним этапам карьеры Гейдриха и его первой встрече с Гиммлером.

15

Концепция низших рас Дарре распространялась также на романские народы, негров и азиатов. Когда ось Рим-Берлин была расширена и в нее включили японцев, Гиммлер и другие расисты пришли в изрядное замешательство.

16

Текст этого кодекса фигурировал на М.В.Т. как документ PS-2284.

17

Слово Sippe — это намеренно употребленный анахронизм, не имеющий точного русского эквивалента, ближайшим по значению словом, вероятно, является «клан». Используя его, Гиммлер старался подчеркнуть тевтонские идеалы предков.

18

В свидетельствах, которые она дала Х.Ф., фрау Гейдрих отрицала известную историю о том, что девушка, в которую до этого был влюблен Гейдрих, якобы была от него беременна. Она отрицала также и наличие еврейской крови в предках Гейдриха. И все же за все время его партийной карьеры он так и не избавился от этого подозрения.

19

Эту историю о представлении Гейдриха нацистской партии и Гиммлеру поведала нам Лина Гейдрих. Подтверждается она также и Вернером Бестом в свидетельствах, данных Х.Ф.

20

Фрау Гейдрих была потрясена чрезвычайно низким жалованием своего мужа, а также других лидеров СС. Поскольку ни она, ни Гейдрих не имели больших личных средств, жили они очень скромно. Семья фрау Гейдрих подарила им мебель и постельное белье. Несколько лет они не могли позволить себе слуг. Также фрау Гейдрих дала нам несколько зарисовок гиммлеровского характера того времени. Он настаивал на том, чтобы она называла его рейхсфюрером, а не герром Гиммлером, что она считала более подобающим для женщины. Она находила его слишком педантичным и до сих пор с некоторым удивлением вспоминает, как, когда ему пришлось остаться у них ночевать, он аккуратно повесил сушиться свое полотенце, и что на нем была вышита красная роза. Он отказывался есть картофель, рис или спагетти.

21

За пределами Германии термин Junker (юнкер), зачастую трактуется неправильно. Это старинный термин, означающий происхождение от знатного рода. Следовательно, Junkerschule (школа юнкеров) означает учебное заведение для высших классов, во всяком случае, именно это подразумевает Гиммлер.

22

Тем не менее похоже на то, что Гиммлер сначала приветствовал идею возвращения Рема, своего бывшего командира, и не видел в этом угрозы своему собственному положению. Когда Рем был в Латинской Америке, они с Гиммлером переписывались. В 1930 году Гиммлер писал ему, по меньшей мере дважды, поздравляя его с тем, что ему удалось избежать опасности в кампании против индейцев, и в шутку называя его старым революционером. Он также просил его собрать деньги для СС среди богатых латиноамериканцев немецкого происхождения и говорил, что с нетерпением ждет, когда он вернется в Германию и они снова смогут сотрудничать. Эти письма хранятся в Федеральном архиве в Кобленце.

23

Герр Ризз, друг Гиммлера в студенческие годы, рассказал Х.Ф., что когда он встретил Гиммлера в 1931 году и поздравил его с местом депутата в рейхстаге, Гиммлер со смехом назвал рейхстаг «говорильней» и заявил, что нацистские депутаты вошли туда лишь для того, чтобы использовать эту возможность в своих целях. А вот чем он истинно гордился, так это постом рейхсфюрера.

24

См. СС Геральда Рейтлингера стр. 27, Восход и падение третьего Рейха, Вильяма Л. Ширера стр. 144–145 и Нюрнбергское дело XI, стенография решения 28, 440–447; 28, 259; и 28, 794. Позже Кепплер поддержал так называемое исследование арийской истории Гиммлера, создав общество покровителей под названием «Друзья рейхсфюрера СС». Сам Шредер утверждает, что Гиммлер сопровождал Гитлера на знаменитом митинге Гитлера-Шредера. См. книгу Алана Буллока Гитлер (издание 1952 г.), стр. 220 и показания Шредера на Нюрнбергском процессе в К. А. Н. II, 922–924.

Позже, в 1936 году, он стал начальником полиции (O.R.P.O.), а после покушения на Гейдриха в Праге в 1942 году — преемником Гейдриха на посту рейхспротектора.

26

Это и последующее повествование о необычной карьере Хесса и его взаимоотношениях с Гиммлером взято, большей частью, из его автобиографии, написанной в тюрьме после войны — Комендант Аушвица.

27

См. М.В.Т. документы PS-778; а также Суд II, стр. 371–372. И сравните с книгой Ширера Восход и падение третьего Рейха, стр. 272.

Эта отчужденность не признавалась формально и не подтверждалась лично, даже когда значительно позже Гиммлер завел второй дом для своей любовницы Хедвиг, родившей ему двух детей, для которых он стал официальным опекуном. С годами его любовь к жене Марге поостыла, и его визиты в Гмюнд становились все реже и реже, хотя он всегда проявлял глубокую заботу о Гудрун. Гиммлер с женой продолжали жить в браке до конца жизни, и хотя Марга тактично принимала отношения Гиммлера с Хедвиг, привязанность между ними умерла. В письмах мужу Марга использовала обращение Mein Lieber Guter, непереводимую фразу, сочетающую некое старомодное сочетание женской несдержанности с сентиментальностью. Как мы еще увидим, отношения Гиммлера с сестрой Марги Бертой стали весьма напряженными. Следует отметить, что изредка Гиммлер позволял Марге сопровождать его в официальных поездках. Например, он взял ее в Италию, и, что характерно, настоял на том, чтобы все ее расходы были списаны на его личный счет.

29

Добрые отношения Гиммлера с Ремом быстро изменились, когда тот оказался на его пути. Следует, однако, понимать, что, в конце концов, Гитлер решил избавиться от Рема, к которому был искренне привязан, потому что на этом этапе те самые люди, в поддержке которых он сильно нуждался — генералы и промышленники, — выступили против Рема и СА. Обещание Гитлера Идену подорвать силу СА вполне согласуется с этой политикой. Именно эти соображения, а не одно лишь давление Геринга и Гиммлера, привели Гитлера к решению ударить по Рему и подорвать влияние СА. Показания Фрика по этому вопросу можно найти в К.А.Н. V, стр. 654–655. Свидетельства официального советника Рема о том, что Гиммлер исказил все, что мог, чтобы дискредитировать Рема в глаза л Гитлера, можно найти в книге Рейтлингера «СО, на стр. 62.

30

Гизевиус, бывший служащий Гестапо, присоединившийся к движению Сопротивления, чья книга, К горькому концу, являет собой наиболее полный и выразительный источник информации о нацистском режиме, утверждает, что видел отчет об этом инциденте, подготовленный Далюге по приказу Гиммлера. Далюге был не столько озабочен, сколько удивлен этой дырой в ветровом стекле, которую, согласно его отчету, пробил камень из-под колеса проезжающего автомобиля. Такое же объяснение дал Х. Ф. Боденшац, который присутствовал на церемонии. Согласно Гизевиусу, Гиммлер «побледневший, дрожащий и взволнованный» отложил погребение и настоял на том, чтобы в качестве возмездия немедленно расстреляли сорок коммунистов. Позже он приговорил к смерти двух командиров СА за покушение на свою жизнь. Фришхауер допускает неточность в биографии Гиммлера (стр. 64), утверждая, что после посвященной Рему конференции Гиммлер ехал в Каринхалле в одной машине с Гитлером и был ранен в руку.

31

М. В. Т. XX, стр. 249.

Это личное мнение Папена, высказанное им Х.Ф.

33

М. В. Т. XVII, стр. 278.

Клятва офицеров СС была строже: например, клятва генерал-лейтенанта звучала так: «Будучи генерал-лейтенантом СС, я обязуюсь со всей строгостью следить за тем, чтобы в СС попадали лишь люди, полностью отвечающие ее высоким стандартам, каковы бы ни были заслуги их родителей или предков. Я не отступлю от этого правила, даже если мне придется отвергнуть своих собственных сыновей, дочерей или родственников. Помимо этого я обязуюсь следить за тем, чтобы каждый год не менее четверти кандидатов в СС состояло из людей, не являющихся сыновьями членов СС. Клянусь соблюдать эти обязательства, не нарушая верности нашему фюреру Адольфу Гитлеру и не посрамив чести своих предков: да поможет мне Бог». Текст этой клятвы хранится в Федеральном архиве в Кобленце. Этот документ прекрасно демонстрирует глубокую неприязнь Гиммлера к аристократии, эксплуатирующей «заслуги своих предков».

35

Мемуары Шелленберга, стр. 10.

36

См. М. В. Т. III, стр. 130.

37

В Федеральном архиве хранится довольно объемистая папка с перепиской, касающейся гербов офицеров СС, которые они должны были представлять для поступления в Вевельсбург. Поскольку большей частью члены СС были выходцами из средних классов, они испытывали определенные трудности в составлении «достоверных» гербов, удовлетворяющих тевтонскому снобизму Гиммлера.

38

Хесс, будущий комендант Аушвица, записал, что Гиммлер провел «великую проверку» Дахау в 1936 году, и добавил, что «Гиммлер был в прекрасном расположении духа, потому что проверка прошла без единой запинки. В Дахау… тоже все организовано прекрасно». Гиммлер поинтересовался семьей Хесса и вскоре после этого пожаловал ему чин старшего лейтенанта СС. Следуя своим традициям, Гиммлер выбрал нескольких заключенных и поговорил с ними в присутствии сопровождающих его гауляйтеров и высших нацистских чиновников.

39

О попытке вмешательства Фрика см. М. В. Т. XII, стр. 203–206, 266.

40

Полиция при Гиммлере была разделена на полицию в форме (O.R.P.O) и тайную полицию, ходившую в штатском (S.I.P.O.). Тайной полицией руководил Геидрил, и состояла она из гестапо, их коллег крипо (криминальная полиция или C.I.D.) и Службы безопасности, СД, которая все еще оставалась партийной, а не государственной организацией. В сентябре были предприняты дальнейшие шаги для слияния СС с полицией, для чего районных лидеров СС сделали начальниками полиции в своих районах. В результате сфера деятельности гестапо, до этого времени номинально ограниченная Пруссией, распространилась на всю Германию. Однако лишь через два года, в июле 1938, все члены тайной полиции стали членами СС, закрыв, тем самым, промежуток между двумя сферами влияния Гиммлера в государстве. (См. книгу Кранк-шоу Гестапо, стр. 90.)

41

В своей речи Гиммлер описал стратегию саксонского герцога по имени Генрих Птицелов, который стал потом Генрихом I, основателем немецкого государства. Он заключил пакт с венграми, угрожавшими новому государству, чтобы выиграть время и подготовиться к отпору. Гиммлер не разделял обычного немецкого восхищения Карлом Великим, которого считал представителем низшей расы.

42

В связи с движением Лебенсборн следует четко представлять, что эти дома были не более чем большими домами материнства, предназначенными для ухода за матерями, некоторые из которых воспитывали законнорожденных детей, а некоторые — незаконнорожденных. Вскоре поползли слухи, что это просто фермы, на которых скрещиваются породистые мужчины и женщины, для производства еще более породистых детей. Это, конечно, было не так, хотя и встречались женщины, пытавшиеся поступить в лебенсборнские дома, заявляя, что «хотят родить ребенка Фюреру». Один из официальных ответов такой женщине гласил: «Мы не брачное агентство». Движением Лебенсборн было официально создано «волею Рейхсфюрера СС» в 1936 году и зарегистрировано в Мюнхене 24 марта 1938 года. Подробнее о Лебенсборне можно узнать из Бюллетеня Винеровской библиотеки за июль 1962 года, стр. 52.

43

В 1944 году Гиммлер должен был официально признать себя отцом и опекуном своих незаконнорожденных сына и дочери. См. примечание 14 к главе IV. Отношения Гиммлера с Хедвиг, которую он нежно называл Зайчиком, достигли, фактически, состояния бигамного брака, и, несомненно, Гиммлер любил ее всю жизнь. Фрау Гейдрих рассказала Х.Ф., что когда Гиммлер начал встречаться с Хедвиг, все его манеры в корне изменились; на какое-то время он стал более спокойным и человечным. В связи со своим положением Хедвиг вела очень замкнутый образ жизни, но все, кто с ней общался, любили ее и уважали. Было время, когда Гиммлер собирался развестись с женой и жениться на Хедвиг, но ради Гудрун она ему этого не позволила. В разговоре с Х. Ф. Шверин-Крозиг, гитлеровский министр финансов, сообщил, что Ханна Райч, известная нацистская летчица, рассказала ему о том, что ей удалось узнать, когда сразу же после войны она оказалась в одной камере с Хедвиг. Любовница Гиммлера рассказала ей, как сильно она его любила и как хорошо он к ней относился. В настоящее время Хедвиг замужем и желает забыть прошлое. Двое ее детей от Гиммлера живут сейчас под другими именами.

К пяти «необходимым» видам спорта, причинившим столько неприятностей пожилым людям, которые должны были сдавать эти нормы по требованию Гиммлера, относились бег на короткую дистанцию, плавание, бег на длинную дистанцию, прыжки в длину или в высоту и стрельба или метание копья. Получение спортивного значка было обязательным для всех членов СС, и Гиммлер, после нескольких месяцев тренировок, большей частью проходивших в Юнкерской школе в Бад-Тельце, был намеренно обманут подчиненными, что якобы он сдал все необходимые нормы. Когда ценные для Рейха люди стали надрываться, пытаясь сдать установленные Гиммлером спортивные нормы, Гитлер высказал недовольство идеей.

45

См. Мемуары Керстена, стр. 294, 306.

46

Текст этой речи можно найти в К. А. Н. IV, стр. 616–634.

47

В нашей книге Герман Геринг мы исследовали неудачную попытку Уилер-Беннетта представить дело так, что он послал этот вызов после слушанья. Согласно Рейтлингеру, более вероятным представляется, что вызов был послан в феврале. Впервые история этого вызова стала известна от Отто Йона.

Мемуары, стр. 32.

49

Вполне вероятно, что Эйхман был уже в Вене. См. книгу Рейтлингера Окончательное решение, стр. 25–26, и книгу лорда Расселла Суд над Адольфом Эйхманом, стр. 186.

50

С этой целью зимой 1938/1939 гг. Гиммлер основал две компании — Deutsche Ausruestungswerke и Deutsche Erd- und Steinwerke. Управлялись они административно-хозяйственным департаментом СС под руководством Освальда Поля, который был главным казначеем военно-морского флота. См. книгу Рейтлингера СС, стр. 257.

51

См. книгу Гендерсона Провал миссии, стр. 111.

52

См. М. В. Т. III, стр. 191–192.

53

Гизевиус В. К горькому концу, Керстен в Мемуарах, и Хеттль в Тайном фронте, стр. 44 и далее.

54

После войны Х.Ф. беседовал с мадам Китти в Берлине, чтобы узнать подробности об этом исключительном специализированном заведении. Далеко не все работавшие здесь женщины были высококлассными профессиональными проститутками. Некоторые из них были молодыми светскими женщинами, добровольно попросившимися на эту службу в порыве патриотизма. Китти рассказала Х.Ф., что в то время как Риббентроп был завсегдатаем, Геббельс пришел лишь раз. Он всех буквально очаровал, взглянул на лесбиянок, но девушку брать отказался. Ни Гиммлер, ни Геббельс не считали допустимым посещение подобных мест.

55

Вернер Бест, которому тоже приходилось близко работать с Гейдрихом, в разговоре с Х.Ф. подтвердил его ненасытные амбиции, ум и неуемную энергию. Он уверен, что Гейдрих стремился подсидеть Гиммлера, а может быть, и самого Гитлера. Он намеренно терроризировал подчиненных и постоянно делал Бесту саркастические замечания по поводу его обучения. Тем не менее он сделал Беста кем-то вроде доверенного лица и как-то даже заговорил с ним о своем предполагаемом еврейском происхождении. Среди его предков, сказал Гейдрих, был человек по имени Зюсс, но, как он вполне резонно заметил, имя Зюсс не является чисто еврейским. Вольф в интервью с Х.Ф., охарактеризовал Гейдриха как способного и эффективного работника, но крайне неприятного человека.

56

В разговоре с Х.Ф. фрау Гейдрих отрицала, что когда-либо состояла в интимных отношения с Шелленбергом. Да и сам Шелленберг утверждает то же самое. Несомненно, это было одно из садистских упражнений Гейдриха, когда тот попытался выставить свою жену неверной, а своего подчиненного виновным. Хотя в начале своей карьеры Шелленберг и мог участвовать в допросах с применением пыток, после войны ему удалось полностью отмежеваться от наиболее жестоких деяний гестапо и СС. Тем не менее когда в 1949 году его приговорили к шести годам заключения, отсчитываемым с 1945 года, судьи признали его виновным в казни без суда группы русских заключенных. В 1951 году он был освобожден по состоянию здоровья и умер от болезни почек в Турине в 1952 году. Свои пространные мемуары он начал писать еще когда скрывался после войны в Швеции и продолжил их сразу же после освобождения. Уже после его смерти его жена организовала их публикацию в 1956 году в Англии, и Х.Ф. довелось читать машинописный оригинал, занимавший примерно 3000 страниц. В опубликованном варианте мемуаров из них убрали малозначимые и повторяющиеся материалы.

Не следует путать с R.U.S.H.A. первоначально брачным агентством СС, которое позже занималось также похищением детей нордической крови для воспитания в Германии.

58

Знаменитый указ Гиммлера, призывающий членов СС зачать ребенка перед отправлением на фронт, был выпущен в печатном виде 28 октября 1939 года. «Никогда не следует забывать, что победа нашего оружия и кровь, пролитая нашими солдатами, не имеет ни малейшего смысла, если не продолжится победой наших детей и населением новой земли», — сказал Гиммлер. В течение всей войны Гиммлер постоянно проявлял заботу о половой жизни членов СС. Содержащиеся в Федеральном архиве в Кобленце документы свидетельствуют, что в 1942 году он допускал половую связь между членами СС и польскими женщинами лишь при условии, что эти женщины официально назначены в публичный дом и что при этом исключаются зачатие ребенка и эмоциональные проявления. Это утверждается в секретном приказе от 30 июня 1942 года, подписанном Гиммлером. 7 марта следующего года он подписывает очередной секретный приказ, отданный самим фюрером, о том, что любой член СС, уличенный в гомосексуальных отношениях с другим членом СС, будет немедленно казнен. С другой стороны, увеличение количества незаконнорожденных детей благородной крови всячески приветствовалось — чем больше, тем лучше. Но сиротам от недостаточно чистых в расовом отношении родителей, по приказу Гиммлера от 1 июня 1943 года, следовало прививать «покорность, трудолюбие и безусловное подчинение немецким хозяевам» и давать им лишь низшее образование, достаточное для выполнения неквалифицированной работы. Также Гиммлер был сильно напуган распространяющимися среди его людей венерическими заболеваниями, и в первую очередь потому, что это могло привести к импотенции. Были приняты все меры к тому, чтобы заболевшие как можно раньше обращались к врачу.

59

Чтобы урегулировать, насколько возможно, отцовство детей Хедвиг, Гиммлер, в официальном документе от 12 сентября 1944 года, подтверждает свое отцовство и становится совместно с Хедвиг опекуном мальчика Хельга, в то время двух лет от роду, и грудной девочки Нанетты Доротеи. В свидетельстве о рождении Нанетты, от 20 июля, в качестве отца указан Гиммлер, и добавлено, что 25 июня он уже представал перед судьей СС для официального установления отцовства.

60

Шелленберг преувеличивает, заявляя, что Гиммлер действительно жил с Хедвиг. Скорее, он поселил ее с детьми в их собственном доме и посещал их точно так же, как продолжал посещать жену и дочь в Гмюнде. И ему вполне хватало средств на содержание этих двух домовладений. Лишь щепетильность в финансовых вопросах удерживала его от больших затрат, не говоря уж о накоплении награбленного добра, подобно другим нацистским лидерам. Он жил строго в рамках официального дохода.

61

Текст этой речи в Меце можно найти в К. А. Н. IV, стр. 553–558.

Немецкое название лагеря Освенцим *(Прим. ред.)*.

Многие из этих документов использовались в качестве доказательств на «Процессе врачей» и цитируются в Докторах смерти, откуда мы и взяли наши цитаты.

Насколько нам известно, эти инструкции до сих пор не публиковались. Они существуют в виде машинописного документа, на трех страницах, с пометкой «Секретно» и с заметками на полях рукой Гиммлера. В настоящее время они хранятся в Федеральном архиве. Эти педантичные инструкции полностью соответствуют стилю Гиммлера; к примеру, он подробно описывает, на каком расстоянии от заключенного должен стоять взвод палачей, и следует ли жертве завязывать глаза или поворачивать лицом к стене.

М. В. Т. XVII, стр. 19–20.

66

См. СС Рейтлингера, стр. 263. Официальная статистика СС показывала, что с июня по ноябрь 1942 года в лагеря было брошено 136 700 заключенных, и что 70 610 умерли, 28 846 были «выселены» (т. е. задушены газами), 9267 казнены и 4711 выпущены.

67

К. А. Н. III, стр. 467–469.

Красочное описание этих омерзительных накоплений дано Рейтлингером в Окончательном решении, стр.453.

69

Подшивки писем и меморандумов, хранящиеся в Амстердамском институте, свидетельствуют о соглашениях на продажу еврейских свобод, заключенных СС, в которых минимальная цена была поднята в конце концов с 50 000 до 100 000 швейцарских франков.

70

Текст этой речи можно найти в К. А. Н. IV, стр. 558–578.

Для прикрытия геноцида использовались различные термины. Среди них: Aussiedlung (выселение), Abbeforderung (отправление) и Auflockerung (рассредоточение). Эти термины специально использовались для создания благоприятного впечатления и были призваны поддержать миф о том, что гетто, такие, как, например, в Терезиенштадте, имеют статус «Гетто для престарелых», то есть прекрасных мест для евреев пенсионного возраста. Гиммлер был весьма разгневан, когда узнал об утечке сведений об истинной природе Терезиенштадтского гетто.

Наиболее мастерски эту историю описал Джон Херси в книге Стена. Полный отчет о восстании можно найти в Окончательном решении, стр. 274 и далее.

73

Тем не менее, сохранился краткий конспект этой речи. См. документы М.В.Т., параграф 910 и Окончательное решение, стр. 256.

col1_0, параграф 1061.

75

См. Окончательное решение, стр. 490. Для сравнения интересно было бы отметить, что в речи, произнесенной четырнадцатью месяцами позже, 25 мая 1944 года, Гиммлер назвал аудитории юристов, и среди них главным судьям, число узников концентрационных лагерей: 50 000 немцев и 300 000 иностранцев.

Факты этого краткого исследования судьбы евреев в различных частях Европы, контролируемых Германией, взяты из Окончательного решения.

Прежнее название города Таллин. *(Прим. пер.)*.

Очень хорошо *(нем.)*.

79

В разговоре с Р.М. в Стокгольме фрау Ирмгард Керстен вспоминала, как она сопровождала своего мужа и Гиммлера на эту встречу в Италию. Это был единственный случай ее непосредственного общения с Гиммлером, которого она всегда старалась избегать. Как-то раз, после завтрака в Риме, Гиммлер начал убеждать ее в необходимости избавления от евреев и Свидетелей Иеговы, и ради этой лекции даже отложил свой отъезд. Он явно ощущал потребность заручиться поддержкой немецкой жены Керстена, общаться с которой ему приходилось не часто.

80

Мемуары Хесса, стр. 148.

81

Свидетели Иеговы, если отбросить их пацифизм, вызывали в душе Гиммлера некоторое сочувствие. Он откровенно восхищался их фанатизмом, умеренностью и страстным трудолюбием. Его чрезвычайно раздражало, что столь замечательные люди отказываются от сотрудничества.

Известен также как лагерь Бржезинка. (*Прим. пер.)*.

83

Гиммлер никогда не использовал свой поезд в качестве центра развлечения на манер Геринга. Сохранившаяся запись о поступлении пищи 12 декабря 1942 года демонстрирует чрезвычайную умеренность: ее стоимость измерялась 20 марками 75 пфеннигами.

Следует отметить, что в недавно вышедшей книге, в которой изучается история болезни Гитлера, увиденный Керстеном документ, свидетельствующий об установленных у Гитлера симптомах сифилиса, не упоминается. См. книгу доктора Йохана Рехтенвальда Чем страдал Гитлер. Однако в настоящее время можно с определенностью утверждать, что Гитлер страдал не от осложнений сифилиса, а, что не раз утверждалось, от болезни Паркинсона (paralysis agitans).

Другим близким советником был, конечно же, бывший генерал СС Карл Вольф, который выступал в роли офицера связи Гиммлера в ставке Гитлера до 1943 года, когда его назначили военным комендантом Северной Италии. До вынесения последнего приговора он содержался в Штадельгеймской тюрьме Мюнхена, где Х.Ф. было позволено взять у него несколько интервью. Он обладал юмором и обаянием, и Гиммлер всегда с нежностью называл его Вольфхен.

Официально Мюллер некоторое время признавался мертвым, но при вскрытии его могилы в 1963 году выяснилось, что в ней захоронены останки трех человек, и все они к моменту смерти были моложе Мюллера. Этот подлог, похоже, подтверждает гипотезу о его бегстве в Россию.

87

В своих Мемуарах (стр. 395 и 432) Шелленберг пишет, что он независимо от Гиммлера принял приглашение Керстена посетить Стокгольм и обсудить мирные предложения с Хьюитом. Когда Керстен доложил о переговорах Гиммлеру, тот, по словам Шелленберга, был «ошеломлен». Однако позже он сам подтолкнул Шелленберга к поддержанию контакта с Хьюитом.

88

Из-за расовых предрассудков Гитлера и Гиммлера Германия потеряла возможность привлечь русское подкрепление, состоящее, по некоторым оценкам, из 800 000 человек, включая казачьи части. Ведомые генералом Власовым, они требовали равенства с немецкими солдатами и независимости Украины. Гитлеру не удалось превратить Украину в антисталинскую, прогерманскую крепость. См. также главу VII.

На самом деле, новое положение Гиммлера давало ему дополнительные возможности к тем, что он уже имел. Его влияние на Фрика всегда было жестким. Борману, по словам тонкого наблюдателя, Альберта Шпеера, «не понадобилось много усилий, чтобы заморозить Гиммлера на посту министра внутренних дел». Если региональная полиция подчинялась Гиммлеру, то гражданские власти, местные гауляйтеры, подчинялись Борману. Это было источником власти Бормана над самой нацией, так же как положение личного секретаря Гитлера давало ему власть над штаб-квартирой фюрера.

90

Первая встреча Дорнбергера с Гиммлером описана в его книге, т. 2, стр. 172 и далее.

91

Мы благодарны не только доктору Отто Йону, но и бывшему генералу СС Вольфу, за то, что они согласились рассказать о попытке Лангбена — Попица найти подход к Гиммлеру. Оба сходятся на том, что между Попицем и Гиммлером состоялась лишь одна встреча, а не две, как часто утверждается. Вольф подтверждает, что Лангбен оставался с ним, пока Попиц беседовал с Гиммлером. Отто Йон рассказал Х.Ф., что, по словам Попица, тот начал разговор с Гиммлером, высказав озабоченность леностью Геринга, и затем туманно намекнул, что ради отечества следует потрясти даже самую верхушку.

Другая, очень важная группа глубоко мыслящих членов Сопротивления, имевших связи с абвером — Дитрих Бонхеффер, Йозеф Мюллер и Ханс фон Донаньи — была арестована в апреле 1943 года.

93

Само слово Abwehr в переводе с немецкого означает оборона. *(Прим. пер.)*.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Весьма полезную информацию о Гиммлере мы получили от Дорис Мехнер, которая в двадцатидвухлетнем возрасте, в 1943 году, была принята в штат секретарей Гиммлера, на том основании, что она, как и сам Гиммлер, была родом из Баварии. Относились к ней хорошо, но платили лишь 300 марок в месяц. Она должна была постоянно жить в специальном поезде Гиммлера. Он бегло диктовал ей тексты с ярко выраженным баварским акцентом и раздражал ее своей привычкой подергивать рукой левую бровь. Как мужчина он не произвел на нее ни малейшего впечатления, но он всегда был очень внимателен и делал работающим на него девушкам небольшие подарки в день рождения и к Рождеству. Чтобы во всем успевать, он использовал тщательно продуманную систему напоминаний. Аналогично и его корреспонденция, объем которой был невероятен, тщательно регистрировалась, чтобы он был уверен в получении всех нужных ему ответов. Фройлен Мехнер обратила внимание на его любовь к Хедвиг; он держал ее фотографию в столе и часто во время работы на нее смотрел. Девушки подшучивали над его одержимостью блондинами и блондинками; фройлен Мехнер не раз наблюдала, как он изучал фотографии будущих невест СС, прежде чем принять решение, подходят ли они для его людей.

95

Все примечания к этой главе имеют ссылки на мемуары Керстена (Хачинсон, Лондон, 1956). Сохранившиеся в Федеральном архиве в Кобленце страницы гиммлеровского дневника показывают, как много времени проводил Гиммлер в руках своего массажиста. Обычно утром или вечером он выделял целых два часа на процедуры, без которых уже практически не мог обходиться. Не следует забывать, что Керстен был совершенно непопулярен в глазах таких людей, как Мюллер и Кальтенбруннер. Также он выглядел «помехой» для некоторых людей, искавших путей примирения через нейтральную Швецию. Несомненно, характер Ксрстена не был свободен от некоторой доли тщеславия. Начатые им переговоры глубоко обидели графа Бернадотта, который желал приберечь для себя все лавры борца за примирение. Со времен войны среди главных сторонников Ксрстсна можно назвать его биографа Кесселя, профессора Хью Тревор-Ропера и Акима Бесгена, опубликовавших в 1960 году книгу 0 Керстене, DerStille Befehl. Одно время после войны в Швеции даже подумывали присудить Керстену Нобелевскую премию за мир.

Мемуары, стр. 311–312.

97

Мемуары, стр. 256–257.

98

Мемуары, стр. 257–258.

99

Мемуары, стр. 177.

100

Мемуары, стр. 178.

101

Гиммлер вовсе не желал прослыть агностиком. Он даже придумал специальный термин для исповедуемой им веры — gottglaubig, подразумевая веру во Всевышнего, отличающуюся от христианства. Гиммлер выступал против священничества как профессии. Он не хотел, по его собственным словам, чтобы в СС выросла новая форма «поповства».

102

Мемуары, стр. 120.

103

Мемуары, стр. 306–307.

104

Полная история покушения на жизнь Гитлера и провала военного переворота 20 июля 1944 года рассказана в книге этого же автора Июльский заговор.

105

Гиммлер сказал это фон Крозигу, который впоследствии повторил это Х.Ф.

106

Список из 161 жертвы, казнь которых удалось доказать, приведен в книге Уилера Беннета Немезида, стр. 744.

107

См. СС, стр. 300–301.

108

См. СС, стр. 268. Согласно вещественным доказательствам, переданным М.В.Т., Гиммлер официально присутствовал на казни русских офицеров в Маутхаузене в сентябре 1944 года. См. М.В.Т. V, стр. 170, 174, 231.

109

См. книгу Даллеса Германский андеграунд, стр. 163.

110

В архивах Кобленца, Амстердама и особенно Варшавы (которые Х.Ф. посетил в 1963 году) содержится множество документов, свидетельствующих о коммерциализации преследования евреев. Сюда входит продажа эмиграционных разрешений, которая, например, в Амстердаме велась уже с апреля 1942 года. Причем предпочтение отдавалось пожилым евреям, которые не представляли особой опасности и готовы были расплатиться деньгами, ценными бумагами или даже промышленными предприятиями. В других документах скрупулезно фиксируется распределение награбленных сокровищ между различными подразделениями армии, флота и СС.

111

См. Мемуары Шелленберга, стр. 430.

112

См. Окончательное решение, стр. 462. Беккер дал письменные показания под присягой во время слушания Дела XI в Нюрнберге, Док. № N.G. 2675.

113

Эйхман отказался подчиниться полученным по телефону приказам Гиммлера о прекращении депортации; он заявил, что должен получить их в письменном виде. См. Суд над Адольфом Эйхманом, стр. 170.

См. М. В. Т. XI, стр.306.

115

См. СС, стр. 385.

116

Процитировано Милтоном Шульманом в его книге Поражение на западе, стр. 218.

117

См. Дорнбергер, т.2, стр. 355.

118

Никколо Макиавелли — итальянский философ XV–XVI веков. В книге «Государь» сформулировал принципы управления, ставящие политическую выгоду над моралью. (*Прим. пер.)*

119

См. книгу Гудериана Повелитель танков, стр. 355.

120

Спор по поводу этого эпизода можно найти в книге СС, стр. 377.

121

Вервольф, или Германское движение сопротивления против союзников, был создан в основном с целью пропаганды Геббельсом и Гиммлером.

122

См. СС, стр. 381.

123

По свидетельству фон Овена, Mit Goebbels bis zum Ende (том II, стр. 161), Геббельс предложил Гитлеру официально назначить Гиммлера военным министром.

124

Точную цитату можно найти в книге Письма Бормана.

125

Фегелейн и Бургдорфф, эти двое, с которыми Борман вел себя так по-дружески, тоже занимают свое скромное место в истории. Фегелейн, неофициальный представитель Гиммлера в гитлеровской штаб-квартире, был женат на сестре Евы Браун, но, тем не менее, был казнен Гитлером за дезертирство в последние дни войны. Бургдорфф обязан своей известностью тому печальному факту, что именно он вручил Роммелю яд, которым тот должен был отравиться.

126

См. книгу Вестфаля Германская армия на Западе, стр. 172.

127

Вестфаль, Германская армия на Западе, стр. 188.

Вестфаль, Германская армия на Западе, стр. 403.

129

Орденсбургеи — «Рыцарские Замки», закрытые учебные заведения полувоенного типа, целью которых была подготовка нацистской элиты. *(Прим. пер.)*.

130

Интересное описание Гиммлера в роли главнокомандующего дал хорошо известный немецкий журналист Юрген Торвальд в двух своих книгах, одна о кампании на Висле — Начало на Висле, и другая о кампании на Эльбе — Конец на Эльбе.

131

Нефтеперерабатывающая промышленность Германии сильно пострадала от бомбардировок союзников. Гитлер считал, что должен любой ценой сохранить нефтяные скважины Австрии и Венгрии, которые все еще оставались в его руках.

132

См. книгу Гудериана Повелитель танков, стр. 413.

133

См. СС, стр. 406.

134

См. книгу Гудериана Повелитель танков, стр. 422.

135

Из книги Падение занавеса, большей частью тайно написанной Шелленбергом, бежавшим вместе с графом Бернадоттом после падения Германии, Бернадотт убрал все упоминания Шелленберга о Керстене. Не осталось также ни единого упоминания о шведском министре иностранных дел Кристиане Гюнтере, планировавшем переговоры, которые Керстен столь решительно вел с Гиммлером. Тревор-Ропер решительно осудил отношение Бернадотта к Керстену в своем введении к Мемуарам Керстена. Доктор Де Йонг, директор института в Амстердаме и выдающийся историк, знавший Керстена лично, заверил нас, что хотя Керстен, несомненно, сделал много хорошего, он был весьма тщеславен и, зачастую, сильно преувеличивал свое влияние. Например, он утверждал, что практически спас голландский народ от эвакуации на восток. Керстен и Бернадотт терпеть друг друга не могли.

136

См. книгу Шеммлера Геббельс, второй человек после Гитлера, стр. 178–179.

137

В книге Падение занавеса на странице 41 утверждается, что первая встреча с Гиммлером состоялась 12 февраля. Это явная опечатка, поскольку на странице 20 Бернадотт говорит, что прилетел в Берлин 16 февраля. Шелленберг утверждает (стр. 435), что он привез Бернадотта к Гиммлеру через два дня после его встречи с Кальтенбруннером. В книге Последние дни Гитлера профессор Тревор-Ропер ошибочно принимает 12 февраля в качестве даты этой встречи, а Рейтлингер приводит ее то как 17 февраля в Окончательном решении, стр. 462, то как 18 февраля в СС, стр. 415.

138

См. СС, стр. 414. Информация взята из книги фон Овена, Mit Goebbels bis zum Ende, том II, стр. 252–254.

139

См. введение профессора Тревор-Ропера к Мемуарам Керстена, стр. 15–16 и книгу СС, стр. 416.

140

См. книгу Торвальда Конец на Эльбе, стр. 25 и СС, стр. 413.

141

См. М. В. Т. XIV, стр. 374 и Окончательное решение, стр. 446.

142

Процитировано Шульманом в книге Поражение на Западе, стр. 280.

143

Во время этого разговора граф Шверин-Крозиг сказал, что жертвы, потребованные Гитлером от немецкого народа, оправдаются лишь в том случае, если удастся разбить альянс западных союзников с русскими. Гиммлер согласился и, по свидетельству Шверин-Крозига, открыто признал, что были допущены серьезные ошибки. Что же касается евреев, теперь их ценность сильно возросла, поскольку они могли использоваться в качестве «бартера во всех будущих переговорах». Гиммлер не был готов к высказываниям против Гитлера; он просто сказал, что «Фюрер имеет на это иные взгляды». Говоря о себе, Гиммлер добавил, что «хотя он и пользуется репутацией беспутного безбожника, на самом деле в глубине души он верит в Провидение и Бога». Это Бог оградил Фюрера 20 июля; это Бог растопил замерзшие воды Одера и задержал переправу русских в тот самый момент, когда он был в отчаянии по поводу бессилия своей обороны; это Бог лишил Рузвельта жизни в тот самый момент, когда русские подходили к Берлину. (См. книгу Ширера Конец берлинского дневника, стр. 197 и дальше.)

144

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Яркое описание Гиммлера в период конца 1944 и начала 1945 года дала нам фрау Гейдрих. Тогда она все еще жила в замке под Прагой и укрывала у себя много немецких женщин с детьми, бежавших из Восточной Пруссии, тем или иным образом связанных с СС. После того как она написала Гиммлеру письмо, в котором спрашивала, что делать дальше, он без предупреждения нанес ей визит. Он, как всегда, был весьма уклончив в оценке ситуации и туманно намекал на какое-то чудесное оружие. Когда он взъерошил белые волосы ее сына и, вздохнув, сказал: «Ах, Гейдер», она почувствовала, что ей ничего не остается, как лишь довериться судьбе. Когда она заговорила с ним о проблеме эвакуации, он сказал лишь, что в Баварии достаточно съедобных грибов. По ее просьбе он пожал женщинам руки, и после его отъезда (это была последняя их встреча) фрау Гейдрих организовала эвакуацию своего имущества и беженцев на трех грузовиках.

145

За материалы этой главы мы хотим выразить особую благодарность полковнику Майклу Мерфи и капитану Тому Сильвестру, английским офицерам, на попечении которых находился Гиммлер, а также телохранителю Гиммлера Йозефу Кермайеру и доктору Вернеру Бесту за предоставленную ими ценную информацию о последних днях жизни Гиммлера.

Говорят, что он сказал Мазуру: «Что было, то прошло».

147

Мемуары Керстена, стр. 288.

148

На следующий день, 22 апреля, Керстену удалось улететь из Темпельхофа в Копенгаген. Затем он поехал в Стокгольм и явился к Гюнтеру 23 апреля.

149

Описание этой встречи Гиммлера с Бернадоттом взято прямо из книги самого Бернадотта Падение занавеса.

150

По словам Бернадотта, Гиммлер был столь задумчив, что даже заехал на машине в колючую проволоку. Даже в эти последние дни он часто предпочитал вести машину сам.

151

Различные мнения по поводу претензий Гиммлера на роль преемника можно найти в книге Тревор-Ропера, Последние дни Гитлера, стр. 101, 182–183, а также в книге Шеммлера Геббельс, второй человек после Гитлера, стр. 178, в книге Алана Баллока Гитлер, стр. 705, 709, и мнение Шверина-Крозига можно найти в книге Ширера Конец берлинского дневника, стр. 203.

152

Это утверждение Вайнокура впервые было опубликовано Эваном Батлером в 1963 году в книге Агент-дилетант. Эван Батлер поведал также историю (стр. 157 и далее) о напечатанных в Лондоне фальшивых немецких почтовых марках с номинальной стоимостью 20 пфеннигов. Вместо Гитлера на них был изображен Гиммлер, и агентам было поручено распространить эти марки в Германии в последние месяцы войны. После войны американские коллекционеры предлагали по 10 000 долларов за погашенные копии этих марок. Сам Эван Батлер «раздобыл» через агента 150 страниц печатной копии дневников Шелленберга. Эти страницы были микрофильмированы, и Батлер перевел дневники для Министерства иностранных дел в Лондоне. (См. стр. 182–183).

153

Ханна Райч. См. книгу Ширера Конец берлинского дневника, стр. 168–169.

154

В своем завещании, продиктованном и подписанном на рассвете 29 апреля, Гитлер совершенно ясно высказывается о предательстве Гиммлера: «Перед своей смертью я изгоняю из партии и лишаю всех должностей бывшего Рейхсфюрера СС и Рейхсминистра иностранных дел Генриха Гиммлера. Вместо него я назначаю Рейхсфюрером СС и Начальником Германской полиции гауляйтера Карла Ханке, а Рейхсминистром иностранных дел — гауляйтера Поля Гейслера».

155

Утром 30 апреля Дениц встретился с Гиммлером, и они обсуждали, как предотвратить сдачу Гамбурга английским войскам. В конце концов Дениц сам послал депешу гау-ляйтеру Гамбурга Кауфману, сочтя Гиммлера слишком жалким и непрактичным.

В автобиографии Деница (*Zehn Jahre und zwanzig Tage* (1958), стр. 439 и далее) можно найти подробное описание его дел с Гиммлером, данное им самим. В первую очередь он упоминает встречу с Гиммлером 28 апреля в Рейнсберге, на которой Гиммлер прямо спросил, можно ли «на него рассчитывать» в случае, если Гиммлер унаследует власть Гитлера. Дениц ответил, что поддержит любое законное правительство, лишь бы остановить кровопролитие. Он также утверждает, что 30 апреля получил сообщение от Бормана, непосредственно касающееся Гиммлера: «Готовится новая измена. Согласно вражеским радиопередачам, Гиммлер через шведов предложил капитуляцию. Фюрер предлагает вам принять меры против всех предателей — быстрые, как молния, и твердые, как сталь. Борман». Дениц отмечает, что был не в силах выступить против Гиммлера, все еще окруженного войсками СС и полицией. Он говорит, что 30 апреля снова встретился с Гиммлером в полицейском участке Любека, поскольку, по его собственным словам, «хотел узнать, что он замышляет». Гиммлер долго его не отпускал и, вообще, вел себя так, как будто уже был фюрером. Однако встреча проходило довольно тепло. Гиммлер отрицал любую связь с союзниками. И только уже после этой встречи Дениц узнал от Бормана, что именно он унаследует власть.

По словам Деница, эта встреча состоялась в полночь в Плоене. Гиммлер прибыл в сопровождении шестерых вооруженных офицеров. Дениц утверждал, что принял его, спрятав под бумагами заряженный пистолет. Весть о разжаловании привела Гиммлера в ужас.

157

Ханна Райч записала свой разговор с Гиммлером, состоявшийся сразу же после получения известия о смерти Гитлера, в котором, как она заявляет, она открыто обвинила Гиммлера в измене. Гиммлер даже не пытался отрицать свое участие в переговорах. Напротив, он якобы заявил, что Гитлер был сумасшедшим, и эти переговоры войдут в историю, как попытка спасения Германии без дальнейшего кровопролития. См. книгу Ширера Конец берлинского дневника, стр. 171–172.

158

Дегрель сам описал эту встречу в своей книге Die verlorene Legion. См. также С С, стр. 442–443.

159

В разговоре с Х. Ф. Бест сам рассказал об этой встрече. Заботу Гиммлера о своих секретаршах подтвердила Х. Ф. Дорис Мехнер. Она также вспомнила сцену прощания, произошедшую несколькими днями позже. Он поблагодарил ее и посоветовал вернуться в Баварию и отдохнуть. Вскоре, сказал он, они снова встретятся, и тогда придется хорошо поработать.

160

Разговор Шверин-Крозига с Х.Ф.

161

Копия этой записки была найдена в одной из папок Деница.

Согласно профессору Тревор-Роперу, до сих пор не ясно, действительно ли оригинал был вручен Гиммлеру, и говорил ли ему об отставке лично Дениц. (См. *Последние дни Гитлера*, стр. 246, примечание.) Дениц не проясняет этого в своих мемуарах, но утверждает, что если бы знал о жестокостях, творящихся в концентрационных лагерях, то никогда бы не отпустил Гиммлера. (См. стр. 466–468) «Теперь я более ясно осознаю темную сторону национал-социализма, — писал он, — и поэтому изменил свое отношение к созданному им государству».

В настоящее время это заведение в Арользене стало штаб-квартирой службы розыска Международного Красного Креста, финансируемой правительством Бонна.

Подробности этого путешествия мы узнали благодаря Йозефу Кермайеру, который сопровождал Гиммлера почти до самого его ареста англичанами. Кермайер вспомнил, как предложил Гиммлеру лететь на юг, пока у них еще был самолет. Тогда они, по крайней мере, смогли бы еще встретиться со своими женщинами. Гиммлер отклонил это предложение на том основании, что в столь тяжелые времена мужчины не должны думать лишь о своих личных интересах.

Информация об этих событиях получена от полковника Майкла Мерфи и капитана Тома Сильвестра.

165

Эти факты взяты из выступления старшего сержанта Остина на Би-би-си, в программе Честера Уилмота, которую тот вел из Люнебурга 24 мая 1945 гола, вскоре после смерти Гиммлера.

166

Полковник Мерфи писал, что, пытаясь спасти Гиммлера, он «крикнул, чтобы принесли иголку с ниткой, что и сделали с невероятной скоростью. Я проткнул язык и с помощью продетой сквозь него нитки вытянул язык наружу и так его держал». Поскольку в нормальных условиях цианид вызывает мгновенную смерть, несомненно, что долгая агония Гиммлера была вызвана попытками предотвратить проникновение яда в организм. После смерти Гиммлера, сказал полковник Мерфи, прошло еще не менее двадцати четырех часов, прежде чем русские прислали своих представителей осмотреть тело и «с неохотой» пришли к выводу, что «это *может быть* Гиммлер». Лишь по завершении расследования тело Гиммлера захоронили. Гебхарда Гиммлера, который был в это время на юге, не привозили для опознания тела, как утверждает Фришхауер в своей книге на стр. 257. Гебхард Гиммлер подтвердил это в разговоре с Х.Ф.

Полковник Мерфи дал несколько интересных уточнений по поводу капсулы с ядом. Гиммлер, сказал он, в его присутствии не ел, «поэтому я ничуть не сомневаюсь, что с момента, когда я впервые его встретил, и до самой смерти, он держал капсулу во рту». Насколько я припоминаю, та капсула, что мы нашли в его одежде, была сделана из тонкого металла — достаточно крепкого, чтобы выдержать осторожное жевание и воздействие жидкости, особенно, если жевать на другую сторону, но недостаточно крепкого, чтобы выдержать намеренное перекусывание. По-моему, смерть наступила примерно в полночь 23–24 мая, хотя точно я не уверен. Гиммлер сохранял самоуверенность и высокомерие до самого конца. Он ничуть не сомневался, что ему устроят встречу с Монтгомери, и был удивлен моим жестким обращением, когда я отослал телохранителей и обыскал его. Мне следовало принять немецкого генерала с большими почестями!»

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Мы хотим выразить благодарность Карлу Кауфманну, бывшему гауляйтеру Гамбурга, за его описание ареста Гиммлера. Утром 23 мая Кауфманн вместе с Брандтом и другими пленными стояли у колючей проволоки лагеря 031 в Колькхагене, неподалеку от Нинбурга на реке Везер. Они наблюдали за приездом грузовиков из лагеря Феллингбоздель (в Люнебургской степи). Среди вышедших оказался Гиммлер, без усов и с повязкой на глазу. Он стоял в правом крыле группы, одетый в сапоги, серые полевые брюки и в какой-то гражданский пиджак. Он не узнал ни Кауфманна, ни других, но они увидели, как внезапно он спрятался за кустом рододендронов и снял с глаза повязку. Почти сразу же он появился снова, уже в очках, и тут же стал похожим на себя. По мнению Кауфманна, это был тот самый момент, когда он решил себя выдать. Через несколько минут поднялась изрядная суматоха, появились дополнительные охранники с автоматами и пулеметами, а на ворота поставили дополнительных часовых. Вскоре во всем лагере наблюдалось возбуждение. Похоже, англичане были очень довольны, что среди пленных оказался Гиммлер.